Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования
ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ХРЕСТОМАТИЯ

ПО

ФИЛОСОФИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Для магистров
всех направлений подготовки

Под редакцией
проф. А. Н. Чумакова

Москва
Проспект
2016

УДК 1(07)
ББК 87
Ф 56

Рецензенты:

Пляйс Я. А., доктор политических наук, профессор

Сорокин Д. Е, доктор экономических наук, профессор, член-корр. РАН

Шестопал А. В., доктор философских наук, профессор

Авторы-составители:

Чумаков А. Н., доктор философских наук, профессор — редактор

Волобуев А. В., кандидат философских наук, доцент

Деникин А. В., доктор философских наук, профессор

Деникина З. Д., доктор философских наук, профессор

Зорина Е. В., доктор философских наук, профессор

Зуев К. А., доктор философских наук, профессор

Иоселиани А. Д., доктор философских наук, профессор

Махаматов Т. М., доктор философских наук, профессор

Омарова Л. Б., ассистент

Панов Е. Г., кандидат философских наук, доцент

Ратников В. П., доктор философских наук, профессор

Силичев Д. А., доктор философских наук, профессор

Трофимова Р. П., доктор философских наук, профессор

Чернышова Л. И., кандидат философских наук, доцент

Хрестоматия по философии**: у**чебное пособие / под ред. А. Н. Чумакова. М.: Проспект, 2016. — 000 с.
ISBN 000-0-0000-0000-0

Хрестоматия содержит избранные тексты, фрагменты и выдержки из оригинальных произведений наиболее известных и авторитетных философов, работы которых являются лучшей частью богатейшего наследия мировой философской мысли. Выполненная в виде учебного пособия, хрестоматия является дополнением к вышедшему в 2016 г. в издательстве «Проспект» учебнику для магистров «Практическая философия» и воспроизводит его структуру. Книга призвана приобщить изучающих философию не только к самому предмету, но и к лучшим образцам философского творчества, без знания которого не может быть по-настоящему образованного и высоконравственного специалиста в любой области современного знания.

Рекомендуется для магистров, аспирантов, преподавателей и всех интересующихся проблемами философии.

УДК 1(07)

ББК 87

ISBN 000-0-0000-0000-0

© Авторский коллектив, 2016

© ООО «Издательство Проспект», 2016

Предисловие

Часть I
Философия: единство теории и практики

1.1. Профессиональная картина мира: мировоззренческие основания
1.2. Философия культуры в профессиональной деятельности
1.3. Профессиональная этика и деловой этикет
1.4. Философия экономики: анализ социальной реальности
1.5. Культурно-цивилизационные аспекты профессиональной деятельности
1.6. Философские и социальные проблемы информационного общества

Часть II
Прикладные аспекты практико-ориентированной философии

2.1. Темы для направлений магистратуры:
«Экономика», «Финансы и кредит», «Государственный аудит»
2.2. Темы для направлений магистратуры:
«Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление»
2.3. Темы для направлений магистратуры:
«Бизнес-информатика», «Прикладная математика и информатика», «Прикладная информатика»
2.4. Темы для направления магистратуры:
«Юриспруденция»
2.5. Темы для направлений магистратуры:
«Социология», «Политология»

Предисловие

Философия является важнейшей составной частью в системе высшего образования. Первое знакомство студентов с этой дисциплиной в российских вузах происходит на уровне бакалавриата. Здесь они получают знания по истории философии, рассматривают основные философские проблемы, получают навыки самостоятельного критического мышления, делают важные шаги по выработке собственной философской позиции. Следующая ступень высшего образования — магистратура, где на базе общих знаний, полученных в бакалавриате, формируются особые навыки специалиста в той или иной области. На этой ступени обучения особую ценность обретают уже прикладные аспекты философии, умение на практике применять полученные знания, теоретические положения, наконец, опыт и мудрость предшествующих поколений, почерпнутые из лекций и всевозможных источников.

И вполне очевидно, что, читая учебную литературу, слушая лекции, студент смотрит на ту или иную проблему сквозь призму соответствующей интерпретации, которая представлена лектором или автором текста. Конечно, это важный и необходимый момент овладения философской культурой, но совершенно недостаточный, особенно в современной быстро меняющейся жизни. Чтобы овладеть прочными знаниями, развить способность к критическому мышлению, сформировать собственное мнение и убедительно отстаивать его в любой аудитории, студенту необходимо обратиться к первоисточникам, к оригинальным текстам мыслителей различных школ и эпох. Такое прикосновение к оригинальным текстам имеет ту ценность, что только в них содержатся первоначальные, фундаментальные и безусловные положения той или иной философской концепции. Первоисточники непосредственным образом выражают позицию автора, которая не искажается ничьей интерпретацией и не дополняется каким-то иным

субъективным объяснением и пониманием. К тому же, поскольку философия изначально сопряжена с любовью к мудрости, для того чтобы приобщиться к процессу постижения этой мудрости, проникнуть в загадочную лабораторию творческой мысли того или иного философа, опять-таки необходимо обратиться к самому первоисточнику.

Но философское наследие столь обширно, а многообразие тем и философских концепций так велико, что самостоятельно, не имея должных навыков, отобрать наиболее важные тексты по той или иной теме просто невозможно. Для этого необходим хороший путеводитель, содержащий указания на то, что именно по конкретной теме следует прочитать в первую очередь. Настоящая хрестоматия, написанная в качестве дополнения к учебнику для магистратуры «Практическая философия»[1], как раз и призвана помочь изучающим философию решить эту задачу. Она составлена преподавателями кафедры «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ и содержит избранные фрагменты и выдержки из оригинальных произведений философов, работы которых являются лучшей частью философского наследия прошлых веков и современности.

Структура хрестоматии соответствует структуре упомянутого учебника. Вместе с тем объем и разнообразие включенных в нее текстов позволяют достаточно эффективно использовать данную книгу при работе практически с любым современным учебником по философии. Важно отметить то, что хрестоматия может рассматриваться и как самостоятельное учебное пособие. В нем достаточно основательно представлены все необходимые структурные элементы, разделы и дидактические единицы учебника, направленного на решение конкретных задач. При этом тексты подобраны таким образом, чтобы дать представление об основных разделах и наиболее важных проблемах современной практической философии.

Оригинальность и новизна настоящей хрестоматии состоит в том, что в ней даны многие не представленные в других хрестоматиях по философии

[1] Практическая философия. Учебник для магистров: учебник / под ред. А. Н. Чумакова. М., 2016.

тексты, а также содержатся фрагменты и выдержки из произведений, позволяющих увидеть роль и значение философии для решения прикладных задач в конкретных областях научного знания. Речь идет, таким образом, о новизне самой структуры хрестоматии, которая позволяет наиболее оптимальным способом раскрыть многообразное содержание философского знания в контексте его применимости в той или иной сфере практической деятельности.

Хрестоматия содержит две части: «Философия: единство теории и практики» и «Прикладные аспекты практико-ориентированной философии».

В первой части содержится шесть лекций, посвященных различным аспектам философского знания в его связи с практической деятельностью в самом широком смысле этого слова. В этих лекциях читатель не только увидит практическое значение теоретического знания, но и найдет ответы на такие вопросы:

— что такое профессиональная картина мира?

— какую роль играет культура в профессиональной деятельности?

— как соотносятся профессиональная этика и деловой этикет?

— в чем заключается философия экономики?

— с какими социальными проблемами сталкивается информационное общество?

В качестве ответов на эти вопросы в хрестоматии приводятся тексты как всемирно известных классиков, так и авторитетных современных мыслителей. У читателя, таким образом, появляется реальная возможность сравнивать и анализировать разные, а порой и альтернативные позиции по рассматриваемой теме. Для студента это особенно ценно, поскольку дает возможность развивать философское мышление, усиливая его креативное и критическое начало.

Вторая часть хрестоматии составлена по пяти основным темам для различных направлений магистратуры, которые имеют место в Финансовом университете:

— «Экономика», «Финансы и кредит», «Государственный аудит»;

— «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление»;

— «Бизнес-информатика», «Прикладная математика и информатика»;

— «Юриспруденция»;

— «Социология», «Политология».

В этой части авторы данного издания постарались по возможности широко представить самые разные и наиболее важные первоисточники различных стран и эпох, в том числе и из отечественного теоретического наследия. Вполне естественно, что среди авторов текстов этой части хрестоматии читатель встретит уже упоминавшиеся выше имена, но тексты повторяющихся авторов, естественно, посвящены уже другим проблемам. Кроме того, здесь представлено много новых имен, связанных с современным этапом развития философского знания. Хрестоматия включает немало и других интересных фрагментов из наиболее важных произведений известных авторов. Это дает основание полагать, что каждый прикоснувшийся к этой книге так или иначе найдет в ней текст, соответствующий его интересам и интеллектуальным привязанностям.

Предлагаемое учебное пособие призвано не только приобщить обучающихся к лучшим образцам философского знания, но и сформировать у них навыки применения этих знаний на практике. Материалы хрестоматии могут быть использованы как при устном изучении тем и проблем практической философии, так и при написании письменных работ различного жанра: докладов, рефератов, эссе и т. д.

Коллектив авторов благодарит всех, кто принял непосредственное участие или оказал содействие в подготовке данного издания, и выражает особую признательность кандидату философских наук, доценту кафедры «Философия» Финуниверситета В. В. Волобуеву за его творческий вклад и организационные усилия при составлении макета.

Данное издание предназначено для обучающихся в магистратуре, но оно будет полезным также и для аспирантов, преподавателей и всех, кто

интересуется философией и ее прикладными аспектами в различных сферах профессиональной деятельности.

Часть I
ФИЛОСОФИЯ: ЕДИНСТВО ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

1.1. Профессиональная картина мира: мировоззренческие основания

Холтон Дж. **Концептуальная структура «картины мира» //** ***Холтон Дж.*** **Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26–58. http://psylib.ukrweb.net/books/holto01/txt04.htm.**

1. Поскольку поведение и поступки людей в гуще практической, пропитанной конфликтами социальной жизни не поддаются простому и однозначному объяснению, следует обратиться к одному важному выводу из научных исследований в области антропологии, психологии, социологии и истории науки, — а именно к выводу о том, что мнения и поступки людей в значительной степени направляются и диктуются некой моделью мира. Эта модель — как правило, в целом здравая и реалистическая — обобщая опыт и сокровенные убеждения человека и выполняя роль своеобразной *ментальной карты, с которой он сверяет свои поступки и ориентируется среди вещей и событий реальной жизни*.

2. Сочетание базовых убеждений и представлений, образующих ментальную карту мира индивида, совсем не обязательно представляет собой непротиворечивую взаимосогласованную систему. Напротив, в норме чаще всего это сочетание содержит в себе *внутренние противоречия*, доходящие до самых нелепых и гротескных форм. Но при этом, однако, убоявшаяся система взглядов, как правило, сопротивляется попыткам рационального пересмотра их на предмет нормализации и устранения противоречий. Из исторических примеров вспоминаются: американская практика рабовладения XVIII–XIX вв., уживавшаяся с верой в то, что «все люди рождаются равными», участие в нацистском геноциде опытных и искусных врачей,

мнящих себя «целителями общества».

3. Индивидуальный комплекс базовых убеждений не обязательно является *неизменным и стабильным* во времени. Он способен к значительным изменениям. Нередко люди совершают духовную эволюцию, преодолевая барьеры между радикально различными системами убеждений. Так, например, императрица Екатерина II в молодости считала себя преданной «ученицей» Вольтера и идей Просвещения; позднее же она как-то под горячую руку велела выбросить его бюст на чердак.

4. Для обозначения совокупности личных базовых представлений о мире, составляющих его идеализированную модель, давно уже найдены удачные, но в наши дни (по крайней мере в английском языке) несколько затертые и потускневшие термины «мировоззрение» и «картина мира».

5. Между любыми двумя индивидуальными картинами мира могут устанавливаться (хотя бы временно) отношения либо *совместимости*, либо *противоречия*, либо они могут быть «ортогональны» друг к другу.

6. Для каждого конкретного исторического момента времени и в конкретных культурных условиях справедливо, что отдельные элементы частично совпадающих, совместимых индивидуальных картин мира сохраняют свою качественную специфику и относительную самостоятельность. Для сравнения можно сопоставить взгляды участников экологического движения и энтузиастов «высокого соприкосновения»; «традиционалистов» и «индивидуалистов»; людей, «ориентирующихся на семью» и «ориентирующихся на карьеру» и т. п.

7. В силу того что каждая картина мира состоит из множества разнообразных элементов и допускает широкое многообразие своих индивидуализированных вариантов, ни один из этих вариантов не может рассматриваться в качестве «чистого» случая.

8. Все индивидуальные картины мира, включая и их концептуальное, «научное» ядро, действенны и функциональны только в том случае, если мир воспринимается и деятельность их носителя строится на их собственном,

внутреннем языке, — хотя со стороны, с точки зрения какой-то другой картины мира, она может быть сочтена непригодной даже для решения тех проблем, на которые была изначально призвана дать ответ. Так, например, в навигации местоположение корабля по-прежнему определяется и рассчитывается на основе геоцентрической картины мира. Культура Зинекантеко Майя в Мексике располагает удовлетворяющей ее носителей «теорией» землетрясений, согласно которой неожиданные толчки земной коры производятся движением плеч четырех гигантов, на которых, как они верят, покоится кубическая земная твердь. Наукообразные идеи в сильной степени «пронаучно» ориентированных детей, а также «научно безграмотных» взрослых подчас образуют запутанную, но вполне «работающую» версию некой первобытной науки.

9. Как я уже подчеркивал, никакая картина мира на самом деле не является *антинаучной в подлинном смысле этого слова*, поскольку всегда включает в себя в качестве базового компонента рабочую прототеорию о природе физической и биологической реальности.

10. Главнейшая функция картины мира состоит в том, что она выполняет роль *связующей силы, направленной на консолидацию человеческого сообщества*, на руководство его жизнедеятельностью. Как отмечал Э. Эриксон, «мировоззрение представляет собой универсальную, всеобъемлющую концепцию, которая (если она исторически жизненна) интегрирует, организует коллективное воображение. Согласно этой формуле мировоззрение фокусирует и дисциплинирует внимание людей на отборе существенных для жизни достоверных фактов; оно усиливает коллективное сознание, расширяет его горизонт, направляет его на осмысление исторических реалий, активизирует чувство социальной солидарности, укрепляет и стимулирует волю к труду. В совокупности все эти свойства картины мира позволяют объяснить многие исторические явления, о которых прежде можно было строить лишь интуитивные догадки».

Именно благодаря картине мира, считает Эриксон, «индивид обретает

горделивое чувство, будто он пребывает в центре, вокруг которого вращается весь мир, — чувство, придающее силы и уверенность в его делах и трудах». Аналогичным образом — и для научного, и для любого другого сообщества — мировоззрение, основанное на альтернативных по отношению к господствующим воззрениях, выполняет ту же функцию фактора сплочения, консолидации и санкции на деятельность.

11. Самоопределение и самоутверждение как индивидуальных, так и коллективных картин мира осуществляется путем *противопоставления альтернативным образам мира*. Этот фундаментальный факт, справедливый уже для лексических единиц в процессе построения какого-либо тезауруса, хорошо известен историкам науки, которые установили, что на протяжении вот уже нескольких столетий все научные картины мира утверждались и утверждаются путем резкой демаркации и размежевания со своими оппонентами, в роли которых нередко выступали их же предшественники. Примером может служить историческая последовательность «ньютонианство — романтизм — механицизм — электромагнетизм — релятивизм — эмпирицизм».

12. *Научная картина мира*, независимо от того, насколько она «адекватна» или «современна», обязательно *входит в качестве элемента в общую картину мира индивида*.

13. Как правило, всегда есть некая *правдоподобная взаимосвязь*, некий механизм взаимоотношения *между общемировоззренческими и научно-техническими элементами индивидуальной картины мира*…

16. Картина мира, в которой отсутствуют характерные черты, присущие стандартной картине мира западной науки, как правило, будет восприниматься в качестве альтернативной со стороны той картины мира, в которой эти элементы или черты присутствуют.

17. При этом, однако, ситуация оказывается симметричной: каждая из двух таких картин мира будет альтернативной — контрагентом по отношению к другой…

19. В центре каждой картины мира, образуя ее важнейшую в эпистемологическом смысле когнитивную структуру, находится *совокупность тематических категорий и допущений:* они по большей части носят характер бессознательно принятых, непроверяемых квазиаксиоматических базисных положений, утвердившихся в практике мышления в качестве его руководящих и опорных средств. Примерами таких тем, тематических гипотез и тематических предпосылок в специфическом горизонте научной картины мира могут служить следующие схемы: «иерархия/редукционизм — целостность/холизм»; «физические и математические» модели; «витализм — материализм»; «эволюция — статизм — регресс». В религиозной картине мира, как считают Герхарт и Рассел, отсчет «религиозных тематизмов» должен, очевидно, «начинаться с того, что известно под именем “традиционной доктрины”: Бог, благодать, грех. Переосмысленные в философском ключе, в частности Кантом, они предстали как темы Бога, свободы, бессмертия. В свете запросов современности это может уже выглядеть так: духовность, человечество, Вселенная. Такая триединая тематическая схема, многообразно варьируемая, достаточно репрезентативна, хотя, конечно, далеко не исчерпывает всего содержания этой сферы…».

21. Картина мира и соответствующая ей альтернативная контркартина могут быть взаимно несовместимыми. Но при этом между ними не обязательно должны существовать отношения *логической несоизмеримости*. Так, например, почти полное расхождение во взглядах К. Сагана, активного сторонника экологического движения, и Э. Теллера, который, в свою очередь, с энтузиазмом верит в технологический прогресс, не мешает им, вообще говоря, вести осмысленный спор и хорошо понимать смысл идей, целей и аргументов друг друга.

22. *Пластичность* тематического каркаса. Подобно тому как индивидуальные представления о мире со временем могут изменяться, тематический состав коллективной картины мира может *претерпевать*

изменения во времени. Другими словами, влияние тематического состава мировоззрения данного сообщества может ослабевать в одной из составляющих его картин мира, при том, однако, что в другом сообществе, картина мира которого построена на антитематической схеме, эта схема сохраняет свою устойчивость и значение. Таким образом, может оказаться, что кажущаяся «новой» картина мира состоит из выдвинутых на центральные позиции положений, которые в действительности вошли в оборот некогда прежде и в контексте иной картины мира. Важным примером в этом случае служит принятие в 1979 г. папой Иоанном-Павлом II многих из тех положений, которые были отвергнуты церковью еще со времен суда над Галилеем, — включая сюда признание автономии и равного с верой статуса научного знания и научных открытий.

23. Как для индивидуальных, так и для коллективных картин мира иногда возможно проследить *корреляции между изменениями в их тематическом составе*, с одной стороны, а с другой — *изменениями во внешних социальных условиях* (политика, экономика и т. п.), которые подтверждают либо ставят под сомнение адекватность и дееспособность принятой картины мира. Здесь можно напомнить о широком распространении коперниканской картины мира в условиях освоения и изучения Нового Света; о «контрперестройке» Екатерины II в свете событий Великой Французской революции; о подъеме антинаучных настроений в США во времена Великой депрессии и вьетнамской войны.

24. Помимо прочего, изменения в тематическом составе принятой картины мира нередко обнажают и заостряют *заложенные в ней внутренние противоречия*. несообразности всякого рода, конфликты. Так, подъем антинаучных настроений в Германии, потерпевшей поражение в Первой мировой войне, сочетался с расцветом холизма; недолгий всеобщий энтузиазм по поводу «атомной победы» и величия науки надолго сменился процессом покаяния и осуждения подобных настроений в постхиросимную эпоху; бурный выход на поверхность до того подавляемых и скрываемых

этнических, религиозных, националистических чувств и притязаний на волне крушения и демонтажа небезызвестных государственных идеологий в странах Восточной Европы…

26. Очень трудно правильно понять суть картины мира, доминирующей в обществе или в какой-то из его социальных групп, если предварительно не изучена специфическая предыстория этого общества или этой группы…

27. И, наконец, последнее (опять-таки по порядку, а не по значению): как в личностной, так и в коллективной картине мира между их *научными и политическими компонентами существует обоюдное стремление к взаимной согласованности и взаимоукрепляющей поддержке.* Эта тенденция способна благоприятно сказаться на внутренней консолидации картины мира как целого, при условии, однако, что структуры самих этих компонентов хорошо упорядочены внутри себя. Но возможен и обратный эффект — когда целое становится более рыхлым и податливым к внешнему давлению, когда его составные части сами хаотичны, нестабильны, слабо структурированы. В этом случае сохраняется угроза неожиданных и катастрофичных для целостности мировоззрения поворотов и метаний.

Витгенштейн Л. **Логико-философский трактат. М., 2008. С. 32–36, 44–52, 72–74, 76–80, 218.**

Впервые в России публикуются в одном томе четыре варианта одного из самых знаменитых и влиятельных философских произведений XX в. — немецкий оригинал, два ставших классическими английских перевода и русский перевод — исправленная и дополненная версия перевода 1958 г.

Предисловие

Эту книгу поймет лишь тот, кто уже сам продумывал мысли, выраженные в ней, или весьма похожие. Следовательно, эта книга — не учебник. Ее цель будет достигнута, если хотя бы одному из тех, кто прочтет

ее с пониманием, она доставит удовольствие.

Книга обсуждает философские проблемы и показывает, как я полагаю, что постановка этих проблем основывается на неправильном понимании логики нашего языка. Весь смысл книги можно выразить приблизительно в следующих словах: то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать.

Следовательно, книга хочет поставить границу мышлению, или скорее не мышлению, а выражению мыслей, так как для того, чтобы поставить границу мышлению, мы должны были бы мыслить обе стороны этой границы (следовательно, мы должны были бы быть способными мыслить то, что не может быть мыслимо).

Эту границу можно поэтому провести только в языке, и всё, что лежит по ту сторону границы, будет просто бессмыслицей…

Вена, 1918 г.

1. Мир есть всё то, что имеет место.

1.1. Мир есть совокупность фактов, а не предметов.

1.11. Мир определен фактами и тем, что это *все* факты.

1.2. Мир распадается на факты.

…

2.1. Мы создаем для себя образы (pictures) фактов.

2.11. Образ (картина) изображает положение вещей в логическом пространстве — существование или несуществование атомарных фактов.

2.12. Образ есть модель действительности (The picture is a model of reality).

2.13. Объектам соответствуют в образе элементы этого образа.

2.131. Элементы образа замещают в образе объекты.

2.14. Образ состоит в том, что его элементы соединяются друг с другом определенным способом.

2.141. Образ есть факт (The picture is a fact).

2.15. То, что элементы образа соединяются друг с другом определенным способом, показывает, что так же соединяются друг с другом и вещи.

Эта связь элементов образа называется его структурой, а ее возможность — формой отображения этого образа.

2.151. Форма отображения есть возможность того, что предметы соединены друг с другом так же, как элементы образа.

2.1511. Так образ связан с действительностью; он достает до нее.

2.1512. Он подобен масштабу, приложенному к действительности.

2.15121. Только самые крайние точки деления шкалы *касаются* измеряемого объекта.

2.1513. Согласно этому взгляду образу принадлежит также отношение отображения, которое и делает его образом.

2.1514. Отношение отображения заключается в соотнесении элементов образа и предметов.

2.1515. Эти соотнесения есть как бы щупальца элементов образа, которыми образ касается действительности.

2.16. Чтобы быть образом, факт должен иметь нечто общее с тем, что он отображает.

2.161. В образе и в отображаемом должно быть нечто тождественное, чтобы первый вообще мог быть образом второго.

2.17. То, что образ должен иметь общим с действительностью, чтобы он мог отображать ее на свой манер — правильно или ложно, — есть его форма отображения.

2.171. Образ может отображать любую действительность, форму которой он имеет.

Пространственный образ — всё пространственное, цветной — всё цветное и т. д.

2.172. Но свою форму отображения образ не может отображать. Он ее обнаруживает.

2.173. Образ изображает свой объект извне (его точка зрения есть его форма отображения), поэтому образ отображает свой объект правильно или ложно.

2.174. Но образ не может выйти за пределы своей формы изображения.

2.18. То, что каждый образ, какой бы формы он ни был, должен иметь общим с действительностью, чтобы он вообще мог ее отображать — правильно или ложно, — есть логическая форма, т. е. форма действительности.

2.181. Если форма отображения является логической формой, то образ называется логическим.

2.182. Каждый образ есть также логический образ. (Напротив, не каждый образ есть, например, пространственный образ.)

2.19. Логический образ может отображать мир.

2.2. Образ имеет общим с отображаемым логическую форму отображения.

…

2.21. Образ соответствует или не соответствует действительности, он верен или неверен, истинен или ложен.

2.22. Образ изображает то, что он изображает, независимо от своей истинности или ложности, через форму отображения.

2.221. То, что образ изображает, есть его смысл.

2.222. Истинность или ложность образа состоит в соответствии или несоответствии его смысла действительности.

2.223. Чтобы узнать, истинен или ложен образ, мы должны сравнить его с действительностью.

2.224. Из образа самого по себе нельзя узнать, истинен он или ложен.

2.225. Нет образа, истинного априори.

3. Логический образ фактов есть мысль.

…

3.01. Совокупность всех истинных мыслей есть образ мира (The totality

of true Thoughts is a picture of the world).

3.02. Мысль содержит возможность того положения вещей, которое в ней мыслится. То, что мыслимо, также возможно.

…

4. Мысль есть осмысленное предложение.

4.001. Совокупность предложений есть язык.

4.002. Человек обладает способностью строить язык, в котором можно выразить любой смысл, не имея представления о том, как и что означает каждое слово, — так же как люди говорят, не зная, как образовывались отдельные звуки.

Разговорный язык есть часть человеческого организма, и он не менее сложен, чем этот организм.

Для человека невозможно непосредственно вывести логику языка.

Язык переодевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме переодетой мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаруживать форму тела.

Молчаливые соглашения для понимания разговорного языка чрезмерно усложнены.

…

4.01. Предложение — образ действительности (The proposition is a picture of reality).

Предложение — модель действительности, как мы ее себе мыслим.

…

4.021. Предложение есть образ действительности, потому что я знаю представленное им положение вещей, если я понимаю данное предложение. И я понимаю предложение без того, чтобы мне был объяснен его смысл.

4.022. Предложение *показывает* свой смысл.

Предложение *показывает*, как обстоит дело, если оно истинно. И оно *говорит, что* дело обстоит так.

4.023. Предложение должно определять действительность до такой

степени, чтобы достаточно было сказать «да» или «нет» для приведения его в соответствие с действительностью.

Для этого действительность должна полностью описываться им.

Предложение есть описание атомарного факта.

Как описание объекта описывает его по его внешним свойствам, так предложение описывает действительность по ее внутренним свойствам.

Предложение конструирует мир с помощью логических строительных лесов, поэтому в предложении можно также видеть, как обстоит дело со всем логическим, когда это предложение истинно. Можно *делать выводы* из ложного предложения.

4.024. Понять предложение — значит знать, что имеет место, когда оно истинно.

(Следовательно, можно его понимать, не зная, истинно оно или нет.)

Предложение понято, если поняты его составные части.

4.025. Перевод одного языка в другой происходит не так, что каждое *предложение* одного языка переводится в *предложение* другого; переводятся только составные части предложения.

(И в словаре переводятся не только существительные, но и глаголы, прилагательные, союзы и т. д.; и они все трактуются одинаково.)

4.026. Значения простых знаков (слов) должны быть нам объяснены, чтобы мы их поняли. Но мы объясняемся при помощи предложений.

4.027. Для предложения существенно то, что оно может сообщать нам новый смысл.

4.03. Предложение должно в старых выражениях сообщать нам новый смысл.

Предложение сообщает нам положение вещей, следовательно, оно должно быть существенно связано с этим положением вещей. И связь состоит именно в том, что оно является логическим образом этого положения вещей.

Предложение высказывает нечто лишь постольку, поскольку оно есть

образ (picture).

…

7. О чем невозможно говорить, о том следует молчать.

Бердникова Д. В. **Языковая картина мира как часть концептуальной картины мира // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах. М., 2012. С. 271–278. https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/60737810.**

Человек как субъект познания является носителем определенной системы знаний, представлений, мнений об объективной действительности. Эта система в разных науках имеет свое название — картина мира (или концептуальная система мира, модель мира, образ мира) и рассматривается в разных аспектах.

Языковая картина мира — это отраженный средствами языка образ сознания — реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком. Языковую картину мира принято отграничивать от концептуальной, или когнитивной, модели мира, которая является основой языкового воплощения, словесной концептуализации знаний человека о мире[2].

Языковую, или наивную, картину мира также принято интерпретировать как отражение обиходных, обывательских представлений о мире. Идея наивной модели мира состоит в следующем: в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. Ю. Д. Апресян языковую картину мира называет наивной в том смысле, что научные определения и языковые толкования не всегда совпадают по объему

[2] *Ладо Р.* Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 34–35.

и даже содержанию[3]. Концептуальная картина мира, или «модель» мира, в отличие от языковой, постоянно меняется, отражая результаты познавательной и социальной деятельности, но отдельные фрагменты языковой картины мира еще долго сохраняют пережиточные, реликтовые представления людей о мироздании.

Среди большого разброса мнений о сущности понятия «языковая картина мира» бесспорным остается то, что языковое членение мира отличается у разных народов. В процессе деятельности в сознании человека возникает субъективное отражение существующего мира. Человек осваивает язык так же, как и окружающую действительность; при этом наряду с логической (понятийной) картиной мира возникает и языковая, которая не противоречит логической, но и не тождественна ей.

Р. И. Павилёнис использовал понятие «концептуальная система» для обозначения понятийной картины мира. Концептуальная система формируется в процессе освоения индивидом мира, в ней находит свое отражение национальная духовная деятельность народа. Средством обнаружения содержания концептуальной системы является язык, который фиксирует специфические знания, характерные для данной общности.

Компонентом концептуальной системы, отражающим ее национальную специфику, является концепт (смысл) — когнитивная структура, являющаяся результатом отражения фрагмента действительности. В концепте зафиксировано разного рода содержание: понятийное, вербальное, ассоциативное, культурологическое и др. Поэтому межъязыковое сопоставление концептов способствует выявлению национального и интернационального компонентов в содержании концептуальной системы носителей различных языков. Ментальное различие определяется наличием специфических национальных концептов, входящих в культуру[4]. В силу универсальности способов познания окружающего мира содержание

---

[3] *Апресян Ю. Д.* Избранные труды: в 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 357.

[4] *Павилёнис Р. И.* Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка. М., 1983. С. 286.

понятийного компонента у носителей разных языков будет иметь большое сходство.

Кроме того, в целом ядерные компоненты разнокультурных концептов в большей степени совпадают, национальная же специфика проявляется на периферийных участках и в культурологическом компоненте концепта… Выявление национальной специфики фрагментов концептуальной системы, которая зависит от специфики деятельности ее носителей, культурных, географических и др., осуществляется на основе анализа некоторых концептов.

Национальное своеобразие концептуальной системы проявляется и в наличии тех или иных концептов, входящих в культуру. Совокупность таких концептов определяет специфику менталитета, а потому выявление их чрезвычайно важно не только для уяснения особенностей речепорождения, но и выявления специфики смыслообразования, что позволяет использовать полученные данные в социологии, политологии (этнической конфликтологии).

При межъязыковом сопоставлении концептов в их структуре обнаруживается устойчивое соотношение универсального и идиоэтнического компонентов, при этом понятийный компонент концепта, соотносимый носителями разных языков с одним и тем же фрагментом действительности, носит универсальный характер, а национально-культурная специфика проявляется в других компонентах…

Таким образом, концептуальная картина мира — это система информации об объектах, актуально и потенциально представленная в различной познавательной, практической деятельности индивида. Единицей информации такой системы является концепт, функция которого состоит в фиксации и актуализации понятийного, эмоционального, ассоциативного, вербального, культурологического и иного содержания объектов действительности, включенного в структуру концептуальной картины мира…

Как уже было отмечено выше, восприятие окружающего мира отчасти зависит от культурно-национальных особенностей носителей конкретного языка. Поэтому с точки зрения этнологии, лингвокультурологии и других смежных областей наиболее интересным является установление причин расхождений в языковых картинах мира… Можно выделить три главнейших фактора, или причины, языковых различий: природа, культура и познание… Природа — это, прежде всего внешние условия жизни людей, которые по-разному отражены в языках. Человек дает названия тем животным, местностям, растениям, которые ему известны, тому состоянию природы, которое он ощущает. Природные условия диктуют языковому сознанию человека особенности восприятия, даже таких явлений, каким является восприятие цвета. Обозначение разновидностей цвета часто мотивируется семантическими признаками зрительного восприятия предметов окружающей природы. С тем или иным цветом ассоциируется конкретный природный объект… Именно природа, в которой человек существует, изначально формирует в языке его мир ассоциативных представлений, которые в языке отражаются метафорическими переносами значений, сравнениями, коннотациями.

Второй фактор — культура… Результаты материальной и духовной деятельности, социально-исторические, эстетические, моральные и другие нормы и ценности, которые отличают разные поколения и социальные общности, воплощаются в различных концептуальных и языковых представлениях о мире. Любая особенность культурной сферы фиксируется в языке. Также языковые различия могут обуславливаться национальными обрядами, обычаями, ритуалами, фольклорно-мифологическими представлениями, символикой. Культурные модели, концептуализированные в определенных наименованиях, распространяются по миру и становятся известны даже тем, кто не знаком с культурой того или иного народа...

Что касается третьего фактора — познания, то следует сказать, что рациональные, чувственные и духовные способы мировосприятия отличают

каждого человека. Способы осознания мира не идентичны для разных людей и разных народов. Об этом говорят различия результатов познавательной деятельности, которые находят свое выражение в специфике языковых представлений и особенностях языкового сознания разных народов. Важным показателем влияния познания на языковые различия является то, что В. фон Гумбольдт назвал «различными способами видения предметов».

Следует учесть, что восприятие той или иной ситуации, того или иного объекта находится в прямой зависимости также и от субъекта восприятия, от его фоновых знаний, опыта, ожиданий, от того, где располагается он сам что непосредственно находится в поле его зрения. Это, в свою очередь, дает возможность описывать одну и ту же ситуацию с разных точек зрения, перспектив, что, несомненно, расширяет представления о ней. Каким бы субъективным ни был процесс «конструирования мира», он, тем не менее, самым непосредственным образом предполагает учет самых различных объективных аспектов ситуации, реального положения дел в мире; следствием же этого процесса является создание «субъективного образа объективного мира»…

При оценке картины мира следует понимать, что она — не отображение мира и не окно в мир; она является интерпретацией человеком окружающего мира, способом его миропонимания. Это означает, что мир для человека — это не только то, что он воспринял посредством своих органов чувств. Напротив, более или менее значительную часть этого мира составляют субъективные результаты осуществленной человеком интерпретации воспринятого. Поэтому говорить, что язык есть «зеркало мира», правомерно, однако это зеркало не идеально: оно представляет мир не непосредственно, а в субъективном познавательном преломлении сообщества людей.

Как видим, существует много интерпретаций понятия «языковая картина мира». Это обусловлено существующими расхождениями в картинах мира разных языков, так как восприятие окружающего мира зависит от

культурно-национальных особенностей носителей конкретного языка. Каждая из картин мира задает свое видение языка, поэтому очень важно различать понятия «научной (концептуальной) картины мира» и «языковой (наивной) картины мира»…

1.2. Философия культуры в профессиональной деятельности

***Аристотель.* Политика // *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 2012. С. 628–629. http://read-on-line.ru/politika-398.html.**

1. Едва ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этого нет, и самый государственный строй терпит ущерб. Ведь воспитание должно соответствовать каждому государственному строю; свойственный каждому государственному строю характер обыкновенно служит и сохранению строя, и с самого начала — его установлению, как, например, демократический характер — демократии, олигархический — олигархии; и всегда лучший характер обеспечивает лучший вид строя. 2. Далее, все способности и искусства требуют для применения их к соответствующей им работе предварительного воспитания и предварительного приучивания. Очевидно, всё это необходимо и для деятельности в духе добродетели. А так как государство в его целом имеет в виду одну конечную цель, то, ясно, для всех нужно единое и одинаковое воспитание, и забота об этом воспитании должна быть общим, а не частным делом, как теперь, когда всякий печется о своих детях частным образом и учит частным путем тому, что ему вздумается. Что имеет общий интерес, этим следует и заниматься совместно. Не следует, кроме того, думать, будто каждый гражданин сам по себе; нет, все граждане принадлежат государству, потому что каждый из них является частицей государства. И забота о каждой

частице, естественно, должна иметь в виду попечение о целом. 3. В этом отношении можно одобрить лакедемонян: они проявляют очень большую заботу о воспитании детей, и оно носит у них общественный характер.

Итак, ясно, что должны существовать законы, касающиеся воспитания, и последнее должно быть общим. Нельзя оставить невыясненным, что вообще представляет собой воспитание и как оно должно осуществляться. В настоящее время существует разногласие по поводу практики воспитания: не все согласны в том, чему должны учиться молодые люди и в целях развития в них добродетели, и ради достижения наилучшей жизни; не выяснена также и цель воспитания — развитие ли умственных способностей пли нравственных качеств. 4. Из-за характера обычного воспитания и обсуждение воспитания является беспорядочным, и остается совершенно невыясненным, нужно ли упражнять к том, что пригодно в практической жизни, пли в том, что направлено к добродетели, или, наконец, в том, что относится к отвлеченному знанию. Каждый из приведенных взглядов имеет своих защитников. Не пришли также ни к какому соглашению и насчет того, что же ведет к добродетели. Так как далеко не все ценят одну и ту же добродетель, то, естественно, расходятся и но вопросу об упражнении в ней.

Тайлор Э. Б. **Первобытная культура. М., 1989. С. 18–19. http://lib-ru.3dn.ru/publ/tajlor_ehduard_bernett_pervobytnaja_kultura/1-1-0-4595.**

Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества. Явления культуры у различных человеческих обществ, поскольку могут быть исследованы лежащие в их основе общие начала, представляют предмет, удобный для изучения законов

человеческой мысли и деятельности. С одной стороны, однообразие, так широко проявляющееся в цивилизации, в значительной мере может быть приписано однообразному действию однообразных причин. С другой стороны, различные ступени культуры могут считаться стадиями постепенного развития, из которых каждая является продуктом прошлого и в свою очередь играет известную роль в формировании будущего. Исследованию этих двух великих начал в различных этнографических областях мы и посвящаем настоящее сочинение. Особое внимание уделено при этом сопоставлению цивилизации отсталых народов с цивилизацией передовых народов.

Наши новейшие исследователи в отраслях науки, изучающих неорганическую природу, решительнее других признают, как в своих специальных областях, так и вне их, единство природы, незыблемость ее законов и определенную последовательность причин и следствий. В силу этой причинно-следственной связи каждый факт находится в зависимости от того, что было прежде, и действует на то, что должно быть потом. Они крепко держатся учения Пифагора о порядке, господствующем в строе Вселенной. Они утверждают вместе с Аристотелем, что в природе нет эпизодов, не связанных между собой, как это бывает в дурной трагедии. Они сходятся с Лейбницем в его аксиоме, что «природа никогда не действует скачками». Они принимают его великое положение, согласно которому «ничто не происходит без достаточной причины».

При изучении строения и жизни растений и животных или даже при исследовании низших функций человека эти руководящие идеи признаются почти в такой же степени. Однако когда дело доходит до высших процессов человеческого чувства, мысли и языка, знания и искусства, то преобладание получают совсем иные воззрения. Люди вообще еще слишком мало подготовлены к тому, чтобы считать изучение человеческой жизни отраслью естествознания и применять в широком смысле указание поэта «объяснять нравственные явления так же, как и явления природы». Многим развитым

умам кажется слишком претенциозным и отталкивающим воззрение, что история человечества есть часть или даже частичка истории природы, что наши мысли, желания и действия сообразуются с законами столь же определенными, как и те, которые управляют движениями волн, сочетанием химических элементов и ростом растений и животных.

Бердяев Н. А. **О культуре // Философия неравенства. М., 1990. С. 247–251. http://modernlib.ru/books/berdyaev_nikolay_aleksandrovich/filosofiya_neravenstva/read/**

В жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общественности. Давно уже происходящая в мире демократическая революция не оправдывает себя высокой ценностью и высоким качеством той культуры, которую она несет с собой в мир. От демократизации культура повсюду понижается в своем качестве и в своей ценности. Она делается более дешевой, более доступной, более широко развитой, более полезной и комфортабельной, но и более плоской, пониженной в своем качестве, некрасивой, лишенной стиля. Культура переходит в цивилизацию. Демократизация неизбежно ведет к цивилизации. Высшие подъемы культуры принадлежат прошлому, а не нашему буржуазно-демократическому веку, который более всего заинтересован уравнительным процессом. В этом плебейском веке натуры творческие и утонченно культурные чувствуют себя более одинокими и непризнанными, чем во все предшествующие века. Никогда еще не было такого острого конфликта между избранным меньшинством и большинством, между вершинами культуры и средним ее уровнем, как в наш буржуазно-демократический век. Ибо в прежние века конфликт этот ослаблялся более органическим складом культуры. Но в

культуре, утерявшей «органичность», отступившей от иерархического своего строения, в культуре, по своему строению «критической», этот конфликт становится невыносимо мучительным. Он вызывает невыразимую печаль лучших людей нашей эпохи. Вам, людям демократического духа, незнакома эта печаль и непонятно это зловещее чувство одиночества в современной культуре. Для вас культура лишь средство вашей политики и экономики, лишь орудие благоденствия, лишь культура для народа. Вы не в силах преодолеть своего исконного утилитаризма. И сколько бы вы ни пробовали украшать себя культурой, слишком видно и ясно, что никаких ценностей культуры для вас не существует, Вам нужна цивилизация как орудие вашего земного царства, но культура вам не нужна. Культура и цивилизация — не одно и то же. Культура родилась из культа. Истоки ее сакральны. Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной. Так было в великих древних культурах, в культуре греческой, в культуре средневековой, в культуре раннего Возрождения. Культура — благородного происхождения. Ей передался иерархический характер культа. Культура имеет религиозные основы. Это нужно считать установленным с самой позитивно-научной точки зрения. Культура символична по своей природе. Символизм свой она получила от культовой символики. В культуре не реалистически, а символически выражена духовная жизнь. Все достижения культуры по природе своей символичны. В ней даны не последние достижения бытия, а лишь символические его знаки. Такова же и природа культа, который есть прообраз осуществленных божественных тайн. Цивилизация не имеет такого благородного происхождения. Цивилизация всегда имеет вид parvenu. В ней нет связи с символикой культа. Ее происхождение мирское. Она родилась в борьбе человека с природой, вне храмов и культа. Культура всегда идет сверху вниз, путь ее аристократический. Цивилизация идет снизу вверх, путь ее буржуазный и демократический. Культура есть явление глубоко индивидуальное и неповторимое. Цивилизация же есть явление общее и повсюду

повторяющееся. Переход от варварства к цивилизации имеет общие признаки у всех народов, и признаки по преимуществу материальные, как, например, употребление железа и т. п. Культура же древних народов на самых начальных ступенях своих очень своеобразна и неповторимо индивидуальна, как культура Египта, Вавилона, Греции и т. п. Культура имеет душу. Цивилизация же имеет лишь методы и орудие.

Благородство всякой истинной культуры определяется тем, что культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами. Культура основана на священном предании. И чем древнее культура, тем она значительнее и прекраснее. Культура всегда гордится древностью своего происхождения, неразрывной связью с великим прошлым. И на культуре почиет особого рода благодать священства. Культура, подобно Церкви, более всего дорожит своей преемственностью. В культуре нет хамизма, нет пренебрежительного отношения к могилам отцов. Слишком новая, недавняя культура, не имеющая преданий, стесняется этого своего положения. Этого нельзя сказать про цивилизацию. Цивилизация дорожит своим недавним происхождением, она не ищет древних и глубоких источников. Она гордится изобретением сегодняшнего. У нее нет предков. Она не любит могил. Цивилизация всегда имеет такой вид, точно она возникла сегодня или вчера. Всё в ней новенькое, всё приспособлено к удобствам сегодняшнего дня. В культуре происходит великая борьба вечности с временем, великое противление разрушительной власти времени. Культура борется со смертью, хотя бессильна победить ее реально. Ей дорого увековечение, непрерывность, преемственность, прочность культурных творений и памятников. Культура, в которой есть религиозная глубина, всегда стремится к воскресению…

…Всякая культура имеет периоды своего цветения, своего высшего подъема. В начале развития культуры — варварство, в конце этого развития — упадочничество. Варварство и упадочничество с противоположных концов угрожают культуре. Всякая культура исчерпывает себя, иссякает и

склоняется к упадку. На вершине своей культура отрывается от онтологических своих основ, отделяется от жизненных своих истоков, утончается и начинает отцветать. Осень культуры — самая прекрасная и утонченная пора. Поздние цветы культуры — самые изысканные ее цветы. В это время в культуре достигается наибольшая острота познания и наибольшая сложность. Раздвоение упадочной культуры открывает многое, закрытое для более цветущих и здоровых культурных эпох. Эпохи утонченного декаданса культуры не так бесплодны, как это представляется на первый взгляд; в них есть и свое положительное откровение. Цветущая органическая цельность не дает знания противоположностей, она пребывает в одном и счастливо не знает другого. Слишком большое усложнение и утончение культуры нарушает эту цельность, выводит из счастливого неведения противоположностей. В искусстве, в философской мысли, в мистической настроенности раскрываются две полярные бездны. Приобретается более острое знание и добра, и зла. Но воля к жизни, к ее устроению и развитию не имеет прежней цельности. Появляется утонченная усталость. Нет уже веры в прочность культуры в этом мире, в достижимость совершенства и красоты цветущей культуры. Возрастает недовольство этим миром, тоска по мирам иным. Культура внутренне перегорает. В ней образуются материалы для нового мира, готовится новое откровение, новое пришествие. Так было в период упадка великой античной греко-римской культуры. В этом упадке приоткрылось что-то новое, неведомое эпохе расцвета цельной и замкнутой античной культуры. В здоровые, цветущие, цельные эпохи высокого подъема культуры всегда есть и какая-то ограниченность и самодовольство, довольство этим замкнутым миром. Мистическую тоску по мирам иным античный мир до глубины изведал лишь в период эллинистического упадочничества. Тогда началось мучительное искание искупляющих мистерий, тогда появились такие течения, как неоплатонизм и неопифагорейство. Тогда в искусстве обнаружили прорыв за пределы классического совершенства этого земного мира, придавленного

замкнутым куполом небес. И навстречу этой глубокой тоске, которой заболела культура, пришло христианское откровение из самой глубины жизни, из таинственных ее недр. Культурному античному миру христианство должно было представляться варварством. Откровение его света неимманентно культуре а трансцендентно ей и должно восприниматься замкнутым культурным миром как прилив варварства. Этот новый свет гасит иссякающий свет дряхлеющей культуры и вначале многими воспринимается как тьма…

Культура есть неотвратимый путь человека и человечества. Нельзя миновать его. Необходимо изжить пути культуры, чтобы выйти за пределы культуры, к высшему творческому бытию. Лишь на вершинах культуры творческое дерзновение может разбить цепи культуры, приковывающие к этому миру. Есть еще путь святости, путь, для немногих существующий. Но и этот путь есть путь высшей культуры духа.

Уайт Л. **Понятие культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб., 1997. С. 26–43. http://studopedia.ru/10_276227_pechataetsya-po-uayt-l-ponyatie-kulturi--l-uayt--antologiya-issledovaniy-kulturi--t--interpretatsii-kulturi--spb--universitetskaya-kniga---s--.html.**

…Таким образом, культура представляет собой класс предметов и явлений, зависящих от способности человека к символизации, который рассматривается в экстрасоматическом контексте. Это определение спасает культурную антропологию от неосязаемых, неуловимых и онтологически не существующих абстракций и снабжает ее реальным, материальным, познаваемым предметом исследования. Ибо оно проводит четкую грань между поведением и культурой; между наукой о психологии и наукой о культуре…

Местоположение культуры

Если мы определяем культуру как совокупность предметов и явлений, реально существующих в окружающем нас мире, то неизбежен вопрос: где они располагаются, т. е. каково местоположение культуры? Ответ таков: предметы и явления, составляющие культуру, располагаются во времени и пространстве 1) в организме человека (идеи, верования, эмоции, отношения); 2) в процессах социального взаимодействия людей; 3) в материальных объектах (топоры, фабрики, глиняные сосуды), находящихся вне организма человека…

Каждый элемент культуры имеет два аспекта: субъективный и объективный. На первый взгляд может показаться, что топоры «объективны», а идеи и отношения «субъективны». Но это будет лишь поверхностный, искусственный взгляд. Топор включает в себя субъективный компонент: этот предмет лишен смысла без определенной идеи и отношения. С другой стороны, идея или отношение тоже были бы бессмысленны без внешнего выражения в поведении или речи (которая есть форма поведения). Так что каждый элемент, каждая черта культуры имеют субъективный и объективный аспекты. Но идеи, отношения и эмоции — феномены, располагающиеся в организме человека, — могут быть интерпретированы в экстрасоматическом контексте, т. е. во взаимосвязи с другими символическими предметами и явлениями, а не с организмом человека. Мы можем рассмотреть внешний аспект табу на отношения с тещей, т. е. взаимосвязь вовлеченных в этот запрет идей и отношений не с организмом человека, а с другими символатами, такими как формы семьи и брака, место проживания супругов и т. д.

…Культура лишь отчасти содержится в идеях; но отношения, внешние действия и материальные предметы есть тоже культура.

Культура состоит из абстракций

Вернемся снова к достаточно широко распространенному

определению: «культура есть абстракция», или «культура состоит из абстракции». Как мы уже отмечали выше, те, кто подобным образом определяют культуру, не поясняют, что именно они называют «абстракцией», и есть основание подозревать, что они сами это не очень хорошо понимают…

…Те, кто определяет культуру как идеи, абстракции или как поведение, с логической неизбежностью вынуждены признать, что материальные предметы культурой не являются и являться не могут… Отрицание материальной культуры выглядит нелепо с точки зрения традиций этнографов, археологов, работников музеев старых инструментов, масок, фетишей и другой «материальной культуры».

Наше определение уводит от этой дилеммы. Как мы уже показали, нелепо говорить о сандалиях или о глиняных горшках как о поведении: их значение сводится не к оленьей шкуре или глине, а к человеческому труду; это овеществленный труд человека. Но в нашем определении символизирование является общим фактором идей, отношений, действий и предметов. Существует три рода символатов: 1) идеи и отношения, 2) внешние действия и 3) материальные объекты. Все их можно рассмотреть в экстрасоматическом контексте; все они могут считаться культурой. И это отбрасывает нас назад, к тому, что давно уже признано в культурной антропологии; «Культура есть то, о чем пишут в этнографических книгах».

Реификация культуры

Существует еще одна своего рода концепция культуры, которую критики часто называют концепцией реификации — «овеществления». И поскольку меня тоже нередко обвиняют в «реификации», то должен сказать, что этот термин неудачен. Реифицировать — значит сделать вещью нечто, что таковой не является, например, надежду, честность, свободу. Но ведь не я же сделал определенные предметы культурой. Я лишь выделил предметы и явления в окружающем мире в класс, существование которого зависит от

символизирования и который можно рассмотреть в экстрасоматическом контексте, и назвал этот класс предметов и явлений культурой. То же самое сделал Э. Б. Тайлор. То же самое сделали Лоуи, Уисслер и другие ранние американские антропологи. Для Дюркгейма «посылка, позволяющая относиться к социальным фактам, т. е. элементам культуры, как к предметам, лежит в самой основе нашего метода»[5]. Не мы реифицировали культуру: элементы, составляющие, согласно нашему определению, культуру, были вещами изначально.

Конечно, если определять культуру как совокупность неуловимых, непознаваемых, онтологически нереальных абстракций, то воплощение этих признаков в реальные, материальные тела и в самом деле будет выглядеть как реификация. Но мы под таким определением не подписывались.

Выводы

Среди множества классов предметов и явлений, рассматриваемых современной наукой, есть один, для которого нет названия. Это класс феноменов, связанных с присущей исключительно человеку способностью придавать символическое значение мыслям, действиям и предметам и воспринимать символы. Мы предложили назвать предметы и явления, связанные с символизированием, символатами, Дать название этому классу феноменов совершенно необходимо, чтобы стало возможным выделить его среди других классов предметов и явлений.

К этому классу относятся идеи, верования, отношения, чувства, действия, модели поведения, обычаи, законы, институты, произведения и формы искусства, язык, инструменты, орудия труда, механизмы, утварь, орнаменты, фетиши, заговоры и т. д.

Так повелось, что эти предметы и явления, связанные со способностью человека к символизированию, ученые рассматривали в двух различных контекстах, которые можно обозначить как соматический и

[5] *Durkheim E.* The Rules of Sociological Method. Chicago, 1938. XLIII.

экстрасоматический. В первом случае для исследователя важна взаимосвязь между этими предметами и явлениями и организмом человека. Рассмотренные в соматическом контексте предметы и явления, связанные с символической способностью человека, называются поведением человека; точнее, поведением являются идеи, отношения, действия; топоры и керамика непосредственно не могут быть названы поведением, но они созданы трудом человека, т. е. они являются овеществленным поведением человека. В экстрасоматическом контексте взаимосвязь этих предметов и явлений друг с другом важнее, чем их взаимосвязь с организмом человека. И в данном случае названием им будет культура.

Преимущество нашего подхода состоит в следующем. Различие может быть проведено четко и по существу. Культура четко отграничивается от поведения человека. Она определяется таким же образом, что и объекты исследования других наук, т. е. в терминах реальных предметов и явлений, существующих в объективном мире. Наш подход выводит антропологию из окружения неосязаемых, непознаваемых эфемерных «абстракций», не имеющих онтологической реальности.

Предложенное определение уводит нас также от проблем, перед которыми мы неизбежно оказываемся, вставая на другую точку зрения. Мы не думаем больше о том, состоит ли культура из идей и где располагаются эти идеи — в сознании наблюдаемых людей или в сознании антропологов; могут ли быть культурой материальные предметы; может ли быть культурой черта, присущая одному, двум или нескольким индивидам; должны ли считаться культурой лишь характерные черты; является ли культура овеществлением и может ли культура красить ногти.

Между поведением и культурой, психологией и культурологией мы проводим точно такое же различие, какое существует между речью и языком, психологией речи и лингвистикой. Раз оно оказывается продуктивным в одном случае, то может быть продуктивно и в другом…

Леви-Строс К. **Структурная антропология. М., 1983. С. 263–264. http://rudocs.exdat.com/docs/index-10714.html?page=6.**

...Демограф, даже будучи структуралистом, не смог бы обойтись без этнологии.

Это сотрудничество может помочь выяснить другую проблему, носящую теоретический характер. Речь идет о важности и законности существования понятия культуры, породившего в последние годы оживленные дискуссии между английскими и американскими этнологами. Ставя перед собой в основном задачу изучения культуры, заокеанские этнологи, как писал Радклиф-Браун, видимо, только стремились «обратить абстракцию в реальную сущность». Для этого крупного английского ученого «идея европейской культуры точно такая же абстракция, как и идея культуры, присущей тому или иному африканскому племени». Не существует ничего, кроме человеческих существ, связанных друг с другом благодаря бесконечному ряду социальных отношений. «Напрасные споры», — говорит Лоуи. Однако они не столь уж и напрасны, поскольку споры по этому вопросу возобновляются периодически.

С этой точки зрения было бы чрезвычайно интересно рассмотреть понятие культуры в той же плоскости, что и генетическое и демографическое понятие изолята. Мы называем культурой любое этнографическое множество, обнаруживающее при его исследовании существенные различия по сравнению с другими множествами, Если пытаться определить существенные отклонения между Северной Америкой и Европой, то их нужно рассматривать как разные культуры; если же обратить внимание на существенные различия между, скажем, Парижем и Марселем, то эти два городских комплекса можно будет предварительно представить как две культурные единицы. Поскольку эти различия могут быть сведены к инвариантам, являющимся целью структурного анализа, то становится

очевидным, что понятие культуры будет соответствовать объективной действительности, оставаясь зависимым тем не менее от типа предпринимаемого исследования. Одно и то же объединение индивидов, если оно объективно существует во времени и пространстве, всегда имеет отношение к различным культурным системам: всеобщей, континентальной, национальной, провинциальной, местной и т. д.; семейной, профессиональной, конфессиональной, политической и т. д.

Однако на практике этот номинализм было бы невозможно довести до конца. Действительно, термин «культура» употребляется для обозначения множества значимых различий, причем из опыта выясняется, что их границы приблизительно совпадают. То, что это совпадение никогда не бывает абсолютным и что оно обнаруживается не на всех уровнях одновременно, не должно помешать нам пользоваться понятием «культура». Оно является основополагающим в этнологии, обладая при этом тем же эвристическим значением, что и «изолят» в демографии. Логически оба понятия относятся к одному типу. Впрочем, сами физики поощряют нас сохранить понятие культуры; так, Н. Бор пишет: «Традиционные различия (человеческих культур) походят во многих отношениях на различные и вместе с тем эквивалентные способы возможного описания физического опыта».

Фрейд З. **Неудовлетворенность культурой // Мир философии: книга для чтения. Ч. 2. М., 1991. С. 285–295. http://libok.net/writer/3939/kniga/16607/freyd_zigmund/nedovolstvo_kulturoy/read.**

...Ограничимся повторением, что **термин «культура» обозначает всю сумму достижений и институций, отличающих нашу жизнь от жизни наших предков из животного мира и служащих двум целям: защите человека от природы и урегулированию отношений между людьми**. Для

лучшего понимания рассмотрим подробно характерные черты культуры, какими они себя проявляют в человеческих коллективах. При этом без опасений позволим себе руководствоваться обычным словоупотреблением, или, как говорится, будем следовать чувству языка в расчете на то, что таким образом мы сможем учесть внутреннее содержание, еще противящееся выражению в абстрактных терминах.

Начать легко: мы признаем в качестве свойственных культуре все формы деятельности и ценности, которые приносят человеку пользу, способствуют освоению земли, защищают его от сил природы и т. п. По поводу этого аспекта культуры возникает меньше всего сомнений. Заглядывая достаточно далеко в прошлое, можно сказать, что первыми деяниями культуры были — применение орудий, укрощение огня, постройка жилищ. Среди этих достижений выделяется, как нечто чрезвычайное и беспримерное, укрощение огня, что касается других, то с ними человек вступил на путь, по которому он с тех пор непрерывно и следует; легко догадаться о мотивах, приведших к их открытию. При помощи всех своих орудий человек усовершенствует свои органы — как моторные, так и сенсорные — или раздвигает рамки их возможностей. Моторы предоставляют в его распоряжение огромные мощности, которые он, как и свои мускулы, может использовать в любых направлениях; пароход и самолет позволяют ему беспрепятственно передвигаться по воде и по воздуху. При помощи очков он исправляет недостатки кристаллика своего глаза; при помощи телескопа он видит далеко вдаль, а микроскопы позволяют ему преодолеть границы видимости, поставленные ему строением его сетчатки. Он создал фотографическую камеру — аппарат, фиксирующий самые мимолетные зрительные впечатления, что граммофонная пластинка позволяет ему сделать в отношении столь же преходящих звуковых впечатлений; и то и другое является, по существу, материализацией заложенной в нем способности запоминать, его памяти. При помощи телефона он слышит на таком расстоянии, которое даже в сказках казалось

немыслимым, письменность первоначально — язык отсутствующих, жилище — подмена материнского чрева, первого и, вероятно, по сей день вожделенного жилища, в котором человек чувствовал себя так надежно и хорошо.

Это звучит не только как сказка, это просто исполнение всех, нет — большинства — сказочных пожеланий; и всё это осуществлено человеком при помощи науки и техники на земле, на которой он сначала появился как слабое животное, на которой и теперь каждый индивид должен появляться как беззащитный младенец — Oh inch of nature! Всё это достояние он может рассматривать как достижение культуры. С давних времен человек создавал себе идеальное представление о всемогуществе и всезнании, которые он воплощал в облике своих богов, приписывая им всё, что казалось ему недостижимым для его желаний или что было ему запрещено. Поэтому можно сказать, что боги были идеалами культуры. И вот ныне человек значительно приблизился к достижению этих идеалов и сам стал почти богом. Правда, лишь в той мере, в какой идеалы достижимы по обычному человеческому разумению. Не полностью, в каких-то случаях и вообще не стал, а в иных — лишь наполовину. Человек, таким образом, как бы стал чем-то вроде бога на протезах, очень могущественным, когда он применяет все свои вспомогательные органы, хотя они с ним и не срослись и порой причиняют ему еще много забот. Но человек вправе утешаться тем, что это развитие не кончится 1930-м годом нашей эры. Будущие времена принесут новый прогресс в этой области культуры, который, вероятно, трудно себе даже представить и который еще больше увеличит богоподобие человека. Но в интересах нашего исследования мы не должны забывать, что современный человек, при всем своем богоподобии, все же не чувствует себя счастливым. Итак, мы считаем, что та или иная страна достигла высот культуры, если видим, что в ней всё, что касается использования человеком земли и защиты его от сил природы, тщательно и целесообразно обеспечено, т. е., короче говоря, обращено на пользу человека…

Красота, чистоплотность и порядок занимают, очевидно, особое место в ряду требований, предъявляемых культурой. Никто не будет утверждать, что они столь же жизненно необходимы, как и господство над силами природы и другие факторы, с которыми нам еще предстоит познакомиться; но и никто охотно не согласится рассматривать их как нечто второстепенное. То, что культура заботится не только о пользе, нам показывает уже пример с красотой, которая не может быть исключена из сферы культурных интересов. Польза порядка вполне очевидна, что же касается чистоты, то мы должны принять во внимание, что ее требует гигиена, и мы можем предположить, что понимание этой зависимости не было полностью чуждо людям и до эпохи научного предупреждения болезней. Но польза не объясняет нам полностью это стремление; тут должно быть замешано еще что-то другое.

Никакая другая черта культуры не позволяет нам, однако, охарактеризовать ее лучше, чем уважение к высшим формам психической деятельности, к интеллектуальным, научным и художественным достижениям и забота о них, к ведущей роли, которую она отводит значению идей в жизни человека. Среди этих идей во главе стоят религиозные системы, сложное построение которых я постарался осветить в другом месте; затем следуют философские дисциплины и, наконец, то, что можно назвать формированием человеческих идеалов, т. е. представления возможного совершенства отдельной личности, целого народа или всего человечества, и требования, ими на основании этих представлений выдвигаемые. Так как эти творческие процессы не протекают независимо друг от друга, а скорее друг с другом тесно переплетены, это затрудняет как их описание, так и психологическое исследование их генезиса. Если мы в самом общем порядке примем, что пружина всей человеческой деятельности заключается в устремлении к двум конвергирующим целям — пользе и получению наслаждения, то мы это должны признать действительным и для вышеприведенных культурных проявлений, хотя это легко заметить только в отношении научной и художественной деятельности. Но не приходится

сомневаться, что и другие формы соответствуют каким-то сильным человеческим потребностям, хотя они, быть может, развиты только у меньшинства. Не следует также давать вводить себя в заблуждение оценочными суждениями по поводу отдельных религиозных или философских систем и их идеалов; будем ли мы их рассматривать как величайшие достижения человеческого духа, или осуждать как заблуждения, мы должны признать, что их наличие, а в особенности их господствующее положение, является показателем высокого уровня культуры.

1.3. Профессиональная этика и деловой этикет

***Конфуций.* Лунь Юй // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 1. М., 1968. С. 192–194. http://www.studfiles.ru/preview/3000632/**

Не о чем молиться тому, кто провинился перед небом (гл. «Баю»).

Учитель сказал: «Правитель <всегда должен быть> правителем, слуга — слугой, отец — отцом, сын — сыном» (гл. «Янь Юань»).

Учитель сказал: «Простолюдинов можно заставлять следовать должным путем, но им не надо знать, почему это нужно делать» (гл. «Тайбо»).

<Ученик> Цзы Гун спросил учителя: «Можно ли одним предложением выразить правило, которому необходимо следовать всю жизнь?» Учитель ответил: «Можно. Чего не желаешь себе, того не делай и другим» (гл. «Лин Вэй-гун»).

Конфуций сказал: «Почтительным сыном можно назвать лишь того, кто при жизни отца <с почтением> наблюдает его поступки, а после смерти следует примеру его деяний и в течение трех лет не изменяет порядков, заведенных отцом» (гл. «Сюээр»).

Конфуций сказал: «Благородный муж думает о долге, а мелкий человек — о выгоде» (гл. «Ли-жэнь»).

Учитель сказал: «Если верхи следуют в делах правилам ли, то простолюдины будут послушны» (гл. «Сяньвэнь»).

Учитель сказал: «Кто повторяет старое и узнает новое, тот может быть предводителем» (гл. «Вэйчжэн»).

***Платон.* Государство // *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 204–205. http://bookz.ru/authors/platon/gosudarstvo/page-2-gosudarstvo.html.**

Мы еще вначале, когда основывали государство, установили, что делать это надо непременно во имя целого. Так вот это целое и есть справедливость или какая-то ее разновидность. Мы установили и после всё время повторяли, если ты помнишь, что каждый отдельный человек должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен…

Но заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие — это и есть справедливость, об этом мы слышали от многих других, да и сами часто так говорили.

Так вот, мой друг, заниматься каждому своим делом — это, пожалуй, и будет справедливостью. Знаешь, почему я так заключаю? ... По-моему, кроме тех свойств нашего государства, которые мы рассмотрели, — его рассудительности, мужества и разумности — в нем остается еще то, что дает возможность присутствия их там и сохранения. И мы утверждали, что остаток, после того, как мы нашли эти три свойства, и будет справедливостью…

Видно, в вопросе совершенства государства способность каждого гражданина делать свое дело соперничает с мудростью, рассудительностью и мужеством.

Аристотель. **Никомахова этика //** ***Аристотель.*** **Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 66–67. http://www.litmir.me/br/?b=159355&p=4.**

Наше определение, стало быть, согласно с мнением тех, кто определяет счастье как добродетель или как какую-то определенную добродетель, потому что добродетели как раз присуща деятельность сообразно добродетели. И, может быть, немаловажно следующее различение: понимать ли под высшим благом обладание добродетелью или применение ее, склад души (hexis) или деятельность. Ибо может быть так, что имеющийся склад души не исполняет никакого благого дела — скажем, когда человек спит или как-то иначе бездействует, — а при деятельности это невозможно, ибо она с необходимостью предполагает действие, причем успешное. Подобно тому как на олимпийских состязаниях венки получают не самые красивые и сильные, а те, кто участвует в состязании (ибо победители бывают из их числа), так в жизни прекрасного и благого достигают те, кто совершает правильные поступки. И даже сама по себе жизнь доставляет им удовольствие. Удовольствие ведь испытывают в душе, а между тем каждому то в удовольствие, любителем чего он называется. Скажем, любителю коней — конь, любителю зрелищ — зрелища, и точно так же правосудное — любящему правое, а любящему добродетель — вообще всё, что сообразно добродетели. Поэтому у большинства удовольствия борются друг с другом, ведь это такие удовольствия, которые существуют не по природе. То же, что доставляет удовольствие любящим прекрасное, доставляет удовольствие по природе, а таковы поступки, сообразные добродетели, следовательно, они доставляют удовольствие и подобным людям, и сами по себе. Жизнь этих людей, конечно, ничуть не нуждается в удовольствии, словно в каком-то приукрашивании, но содержит удовольствие в самой себе. К сказанному надо добавить: не является добродетельным тот, кто не радуется прекрасным поступкам, ибо и правосудным никто не назвал бы человека, который не

радуется правому, а щедрым — того, кто не радуется щедрым поступкам, подобным образом — и в других случаях. А если так, то поступки, сообразные добродетели, будут доставлять удовольствие сами по себе. Более того, они в то же время добры и прекрасны, причем и то и другое в высшей степени, если только правильно судит о них добропорядочный человек, а он судит так, как мы уже сказали.

Кант И. **Критика практического разума //** ***Кант И.*** **Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1963–1966. С. 269. http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000524/st000.shtml.**

Таким образом, если должен существовать высший практический принцип и по отношению к человеческой воле — категорический императив, то этот принцип должен быть таким, который исходя из представления о том, что для каждого необходимо есть цель, так как оно есть цель сама по себе, составляет объективный принцип воли, стало быть, может служить всеобщим практическим законом. Основание этого принципа таково: разумное естество существует как цель сама по себе. Так человек необходимо представляет себе свое собственное существование; постольку, следовательно, это субъективный принцип человеческих поступков. Но так представляет себе свое существование и всякое другое разумное существо ввиду того же самого основания разума, которое имеет силу и для меня; следовательно, это есть также объективный принцип, из которого как из высшего практического основания непременно можно вывести все законы воли. Практическим императивом, таким образом, будет следующий: поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству.

Вебер М. **Протестантская этика и дух капитализма //** ***Вебер М.*** **Избранные произведения. М.. 1990. С. 73–74. http://krotov.info/library/03_v/eb/er_04.html.**

Один из конституционных компонентов современного капиталистического духа, и не только его, но и всей современной культуры, — рациональное жизненное поведение на основе *идеи профессионального призвания* — возник (и настоящая работа посвящена доказательству этого) из духа *христианской аскезы.* …По мере того как аскеза перемещалась из монашеской кельи в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью, она начинала играть определенную роль в создании того грандиозного космоса современного хозяйственного устройства, связанного с техническими и экономическими предпосылками механического машинного производства, который в наше время подвергает неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль, причем не только тех людей, которые непосредственно связаны с ним своей деятельностью, а вообще всех ввергнутых в этот механизм с момента рождения. И это принуждение сохранится, вероятно, до той поры, пока не прогорит последний центнер горючего. По Бакстеру, забота о мирских благах должна обременять его святых не более, чем «тонкий плащ, который можно ежеминутно сбросить». Однако плащ этот волею судеб превратился в стальной панцирь. По мере того как аскеза начала преобразовывать мир, оказывая на него всё большее воздействие, внешние мирские блага всё сильнее подчиняли себе людей и завоевали наконец такую власть, которой не знала вся предшествующая история человечества. В настоящее время дух аскезы — кто знает, навсегда ли? — ушел из этой мирской оболочки. Во всяком случае, победивший капитализм не нуждается более в подобной опоре с тех пор, как он покоится на механической основе. Уходят в прошлое и розовые мечты эпохи Просвещения, этой смеющейся наследницы аскезы. И лишь представление о «профессиональном долге»

бродит по миру, как призрак прежних религиозных идей. В тех случаях, когда «выполнение профессионального долга» не может быть непосредственно соотнесено с высшими духовными ценностями или наоборот, когда оно субъективно не ощущается как непосредственное экономическое принуждение, современный человек обычно просто не пытается вникнуть в суть этого понятия. В настоящее время стремление к наживе, лишенное своего религиозно-этического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, а именно в США, характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной. Никому не ведомо, кто в будущем поселится в этой прежней обители аскезы: возникнут ли к концу этой грандиозной эволюции совершенно новые пророческие идеи, возродятся ли с небывалой мощью прежние представления и идеалы *или,* если не произойдет ни того, ни другого, не наступит ли век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость. Тогда-то применительно к «последним людям» этой культурной эволюции обретут истину следующие слова: «Бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы — и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее не доступной ступени человеческого развития».

Гусейнов А. А. **Размышления о прикладной этике. http://guseinov.ru/publ/Razmyshl.html.**

Мораль, как всем хорошо известно, трудно определить; она до такой степени не поддается логически строгому структурированию, что некоторые авторы видят в этом даже ее специфику: мол, именно многозначность морали, ее способность быть интерпретированной на разный лад определяет ее особое место в культуре как некоего сцепляющего начала, общей точки отсчета, к которой могут апеллировать люди независимо от содержательного различия их целей. Эта не умещающаяся в принятые рамки диффузность данного

феномена усиливается наличием двух, а в случае русской культуры трех терминов для его обозначения: «этика», «мораль», «нравственность». Усилия философов развести их хотя бы таким образом, чтобы термин «этика» закрепить за наукой (исследовательской традицией), а термины «мораль» и «нравственность» — за той реальностью, которая составляет ее предмет, разбивается о своевольную стихию человеческой практики, которая не желает в данном случае ни отрывать действие от размышления, ни тем более отдавать последнее на откуп ученому сословию. Прекрасное свидетельство и оправданность этого — прикладная этика, где термин «этика» имеет смысл, приближающийся к моральной теории, но в первую очередь употребляется для обозначения определенного фрагмента самой моральной реальности. Прикладная этика представляет собой не вторичную рефлексию, а первичный моральный опыт — сознательный, осознанный, даже теоретически насыщенный, но тем не менее первичный опыт, который уже потом, после того, как он дан, становится предметом философских и иных специализированных обобщений…

Я попытаюсь высказать несколько не всегда акцентируемых в нашей литературе соображений по этому вопросу через сопоставление прикладной этики (на примере биоэтики) с профессиональной этикой (на примере этики врача). В понимании профессиональной этики среди специалистов тоже нет единства мнений. Делая и в этом случае необходимые для ответственности рассуждения оговорки, также будем рассматривать профессиональную этику в сопряжении с общей моралью (фундаментальными принципами морали). Профессиональная этика представляет собой конкретизацию общей морали применительно к специфике профессии и занимается главным образом нормами, правилами поведения. В ней можно зафиксировать по крайней мере два признака, которые, разумеется, не являются исчерпывающими, но, тем не менее, вполне специфичны для нее и, самое главное, бесспорны в своей очевидности. Профессиональная этика, во-первых, учреждает соответствующую профессию в качестве нормозадающей этической

инстанции и, во-вторых, описывает те исключения (отступления) от общих моральных принципов, которые диктуются логикой профессии и в конкретном профессиональном контексте воспринимаются не как отступления, а как адекватное выражение духа самих этих принципов.

Особое место морали в человеческой культуре как ее исходной основы и высшего критерия оценки среди всего прочего обнаруживается также в способе, каким она в ней явлена и аргументирована. Считается, что моральные принципы представляют собой изначально-безусловное воплощение правды жизни. Их происхождение чаще всего окутано легендами, свидетельствующими об их единственности и бесспорности. В этом отношении самой показательной является иудео-христианская версия, согласно которой моральные заповеди даны самим Богом. Врачебная этика направлена на то, чтобы правду и таинство морали, заключенный в ней высший смысл перенести на врачебную деятельность. Врачебная деятельность возвышается до уровня миссии, служения; речь идет не просто о том, что от врача требуется самоотверженность и другие моральные качества, а самой его деятельности придается нравственный статус, как если бы это была не просто профессиональная работа, а еще и некое священнодействие. Она сама по себе рассматривается в качестве нравственно ценной. Врачебная этика исходит из презумпции, согласно которой адекватное поведение в рамках врачебной деятельности не может не быть нравственным. Отсюда — претензия на особый статус, что выражается в профессионально-сословном корпоративизме по отношению ко всему обществу и в патернализме по отношению к больным. Отсюда — клятва, призванная зафиксировать и одновременно придать этой деятельности святость. Не случайными внешними факторами, а существом дела определяется тот факт, что клятва Гиппократа, являющаяся истоком и нормативным ядром врачебной этики, начинается словами «клянусь врачом Аполлоном, Асклепием, Гигиеей и Панакеей, а также всеми богами и богинями...». И если в современных клятвах врачей нет таких или

аналогичных ссылок, то это говорит только о том, что они в этом пункте не соответствуют понятию клятвы...

Прикладная этика в отличие от профессиональной занимается общезначимыми проблемами (а не профессиональным поведением) и рассматривает конкретные моральные ситуации (а не нормы). Рассматривая биоэтику в качестве ее типичного случая, следует сказать, что последняя а) отменяет нравственную автономию профессии в пользу автономии личности — освобождает больного от этически аргументированного патернализма врача, вообще лишает деятельность последнего особого возвышающего ее ореола, а тем самым каких-либо оснований, дающих моральное преимущество; б) доводит автономию личности до пределов, которые не снились самому Канту, до права принимать решения относительно жизни и смерти (правда, пока своей собственной).

Апресян Р. Г. **Профессиональная, прикладная и практическая этики. http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/biblio/Apressyan/Prof_ethics.html.**

…Я рассматриваю *профессиональную этику* не как разновидность прикладной этики или как однопорядковое ей знание, а как: а) собственно систему моральных норм профессиональной деятельности, или кодекс (и в этом я солидаризируюсь с первым из данных выше толкований профессиональной этики), б) более или менее специальную рефлексию относительно принципиальных и нормативных оснований профессиональной деятельности, в) по-видимому, когнитивную компоненту экспертного сопровождения нормотворчества и нормативной практики в сфере профессий, включая сюда деятельность «этических комитетов», — а также, в той мере, в какой речь идет о практике, г) более или менее специальную рефлексию относительно институтов, возникающих или образовывающихся для обеспечения действенности

профессиональных моральных кодексов, и процедур, посредством которых институты выполняют эту свою задачу.

Наши основные, наиболее активные отечественные авторы — разработчики данной проблематики В. И. Бакштановский и Ю. В. Согомонов говорят наряду с профессиональной этикой и о «профессиональной морали», и об «этосе профессии». Этим проблемам ведь и посвящены в основном «Ведомости» НИИПЭ ТГНУ[6]. В упоминавшейся выше статье этих авторов уточняется понятие «профессиональная мораль» наряду с понятием «профессиональная этика»: «Выражение “профессиональная мораль” подразумевает известную стихийность, ненамеренность в образовании профессиональных норм и соответствующей мотивации[7]». Понятие же «этос профессии» в данной статье не затрагивается. Это, конечно, вопрос вкуса, но я бы допустил возможность выделения в цельном явлении *профессиональной морали* рефлективной, рационализированной, кодифицированной части под названием *профессиональной этики* и стихийной части под названием *профессионального этоса*.

Клятва Гиппократа. http://lechebnik.info/7-15.htm.

Клянусь Аполлоном, врачом Асклепием, Гигеей и Панакеей, всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению следующую присягу и письменное обязательство: считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими достатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями. Это

[6] См., например: Ведомости. Вып. 16, 22 / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень: НИИПЭ, 2000, 2003.

[7] *Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В.* Профессиональная этика // Ведомости. Вып. 14: Этос среднего класса / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень: НИИПЭ, 1999. С. 154.

искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и всё остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому. Я направляю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного кессария. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всякого намеренного, неправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Что бы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и славе у всех людей на вечные времена, преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому.

***Кони А. Ф.*. Нравственные начала в уголовном процесс // *Кони А. Ф.*. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1958. С. 60–61. http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/bio/koni/afkoni_e.htm.**

Таковы, в самых общих чертах, задачи изучения судебной этики. Думается, что необходимость преподавания основных ее положений чувствуется очень многими из тех, кто вступил в практическую жизнь на заре великих реформ и кто имел незабываемое счастье участвовать в первых годах деятельности нашего нового суда. Последующие поколения не испытали уже того

возвышенного духовного настроения и строгости к себе, с которым тогдашние пионеры и нынешние ветераны судебного дела брались за святое дело отправления правосудия.

Идеалы постепенно начали затемняться, и нравственные задачи отходить на задний план. Служение правосудию понемногу начинает обращаться в службу по судебному ведомству, которая отличается от многих других лишь своей тяжестью и сравнительно слабым материальным вознаграждением. Надо вновь разъяснить эти идеалы, надо поставить на первое место нравственные требования и задачи. Это дело университетского преподавания. Университет — эта *alma mater* своих питомцев — должен напитать их здоровым, чистым и укрепляющим молоком общих руководящих начал. В практической жизни среди злободневных вопросов техники и практики об этих началах придется им услышать уже редко. Отыскивать их и раздумывать о них в лихорадочной суете деловой жизни уже поздно. С ними, как с прочным вооружением, как с верным компасом, надо войти в жизнь. Когда человека обступят столь обычные низменные соблазны и стимулы действий: нажива, карьера, самодовольство удовлетворенного самолюбия и тоска неудовлетворенного тщеславия и т. п., когда на каждом шагу станут грозить мели, подводные камни и манить заводи со стоячей водой, тогда не будет уже времени, да, пожалуй, и охоты запасаться таким стеснительным компасом. Недаром говорит творец «Мертвых душ»: «*Забирайте с собою, выходя в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое, ожесточающее мужество, — забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымете потом!*»

Вот почему желательно, чтобы в курс уголовного судопроизводства входил отдел судебной этики, составляя живое и богатое по своему содержанию дополнение к истории и догме процесса. И если иной, уже давно зрелый судебный деятель в минуту колебания перед тем, какого образа действий надо держаться в том или другом вопросе, вспомнит нравственные указания,

слышанные им с кафедры, и, устыдясь ржавчины незаметно подкравшейся рутины, воспрянет духом — преподавание судебной этики найдет себе житейское оправдание.

Семь принципов Ко — декларация бизнеса. http://fdiver.blogspot.ru/2008/07/7.html.

Так называемая Декларация Ко «Принципы бизнеса» была принята в 1994 г. в швейцарском городе Ко руководителями крупнейших национальных и транснациональных корпораций США, Западной Европы и Японии в стремлении синтезировать морально-этические принципы ведения бизнеса восточной и западной деловых культур. Преамбула Декларации Ко констатирует: «Законы и движущие силы рынка являются необходимым, но не достаточным руководством к действию. Фундаментальными принципами являются ответственность за политику и действия в сфере бизнеса, уважение человеческого достоинства и интересов участников бизнеса». Декларация Ко — концентрированный свод этических принципов международного бизнеса. Он состоит из следующих принципов.

Принцип 1 Декларации Ко. Ответственность бизнеса: от акционеров — к владельцам своей доли в бизнесе.

Ценность бизнеса для общества заключается в благосостоянии и рабочей занятости, которые он порождает, а также в пользующихся спросом товарах и услугах, которыми он обеспечивает покупателей за разумную цену, соизмеримую с их качеством. Для создания такой ценности бизнес должен поддерживать свое собственное экономическое здоровье и жизнеспособность, однако выживание не является главной целью. Задача компаний — содействовать улучшению уровня жизни всех своих клиентов, служащих и акционеров, разделяя с ними богатство, которое они создают.

Поставщики и конкуренты также вправе рассчитывать на уважение своих обязанностей со стороны компаний. Как добропорядочные граждане местных, национальных, региональных и мировых общин, в которых они действуют, компании участвуют в проектировании будущего этих общин.

Принцип 2 Декларации Ко. Экономическое и социальное влияние бизнеса: к прогрессу, справедливости и мировому сообществу.

Компании, создаваемые за рубежом для разработки, производства или продажи своей продукции, должны также содействовать социальному прогрессу этих стран, обеспечивая продуктивную занятость и помогая повышать покупательную способность их граждан. Эти компании должны также вносить свой вклад в соблюдение прав человека, в образование, благосостояние и обновление стран, в которых они работают. Компании должны способствовать экономическому и социальному прогрессу не только тех стран, в которых они работают, но и мирового сообщества в целом посредством эффективного и бережливого использования природных ресурсов, свободной и честной конкуренции, придавая особое значение модернизации технологии, методов производства, маркетинга и телекоммуникаций.

Принцип 3. Декларации Ко. Этика бизнеса: от буквы закона — к духу доверия.

Признавая законность коммерческих секретов, компании должны осознавать, что искренность, беспристрастие, правдивость, выполнение обещаний и открытость способствуют не только повышению уровня доверия к себе и собственной стабильности, но и смягчению и большей эффективности коммерческих сделок, особенно на международном уровне.

Принцип 4 Декларации Ко. Уважение правовых норм. Для того чтобы избежать разногласий в торговле и способствовать обеспечению равных условий для конкуренции в свободной торговле, а также справедливому и беспристрастному подходу ко всем участникам торговли, компании должны уважать международные и внутренние нормы. Кроме того, они должны

признавать, что некоторые действия, даже совершаемые по закону, могут тем не менее привести к нежелательным последствиям.

Принцип 5 Декларации Ко. Поддержка многосторонних торговых отношений.

Фирмы должны оказывать поддержку многосторонним торговым системам GATT, Всемирной организации торговли и международным соглашениям в этой сфере. Они должны содействовать прогрессивной и разумной либерализации торговли и смягчать те внутренние нормы, которые необоснованно препятствуют мировой торговле, даже если это делается во имя интересов национальной политики.

Принцип 6 Декларации Ко. Бережное отношение к окружающей среде.

Бизнес должен охранять и там, где это возможно, улучшать окружающую среду, способствовать ее развитию и избегать расточительного использования природных ресурсов.

Принцип 7 Декларации Ко. Избегать противозаконных действий.

Бизнес не должен участвовать или мириться со взяточничеством, отмыванием денег или с другими бесчестными приемами. Без сомнения, он должен стремиться к сотрудничеству с остальными для искоренения подобной практики. Он не должен заниматься торговлей оружием или другими материалами, используемыми в террористической деятельности, распространением наркотиков или другими видами организованной преступности.

Кодекс этики профессиональных бухгалтеров — членов ИПБ России. М., 2008. С. 10–13. http://www.ipbr.org/documents/documents.normative.code_of_ethics.pdf.

Статья 1. Основные принципы

1.1. Профессиональный бухгалтер обязан соблюдать следующие основные принципы поведения:

а) честность;

б) объективность;

в) профессиональная компетентность и должная тщательность;

г) конфиденциальность;

д) профессиональность поведения.

Честность

1.2. Профессиональный бухгалтер должен действовать открыто и честно во всех профессиональных и деловых взаимоотношениях. Принцип честности также предполагает честное ведение дел и правдивость.

1.3. Профессиональный бухгалтер не должен иметь дело с отчетностью, документами, сообщениями или иной информацией, если есть основания полагать, что:

а) информация содержит в существенном отношении неверные или вводящие в заблуждение утверждения;

б) информация содержит утверждения или данные, подготовленные небрежно;

в) информация содержит пропуски или искажения необходимых данных там, где они могут вводить в заблуждение.

1.4. Профессиональный бухгалтер не будет считаться нарушившим пункт 1.3, если он выдаст отчет, скорректированный по основаниям, приведенным в этом пункте.

Объективность

1.5. Профессиональный бухгалтер не должен допускать, чтобы предвзятость, конфликт интересов либо другие лица влияли на объективность его профессиональных суждений.

1.6. Профессиональный бухгалтер может оказаться в ситуации, которая может повредить его объективности. Определить и описать все подобные ситуации не представляется возможным. Профессиональному бухгалтеру

следует избегать отношений, которые могут исказить или повлиять на его профессиональные суждения.

Профессиональная компетентность и должная тщательность

1.7. Профессиональный бухгалтер обязан постоянно поддерживать свои знания и навыки на уровне, обеспечивающем предоставление клиентам или работодателям квалифицированных профессиональных услуг, основанных на новейших достижениях практики и современном законодательстве. При оказании профессиональных услуг профессиональный бухгалтер должен действовать с должным усердием и в соответствии с применимыми техническими и профессиональными стандартами.

1.8. Квалифицированное оказание профессиональной услуги предполагает формирование обоснованного суждения в отношении применения профессиональных знаний и навыков в процессе предоставления услуги. Обеспечение профессиональной компетентности можно разделить на два самостоятельных этапа:

а) достижение должного уровня профессиональной компетентности;

б) поддержание профессиональной компетентности на должном уровне.

1.9. Поддержание профессиональной компетентности требует постоянной осведомленности о соответствующих технических, профессиональных и деловых новшествах. Постоянное повышение профессиональной квалификации развивает и поддерживает способности, позволяющие профессиональному бухгалтеру компетентно работать в профессиональной среде.

1.10. Под усердием понимается обязанность действовать в соответствии с требованиями задания (договора), внимательно, тщательно и своевременно.

1.11. Профессиональный бухгалтер должен предпринимать меры к тому, чтобы лица, работающие под его началом в профессиональном качестве, имели необходимую подготовку и должное руководство.

1.12. В необходимых случаях профессиональный бухгалтер должен ставить клиентов, работодателей или иных пользователей профессиональных

услуг в известность об ограничениях, присущих этим услугам, с тем, чтобы избежать толкования выраженного профессиональным бухгалтером мнения как утверждения факта.

Конфиденциальность

1.13. Профессиональный бухгалтер должен обеспечить конфиденциальность информации, полученной в результате профессиональных или деловых отношений, и не должен раскрывать эту информацию третьим лицам, не обладающим соответствующими полномочиями, за исключением случаев, когда профессиональный бухгалтер имеет законное профессиональное право либо обязанность по раскрытию такой информации. Конфиденциальная информация, полученная в результате профессиональных или деловых отношений, не должна использоваться профессиональным бухгалтером для получения им или третьими лицами каких-либо преимуществ.

1.14. Профессиональный бухгалтер должен соблюдать конфиденциальность даже вне своей профессиональной среды. Профессиональный бухгалтер должен помнить о возможности неумышленного разглашения информации, особенно в условиях поддержания длительных связей с деловыми партнерами либо их близкими родственниками или членами семьи.

1.15. Профессиональный бухгалтер должен соблюдать конфиденциальность информации, раскрытой ему потенциальным клиентом или работодателем.

1.16. Профессиональный бухгалтер должен соблюдать конфиденциальность информации внутри своей организации или в отношениях с работодателями.

1.17. Профессиональный бухгалтер должен предпринимать все разумные меры к тому, чтобы лица, работающие под его началом, и лица, от которых он получает консультации или помощь, с должным уважением относились к его обязанности соблюдать конфиденциальность информации.

1.18. Необходимость соблюдения принципа конфиденциальности сохраняется даже после окончания отношений между профессиональным бухгалтером и клиентом или работодателем. Меняя место работы или приступая к работе с новым клиентом, профессиональный бухгалтер имеет право использовать предыдущий опыт. Однако профессиональный бухгалтер не должен использовать или раскрывать конфиденциальную информацию, полученную в результате предыдущих профессиональных или деловых отношений.

1.19. Профессиональный бухгалтер должен или может быть обязан раскрыть конфиденциальную информацию в следующих случаях:

а) раскрытие разрешено законом и (или) санкционировано клиентом или работодателем;

б) раскрытие требуется законом, например:

— при подготовке документов или представлении доказательств в иной форме в ходе судебного разбирательства;

— при сообщении ставших известными фактов нарушения закона надлежащим органам государственной власти;

в) раскрытие является профессиональной обязанностью или правом (если это не запрещено законом):

— при проверке качества работы организации — члена профессиональной организации или самой профессиональной организации;

— при запросе или расследовании, ведущимися организацией-членом, профессиональной организацией или надзорным органом;

— при защите профессиональным бухгалтером своих профессиональных интересов в процессе юридического разбирательства.

1.20. При принятии решения о возможности раскрытия конфиденциальной информации профессиональный бухгалтер должен учитывать следующее:

а) будет ли нанесен ущерб интересам какой-либо из сторон, включая третьи стороны, интересы которых также могут быть затронуты, при наличии разрешения клиента или работодателя на раскрытие информации;

б) является ли информация достаточно известной и в разумной степени обоснованной. В ситуации, когда имеют место необоснованные факты, выводы, неполная информация либо необоснованные выводы, должно быть использовано профессиональное суждение для определения того, в каком виде следует раскрывать информацию (если ее необходимо раскрывать);

в) характер ожидаемого сообщения и его адресат. В особенности профессиональный бухгалтер должен быть уверен в том, что лица, которым адресовано сообщение, являются надлежащими его получателями.

Профессиональное поведение

1.21. Профессиональный бухгалтер должен соблюдать соответствующие законы и нормативные акты и избегать любых действий, которые дискредитируют или могут дискредитировать профессию либо являются действиями, которые разумное и хорошо осведомленное стороннее лицо, обладающее всей необходимой информацией, расценит как оказывающие отрицательное влияние на хорошую репутацию профессии.

1.22. При предложении и продвижении своей кандидатуры и услуг профессиональный бухгалтер не должен дискредитировать профессию. Профессиональный бухгалтер должен быть честным и правдивым и не должен:

а) делать заявления о преувеличенном качестве услуг, который он может предоставить, своей квалификации и приобретенном опыте;

б) давать пренебрежительные отзывы о работе других профессиональных бухгалтеров или проводить необоснованные сравнения своей работы с работой других бухгалтеров.

Зегимель Н. Е. **Необходимые правила для купцов, банкиров, комиссионеров и вообще для каждого человека, занимающегося каким-либо делом. СПб, 1881. http://www.elitarium.ru/neobkhodimye_pravila_dlja_kupcov_bankirov_komi**

ssionerov_i_kazhdogo_zanimajushhegosja_kakimlibo_delom/

От редактора. В опубликованной в 1881 г. книге Н. Е. Зегимель сформулировал «кодекс чести», или общепринятые правила поведения российских предпринимателей XIX в. Они выкристаллизовывались в течение предыдущих веков развития российского предпринимательства. Более ста лет спустя эти правила по-прежнему не потеряли своей актуальности. Мы публикуем их текст полностью.

1. Деловые качества: здравый рассудок, быстрое соображение, твердость характера в исполнении всех дел. Каждый порядочный человек может выработать эти качества непоколебимой решимостью и силой воли.
2. Любезность и вежливость. Часто случается выслушивать незаслуженные дерзости; чрезвычайно важно не потерять самообладания и отнестись к подобным случайностям с полным тактом и хладнокровием.
3. Соблюдайте такт в вежливости. Если вы будете слишком рассыпаться в любезностях перед своими покупателями, то они могут принять это за оскорбление и насмешку; этим вы только оттолкнете их от себя.
4. Наблюдайте за порядком во всех, даже малейших, ваших делах. Назначьте всякой вещи свое место, чтобы при первой необходимости вы могли найти ее безо всякого затруднения и без затраты времени. Это чрезвычайно важное условие для каждого делового человека. Не ложитесь спать, пока все ваши вещи не приведены в порядок. Дорожите копейкой, как дорожите рублем.
5. Будьте систематичны и регулярны. Никакое дело у вас не может идти правильно и успешно, если вы не обладаете устойчивым характером и не имеете твердых правил. Регулярность вы должны соблюдать не только в ваших делах, но и в домашних обстоятельствах.
6. Работайте сами. Не полагайтесь на своих помощников. То, что вы можете сделать сами, не давайте делать другим. Если необходимо что-то делать другим, то по крайней мере наблюдайте за ними.

7. Держите всегда данное слово. Лучше не обещайте, если не уверены в том, что вы в состоянии исполнить обещанное, но, раз давши слово, вы должны его помнить и свято исполнять.

8. Публикации. Если хотите делать большие дела, не жалейте денег на частые публикации о них в самых распространенных газетах.

9. Не гонитесь за делом, обещающим большие барыши, но сопряженным с риском. Лучше занимайтесь такими предметами, которые дают хотя малую, но верную пользу.

10. Не тратьте весь ваш капитал на одно дело, особенно при начале.

11. Сосредоточение сил — одно из главных условий успеха. Занимайтесь только одним делом, всесторонне изучайте его выгодные и дурные стороны и не бросайте его, пока не убедитесь в невозможности его успеха. Но если есть малейший шанс на успех, не отступайте, потому что постоянное и ревностное преследование одной цели непременно увенчается успехом.

12. Относитесь к своему делу с полным усердием, чем бы вы ни занимались. Работайте, когда случится надобность: рано и поздно, вовремя и не вовремя, одним словом, не пропускайте ни одного случая, который бы мог хотя и медленно служить успехам ваших занятий. Часто случается видеть, что иной исполняет свое дело усердно и основательно, наживает большие деньги, а его сосед, занимающийся тем же делом, всю свою жизнь остается бедняком, потому что он неохотно или без надлежащего внимания выполняет свою обязанность. «Ученик, идущий в школу из-под палки, никогда ничему не научится».

13. Будьте строго разборчивы в выборе помощников в вашем деле. Нанимайте таких служащих, которые безбедно могут существовать на назначенное вами жалованье. Семейный на маленьком жаловании существовать не может, он поневоле сделается нечестным и будет занят заботами о своих интересах.

14. Купец, дорожащий своей честью, не должен нанимать приказчика, конторщика или другого служащего, занимавшегося когда-либо у его

знакомого, только в том случае, когда знакомый его попросит.

15. Говорите ясно и точно с вашими покупателями.

16. Никогда не скучайте.

17. Соблюдайте трезвость и выдержанность. Не входите в подробности чужих дел, не расспрашивайте о них ни прямо, ни косвенно, иначе вас почтут за назойливого человека.

18. Держитесь спокойно и хладнокровно в спорах о делах как с покупателями, так и с продавцами. Как бы ни был оживлен ваш спор, никогда не горячитесь и не жестикулируйте, не подавайте повода посторонним подслушивать ваш разговор и судить по выражению вашего лица и по жестикуляции, о чем вы толкуете.

19. Записывайте всё и никогда не держите в памяти того, что может быть записано сейчас.

20. Всякое дело основано на доверии, поэтому вы должны всеми силами стараться снискать себе полное доверие тех, с кем вам приходится иметь дело. Этого вы можете достичь разными путями, а главное — честностью и добросовестностью.

21. Соблюдайте экономию в ваших личных расходах, лучше живите ниже ваших средств, чем выше.

Если вам удастся соблюсти хотя бы треть из этих остающихся современными правил, за вас и ваше дело можно быть спокойным.

Семь принципов ведения дел в России: «кодекс предпринимательства», 1912 г. www.liveinternet.ru/users/voljan/post45698405.

1. Уважай власть. Власть — необходимое условие для эффективного ведения дел. Уважай законную власть и ее блюстителей.

2. Будь честен и правдив. Честность и правдивость — фундамент предпринимательства, предпосылка здоровой прибыли и гармоничных

отношений в делах.

3. Уважай право частной собственности. Свободное предпринимательство — основа благополучия государства. Российский предприниматель обязан в поте лица своего трудиться на благо своей Отчизны.

4. Люби и уважай человека. Такое отношение со стороны предпринимателя порождает ответную любовь и уважение. В таких условиях возникает гармония интересов, побуждая людей проявлять себя во всем блеске.

5. Будь верен своему слову — «единожды солгав, кто тебе поверит». Успех в деле во многом зависит от того, в какой степени окружающие доверяют тебе.

6. Живи по средствам. Всегда оценивай свои возможности и выбирай дело по плечу.

7. Будь целеустремлен. Предпринимателю ясная цель нужна как воздух. Не отвлекайся на что-то другое и помни: в стремлении достичь заветной цели нельзя переходить грань дозволенного. Никакая цель не может затмить моральные ценности.

1.4. Философия экономики: анализ социальной реальности

Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П. К. Гречко, Е. М. Курмелевой. М., 2009. С. 15–16, 170–180, 188–189, 244–245.

В нашем отечественном обществознании сильная так называемая «сферная» традиция. Принимая ее во внимание, мы не можем не поставить вопрос о соотношении социального, с одной стороны, и экономического, политического, социального в узком смысле (как социальная сфера) и духовно-культурного — с другой. Социальное, как уже отмечалось, — реальность охватывающая, скобочная, сквозная. Как приводящая к «предельному» единству сила, она сопутствует всякому делу, любой сфере

человеческой жизнедеятельности. Создавая товарное богатство в экономике, обеспечивая мир и порядок в политике, выстраивая структуры (общности и взаимоотношения между ними) в социальной сфере, заботясь о гуманности и всестороннем развитии в духовной культуре, мы всегда, в конечном счете, заняты одним и тем же — воспроизводством человека (как человека, а не живой особи) и укореняющей его в бытии общественной инфраструктуры, поддержанием преемственной, фундаментально скрепляющей связи индивида и общества, т. е., по сути, социального. Короче говоря, чем бы мы ни занимались, что бы ни творили, созидали, мы всегда в конечном счете продуцируем человека и общество, вернее, живущего в обществе человека. Если экономическое, политическое и т. д. считать формами или структурами, то социальное — это некая «бесформенная форма» (К. Касториадис), неструктурируемая структура. Она как свет, позволяющий видеть отдельные вещи, но сам при этом остающийся невидимым…

Как исследуемая реальность, социальное — не только всеобъемлющая (функция, формы), но и очень богатая (функция содержания) предметность. Это означает, что она многомерна. В нашем философском случае, однако, эта многомерность сопряжена с одним очень важным обстоятельством — поиском «предельной реальности» или природы социального. Природа социального — это всё то же социальное, но только взятое в перспективе интегральной углубленности (как целое) его исторического бытия. С учетом этого обстоятельства фундаментальную мерность социального можно ограничить четырьмя планами: онтологическим, телеологическим, эпистемологическим и аксиологическим. Первый, онтологический, план представлен поиском конечных причин; второй, телеологический — сквозных, полнотой или целокупным синтезом отличающихся, траекторией развития; третий, эпистемологический — предельных доказательных оснований; наконец, четвертый, аксиологический — трансцендентально-смысловым устремлением бытия человека в мире (непосредственно — в обществе). Разграничения эти, разумеется, условны: причины могут быть и

основаниями (но не всегда наоборот), а трансцендентальные устремления — телеологическими причинами (причинностью через свободу, если формулировать мысль на языке Канта)…

Как тип социальности индивидуализм характерен для модерного общества, начало которому, как известно, было положено промышленной революцией — сначала в Англии (конец XVIII в.), потом во Франции (начало XIX в.), далее в Германии (с 40-х гг. XIX в.) и других странах. Отличает его прежде всего массификация (массовость, омассовление всего и вся).

Под массой обычно понимают большую и разношерстную группу (просто совокупность) людей, не имеющих четкой социальной ориентации и организации, но стереотипно, унифицированным образом реагирующих на общие стимулы — события, обстоятельства, те или иные факторы среды. «Массификация» производна от «массы», но имеет более широкий смысл. Это не только масса людей, но и масса товаров, услуг, сведений-сообщений. А еще макрофилия — горячая любовь к максимальным объемам, размерам, темпам и скоростям, к циклопическим масштабам, числам, потокам, к большим величинам и мощностям. Эйфелева башня в Париже, английский пароход «Титаник», небоскребы типа «Эмпайр Стейт Билдинг» — всё это убедительнейшие примеры макрофилии, или гигантомании, как отличительной черты индивидуалистической социальности. Большое значит прекрасное, идеальное. Логика гигантизма не знает пределов. В условиях индивидуализма ею захвачен весь образ жизни, в том числе и потребление, оно тоже должно быть большим, расширенным, максимальным.

Весьма приметна в этом типе социальности экономическая составляющая. По образу и подобию того, что и как происходит в экономике, распределяются богатство, власть, престиж, устанавливаются приоритеты и цели во всех других сферах или областях общественной жизни. Всё общество предстает здесь как единая индустриально-экономическая машина. Во всем чувствуется некая механическая (машинная) заведенность. Не отстает от общества в данном плане и человек — он утверждается в своей

экономической определенности, становясь *homo economicus*.

Социальная матричность экономики с ее прогрессирующей специализацией оборачивается «частичным работником», «одномерным человеком», «человеком-функцией», «ученым невеждой» и т. п. Все эти не очень симпатичные образы выражают в сущности одно — ограничение человека узким кругом деятельности (дальше носа тут поневоле ничего не увидишь), пожизненное закрепление индивида за отдельной операцией или одной какой-то функцией. Сборочный конвейер, где каждый, что называется, крутит свою гайку, можно считать воплощением и подтверждением такой функциональной специализации. Частичность и фрагментарность экономически структурированной социальности отчуждает человека от целей и задач более широкого целого (предприятия, отрасли, своей стратификационной группы, общества в целом), порождает безразличие, апатию, а подчас и желание что-то сломать, выбить, перевернуть (вспомним хотя бы английских луддитов XVIII и XIX вв.). Отчуждение переживается как зависимость от внешних, непонятных и явно превосходящих сил, сил подавляющих, безучастных, безжалостных…

В терминах логики исторической последовательности плюралистическая социальность есть постиндустриализм или постмодернизация. А это, помимо прочего, означает, что на первом месте здесь не экономическая эффективность или структурно-функциональная оптимальность, а расширяющиеся возможности для индивидуального выбора, самовыражение и самоутверждение личности, морально-этическая составляющая в отношениях между людьми, уровень межличностного доверия, уважение человеческого достоинства и т. п.

В противоположность индивидуализму плюрализм живет по принципу или закону демассификации, т. е. пролиферации различий, поощрения и возвышения индивидуальности (индивидуализации) человека…

Демассификация в сфере производства и услуг в корне подрывает макрофилийную любовь (любовь к большому), идеологию индустриальной

эпохи. Поощряется всё легкое, тонкое, красивое, короткое, маленькое. Именно маленькое становится синонимом красивого (идеального, совершенного). На слуху теперь явно не индустриальные вещи — диверсификация, миниатюризация и, как следствие, экономичность. Универсализация теряет связь с унификацией, сливаясь по сути с генерированием различий, нарастанием многообразия. Становится правилом выпускать продукцию мелкими сериями, как можно чаще обновлять. Всё больше товаров становятся «одноразовыми». От частичной к полностью индивидуализированной продукции — такова перспектива…

Постсоветское пространство все последние годы воспринималось в общественном сознании и самих россиян и европейцев как территория риска, слабо централизованная и управляемая, на которой вместо консолидируемых действий гражданского сообщества выживают изолированные, дисперсные индивиды, руководствующиеся двумя известными со времен античности этическими правилами: индивидуального спасения и личного интереса.

В восприятии ежедневной цепи рисков и катастроф в последние время появился еще один важный момент, связанный с мировой политикой. Роль его неоднозначна и противоречива. Внешнеполитические факторы задают своеобразный вектор усиления процессов национальной, государственной и надгосударственной идентичности нашего общества на «нерациональной» основе. По политическим меркам страна время от времени попадает в группу стран «оси зла». России всё активнее стараются определить нишу, которая была бы безопасна для остального мира. Похоже, что, несмотря на глобальность сформулированной парадигмы риска в контексте социальных трансформаций и изменений современного мира, европейские исследователи еще и сами не до конца осознали, что общество риска — это и наш социальный мир, составной частью которого является Россия как самая большая территория в мире. Жесткий индивидуализм россиян, приобретенный за годы реформ, существенно отличается от европейского социетального индивидуализма. И тем не менее, и тот и другой

индивидуализм нуждается не в опеке власти, а в социальной интеграции, которая, как и на заре человеческого существования, открывает единственно возможный путь к созиданию, развитию и выживанию. Индивидуалистическая концепция риска в любом варианте дает трещину, расщепляя мир человеческого и общественного и делая всё более сложным восхождение к историческим образцам социального…

Сэмюелс У. Дж. **«Истина» и «дискурс» в социальном конструировании экономической реальности: очерк об отношении знания к социально-экономической политике // Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке. М., 2015. С. 13–30. https://www.hse.ru/pubs/share/direct/demo_document/155867152.**

Гуманитарные или общественные науки, и в первую очередь экономика (в первую очередь, поскольку она наиболее очевидным образом претендует на статус «настоящей» науки), по существу представляют собой не только эпистемологические, но и социологические явления, связанные с дискурсом. Они представляют собой системы убеждений и способы дискурса. Смысл исторического, социального, политического и экономического явления создается, открывается и пересматривается человеком. Методология экономической науки, включая определенные научные школы, сложились как способы дискурса, как повествование, содержащее наборы метафор, строгий смысл которых не определен. Эти науки — способ размышления о мире, система верований, мировоззрений. Они являются некими представлениями реальности, каковы бы ни были их эпистемологические основы. Категории, в которых ведется такой дискурс, являются понятиями и смыслами, с помощью которых мы осознаем экономику, политику и общество. Понятия, используемые в таком дискурсе, являются знаками, смысл которых не обязательно происходит из внешнего мира, а

конструируется человеком, причем одни знаки взаимодействуют с другими. Понятие имеет лишь тот смысл, который мы в него вкладываем и затем используем. Различные направления научной мысли отдают предпочтение различным понятиям, различным значениям, различным представлениям реальности. Экономическая наука создала системы дискурса, в терминах которых объясняется и обсуждается то, что считается экономикой. Доминирующее направление экономической мысли, неоклассическая теория, являет собой иерархическую дискурсивную позицию, проистекающую из представления западной цивилизации о самой себе, например, как о пространстве, где действуют автономные, самодостаточные индивиды, нацеленные на максимизацию собственной выгоды. Одновременно она подтверждает эти представления.

Экономика (и политика, и общество в целом), в отличие от Солнечной системы или атома, строится и перестраивается человеком. Идеи, к которым мы применяем различные наборы эпистемологических критериев и которые формулируются в терминах и знаках, существующих в данной системе дискурса, живут в социально (ре)конструированной реальности. У этой социальной (ре)конструкции есть два альтернативных значения: в первом случае осуществляется социальное конструирование смысла, который мы придаем экономике, при том что последняя существует независимо; во втором — происходит социальное конструирование и экономики как таковой, и придаваемого ей смысла. Коль скоро наше знание об экономике — это тот смысл, который мы ей придаем, даже если она существует независимо, проблемы анализа дискурса и эпистемологии, бесспорно, всегда имеют к ней непосредственное отношение. О каком бы из значений ни шла речь, наиболее полезным было бы следующее предположение: экономика не существовала бы, если бы не существовали люди; экономика представляет собой артефакт, результат человеческой социальной (ре)конструкции. В той мере, в какой экономика является артефактом, для социальной (ре)конструкции важно не столько то, что «истинно» в эпистемологическом

смысле, сколько то, во что люди верят и на основании чего они действуют, а именно то, что отчасти создается. Если не будет человечества, то не будет и экономики, а Солнечная система и атомы будут. В этом смысле экономика отличается от Солнечной системы. Физическое содержимое земных недр существует независимо от человека; их же значение как полезных ископаемых исключительно связано с человеком. То же самое было бы, если бы человечество могло использовать Солнечную систему или манипулировать ею подобно тому, как оно использует минералы и металлы для изготовления средств производства и потребительских товаров, а атомы — для создания ядерного оружия.

Идея социальной <ре>конструкции реальности (сама по себе концептуализация реальности) подчеркивает важность избирательного восприятия, а также селективное усвоение нормативных установок в процессе, посредством которого реальность социально реконструируется. Контроль над дискурсом — это контроль над перцепциями, установками, а следовательно, над действиями и относительной актуализацией различных возможностей. Нетрудно представить, каким образом в ситуации, когда избирательная перцепция соединяется с иерархическими социальными структурами, убеждения производятся и подвергаются манипулированию.

...В общественных науках то, что мы считаем реальностью, скорее всего, по большей части представляет собой лишь предполагаемый базис, на котором происходит реконструкция реальности, а не онтологически данную реальность.

…Общественные науки (как описание и объяснение происходящего и как обоснование политики), а также социальная и экономическая политика исходят из предпосылки о важности человеческой деятельности. Даже те идеологические направления, которые проповедуют laissez-faire и «невмешательство», предлагают программы действий для правительства, и эти программы, хоть и в иной форме, тоже содержат инструменты социальной (ре)конструкции реальности. Если бы экономическая роль правительства

была заданной и являлась неотъемлемой частью реальности, не было бы никакой необходимости делать выбор между консерваторами, либералами, радикалами и т. д. — и не было бы никакой разницы между результатами сделанного выбора. …Хорошо известна позиция Д. Макклоски, не только теоретика и специалиста в области эконометрики, но и историка экономической мысли и при этом — одного из лидеров направления, рассматривающего экономическую науку с позиций риторического подхода. Близкая точка зрения высказывалась и другими экономистами, пусть и не в таком развернутом виде и не так безоговорочно. Теоретик общего равновесия Рой Вайнтрауб стал первым, кто был готов признать то, что вытекает из дискурсивной и допускающей различные толкования природы экономики. За ним вскоре последовали Арье Кламер и Уильям Брейт, а также Джек Амарильо и Дональд Лавуа. Роберт Солоу не пошел так далеко и был не столь решительным, однако и он соглашался с тем, что господствующая вера экономистов мейнстрима в «единственно верную модель» имеет социальную природу. Склонность рассматривать экономическую науку как язык обнаруживали и теоретики, работы которых в остальных отношениях никак не были связаны с анализом дискурса или риторики. Джек Хиршлейфер называет экономику «всеобщей грамматикой общественных наук». Джордж Стиглер пишет, что «дефиниции не дают никакого знания о реальном мире, но влияют на восприятие мира», — следовательно, они важны как для теории, так и для политики. Мартин Бронфенбреннер упоминает о той высокой оценке, которую он дал «теоретической механике системы цен… как интеллектуальной конструкции».

Блауг М. **Формалистическая революция 1950-х годов // Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке. С. 37–56.**

https://www.hse.ru/pubs/share/direct/demo_document/155867152.

В 1950-е гг. в экономической науке произошло событие, которое не было по достоинству оценено большинством экономистов и даже профессиональными историками экономической мысли. Наша наука пережила интеллектуальную революцию не менее глубокую и важную, чем так называемая кейнсианская революция довоенных лет. Я называю ее формалистической революцией (formalist revolution), следуя примеру Уорда, который первым распознал ту интеллектуальную трансформацию, которую претерпела экономическая теория после окончания Второй мировой войны. Принято считать, что в период между двумя мировыми войнами в экономической науке главной тенденцией была борьба между институционалистами и неоклассиками. Методологии экономической науки в то время лучше всего подходит термин «плюрализм». То необыкновенно распространенное единообразие аналитического стиля среди экономистов, которое мы сегодня называем неоклассической экономической теорией, сложилось только в 1950-е гг. Преображение экономической науки в конце 1940-х и в 1950-е гг. точно названо «формалистическая революция», потому что оно отмечено тем, что экономисты стали отдавать форме экономического аргумента не просто предпочтение, но абсолютное предпочтение перед его содержанием.

Для этого потребовалось исключить гипотезу о том, что рынки могут приспосабливаться не через цены, а через количества, или, во всяком случае, что рынки могут быстрее приспосабливаться через количества, чем через цены. Маршалл и Вальрас всегда расходились во мнениях относительно условий устойчивости конкурентного рынка, но ни один из них так и не прояснил, что это расхождение касалось конкретно процесса конкуренции... Для Маршалла парадигматическим случаем рыночного приспособления была экономика производства, в которой производители-продавцы корректируют выпуск продукции в ответ на высокую цену спроса, в то время как для Вальраса таковым была экономика обмена, в которой покупатели

корректируют свои ценовые предложения в ответ на излишний спрос, который, как предполагается, является типичным. Возрождение теории общего равновесия в 1930-е гг. похоронило саму идею корректировки количеств даже на рынках труда. Когда же в 1950-е гг. началась формалистическая революция, почти абсолютный запрет на анализ неравновесия окончательно утвердил корректировку цен как единственный возможный способ реакции рынков на потрясения. По мере того как экономическая наука становилась все более статической, все неценовые формы конкуренции: удачное расположение, инновационные продукты, рекламные войны, быстрая доставка, улучшение качества технического и гарантийного обслуживания и т. д. — оказались переданы таким непрестижным научным дисциплинам, как маркетинг и бизнес-менеджмент. Даже теория отраслевых рынков — единственная область экономической науки, благодаря которой у студентов была надежда узнать что-нибудь о конкуренции, — в 1970–1980-е гг. уцелела в стандартном учебном плане экономических факультетов университетов, только приняв теорию игр в качестве основного аналитического инструмента. Совершенная конкуренция никогда не существовала и никогда не могла существовать, в этом единогласно сходятся все учебники, однако реальный мир, говорят нам, приблизительно похож на идеализированный мир совершенной конкуренции. Откуда нам это известно? Так об этом свидетельствуют исторические аналогии. Именно неформальные, ненаучные оценки убеждают нас в том, что конкурентные рынки работают лучше, чем централизованно планируемые экономики. Рыночная экономика информационно экономна, технически динамична и отзывчива к потребительскому спросу, поэтому мы оцениваем капитализм выше социализма, несмотря на присущие ему периодические экономические кризисы и неравномерное распределение доходов. Коротко говоря, мы оцениваем систему частного предпринимательства в терминах динамических последствий процессов, происходящих на рынке.

Долматов И. А. **Онтологический аспект исследования экономической реальности: автореф. … канд. филос. наук. Магнитогорск, 1999. http://www.dissercat.com/content/ontologicheskii-aspekt-issledovaniya-ekonomicheskoi-realnosti#ixzz48MwrocZP**.

Философское обращение к экономической реальности актуально для экономической теории, так как дает ей возможность преодолеть известную «большую антиномию» (В. Ойкен): развивать теоретический аппарат и не пренебрегать фактами повседневной жизни.

Философское исследование данной проблемы актуально и для практической экономики, поскольку создается возможность осознания новых путей развития. Принято справедливо считать, что одним из важнейших аспектов целостного изучения экономических процессов является философский. В этом смысле общеизвестна сентенция Дж. М. Кейнса о том, что «настоящий экономист, знаток своего дела должен быть математиком, историком, государственным деятелем, философом». Использование философских средств в познавательном процессе экономики соответствует общенаучной тенденции синтетического ее рассмотрения с учетом специально-конкретных исследований, что должно способствовать более глубокому осознанию общих тенденций развития и философского и экономического познания, а также синтетическому развитию и практической реализации философского и экономического знания.

Определение экономической реальности является пограничной областью изучения философии и экономики. Здесь важно учитывать то обстоятельство, что реальность (и экономическая реальность) — это исторически подвижный феномен, который не существует в некотором строгом, неизменном и «чистом виде» и нуждается в постоянном исследовании по мере собственного изменения и развития. Как некоторое гипостазированное

образование экономика выходит достаточно часто за пределы человеческого управления, и тогда собственно экономика (как способ ведения хозяйства) «вырывается» из-под влияния людей — пример тому «кризис» как гипостазированный фантом, оказывающий драматическое воздействие на человечество. Уже сейчас можно предвидеть, что и последующие поколения мыслящего сообщества будут обращаться к эпифеномену экономической реальности.

Как субстратное образование экономическая реальность есть одна из составляющих бытия. В контексте эссенциальной семантики экономическая реальность есть результат «ведения хозяйства» (экономики) и, тем самым, есть одна из функциональных составляющих жизнедеятельности людей. Философский статус экономической реальности обретается в интенции научного сообщества к деидеологизации экономической деятельности и научно-экономического познания, экстраполяции гипостазированных феноменов чувственных переживаний, институализации технократических феноменов в качестве онтических.

Экономическая реальность есть феномен бытия, его частный случай, как и другие реальности (социальная, физическая, политическая, виртуальная и др.).

Онтогенез экономической реальности возможно институировать как историческую и актуальную форму обеспечения витальных, экзистенциальных и эссенциальных неосознанных дериватов. Указанные дериваты наличествуют в глубинах бытия, трансформируются, и их реализация в масштабах общества формирует макроструктуру экономической реальности: витальную, экзистенциальную и эссенциальную сферы самообеспечения общества.

С точки зрения теории самоорганизации витальная сфера является аттракционной в экономической реальности, экзистенциальная — бифуркационной. Эссенциальная сфера является наиболее противоречивой, где происходит инновационный процесс развития и, равно, осуществляются

флуктуационные процессы.

Элементарные свойства экономии формируются в «глубинах» бытия — исторически первой формой экономической реальности выступает обмен результатами энергетических затрат. Человек унаследовал витальные и экзистенциальные дериваты жизнеобеспечения, и это наследование человек подверг качественной метаморфозе, реализуя их в эссенциальной (творческой) сфере.

Творческий потенциал человека реализуется в процессе экономической деятельности путем инновационного созидания. В новации кристализуется творческая предметно-преобразующая деятельность.

5. С онтологической точки зрения субъект экономической реальности — это одна из форм разрешенного бытия, генетическим признаком которой является трансформация свойства онтической спонтанности движения в сознательную творческую деятельность человека в процессе регулирования обменом результатами энергетических затрат. Объект экономической реальности — обеспечение витальной, экзистенциальной и эссенциальной сфер существования.

Авдонин А. Н. **Социальное знание и реальность (на материале экономической теории)// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7). С. 10-15. ISSN 1997-292X.www.gramota.net/materials/3/2011/1/1.html.**

На социально-философском уровне существуют две влиятельные эквивалентно-альтернативные концепции социального бытия: формационная и цивилизационная. С точки зрения формационной концепции история человечества представляет собой объективно-закономерный переход от первобытно-общинной общественно-экономической формации через

рабовладельческую, азиатскую, феодальную и капиталистическую формации к коммунистической общественно-экономической формации. В немарксистском социальном знании существует похожее на формационную концепцию представление исторического процесса как движения от традиционного общества к индустриальному и, далее, к постиндустриальному. Цивилизационная же концепция учитывает личностный фактор, существенное значение духовной культуры, но настаивает на жесткой локальности выделяемых ею форм бытия общества, на их изолированности. Преодоление этого недостатка особенно важно в наше время, когда над самим существованием человечества нависли глобальные угрозы: термоядерная, экологическая, ресурсная, демографическая и другие; когда для эффективного их решения требуется всеобщее единство человечества. Возникает, следовательно, необходимость в глобальной типологии социально-исторической реальности. Такая типология была создана Марксом. С одной стороны, им выделяется общество преобладания личной зависимости, в котором социальная мощь принадлежит одним лицам, как власть над другими людьми, а производительные силы развиваются лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. С другой — общество преобладания вещной зависимости, в котором социальная мощь принадлежит вещам (деньгам, капиталу), но именно поэтому люди лично свободны по отношению друг к другу

Опираясь на идеи К. Маркса и К. С. Ситарама, Р. Т. Колделла, можно выделить в основе западной формы социально-исторического бытия отношения частной собственности на средства производства, экономического принуждения, примат личной свободы, идеи индивидуализма, права, рациональности, прагматичности, научно-технического прогресса и преобразования внешнего мира. В основе же восточной формы социального бытия лежат отношения государственной, институциональной собственности на средства производства, насилия над личностью, идеи коллективизма, морали, душевности, духовности,

циклического развития и преобразования внутреннего мира человека. Значит, и с марксистской, и с немарксистской точки зрения правомерно говорить о двух мегаформах социального бытия: предметно-социальной западной и персонально-социальной восточной. Значит, тезис о разделении человеческого социума на западное и восточное общества есть тот общий инвариант глобальных эквивалентно-альтернативных концепций, который выдержал интерконцепционную проверку. В аспекте социального развития знания большое и заслуженное распространение приобрела разработанная В. С. Степиным концепция классического, неклассического и постнеклассического типа науки. Рассмотрим развитие экономической науки и теории через призму этой концепции. Классическая наука XVII–XVIII вв. характеризуется тем, что ради достижения объективности и предметности научного знания из описания и объяснения исключалось всё, что относится к субъекту и процедурам его познавательной деятельности. Идеалом было построение абсолютно истинного знания, точно воспроизводящего объект познания.

Неклассическая наука второй половины XIX — первой половины XX столетия характеризовалась отказом от прямолинейного соответствия знаний реальности, пониманием относительной истинности всякого наличного их состояния. Вместо стремления к единственно верной теории, допускается сосуществование нескольких отличающихся друг от друга теоретических описаний одного и того же объекта. Если в классической науке субъект познания жестко отделялся в знании от объекта познания, то в неклассической науке — в частности, в теории относительности — он, вместе с описанием средств и операций его активной исследовательской деятельности, включался в научное знание.

…Таким образом, в ходе глобального развития науки на протяжении последних веков проявилось последовательное движение к более полному воспроизведению реальности, к объединению объекта познания, средств познания и субъекта познания вместе с его ценностно-целевыми структурами

в совокупном и частном научно-теоретическом знании, к сближению научно-теоретического знания с познаваемой социально-природной реальностью.

Особенности классического социального знания и предметно-социальной реальности

Рассмотрим развитие экономической науки и теории через призму концепции классической (механической), неклассической и постнеклассической науки. Но прежде остановимся на специфике социального знания, так как экономическое знание относится к социальному. Социальное знание соединяет в себе два эквивалентно-альтернативных знания: натуралистическое и культурологическое. Натуралистическое социальное познание изучает общественную жизнь по стандартам наук о природе, сквозь призму объективно-общих законов ее бытия, культурологическое социальное познание — сквозь призму субъективных индивидуализирующих принципов знания о культуре. На сегодняшний день можно говорить о двух чертах культурологического аспекта социального знания и реальности. Первая черта заключается в индивидуальных особенностях, вторая — в субъективно-эмоциональной форме его бытия и познания. Представленная выше структура социального познания характеризует и классическое социальное знание о предметно-социальной реальности.

Отсюда следует вывод о существовании двух эквивалентно-альтернативных теорий классической экономической науки: объективно-ориентированной теории трудовой стоимости и субъективно-ориентированной теории предельной полезности. Теория трудовой стоимости строилась классиками при идеализирующем допущении равенства спроса и предложения. Это положение занимало в теории трудовой стоимости такое же место, какое в классической механике занимал закон инерции. Сформулируем его в форме закона: если на товары не действуют никакие другие факторы, они обмениваются (движутся) в состоянии равенства спроса и предложения.

Закон инерции привел к свертыванию механического тела в материальную точку с исключенными из научного познания и знания размерами и выявлению параметра инерциальной массы, его отделению от веса. Закон равенства спроса и предложения — к выявлению порождаемого трудом параметра товара в виде объективированной формы абстрактно-общего социального труда, стоимости; к свертыванию разнообразия потребительных стоимостей обмениваемых товаров к качественному однообразию стоимости, идеализированного объекта теории трудовой стоимости.

…Продукты массового производства, доведенные до равенства предложения спросу, становятся стандартными товарами. Следовательно, они требуют от рабочих стандартных физических и духовных способностей, высокой исполнительской дисциплины. Происходит свертывание понятия «рабочая сила» до теоретического объекта, в котором духовных сил ровно столько, сколько нужно для производства стандартного товара. Другим неявным допущением теории трудовой стоимости было предполагание неограниченного количества ресурсов, необходимых для существования и развития материального производства. Культурологическая классическая теория предельной полезности исследует не производительный, а потребительский полюс экономического бытия; не объективно-материальную, а субъективно-мотивационную его сторону; не затраты, а конечные результаты. Если теория трудовой стоимости делала акцент на эквивалентном отношении обмена товаров, то теория предельной полезности — на ограниченной совокупной полезности того или иного товара. Совокупная полезность товара не гомогенна для потребителя, а гетерогенна. Если первая единица жизненно важного товара обладает бесконечной ценностью, то каждая последующая единица — меньшей ценностью. Иначе говоря, перед нами совокупность товаров с субъективно убывающей оценкой их ценности.

Стоимость стандартного товара, как показала теория трудовой стоимости Маркса, обусловлена абстрактно-общим и абстрактно-социальным

стандартным трудом. Что тогда лежит в основе стоимости нестандартного товара? На наш взгляд, креативный (творческий) труд по созданию качественно нового или более совершенного товара и доведению его производства до масштабов, удовлетворяющих общественную потребность. Конкретно-креативный труд создаст качественно новую или более совершенную потребительную стоимость. Абстрактно-креативный труд создает креативную стоимость; затраченный на производство первого образца нового товара, он переносится на все товары данного рода до тех пор, пока масштабы их производства не удовлетворят общественную потребность. Повышенная стоимость инновационного товара есть оплата затраченного на его создание и реализацию креативного труда и совершающегося за его счет прогресса общества. Но в то же время она экономически стимулирует стремление товаропроизводителей и предпринимателей формировать новую общественную потребность впервые созданным продуктом труда, чтобы удовлетворить имеющуюся общественную потребность более совершенным товаром, дает дополнительный доход и средства для последующего удовлетворения общественной потребности в данном инновационном товаре. Инновационный товар есть предметное воплощение прогрессивного развития общества. Таким образом, общество и творческие предприниматели кровно заинтересованы в креативном абстрактно-общем и абстрактно-социальном труде и креативной стоимости для своего качественного прогресса. Но общество и конкурирующее предпринимательское сообщество, старающееся получить часть дополнительной прибыли, воленс-неволенс доводит производство инновационного товара до превращения его в стандартный товар. При этом стандартный труд и стандартная стоимость выражают экзистенциальную сторону бытия общества, а креативный труд и креативная стоимость — эволюционную его сторону. Без стандартного труда и стандартной стоимости нет существования общества, без креативного труда и креативной стоимости нет его развития.

...Будущая постнеклассическая социальная теория и знание на уровне экономической теории представляются нам динамичным синтезом экогуманитарной теории креативно-трудовой стоимости и экогуманитарной теории креативно-предельной полезности. Высказанные теоретически соображения представляют, по нашему мнению, интерес для инновационной и экогуманитарной коррекции направления экономического и социального развития России и других стран.

1.5. Культурно-цивилизационные аспекты профессиональной деятельности

Данилевский Н. Я. **Россия и Европа. М., 2003. С. 111–114, 115–137, 505–546. http://monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm.**

Культурно-исторические типы и их перечисление

…Итак, естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться.

Отыскание и перечисление этих типов не представляет никакого затруднения, так как они общеизвестны. За ними не признавалось только их первостепенного значения, которое, вопреки правилам естественной системы и даже просто здравого смысла, подчинялось произвольному и, как мы видели, совершенно нерациональному делению по степеням развития. Эти культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке, суть:

1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический, или аравийский и

10) германо-романский, или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американских типа — мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития. Только народы, составлявшие эти культурно-исторические типы, были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые он был поставлен, и этим вносил свой вклад в общую сокровищницу. Между ними должно отличать типы уединенные от типов, или цивилизаций, преемственных, плоды деятельности которых передавались от одного другому, как материалы для питания, или как удобрение (то есть обогащение разными усвояемыми, ассимилируемыми веществами), той почвы, на которой должен был развиваться последующий тип. Таковыми преемственными типами были: египетский, ассирийско-вавилоно-финикийский, греческий, римский, еврейский и германо-романский, или европейский. Так как ни один из культурно-исторических типов не одарен привилегией бесконечного прогресса и так как каждый народ изживается, то понятно, что результаты, достигнутые последовательными трудами этих пяти или шести цивилизаций, своевременно сменявших одна другую и получивших к тому же сверхъестественный дар христианства, должны были далеко превзойти совершенно уединенные цивилизации, каковы китайская и индийская, — хотя бы эти последние и одни равнялись всем им продолжительностью жизни. Вот, кажется мне, самое простое и естественное объяснение западного прогресса и восточного застоя. Однако же и эти уединенные культурно-исторические типы развивали такие стороны жизни, которые не были в той же мере свойственны их более счастливым соперникам, и тем содействовали многосторонности проявлений человеческого духа, — в чем, собственно, и заключается прогресс…

…В мире человечества, кроме положительно-деятельных культурных типов, или самобытных цивилизаций, есть еще временно появляющиеся

феномены, смущающие современников, как гунны, монголы, турки, которые, совершив свой разрушительный подвиг, помогши испустить дух борющимся со смертью цивилизациям и разнеся их остатки, скрываются в прежнее ничтожество. Назовем их отрицательными деятелями человечества. Иногда, впрочем, и зиждительная, и разрушительная роль достается тому же племени, как это было с германцами и аравитянами. Наконец, есть племена, которым (потому ли, что самобытность их прекращается в чрезвычайно ранний период их развития, или по другим причинам) не суждено ни зиждительного, ни разрушительного величия — ни положительной, ни отрицательной исторической роли. Они составляют лишь этнографический материал, то есть как бы неорганическое вещество, входящее в состав исторических организмов — культурно-исторических типов; они, без сомнения, увеличивают собой разнообразие и богатство их, но сами не достигают до исторической индивидуальности. Таковы племена финские и многие другие, имеющие еще меньше значения.

Иногда нисходят на эту ступень этнографического материала умершие и разложившиеся культурно-исторические типы в ожидании, пока новый формационный (образовательный) принцип опять не соединит их в смеси с другими элементами в новый исторический организм, не воззовет к самостоятельной исторической жизни в форме нового культурно-исторического типа. Так случилось, например, с народами, составлявшими Западную Римскую империю, которые и в своей новой форме, подвергшись германскому образовательному принципу, носят название романских народов.

Итак, или положительная деятельность самобытного культурно-исторического типа, или разрушительная деятельность так называемых бичей Божьих, предающих смерти дряхлые (томящиеся в агонии) цивилизации, или служение чужим целям в качестве этнографического материала — вот три роли, которые могут выпасть на долю народа…

…Они должны проистечь из самого расположения фактов, как только

исторические явления станут на подобающее им относительно друг к другу место, не будучи насильственно натягиваемы в угоду какой-либо предвзятой идее, из них самих вытекающей; таковой мы считаем идею расположения явлений всемирной истории по ступеням развития, приведшую к нерациональному делению ее на древнюю, среднюю и новую — три отдела, составляющие будто бы эволюционные фазисы развития всего человечества, взятого в целом, — причем качественное различие племен человеческого рода совершенно упускается из вида.

Культурно-исторические типы и некоторые законы их движения и развития

…Начну прямо с изложения некоторых общих выводов или законов исторического развития, вытекающих из группировки его явлений по культурно-историческим типам.

Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и

богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу.

Первые два вывода не требуют больших пояснений, сомневаться в них невозможно. В самом деле, из десяти культурно-исторических типов, развитие которых составляет содержание всемирной истории…

Более подробного рассмотрения и разъяснения требует **третий закон** культурно-исторического развития. История древнейших культурно-исторических типов — Египта, Китая, Индии, Ирана, Ассирии и Вавилона — слишком мало известна в своих подробностях, чтобы можно было подвергнуть наше положение критике самих событий из истории этих цивилизаций; но сами результаты этой истории вполне его подтверждают…

…Неужели же историческая деятельность, результаты, достигнутые жизнью одного культурно-исторического типа, остаются совершенно бесплодными для всех остальных ему современных или последующих типов? Неужели должны типы эти оставаться столь же чужды один другому, как, например, Китай для остального мира? Конечно, нет. Выше было уже замечено, что преемственные культурно-исторические типы имеют естественное преимущество перед уединенными. Каким же образом происходит это преемство? Вся история доказывает, что цивилизация не передается от одного культурно-исторического типа другому, но из этого не следует, чтоб они оставались без всякого воздействия друг на друга, только это воздействие не есть передача, и способы, которыми распространяется цивилизация, надо себе точнее уяснить.

Самый простейший способ этого распространения есть пересадка с одного места на другое посредством колонизации…

Другая форма распространения цивилизации есть прививка, и обыкновенно это и разумеют под передачей цивилизации. Но, к сожалению, прививку разумеют здесь в таинственном, мистическом смысле, приписываемом этой операции людьми… Наконец, есть еще способ воздействия цивилизации на цивилизацию. Это тот способ, которым Египет и Финикия действовали на Грецию, Греция — на Рим (во сколько это последнее действие было полезно и плодотворно), Рим и Греция — на германо-романскую Европу… Под такими условиями народы иного культурного типа могут и должны знакомиться с результатами чужого опыта, принимая и прикладывая к себе из него то, что, так сказать, стоит вне сферы народности, то есть выводы и методы положительной науки, технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности…

Четвертый общий вывод, сделанный на основании группировки исторических явлений по культурно-историческим типам, говорит нам, что цивилизация, то есть раскрытие начал, лежащих в особенностях духовной природы народов, составляющих культурно-исторический тип, под влиянием своеобразных внешних условий, которым они подвергаются в течение своей жизни, тем разнообразнее и богаче, чем разнообразнее, независимее составные элементы, то есть народности, входящие в образование типа. Самые богатые, самые полные цивилизации изо всех доселе на земле существовавших принадлежат, конечно, мирам греческому и европейскому…

Пятый закон культурно-исторического движения состоит в том, что период цивилизации каждого типа сравнительно очень короток, истощает силы его и вторично не возвращается. Под периодом цивилизации разумею я время, в течение которого народы, составляющие тип, вышедши из бессознательной, чисто этнографической формы быта (что, собственно, должно бы соответствовать так называемой древней истории), создав,

укрепив и оградив свое внешнее существование как самобытных политических единиц (что, собственно, составляет содержание всякой средней истории), проявляют преимущественно свою духовную деятельность во всех тех направлениях, для которых есть залоги в их духовной природе, не только в отношении науки и искусства, но и в практическом осуществлении своих идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния. Оканчивается же этот период тем временем, когда иссякает творческая деятельность в народах известного типа: они или успокаиваются на достигнутом ими, считая завет старины вечным идеалом для будущего, и дряхлеют в *апатии самодовольства* (как, например, Китай); или достигают до неразрешимых, с их точки зрения, антиномий, противоречий, доказывающих, что их идеал (как, впрочем, и всё человеческое) был неполон, односторонен, ошибочен, или что неблагоприятные внешние обстоятельства отклонили его развитие от прямого пути — в этом случае наступает разочарование, и народы впадают в *апатию отчаяния.* Так было в Римском мире во время распространения христианства…

Если период цивилизации бывает относительно так краток, то зато предшествующее ему время — и особливо древний, или этнографический, период, начинающийся с самого момента выделения культурно-исторического племени от родственных с ним племен,— бывает чрезвычайно длинным.

Таким образом, усложнение, нераздельное с совершенствованием, кладет необходимый предел существенному прогрессу в той отрасли человеческого ведения (или вообще человеческой деятельности), на которую в течение долгого времени было обращено внимание, в том направлении, на которое преимущественно употреблялись усилия. Дабы поступательное движение вообще не прекратилось в жизни всего человечества, необходимо, чтобы, дойдя в одном направлении до известной степени совершенства, началось оно с новой точки исхода и шло по другому пути, то есть надо, чтобы вступили на поприще деятельности другие психические особенности,

другой склад ума, чувств и воли, которыми обладают только народы другого культурно-исторического типа.

Прогресс, как мы сказали выше, состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития…

…Выше я старался показать, что правильная, сообразная с законами естественной системы группировка исторических явлений приводит нас к тому выводу, что до сих пор развитие человечества шло не иначе, как через посредство самобытных культурно-исторических типов, соответствующих великим племенам, то есть через посредство самобытных национальных групп; остается показать, что оно иначе идти и не может.

Шпенглер О. **Закат Европы. М., 1998. С. 163–169. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Speng_2/index.php.**

Гибель Запада, рассмотренная таким образом, означает не больше и не меньше как *проблему цивилизации.* Здесь налицо один из основных вопросов всякой истории более преклонного возраста. Что такое цивилизация, понятая как органически-логическое следствие, как завершение и исход культуры?

Ибо у каждой культуры есть своя *собственная* цивилизация. Впервые эти оба слова, обозначавшие до сих пор смутное различие этического порядка, понимаются здесь в периодическом смысле, как выражение строгой и необходимой *органической последовательности.* Цивилизация — неизбежная *судьба* культуры. Здесь достигнут тот самый пик, с высоты которого становится возможным решение последних и труднейших вопросов исторической морфологии. Цивилизации суть *самые крайние* и *самые*

искусственные состояния, на которые способен более высокий тип людей. Они — завершение; они следуют за становлением как ставшее, за жизнью как смерть, за развитием как оцепенение, за деревней и душевным детством, засвидетельствованным дорикой и готикой, как умственная старость и каменный, окаменяющий мировой город. Они — *конец* без права обжалования, но они же в силу внутренней необходимости всегда оказывались реальностью…

…Переход от культуры к цивилизации происходит в античности в IV в., на Западе — в XIX в. С этого рубежа великие духовные решения приходятся уже не на «весь мир», как это было ко времени орфического движения и Реформации, где на счету оказывалась каждая деревня, а на три или четыре мировых города, которые всосали в себя всё содержание истории и по отношению к которым совокупный ландшафт культуры опускается до ранга провинции, только и занятой тем, чтобы питать мировые города остатками своей высшей человечности. *Мировой город и провинция* — этими основными понятиями каждой цивилизации очерчивается совершенно новая проблема формы истории, которую мы, нынешние люди, как раз переживаем, не имея даже отдаленного понятия обо всех ее возможных последствиях…

...*Культуры суть организмы.* Всемирная история — их общая биография. Огромная история китайской или античной культуры представляет собой морфологически точное подобие микроистории отдельного человека, какого-нибудь животного, дерева или цветка. Для фаустовского взора речь идет здесь не о каком-то притязании, но об опыте. Если есть желание узнать повсеместно повторяющуюся внутреннюю форму, то сравнительная морфология растений и животных давно уже подготовила соответствующую методику. В судьбе отдельных, сменяющих друг друга, вырастающих друг возле друга, соприкасающихся, оттесняющих и подавляющих друг друга культур исчерпывается содержание всей человеческой истории.

…На этой поверхности, однако, величественными кругами расходятся

волны великих культур. Они внезапно всплывают, расширяются в роскошных линиях, успокаиваются, исчезают, и зеркало прилива вновь одиноко и дремлюще вытягивается на опустевшем месте.

Культура рождается в тот миг, когда из прадушевного состояния вечно-младенческого человечества пробуждается и отслаивается великая душа, некий лик из пучины безликого, нечто ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего. Она расцветает на почве строго отмежеванного ландшафта, к которому она остается привязанной чисто вегетативно. Культура умирает, когда эта душа осуществила уже полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук и таким образом снова возвратилась в прадушевную стихию… Каждая культура обнаруживает глубоко символическую и почти мистическую связь с протяженностью, с пространством, в котором и через которое она ищет самоосуществления. Как только цель достигнута и идея, вся полнота внутренних возможностей, завершена и осуществлена вовне, культура внезапно *коченеет,* отмирает, ее кровь свертывается, силы надламываются — она становится *цивилизацией…*

…Таков смысл всех *закатов* в истории — внутреннего и внешнего завершения, доделанности, ожидающей каждую живую культуру, — из числа которых в наиболее отчетливых контурах вырисовывается перед нами «закат античности», между тем как уже сегодня мы явственно ощущаем в нас самих и вокруг себя брезжущие знамения нашего — вполне однородного по течению и длительности с названным — события, которое падает на первые века ближайшего тысячелетия, — «заката Европы».

Каждая культура проходит возрастные ступени отдельного человека. У каждой есть свое детство, своя юность, своя возмужалость и старость…

Тойнби А. Д. **Постижение истории. М., 1991. С. 81–91. http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000991/index.shtml**;

http://royallib.com/book/toynbi_arnold/postigenie_istorii.html.

Ложность концепции «единства цивилизации»

Ответив на возражение, согласно которому цивилизации слишком разнородны для сравнения, ответим на прямо противоположное ему, но также допустимое возражение, что цивилизации, будучи однородными, по сути тождественны, и мы фактически имеем дело не с двадцатью одной цивилизацией, а только с одной-единственной. Цивилизация эта уникальна, и ее не с чем сравнивать. Этот тезис о «единстве цивилизации» является ложной концепцией, весьма популярной среди современных западных историков, мышление которых находится под сильным влиянием социальной среды.

Одна из причин, породивших это заблуждение, заключается в том, что современная западная цивилизация распространила свою экономическую систему по всему миру. За экономической унификацией, которая зиждется на западном основании, последовала и политическая унификация, имеющая то же основание и зашедшая почти столь же далеко. Несмотря на то что политическая экспансия западного мира в наши дни не столь очевидна и наступательна, как экспансия экономическая, тем не менее, около 60–70 государств современного мира, включая также существующие незападные государства, в настоящее время оказались членами (в разной степени включенности) единой мировой системы государств с единым международным правом.

Западные историки преувеличивают значимость этих явлений. Во-первых, они считают, что в настоящее время унификация мира на экономической основе Запада более или менее завершена, а значит, как они полагают, завершается унификация и по другим направлениям. Во-вторых, они путают унификацию с единством, преувеличивая, таким образом, роль ситуации, исторически сложившейся совсем недавно и не позволяющей пока говорить о создании единой Цивилизации, тем более отождествлять ее с

западным обществом.

Западное общество провозглашается, тем не менее, цивилизацией уникальной, обладающей единством и неделимостью, цивилизацией, которая после длительного периода борьбы достигла наконец цели — мирового господства. А то обстоятельство, что ее экономическая система держит в своих сетях всё человечество, представляется как «небесная свобода чад Божиих».

Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора…

…Ложная концепция «единства истории» на базе западного общества имеет еще одну неверную посылку — представления о прямолинейности развития.

Это не что иное, как простейший образ волшебного бобового стебелька из сказки, который пробил землю и растет вверх, не давая отростков и не ломаясь под тяжестью собственного веса, пока не ударится головой о небосвод. В начале нашего труда была предпринята попытка применить понятие эволюции к человеческой истории. Было показано, как представители одного и того же вида обществ, оказавшись в одинаковых условиях, совершенно по-разному реагируют на испытания — так называемый вызов истории. Одни сразу же погибают; другие выживают, но такой ценой, что после этого уже ни на что не способны; третьи столь удачно противостоят вызову, что выходят не только не ослабленными, но даже создав более благоприятные условия для преодоления грядущих испытаний; есть и такие, что следуют за первопроходцами, как овцы следуют за своим вожаком. Такая концепция развития представляется нам более приемлемой, чем старомодный образ бобового ростка, и мы в нашем исследовании будем исходить именно из нее.

Деление истории на «древнюю» и «современную» фиксирует переход

от эллинской истории к западной, тогда как деление на «средневековую» и «современную» относится к переходу от одной главы западной истории к другой. Не преследуя отдаленных целей, отметим пока, что конвенциональная формула «древняя + средневековая + новая» история не только неадекватна, но и неправильна.

Философский аспект временных координат обществ данного вида

Наши критики могут отрицать сопоставимость выявленных ранее двадцати одной цивилизации на том основании, что они не совпадают во времени. Если семь из них — живые общества, то остальные четырнадцать — мертвые. По меньшей мере три из них — минойское, египетское и шумерское общества — существовали на «заре истории». Эти три цивилизации, а возможно, также и другие отделены от ныне живущих длительным периодом исторического времени.

Здесь можно возразить одно: Время относительно, и период, прошедший со времени появления ранних цивилизаций до наших дней, период, составляющий менее шести тысяч лет, должен быть соотнесен с соответствующей временной шкалой…

…К тому же абсолютный возраст цивилизаций в сравнении с их сестринским видом — примитивными обществами — весьма мал. Однако у нас есть основания полагать, что человеческий род существует в течение нескольких сотен тысяч лет, а примитивные общества — сверстники самого Человечества, поскольку общественная жизнь — необходимое условие жизни человека.

Теперь ясно, что контрдовод, который мы пытаемся опровергнуть, основывается просто на ошибке в рассуждении. «Историческое время», которое кажется пропастью между цивилизациями, находящимися на противоположных полюсах временной оси, на самом деле совпадает с временем, прошедшим с момента возникновения первого представителя вида до настоящего времени. Человек превратился в Человека, создав

примитивное общество. Если возраст Человечества равняется приблизительно 300 тысяч лет, то возраст цивилизаций, отождествляемый до сих пор с длительностью человеческой истории, равен менее чем 2 % данного отрезка. На этой временной шкале жизни все выявленные нами цивилизации распределяются не более чем в три поколения обществ и сосредоточены в пределах менее пятой части времени всей жизни Человечества. С философской точки зрения жизнь их протекает в одно и то же время.

Философский аспект эквивалентности обществ данного вида

Возможно, наши критики согласятся признать, что цивилизации сравнимы между собой, но они, по всей вероятности, будут утверждать, что эта сравнимость имеет чисто формальный характер. Разве она не ограничена рамками некоторых внешних характеристик? Поэтому не правильнее ли будет провести разграничительную черту, отделив значимые цивилизации от незначимых? А предположив, что значимая цивилизация является каким-то одним представителем вида, не придем ли мы другим путем к тому же тезису о «единстве цивилизации»?

Однако нельзя забывать, что любая ценностная характеристика всегда несет субъективную окраску. Так стоит ли, преодолев заблуждение относительно уникальности своей цивилизации, вновь впадать в старый грех, настаивая, что одна цивилизация может быть значимее другой? Та же эгоцентрическая иллюзия в новой форме. Можно также напомнить критикам, что ценность, подобно времени, относительна.

Чтобы построить для сравнения оценочную шкалу, которая была бы в известной степени абсолютной, необходимо сравнивать цивилизации не только друг с другом с учетом конечной целевой установки каждой, но и с примитивными обществами, от которых они отличаются общим видовым свойством. Необходимо определить, сколь далеко они продвинулись в достижении своей и общей цели и насколько отстоят от наиболее высокого

уровня, достигнутого примитивными обществами. Лишь осуществив эти измерения, можно будет говорить о значимости каждой отдельной цивилизации и попытаться установить высшую точку развития их.

Последняя мысль особенно важна, поскольку цивилизации представляют собой не статические формации, а динамические образования эволюционного типа. Они не только не могут пребывать в состоянии покоя, но не могут и произвольно менять направление, как если бы они двигались по улице с односторонним движением…

…Однако, воспользовавшись нашей аналогией, попробуем построить искомую шкалу ценностей.

Итак, если на плане нашей улицы точками изобразить двадцать одну цивилизацию, то обнаружится, что точки не рассыпаются равномерно по всей длине улицы. Можно заметить, что они сгрудились в одном весьма узком месте. Сзади окажется довольно большое пространство, которое все из ехавших, включая и неудачников, успешно преодолели. Впереди же — тоже свободное пространство — туда еще не въехала ни одна машина. Это и есть самая длинная часть дороги. Разумеется, если ограничить внимание лишь той частью улицы, где наблюдается скопление точек, то и говорить, собственно, не о чем. Какие-либо выкладки или сравнения будут просто невозможны. Если же рассматривать все точки по всей длине улицы, то можно увидеть, что дистанции между ними ничтожно малы по сравнению с расстоянием, которое отделяет их от начала и конца пути.

Хантингтон С. **Столкновение цивилизаций? М., 2003. http://grachev62.narod.ru/hantington/content.htm.**

Модель грядущего конфликта

Мировая политика вступает в новую фазу, и интеллектуалы незамедлительно обрушили на нас поток версий относительно ее будущего

обличья: конец истории, возврат к традиционному соперничеству между нациями-государствами, упадок наций-государств под напором разнонаправленных тенденций — к трайбализму и глобализму — и др. Каждая из этих версий ухватывает отдельные аспекты нарождающейся реальности. Но при этом утрачивается самый существенный, осевой аспект проблемы.

Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов.

Грядущий конфликт между цивилизациями — завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире…

…Конфликты между правителями, нациями-государствами и идеологиями были главным образом конфликтами западной цивилизации. У. Линд назвал их «гражданскими войнами Запада». Это столь же справедливо в отношении холодной войны, как и в отношении мировых войн, а также войн XVII, XVIII, XIX столетий. С окончанием холодной войны подходит к концу и западная фаза развития международной политики. В центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями. На этом новом этапе народы и правительства незападных цивилизаций уже не выступают как объекты истории — мишень западной колониальной политики, а наряду с Западом начинают сами двигать и творить историю.

Природа цивилизаций

Во время холодной войны мир был поделен на «первый», «второй» и «третий». Но затем такое деление утратило смысл. Сейчас гораздо уместнее группировать страны, основываясь не на их политических или экономических системах, не по уровню экономического развития, а исходя из культурных и цивилизационных критериев.

Что имеется в виду, когда речь идет о цивилизации? Цивилизация представляет собой некую культурную сущность. Деревни, регионы, этнические группы, народы, религиозные общины — все они обладают своей особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности. Деревня в Южной Италии по своей культуре может отличаться от такой же деревни в Северной Италии, но при этом они остаются именно итальянскими селами, их не спутаешь с немецкими. В свою очередь, европейские страны имеют общие культурные черты, которые отличают их от китайского или арабского мира.

Тут мы доходим до сути дела. Ибо западный мир, арабский регион и Китай не являются частями более широкой культурной общности. Они представляют собой цивилизации. Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ. Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, — а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации: так, житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека западного мира. Цивилизация — это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации.

Цивилизация может охватывать большую массу людей — например,

Китай, о котором Л. Пай как-то сказал: «Это цивилизация, которая выдает себя за страну».

Но она может быть и весьма малочисленной — как цивилизация англоязычных жителей островов Карибского бассейна. Цивилизация может включать в себя несколько наций-государств, как в случае с западной, латиноамериканской или арабской цивилизациями, либо одно-единственное — как в случае с Японией. Очевидно, что цивилизации могут смешиваться, накладываться одна на другую, включать субцивилизации. Западная цивилизация существует в двух основных вариантах: европейском и североамериканском, а исламская подразделяется на арабскую, турецкую и малайскую. Несмотря на всё это, цивилизации представляют собой определенные целостности. Границы между ними редко бывают четкими, но они реальны. Цивилизации динамичны: у них бывает подъем и упадок, они распадаются и сливаются. И, как известно каждому студенту-историку, цивилизации исчезают, их затягивают пески времени.

На Западе принято считать, что нации-государства — главные действующие лица на международной арене. Но они выступают в этой роли лишь несколько столетий. Большая часть человеческой истории — это история цивилизаций. По подсчетам А. Тойнби, история человечества знала 21 цивилизацию. Только шесть из них существуют в современном мире.

Почему неизбежно столкновение цивилизаций?

Идентичность на уровне цивилизации будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи или восьми крупных цивилизаций. К ним относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями. Почему?

Во-первых, различия между цивилизациями не просто реальны. Они наиболее существенны. Цивилизации несхожи по своей истории, языку,

культуре, традициям и, что самое важное, религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями. Они не исчезнут в обозримом будущем. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Конечно, различия не обязательно предполагают конфликт, а конфликт не обязательно означает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями.

Во-вторых, мир становится более тесным. Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации. Североафриканская иммиграция во Францию вызвала у французов враждебное отношение и в то же время укрепила доброжелательность к другим иммигрантам — «добропорядочным католикам и европейцам из Польши». Американцы гораздо болезненнее реагируют на японские капиталовложения, чем на куда более крупные инвестиции из Канады и европейских стран… Взаимодействие между представителями разных цивилизаций укрепляет их цивилизационное самосознание, а это, в свою очередь, обостряет уходящие в глубь истории или, по крайней мере, воспринимаемые таким образом разногласия и враждебность.

В-третьих, процессы экономической модернизации и социальных изменений во всем мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, одновременно ослабевает и роль нации-государства как источника идентификации. Образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений. Подобные движения сложились не только в исламе, но и в

западном христианстве, иудаизме, буддизме, индуизме. В большинстве стран и конфессий фундаментализм поддерживают образованные молодые люди, высококвалифицированные специалисты из средних классов, лица свободных профессий, бизнесмены… Возрождение религии, или, говоря словами Ж. Кепеля, «реванш Бога», создает основу для идентификации и сопричастности с общностью, выходящей за рамки национальных границ — для объединения цивилизаций.

В-четвертых, рост цивилизационного самосознания диктуется раздвоением роли Запада. С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой, и возможно как раз поэтому, — среди незападных цивилизаций происходит возврат к собственным корням…

…Население же этих стран, как правило, сохраняло неразрывную связь со своей исконной культурой. Но сейчас всё переменилось. Во многих незападных странах идет интенсивный процесс девестернизации элит и их возврата к собственным культурным корням. И одновременно с этим западные, главным образом американские обычаи, стиль жизни и культура приобретают популярность среди широких слоев населения.

В-пятых, культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу…

Судя по всему, роль региональных экономических связей будет усиливаться…

…Таким образом, конфликт цивилизаций разворачивается на двух уровнях. На микроуровне группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над другом. На макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за влияния в военной и экономической сферах, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стараясь утвердить собственные политические и религиозные ценности.

Линии разлома между цивилизациями

Если в годы холодной войны основные очаги кризисов и кровопролития сосредоточивались вдоль политических и идеологических границ, то теперь они перемещаются на линии разлома между цивилизациями. Холодная война началась с того момента, когда «железный занавес» разделил Европу политически и идеологически. Холодная война закончилась с исчезновением «железного занавеса». Но как только был ликвидирован идеологический раздел Европы, вновь возродился ее культурный раздел на западное христианство, с одной стороны, и православие и ислам — с другой… И сейчас «бархатный занавес» культуры сменил «железный занавес» идеологии в качестве главной демаркационной линии в Европе. События в Югославии показали, что это линия не только культурных различий, но временами и кровавых конфликтов.

Выводы для Запада

В данной статье отнюдь не утверждается, что цивилизационная идентичность заменит другие формы идентичности, что нации-государства исчезнут, каждая цивилизация станет политически единой и целостной, а конфликты и борьба между различными группами внутри цивилизаций прекратятся. Я лишь выдвигаю гипотезу о том, что: 1) противоречия между цивилизациями важны и реальны; 2) цивилизационное самосознание возрастает; 3) конфликт между цивилизациями придет на смену идеологическим и другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобального конфликта; 4) международные отношения, исторически являвшиеся игрой в рамках западной цивилизации, будут все больше девестернизироваться и превращаться в игру, где незападные цивилизации станут выступать не как пассивные объекты, а как активные действующие лица; 5) эффективные международные институты в области политики, экономики и безопасности будут складываться скорее внутри цивилизаций,

чем между ними; 6) конфликты между группами, относящимися к разным цивилизациям, будут более частыми, затяжными и кровопролитными, чем конфликты внутри одной цивилизации; 7) вооруженные конфликты между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, станут наиболее вероятным и опасным источником напряженности, потенциальным источником мировых войн; 8) главными осями международной политики станут отношения между Западом и остальным миром; 9) политические элиты некоторых расколотых незападных стран постараются включить их в число западных, но в большинстве случаев им придется столкнуться с серьезными препятствиями; 10) в ближайшем будущем основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом исламско-конфуцианских стран.

Это не обоснование желательности конфликта между цивилизациями, а предположительная картина будущего. Но если моя гипотеза убедительна, необходимо задуматься о том, что это означает для западной политики. Здесь следует провести четкое различие между краткосрочной выгодой и долгосрочным урегулированием…

…В долгосрочной же перспективе надо ориентироваться на другие критерии. Западная цивилизация является одновременно и западной, и современной. Незападные цивилизации попытались стать современными, не становясь западными. Но до сих пор лишь Японии удалось добиться в этом полного успеха. Незападные цивилизации и впредь не оставят своих попыток обрести богатство, технологию, квалификацию, оборудование, вооружение — всё то, что входит в понятие «быть современным». Но в то же время они постараются сочетать модернизацию со своими традиционными ценностями и культурой. Их экономическая и военная мощь будет возрастать, отставание от Запада — сокращаться. Западу всё больше и больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но весьма отличными по своим ценностям и интересам. Это потребует поддержания его потенциала на уровне, который будет обеспечивать защиту интересов Запада в отношениях

с другими цивилизациями. Но от Запада потребуется и более глубокое понимание фундаментальных религиозных и философских основ этих цивилизаций. Он должен будет понять, как люди этих цивилизаций представляют себе собственные интересы. Необходимо будет найти элементы сходства между западной и другими цивилизациями. Ибо в обозримом будущем не сложится единой универсальной цивилизации. Напротив, мир будет состоять из не похожих друг на друга цивилизаций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными.

1.6. Философские и социальные проблемы информационного общества

Кастельс М. **Информационная эпоха: экономика, общество и культура. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/02.php.**

1. Информационно-технологическая революция

«Постепенность, — писал палеонтолог Стивен Дж. Гоулд, — есть идея, гласящая, что все изменения должны происходить гладко, медленно и непрерывно. Эта идея вовсе не была высосана из пальца. Она представляет собой общий культурный предрассудок и отчасти реакцию либерализма девятнадцатого столетия на охваченный революцией мир. Но она продолжает окрашивать наше якобы объективное прочтение истории жизни...

…В информационные технологии я включаю, как и все, *сходящуюся совокупность* технологий в микроэлектронике, создании вычислительной техники (машин и программного обеспечения), телекоммуникации/вещании и оптико-электронной промышленности.

В дополнение, в отличие от некоторых аналитиков, я включаю в область информационных технологий генную инженерию и расширяющееся множество ее достижений и применений. *Во-первых*, потому, что генная инженерия сосредоточена на декодировании, управлении и возможном

перепрограммировании информационных кодов живой материи. Но также и потому, что в 1990-х гг. биология, электроника и информатика, по-видимому, сближаются и взаимодействуют в области применений, открытия новых материалов, и, что более фундаментально, в своем концептуальном подходе, что заслуживает дальнейшего упоминания ниже в этой главе. Вокруг этого ядра информационных технологий, в описанном выше широком смысле, возникает в последние два десятилетия XX в. созвездие крупных технологических прорывов в области новых материалов, источников энергии, в медицине, в производственной технике (наличной или потенциальной, как нанотехнология), в том числе в транспортной технологии. Более того, нынешний процесс технологической трансформации расширяется экспоненциально, поскольку он способен создать интерфейс между технологическими полями через общий цифровой язык, на котором информация создается, хранится, извлекается, обрабатывается и передается. Мы живем в мире, который, по выражению Николаса Негропонте, сделался цифровым.

Пророческие преувеличения и идеологические манипуляции, характеризующие большинство рассуждений, касающихся информационно-технологической революции, не должны привести нас к недооценке ее поистине фундаментального значения. Она, как я попытаюсь показать в этой книге, является крупным историческим событием. В отличие от любой иной революции, *ядро* трансформации, которую мы переживаем теперь, связано с *технологиями обработки информации и коммуникацией.* Для этой революции информационная технология является тем же, чем новые источники энергии были для индустриальных революций, начиная от паровой машины и далее к электричеству, ископаемому топливу и даже к атомной энергии, поскольку производство и распределение энергии было ключевым элементом индустриального общества. Однако утверждение о выдающейся роли информационной технологии часто путают с

характеристикой нынешней революции, как существенно зависящей от нового знания и информации.

Первая индустриальная революция, не будучи основана на науке, всё же опиралась на широкое использование информации, применяя и развивая существовавшие до этого знания. А вторая индустриальная революция — после 1850 г. — характеризовалась решающей ролью науки в развитии инноваций.

Нынешнюю технологическую революцию характеризует не центральная роль знаний и информации, но применение таких знаний и информации к генерированию знаний и устройствам, обрабатывающим информацию и осуществляющим коммуникацию, в кумулятивной петле обратной связи между инновацией и направлениями использования инноваций. Это положение может прояснить следующая иллюстрация.

Использование новых телекоммуникационных технологий в последние два десятилетия прошло через три отчетливых этапа: автоматизация задач, экспериментирование над использованием, реконфигурация применений.

На первых двух этапах технологическая инновация прогрессировала через обучение *путем пользования,* в терминологии Розенберга.

На третьей стадии пользователи обучались технологии, *делая* ее, и заканчивали, перестраивая сети и находя новые области применения. Обратная связь между введением новой технологии, пользованием ею и продвижением ее в новые области проходит в новой технологической парадигме намного быстрее.

В результате распространение технологии бесконечно увеличивает ее мощь по мере того, как технология усваивается и переопределяется ее пользователями. Новые информационные технологии являются не просто инструментами, которые нужно применить, но процессами, которые нужно разрабатывать. Пользователи и создатели могут объединиться в одном лице. Так, пользователи могут захватить контроль над технологией, как в случае с Интернетом. Отсюда следует тесная связь между социальными процессами

создания и манипулирования символами (культурой общества) и способностью производить и распределять товары и услуги (производительными силами). Впервые в истории человеческая мысль стала непосредственной производительной силой, а не просто решающим элементом производственной системы.

Таким образом, компьютеры, коммуникационные системы, генетическое декодирование и программирование — всё это служит усилению и расширению человеческой мысли. То, что мы думаем и как мы думаем, находит выражение в товарах, услугах, материальной и интеллектуальной продукции, будь то пища, кров, транспортные и коммуникационные системы, компьютеры, ракеты, образование, здравоохранение или образы.

Растущая интеграция между мыслями и машинами, включая механизм ДНК, ликвидирует то, что Брюс Мазлиш назвал «четвертым разрывом» (разрывом между человеческими существами и машинами), фундаментально меняя то, как мы рождаемся, живем, учимся, работаем, производим, потребляем, грезим, сражаемся или умираем.

Разумеется, культурные институциональные контексты и целенаправленные социальные действия решающим образом взаимодействуют с новой технологической системой. Но эта система имеет свою собственную встроенную логику, характеризуемую способностью переводить всю вложенную в нее информацию в общую информационную систему и обрабатывать такую информацию с растущей скоростью, с растущей мощностью, с убывающими затратами, в потенциально всеобъемлющей поисковой и распределительной сети.

Есть одна дополнительная черта, характеризующая информационно-технологическую революцию по сравнению с ее историческими предшественницами.

Технологические революции имели место лишь в немногих обществах и распространялись в относительно ограниченных регионах, нередко

изолированных в пространстве и во времени по сравнению с другими регионами планеты. Так, в то время, как европейцы заимствовали некоторые открытия, сделанные в Китае, Китай и Япония на протяжении многих столетий усваивали европейскую технологию только в очень ограниченных рамках, сведенных главным образом к ее военным применениям.

Контакт между цивилизациями, стоявшими на разных технологических уровнях, часто принимал форму разрушения наименее развитых или тех, которые применяли свои знания в основном к невоенной технологии, как было в случае американских цивилизаций, уничтоженных испанскими завоевателями, иногда путем непреднамеренной биологической войны. Индустриальная революция распространялась на большую часть земного шара со своих родных западноевропейских берегов в течение последующих двух столетий. Но ее распространение было высокоселективным, а его темп, по нынешним стандартам распространения технологий, довольно медленным.

И действительно, даже в Британии середины XIX в. сектора экономики, в которых было занято большинство рабочей силы, дававшие по меньшей мере половину валового национального продукта, не были затронуты новыми индустриальными технологиями.

Конечно, в мире имеются большие области и значительные сегменты населения, не включенные в новую технологическую систему, — в этом как раз и состоит один из центральных аргументов этой книги. Далее, скорость технологического распространения селективна, как социально, так и функционально. Люди, страны и регионы получают доступ к технологической мощи в различные сроки, и в этом — критически важный источник неравенства в нашем обществе.

2. Информациональная экономика и процесс глобализации

В последние два десятилетия в мире появилась экономика нового типа, которую я называю информациональной и глобальной, что позволяет

определить ее отличительные черты и взаимосвязь между ними.

Итак, *информациональная* — так как производительность и конкурентоспособность факторов или агентов в этой экономике (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях.

Глобальная — потому что основные виды экономической деятельности, такие как производство, потребление и циркуляция товаров и услуг, а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информация, технология, рынки) организуются в глобальном масштабе, непосредственно либо с использованием разветвленной сети, связывающей экономических агентов.

И наконец, информациональная *и* глобальная — потому что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существование конкуренции возможны лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети. Глобальная сеть появилась в последней четверти XX в. как результат революции в области информационных технологий, предоставившей необходимую материальную базу для создания такой новой экономики. Здесь есть историческая взаимосвязь между лежащими в основе экономики знанием и информацией, их глобальной распространенностью и революцией в сфере информационных технологий, которая породила новую, отличную от ранее существовавшей экономическую систему.

Как известно, информация и знание всегда являлись важными составляющими экономического роста, а развитие технологии во многом определило производительность общества, уровень жизни, а также социальные формы экономической организации. Кроме того, мы в настоящее время находимся в точке исторического разрыва.

Появление новой технологической парадигмы на основе более мощных и гибких информационных технологий сделало возможным превращение информации как таковой в продукт производственного процесса. Точнее,

продуктами новой индустрии информационных технологий являются устройства для обработки информации или сам процесс анализа и обработки информации.

Трансформируя процесс обработки информации, новые информационные технологии оказывают влияние на все сферы человеческой деятельности и делают возможным установление бесчисленных связей между различными областями, так же как и между элементами и агентами этой деятельности. Появление экономики с сетевой структурой и глубокой взаимозависимостью элементов позволяет всё больше применять ее достижения в технологии, знании и управлении как технологией и знанием, так и самим управлением. Этот замкнутый круг позволит достичь большей производительности и эффективности при наличии необходимых условий для одинаково глубоких организационных и институциональных перемен. Оценим историческую специфику новой информациональной глобальной экономики, чтобы обозначить ее основные черты и рассмотреть структуру и динамику мировой экономической системы, находящейся в процессе перехода к информациональному типу развития, который с наибольшей вероятностью характеризует предстоящие десятилетия.

Белл Д. **Грядущее постиндустриальное общество – М., Academia, 1999 – 949 с.**
http://www.studfiles.ru/preview/1805599/

От материальных благ к услугам: меняющаяся конфигурация хозяйства

В «Манифесте Коммунистической партии», оконченном в феврале 1848 г., К. Маркс и Ф. Энгельс писали об обществе, в котором два класса, капиталисты и рабочие, — меньшинство, в руках которого сосредоточены

средства производства, и большинство, вынужденное продавать свою рабочую силу, — станут последними антагонистическими классами в истории человечества, сошедшимися в завершающей схватке. Во многом это было замечательным предсказанием, хотя бы потому, что в то время в большинстве стран Европы и в Соединенных Штатах основными классами были не капиталисты и рабочие, а фермеры и крестьяне, а стиль жизни в этих странах оставался преимущественно аграрно-ремесленническим.

Англия была безусловным образцом промышленного развития, но, несмотря на Манчестер, Лидс, Бирмингем и Шеффилд, Великобританию середины прошлого века никак нельзя назвать индустриальной страной, что убедительно доказывается статистикой занятости. Д. Лэндс пишет: «Британская перепись населения 1851 года (при всех ее неточностях) показывает, что сельскохозяйственные работники и домашние слуги составляли наиболее распространенные профессии; большинство же рабочих были заняты в традиционных производствах: в строительстве, портняжном деле, сапожном ремесле и неквалифицированном труде всех разновидностей. Даже в хлопкопрядильной промышленности, где три пятых занятых от общего числа в полмиллиона (при численности населения в 16 млн человек) работали на фабриках, почти две трети предприятий имели менее пятидесяти рабочих каждое, а средняя английская фабрика нанимала менее двухсот рабочих; при этом десятки тысяч ручных ткацких станков еще работали в деревнях»[8].

И если даже Великобритания того времени не достигла большого прогресса, то что же говорить об остальных европейских странах, которые отставали от нее на целое поколение. В Бельгии, самой индустриальной стране континента, почти половина всех рабочих была занята в сельском хозяйстве (в Великобритании — одна четверть). Германии потребовалось 25 лет, чтобы достичь этих 50 процентов занятости в промышленности; вплоть до 1895 г. там было больше сельскохозяйственных рабочих, чем фабричных.

[8] *Landes D.* The Unbounded Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present. Cambridge, 1969. P. 119–120.

Во Франции же число занятых в сельском хозяйстве превышало численность пролетариата до начала Второй мировой войны! Если вернуться во времена К. Маркса, то в 1852 г. в Пруссии, наиболее развитой области Германии, 72 процента населения можно было считать аграрным. По словам Дж. Клэпхема, «немецкую промышленность того времени никак нельзя назвать капиталистической, и до 1840 года крупные предприятия фабричного типа были чрезвычайно редкими». В 1851 г. в городах Франции проживало всего 10,5 процента населения; по словам Дж. Кдэпхема, «число предприятий, нанимающих более ста рабочих, было в 1848 году настолько мизерным, что не могло серьезно повлиять на статистику по стране; такие предприятия фактически не встречались за пределами горной промышленности и металлургии, а настоящие фабрики были явлением исключительным». В 1850 г. из 23 млн граждан США 19,6 млн проживали за пределами городов (каковыми считались населенные пункты с числом жителей более 2,5 тыс.), а в совокупной рабочей силе (7,7 млн человек) насчитывалось 4,9 млн сельскохозяйственных рабочих, тогда как занятых в промышленности и строительстве (эти категории были разделены лишь в 1870 г.) было не более 1,2 млн человек; при этом почти миллион работников находились в домашнем услужении[9].

Таким образом, предсказание К. Маркса относительно развития индустриального строя оказалось правильным. Но наиболее важным социальным изменением в западном обществе, произошедшим за последние сто лет, было не только и не столько распространение промышленности, сколько исчезновение фермера с социальной арены — явление немыслимое в рикардианском мире с его законом уменьшающегося плодородия почвы, где нельзя было и предположить, что производительность труда в сельском хозяйстве может быть в два-три раза выше, чем в промышленности (как то имеет место в США в последние 30 лет).

---

[9] Источниками вышеприведенных цитат являются: *Landes D.* The Unbounded Prometheus. P. 119; *Clapham I. H.* The Economic Development of France and Germany, 1815–1914. Cambridge, 1921. P. 82, 84, 54, 70–71; Historical Statistics of the United States. Wash., 1960. P. 14, 74.

Трансформация аграрной жизни (черты которой определяли облик цивилизации на протяжении четырех тысяч дет) стала важнейшим событием нашей эпохи. Когда паровая машина стала использоваться на текстильной фабрике, было легко предугадать распространение механизации в промышленности. Но кто бы мог с той же уверенностью предположить подобное вслед за изобретением жатного механизма С. Маккормиком и экспозицией этой машины в 1851 г. в лондонском Хрустальном дворце? И вот сегодня в Соединенных Штатах только 4 процента рабочей силы занято в сельском хозяйстве; труд немногим более 3 млн человек (всего 20 лет назад это число было более чем в два раза выше) с успехом обеспечивает продукцией 207 млн граждан и, если бы все правительственные ограничения были сняты, мог бы прокормить на 50 млн больше.

На смену фермеру пришел промышленный рабочий, и на протяжении последнего века его борьба — за свое достоинство, за получение большей доли в доходах, за право голоса в решении вопросов, касающихся его труда и условий занятости, — определяла основные социальные столкновения. Помимо всего этого, в утопических теориях К. Маркса и практике социалистического движения рабочий класс, поднимавшийся до осознания своей задачи в условиях этой борьбы, рассматривался как субъект не только индустриального, но и общечеловеческого освобождения, как движущая сила всеобщей эмансипации; только когда средства производства окажутся в руках рабочих и начнется социалистическая эра, будут устранены последние препятствия на пути неограниченного развития производительных сил.

Однако если принять промышленного рабочего в качестве человека будущего или, более точно, считать фабричного рабочего символом пролетариата, то подобный подход окажется ложным. Налицо парадоксальный факт: если проследить путь индустриализации — нарастающего замещения человека машинами, — можно прийти к логическому выводу об исчезновении промышленного рабочего как

такового[10]. Действительно, к концу нашего века доля этой группы в работающем населении может стать такой же ничтожной, как ничтожна сейчас доля фермеров; вся сфера приложения труда «синих воротничков» сократится настолько, что этот термин потеряет свое социологическое значение, открывая дорогу новой классификации трудящихся классов. Вместо господства промышленного пролетариата мы наблюдаем доминирование в рабочей силе профессионального и технического класса, настолько значительное, что к 1980 г. он может стать вторым в обществе по своей численности, а к концу века оказаться первым. Это новая революция, происходящая в структуре занятости, которая в той мере, в какой профессия определяет иные стороны поведения работника (хотя эта степень сейчас ослабевает), становится революцией в классовой структуре общества. Подобные изменения в характере производства и структуре занятости — один из важнейших аспектов зарождения постиндустриального общества.

Категория постиндустриального общества обретает свое значение при сравнении ее с понятиями индустриального и доиндустриального обществ.

В доиндустриальных обществах, до сегодняшнего дня объединяющих большинство населения мира, рабочая сила используется преимущественно в добывающих отраслях: горной промышленности, рыболовстве, лесном и сельском хозяйстве. Жизнь является в первую очередь взаимодействием с природой. Человек применяет мускульную силу, работает по старинке, а его представления о мире обусловлены наличием естественных элементов — сменой времен года, типом почвы, количеством влаги. Именно этим определяется ритм жизни. Время понимается лишь как длительность (duree),

---

[10] В работах К. Маркса мы находим противоречивые позиции по отношению к этой проблеме. Так, в “Grundrisse”, мастерском наброске, предшествовавшем «Капиталу» и никогда не публиковавшемся при жизни Маркса, он предвидел время, когда почти весь труд будет заменен работой машин и наука заменит труд в качестве основной производительной силы. В «Капитале», где он изложил логику изменения органического строения капитала, К. Маркс описывает двоякий процесс, приводящий, с одной стороны, к растущей концентрации компаний и, с другой — к расширению «резервной армии труда», т. е. [повышению уровня] безработицы. Не будучи в состоянии отойти от избранной им риторики, К. Маркс в заключительных пассажах «Капитала», где он описывает уже звучащий погребальный колокол капитализма, отмечает: «Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала... растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности... Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 772–773).

как долгие и короткие его промежутки, а темп работы зависит от времени года и погодных условий. И так как это взаимодействие с природой, производительность труда низка, хозяйство зависит от неустойчивых внешних процессов и капризов цен на сырьевые товары на международных рынках. Базовой ячейкой общественной жизни выступает большая семья. Социальное обеспечение ограничивается помощью в прокормлении лишних ртов, которая требуется семьям почти всегда. Низкая производительность и перенаселенность обусловливают большую долю недозанятого населения, которое распределяется в сельском хозяйстве и сфере домашних услуг. Поэтому имеет место значительная доля занятых в сфере услуг, остающихся в своем большинстве личными услугами. Поскольку работники зачастую довольствуются платой, достаточной лишь для пропитания, работа по дому дешева и крайне распространена. В Англии середины викторианской эпохи класс прислуги оставался самым многочисленным. В «Ярмарке тщеславия» Бекки Шарп и капитан Роудон Кроули были нищими, но держали прислугу; К. Маркс, живший в Сохо в двухкомнатной квартире со своей большой семьей и иногда выселяемый за неуплату аренды, имел постоянно верную служанку Ленхен, а иногда нанимал и вторую. Доиндустриальные общества суть аграрные общества, построенные на традиционных элементах рутины и подчинения старшим.

Индустриальные общества — в основном представленные странами Североатлантического региона, а также СССР и Японией, — являются товаропроизводящими обществами. Жизнь в них становится взаимодействием с преобразованной природой. Мир становится техничным и рациональным. Главное место занимает машина, и ритмы жизни размечены с механической точностью: время хронологично и разбито на равные промежутки. На смену физическому труду пришла энергия, ставшая основой производительности — искусства произвести больше с меньшими затратами, — обеспечившей массовое производство товаров, характеризующее индустриальное общество. Энергия и машины изменили природу труда.

Навыки распались на их компоненты, и ремесленника прошлых дет заменили две новые фигуры — инженер, отвечающий за общую организацию и ведение работ, и полуквалифицированный рабочий, олицетворяющий человеческое «колесико» между машинами, — обреченные сосуществовать до тех пор, пока технический талант инженера не создаст машину, которая заменит и самого рабочего. Это мир координации, где люди, сырье и рынки подгоняются под нужды производства и распределения товаров. Это мир строгого расчета и запрограммированной деятельности, в котором компоненты товаров производятся в нужных пропорциях и в должное время, требующееся для ускорения кругооборота благ. Это мир строгой организации — иерархии и бюрократии, где к человеку относятся как к вещи, потому что вещами управлять легче, чем людьми. Таким образом, создается необходимое разграничение между ролью и человеком, и оно закладывается в принципы деятельности предприятия. Организации имеют дело с потребностями ролей, а не личностей. Критерием techne становится эффективность, и жизнь построена по экономическому принципу: как получить наибольшее количество энергии из заданного количества ресурса (угля, нефти, газа, воды) при помощи лучших машин и по наиболее конкурентным ценам? Главными словами оказываются максимизация и оптимизация, складывающиеся в космологию, основанную на полезности и прекрасной теории И. Бентама. Единицей является индивид, и свободное общество есть совокупность индивидуальных решений в том виде, в каком они выражены в потребностях рынка. В действительности жизнь никогда не бывает столь одномерной, сколь полагают это те, кто превращает любую тенденцию в онтологический абсолют. Традиционные элементы сохраняются. В тех случаях, когда представляется такая возможность, группы рабочих пытаются влиять на установление собственных ритмов работы иди ограничение масштабов производства. Отходы растут. Партикуляризм и политическая деятельность распространяются всё шире. Они смягчают наиболее острые углы индустриальной действительности.

Между тем его сущностные, технические черты сохраняются.

Постиндустриальное общество основано на услугах. Поэтому оно есть игра между людьми. Главное значение имеет уже не мускульная сила и не энергия, а информация. Основным действующим лицом становится профессионал, потому что его образование и опыт позволяют ему отвечать всем требованиям, предъявляемым в постиндустриальном обществе. Если индустриальное общество определяется через количество товаров, обозначающее уровень жизни, то постиндустриальное общество определяется качеством жизни, измеряемым услугами и различными удобствами — здравоохранением, образованием, отдыхом и культурой, — которые становятся желанными и доступными для каждого.

Слово «услуги» обозначает различные явления, и в переходе от индустриального общества к постиндустриальному имеется несколько различных стадий. Во-первых, само развитие промышленности предполагает необходимую экспансию транспорта и общественных служб как услуг, связанных с движением товаров; требуется также больше энергии, что вызывает рост пусть и не занятой в непосредственно производстве, но всё же «синеворотничковой» рабочей силы. На втором этапе, в условиях массового потребления благ и роста населения, возникает рост сфер распределения (оптовой и розничной торговли), финансов, операций с недвижимостью и страхования — традиционных центров «белых воротничков». На третьем этапе, по мере роста национального дохода, обнаруживается, как было указано в теореме К. Энгеля, немецкого статистика второй половины прошлого века, что доля денег, расходуемая на питание, начинает снижаться, а остаток используется сначала на приобретение товаров длительного пользования (одежды, автомобилей и жилья), а затем предметов роскоши, на отдых и так далее. Таким образом, с расширением человеческих горизонтов и с появлением новых потребностей и вкусов начинает расширяться третичный сектор, сфера личных услуг: сети ресторанов, отелей, автомобильных мастерских, индустрия путешествий, развлечений и спорта. На этом этапе

становится заметным влияние нового типа сознания. Требования лучшей жизни, которая была обещана обществом, концентрируются вокруг двух сфер, являющихся фундаментальными для этой новой жизни, — здоровья и образования. Устранение болезней и рост числа людей, которые могут прожить все отпущенные им годы на фоне попыток увеличить продолжительность жизни, делают услуги здравоохранения чрезвычайно значимыми в современном обществе; а рост технических потребностей и профессионального мастерства делает образование и, в частности, доступ к высшему образованию условием самого вхождения в постиндустриальное общество. Таким образом, мы сталкиваемся с ростом новой интеллигенции, в первую очередь преподавателей. И, наконец, требования дополнительных услуг и неадекватность рынка для удовлетворения потребностей людей в нормальной окружающей среде, равно как в лучшем здравоохранении и образовании, ведут к развитию <функций> правительства, особенно на местном уровне и уровне штатов, где и должны удовлетворяться подобные нужды.

Постиндустриальное общество, таким образом, является также коммунальным обществом, где социальной единицей выступает скорее отдельное сообщество, нежели индивид, и целью ставится достижение «социального решения», отличного от простой суммы индивидуальных решений, которые в своей совокупности могут привести к кошмару, что хорошо видно на примере личных автомобилей и ужасных последствий их движения. Но кооперация людей гораздо более сложна, чем управление вещами. Участие становится необходимым элементом сообщества, но когда слишком много групп хотят слишком многих вещей и не готовы к переговорам и торгу, результатом становится нарастание конфликтных и неразрешимых ситуаций. Остается выбор между политикой консенсуса или политикой тупика.

Как игра между людьми, общественная жизнь становится сложнее, поскольку множатся политические требования и гражданские права,

быстрота социальных перемен и изменений норм поведения шокирует старшее поколение, а ориентация на будущее стирает традиционные ценности и моральные устои. Информация становится основным ресурсом, а внутри организаций — источником силы. Профессионализм превращается в критерий общественного положения, но при этом сталкивается с популизмом, вызываемым требованиями больших прав и большего участия в делах общества. Если борьба между капиталистами и рабочими в пределах фабрики характеризовала индустриальную систему, то постиндустриальное общество отмечено борьбой между профессионалами и массой как внутри организаций, так и внутри сообщества.

Такова социологическая канва схемы общественного развития, ведущего к постиндустриальному обществу. Для более детального описания основных ее черт следует обратиться к распределению рабочих мест по экономическим секторам и изменяющемуся профилю занятости в экономике.

Конец эры недостатка благ?

Научно-техническая эйфория достигла своего пика в 1964 г., когда группа, назвавшая себя Специальным комитетом по проблемам тройственной революции, выпустила свой манифест. «Началась новая эпоха, — провозгласили члены комитета, — полным ходом идет “кибернетическая революция”, которая по принципам организации... так же отличается от индустриальной эпохи, как последняя — от аграрного периода». Кибернетика — термин, придуманный Д. Майклом, — «является соединением компьютера с самоуправляемой машиной-автоматом». Возросшая эффективность машинных систем «проявляется во всё большем росте почасовой выработки, что заметно начиная с 1960 года, который отмечен первыми ощутимыми признаками кибернетической революции». Результатом кибернетики становится «почти неограниченное увеличение производственных мощностей, которые требуют приложения все меньшего и меньшего количества человеческого труда». «...Индустриальная

экономическая система, основанная на идее ограниченности благ, не способна распределить то количество товаров и услуг, которое возникает в результате развития кибернетики». Основное изменение должно произойти в соотношении труда и его вознаграждения. «...Необходимо признать, что традиционная зависимость труда и доходов разрушена. Постдефицитная экономика в состоянии дать всем членам общества необходимую обеспеченность, независимо от того, заняты ли они или нет выполнением какой-либо работы в общепринятом смысле этого слова». Таким образом, появление общества изобилия знаменует собой поворотный пункт в наиболее важном историческом опыте человека, в ограниченности его социальным характером деятельности. Человек будет заменен системой машин, и он должен будет найти новый смысл своего существования в этом мире[11].

Положения манифеста перекликались со взглядами Дж. М. Кейнса, заявлявшего, что в будущем «экономическая проблема» может быть решена. «Почему, вы можете спросить, это так ошеломляет? Это ошеломляет потому, что если вместо взгляда в будущее мы обратим свой взор к прошлому, то обнаружим, что экономическая проблема — борьба за существование — всегда была вплоть до самого последнего времени первоочередной, наиболее насущной проблемой человечества...». Если экономическая проблема будет решена, «человечество освободится от своей вечной цели... Я с ужасом думаю об изменениях привычек и инстинктов среднего человека, привитых ему бесчисленными поколениями, от которых ему, может быть, будет позволено отказаться в течение всего нескольких десятилетий...» Таким образом, «впервые с момента своего появления человек столкнется вплотную

[11] Инициатором создания Специального комитета по проблемам тройственной революции выступил У. Г. Ферри, бывший в то время вице-президентом Центра по изучению демократических институтов в городе Санта-Барбаре (штат Калифорния) в составе Сократовской академии, возглавлявшейся Р. М. Хатчинсом. Основные положения манифеста были разработаны Р. Теобольдом, экономистом, в книгах которого [«Вызов изобилия» (Нью-Йорк, 1961) и «Гарантированный доход» (Нью-Йорк, 1966)] предсказывалось усиление связи между родом занятий и доходами в условиях научно-технической революции, пронизывающей, как он считал, постдефицитное общество. Среди подписавших манифест были М. Харрингтон, Т. Хайден, Дж. Пайед, Г. Ст. Хыоз, Л. Полинг, Дж. У. Уорд, А. Дж. Мьюст, Р. Хейлбронер, И. Хоу, Б. Растин, Д. Макдонадьд и Н. Томас. Большинство из них, как видно из этого списка, в тот период принадлежали к социалистическим кругам (манифест процитирован по переводу, опубликованному в журнале «Мировая экономика и международные отношения». 1965. № 4. С. 81–90).

с настоящей и вечной проблемой — как использовать свою свободу от давящих экономических забот, чем наполнить свой досуг, какими науками заняться, к чему приложить свои многочисленные интересы, как прожить в мудрости, согласии и благополучии»[12].

Решена ли в настоящее время экономическая проблема? Исчезнет ли нехватка благ? Если говорить на языке, которым пользовались социалисты и утописты — языке XIX в., — ответ будет отрицательным, и он будет оставаться таковым в течение еще длительного периода времени. Быстро выяснилось, что «кибернетическая революция» оказалась иллюзорной; впечатляющего увеличения производительности не произошло. Подробное исследование, проведенное президентской комиссией по технике, автоматизации и экономическому прогрессу, показало, что за предшествующие два десятилетия не случилось резких скачков эффективности, и если составить прогноз на ближайшие десять лет, — а только для такого периода можно выявить нарождающиеся научно-технические нововведения, — то в недалеком будущем подобного роста также не предвидится. В действительности экономические перспективы выглядели совершенно противоположными. Расширение сферы услуг — существенная отличительная черта постиндустриального общества — стало помехой для роста производительности, приведшей, по расчетам журнала «Форчун», к сокращению темпов экономического роста в США с 3 до 2,8 %, что составляет падение выпуска продукции в ценах 1970 г. на 40 млрд долл.[13] Кибернетика еще раз продемонстрировала склонность общественного мнения к повышенной драматизации и раздуванию ее до размеров, не соответствующих реальному эффекту (забывают, что в экономике с ВНП, равным 1 трлн долл., новая отрасль с объемом продукции даже в 1 млрд долл. составляет только одну тысячную). Видение полностью автоматизированной производительной экономики — с ее безграничными

---

[12] *Keynes J. M.* Economic Possibilities for Our Grandchildren. P. 366–368.

[13] См.: Technology and the American Economy. Wash. (D.C.), 1966, и *Burck C.* There'll Be Less Leisure Than You Think // Fortune. March 1970.

возможностями выпуска материальных благ — оказалось лишь фантазией социальной науки начала 60-х.

Парадоксально, но предчувствие Утопии вскоре оказалось вытесненным призраком Апокалипсиса. На смену идеям бесконечного изобилия, свойственным 60-м гг., пришла картина хрупкой планеты с ограниченными запасами истощающихся ресурсов и отходами производства, загрязняющими воздушную и водную среду. Единственным путем спасения стадо казаться прекращение экономического роста.

Поразительным в этой перемене был сдвиг внимания от машин и оборудования к ресурсам, от господства человека над природой к его зависимости от ее щедрот, от экономической теории роста Харрода — Домара — Содоу к экономике дефицита Т. Р. Мальтуса и Д. Рикардо. Главным мотивом аналитиков стал принцип уменьшающейся отдачи, пришедший на смену растущим доходам от масштабов производства. Группа ученых-кибернетиков из Массачусетского технологического института, учеников Дж. Форрестера, опубликовала модель роста мировой экономики, основывающуюся на текущих нормах потребления, в которой прослеживались взаимосвязи четырех основных переменных: ресурсов, населения, промышленного производства и загрязнения окружающей среды. Их первые прогнозы показывали, что через сто лет экономический рост прекратится вследствие нехватки естественных ресурсов; продуктов питания будет недоставать, поскольку не смогут быть удовлетворены потребности в удобрениях. Во втором варианте исследователи удвоили количество доступных ресурсов, но при таком допущении экономика разрушалась вследствие роста отходов. По третьему варианту, предусматривавшему уменьшение объемов загрязнения на три четверти, модель показала продолжение экономического роста, но сопутствующее ему расширение городов и отраслей промышленности поглотило имеющиеся сельскохозяйственные площади, и, таким образом, часто стали возникать перебои в снабжении продуктами питания. И наконец, когда в расчеты было

заложено удвоение урожаев сельскохозяйственных культур, имело место колоссальное расширение промышленности, за которым последовал новый крах экономики вследствие катастрофического загрязнения окружающей среды.

Из всего этого следовал очевидный вывод. Общество должно ограничить свой рост[14]. Сто лет назад, излагая свое видение остановившейся в развитии и истощенной планеты, Дж. Ст. Милль призывал человечество ограничить рост народонаселения и богатств и обратиться к поиску «стабильного состояния общества». Сегодня призывы Милля оказались возрожденными; для новых радикалов от экологии он заменил К. Маркса в качестве пророка нашего времени.

Уязвимость модели Дж. Форрестера состоит в ее упрощенной трактовке количественных параметров. Экспоненциальный рост любого фактора в закрытой системе неизбежно достигает определенного потолка, а затем прекращается... Эта модель предполагает, что в поведении системы не только не происходит никаких качественных изменений, но что они даже невозможны. Однако очевидно, что это не так. Материалы могут быть повторно обработаны. Могут быть открыты новые источники энергии (например, солнечная энергия). Мы еще до сих пор не располагаем полными сведениями о запасах минеральных ресурсов на планете (в океанах, в Сибири, в бассейне Амазонки, в других регионах). При этом технологии открывают возможность новых форм использования ресурсов. Таконит, некогда считавшийся бесполезным минералом, стал в настоящее время важным источником железной руды; окись алюминия, бывшая некогда экзотическим материалом, превратилась в настоящее время в источник сотен миллионов тонн металла, поскольку химия промышленных материалов способствовала снижению издержек его добычи. В рамках экологических моделей физическая ограниченность планеты рассматривается в качестве главного лимитирующего фактора, но это является фундаментальной

[14] *Meadows D.H. et. al.* The Limits to Growth. N.Y., 1972. Логические основы этой модели были впервые изложены Дж. Форрестером в книге: *Forrester J.* World Dymanics. Cambridge (Ma.), 1971.

ошибкой. Ресурсы правильнее оценивать в экономических, а не физических категориях, ибо новые инвестиции осуществляются исходя из сравнительных издержек, и это делает возможным орошение засушливых земель, осушение болот, расчистку лесов, геологическую разведку новых ресурсов или совершенствование процессов добычи и переработки минерального сырья. Как указал К. Кейзен, постепенное совершенствование методов приращения запасов «основных ресурсов» происходило на всем протяжении человеческой истории[15].

Если в ближайшем обозримом будущем — допустим, в течение ближайших ста лет — не реализуется Утопия и не произойдет Апокалипсиса, но сохранятся те же условия, которые существуют на протяжении последнего столетия, то есть сравнительно устойчивое действие феномена «сложных процентов», то очевидная банальность этого факта (как быстро нас утомляет рутина захватывающего зрелища!) не должна затмить того великого достижения, на которое указывал Кейнс. Он напоминал нам, что впервые в человеческой истории проблема выживания, понимаемая как свобода от голода и болезней, в прямом смысле этого слова перестала существовать. Проблема, стоящая перед человечеством, сводится отныне не к выживанию, но к обеспечению определенного жизненного уровня, не к биологии, а к социологии. Основные потребности оказались удовлетворенными, а возможность изобилия — вполне реальной. В этом смысле воззрения К. Маркса и Дж. М. Кейнса на экономический смысл индустриального общества оказались безусловно верными[16].

Для А. Смита, если следовать его «Теории нравственных чувств», основная устремленность человека имеет не экономическую направленность,

---

[15] См.: *Kaysen C.* The Computer That Printed Out W*0*L*F* // Foreign Affairs. July 1972. Общий анализ апокалиптической истеричности экологического движения приведен в: *Maddox J.* The Doomsday Syndrome. L., 1972.

[16] Однако тот факт, что проблема редкости носит преимущественно не экономический, а социологический характер, как подчеркивал Дж. М. Кейнс, затрудняет ее решение. Если принять доводы таких разных мыслителей, как А. Смит, Т. Веблен и Г. Зиммель, основополагающим импульсом человеческого поведения следует считать желание быть отличным от себе подобных. И настойчивый позыв продемонстрировать эти отличия (например, через получение больших индивидуальных доходов и способность создать жизненный стиль, отвечающий запросам личности) ведет к стремлению приобрести дефицитные и редкие виды продукции для подчеркивания этих различий.

поскольку большая часть людей могла бы довольствоваться минимальными благами, а является социологической, порожденной желанием быть признанным и возвеличенным. Люди страстно добиваются престижа и статуса, и благодаря этому «коварству социальной природы» человека цивилизация прогрессирует вследствие организации новых предприятий, которые люди создают ради утверждения своих отличий.

Для Т. Веблена импульс к «престижному потреблению», который проанализирован им в «Теории праздного класса», является выражением стремления к статусной дифференциации, определяющего все формы социального поведения. Добиваясь ее, люди стремятся приобрести соответствующие статусу вещи, а те, кто лишь пытается занять должное положение, подражают образу жизни уже занимающих его слоев. Это служит основой моды как черты социального поведения.

По Г. Зиммелю, люди вынуждены добиваться того, чего они не имеют, для удовлетворения своего эго, и «трудности достижения… являются, таким образом, элементом, который специфически образует стоимость. Недостаток благ представляет собой только внешнее проявление этого элемента, только его объективацию в количественной форме». Диалектика дефицита и изобилия, которую мы находим у К. Маркса и Ж.-П. Сартра, предполагает первичными экономические потребности людей и приходит к выводу, что социальные конфликты, от отдельных стачек до национальных войн, обусловлены этой ограниченностью благ. Однако социологический аспект теории подчеркивает дифференциацию по статусу как их основной мотив, и в этой сфере конкуренция носит в значительной степени нерегулируемый характер. По мере того как общество расширяет производство товаров — и возникают новые возможности дифференциации, — статусная гонка будет обостряться.

Но это значит определять будущее в терминах XIX в., надеясь при этом, что оно будет реализовано в XX или XXI столетиях. Преодоление дефицита, как оно рассматривалось в прошлом, предполагало использование

машин, оборудования и ресурсов, технических и природных, для *производства благ.* Но постиндустриальное общество, поскольку оно основано не на взаимодействии человека и преобразованной природы, а на игре между людьми, влечет за собой такие дефициты, которые едва ли мог предвидеть какой-либо социальный мыслитель вплоть до последнего времени. Эти новые дефициты ставят перед человеческим обществом совершенно иные проблемы.

Новые виды редких благ

Трудность концепции редкости XIX в., которая перекочевала в следующее столетие, сводится к определению таковой в физических категориях; именно по этой причине изобилие стало противопоставляться дефициту. Но редкость не является «нулевой суммой» наличия или отсутствия. Она представляет собой измеритель относительных различий в предпочтениях благ при учете сравнительных издержек. В этом смысле идея редкости, сформулированная в виде аналитической концепции, есть основа всех современных социальных наук. Она аксиоматично гласит, что все ценности (престиж, власть, богатство) являются редкими по сравнению с желаниями; что все ресурсы дефицитны по отношению к потребностям. Экономическая теория имеет дело с распределением ограниченной продукции, политическая социология — с регулированием конкуренции среди людей за обладание редкими ценностями. Экономизация представляет собой поиск «лучшей» формы использования ограниченных ресурсов среди конкурирующих между собой целей: определение наилучшего сочетания производственных факторов (при сравнимых издержках) с наиболее эффективными видами технологии (наиболее интенсивное использование) в рамках оптимального графика (программирование) производства продукции; результатом становится максимальный выпуск благ при наименьших издержках. По этой причине осевым принципом экономики является функциональная рациональность. Политическая социология занимается

изучением закономерностей, регулирующих конкуренцию людей за обладание богатствами, властью и престижем. Но человек должен принять эти закономерности как справедливые, поскольку конкуренция должна развиваться и в дальнейшем; людям необходима справедливая власть. По этой причине осевым принципом политической жизни становится законность.

Центральным является постулат о том, что производство любого блага предполагает *издержки* и что существует лишь небольшой круг, если таковой вообще имеется, бесплатных товаров. По *этой причине измерителем дефицита выступает оценка сравнительных производственных издержек:*

Мы сталкиваемся с растущим загрязнением окружающей среды, поскольку компании рассматривают воздушные и водные ресурсы как бесплатные блага; им ничего не стоит утилизация их отходов. Но по мере увеличения издержек по очистке чистый воздух и незагрязненные воды становятся как никогда ранее дефицитными. Сравнительная дефицитность выступает измерителем дешевизны или дороговизны. Изобилие не обязательно означает, что благ в физическом измерении становится всё больше, оно лишь предполагает, что они дешевеют вследствие сокращения производственных издержек, а также роста производительности при фиксированных ценах. Земля всегда имелась в изобилии, только ее урожайность была значительно меньше, чем сегодня; именно больший выпуск продукции при меньших издержках и ведет к изобилию. Достижение одного экономического эффекта может осуществляться только за счет изменений в других видах издержек (хотя и не всегда измеряемых), в совокупности составляющих цену тех или иных благ. Бесплатных средств решения экономических проблем не существует. Уменьшение безработицы может быть достигнуто за счет снижения производительности труда вследствие найма на работу малоквалифицированной рабочей силы или использования низкокачественных ресурсов, за счет возникновения побочного эффекта в виде инфляции, или же оно может повлечь за собой

ограничение индивидуальных свобод. В техническом отношении преодоление редкости означает возникновение ситуации нулевых издержек, что невозможно. Таким образом, концепция устранения редкости является эмпирическим абсурдом.

Если мы размышляем о редкости благ с точки зрения издержек, то постиндустриальное общество вызывает к жизни большое количество новых дефицитов. Условно они распадаются на информационные издержки, координационные издержки и затраты времени.

Информация. Постиндустриальное общество в той же мере является информационным обществом, в какой индустриальное общество — товаропроизводящим. Но центральное значение информации для общественной жизни порождает принципиально новые проблемы, к числу которых относятся следующие:

1) Колоссальный объем информации, который необходимо поглотить человеку вследствие расширения различных сфер — экономической, политической, социальной, — требующих его внимания и энергии. Классическая теория полезности предполагала, что человек как homo economicus располагает полной информацией относительно доступных ему видов продукции, подсчитывает все издержки и осуществляет выбор в целях максимизации полезности. Но *больший объем* информации не означает ее полноты; напротив, увеличение количества данных делает информацию всё менее и менее полной. В сфере международной политики необходимо тщательно отслеживать изменения хозяйственного положения в нескольких десятках стран и при этом держать в уме политическую ситуацию в полудюжине регионов земного шара. В результате издержки сбора соответствующей информации быстро растут[17].

---

[17] М. Шубик указывает: «В моделях экономистов рациональным экономическим человеком является тот, кто знает свои потребности, свои возможности и свои ресурсы. Его система ценностей представляется хорошо артикулированной; его холодный, целенаправленный ум быстро и без устали изучает мириады открытых ему альтернатив. Его безошибочная интуиция позволяет ему обнаруживать едва уловимые различия в качестве. Он даже в состоянии определить стоимостные отличия продуктов массового производства от единичных благ...

[Но] человек живет в условиях, где информация совершенно недостаточна. Он не только не знает, каким

2) Информация становится всё более специфической. Сегодня обсуждение международных проблем предполагает знания о платежном балансе стран, ядерных силах первого и ответного ударов и т. п.; для вынесения суждений о решениях по проблемам безработицы и инфляции необходимо понимать особенности кривой Филлипса, соотношение денежной и налоговой политики и т. д. Информация, таким образом, становится всё более трудной для восприятия; объект или событие, попадающие в фокус внимания, необходимо изучать более тщательно, чем когда-либо в прошлом.

3) Появляется большая потребность в осмыслении информации, или, говоря языком журналистики, новости уже больше не сообщаются, но интерпретируются. Возникают проблемы отбора необходимых сведений из огромного информационного потока и их объяснения вследствие всё более технического характера информации. Большую специализацию приобретают не только журналисты, но и журналы, которые становятся всё более отличающимися друг от друга, вплоть до появления значительного числа «популярных» изданий (публикующих полный спектр сообщений — от утонченного анализа до банальных обобщений), объясняющих новые теории относительно подготовленной и массовой аудиториям[18]. Дифференциация в сфере журналистики неизбежно порождает растущие «издержки» для общества.

4) Ограниченность объема информации, которую человек способен

образом оценить многие из стоящих перед ним альтернатив; он не осознает даже их сколько-нибудь значительной доли. Его система восприятия носит крайне ограниченный характер; его возможности оценки сильно уступают компьютерным во многих ситуациях; его способности поиска, обработки и запоминания информации оказываются очень изменчивыми. По мере того как растут скорости передачи информационных единиц и их объемы, ограничения, присущие индивиду, становятся всё более заметными по отношению к обществу в целом» *(Shubik M.* Information, Rationality and Free Choice / Toward the Year 2000: Work in Progress // Daedalus. Summer 1967. P. 772).

[18] Одной из «структурных» особенностей журналистики за последние два десятилетия стадо появление таких научно-популярных журналов, как “Scientific American”, “The Listener”, “Psychology Today”, “New Society”, “The Public Interest”, “Transaction Society”, и упадок и даже закрытие таких журналов «общего содержания», как “Saturday Evening Post”, “Colliers”, “Look” и “Life”. Все в большей степени “Time” и “Newsweek” отводят целые разделы проблемам «поведения», «окружающей среды» и т. п., а такие высококлассные литературоведческие журналы, как “Times Literary Supplement” и “New York Review of Books”, публикуют всё более изысканные подборки результатов новых исследований в области лингвистики, структурной антропологии и т. п.

усвоить. В упоминавшейся ранее статье Дж. Миллер показал, что «магическое число 7 плюс-минус 2» является верхним пределом объема памяти для «байтов» информации, которые одновременно может обработать человек. Подобно этому существует и верхний предел объема информации о происходящих внешних событиях, которую он может поглотить (или сферы знаний или интересов, которые можно освоить), и при «экспоненциальном» росте знаний и умножении отраслей знаний и интересов относительный объем информации, который может хранить любой гражданин относительно растущего количества событий или круга знаний, неизбежно сокращается.

Координация. Как уже говорилось, постиндустриальное общество является «игрой между людьми», но такая игра требует повышенной степени координации, особенно когда она ведется на видимой политической арене, а не посредством «невидимой руки» экономического рынка. Издержки координации определяются именно этим сдвигом в механизме принятия решений.

Участие. Расширение политической сферы и включение в происходящие процессы всё большего числа людей означает, что для принятия решений и их реализации требуется больше времени и больше усилий. В политику вовлекается огромное число претендентов, происходит умножение числа интересов и политизированных собраний. Нарастает необходимость выяснения разногласий и нахождения компромиссов; различия должны быть прояснены, в результате на это требуется больше времени при соответствующем росте издержек по мере того, как каждый человек желает высказаться или проявить себя. Нередко слышны заявления о том, что индивиды или группы чувствуют себя «бессильными» повлиять на ход событий. Однако сегодня политическая жизнь намного более интенсивна (причем на всех этажах власти), чем когда-либо ранее, а сам факт повышения активности ведет к умножению числа групп, «контролирующих» друг друга и порождающих чувство безысходности. Таким образом, как это ни парадоксально, повышенная степень активности в большинстве случаев

ведет к росту разочарования[19].

Контакты. Расширение мировой сенсорной сети означает, что мы чаще звоним друг другу, чаще путешествуем, больше бываем на конференциях, встречаемся с большим числом людей. Но с какими результатами? Э. Дюркгейм, первым проанализировавший последствия растущей взаимосвязи людей, полагал, что этот процесс приведет к увеличению «моральной плотности» общества, а человек будет становиться все более свободным и независимым, поскольку «дальнейшее развитие его психической деятельности приведет к большей его коммуникабельности». Но какой ценой? Либо придется принять мимолетный характер этих неожиданных встреч, либо столкнуться с «верхним пределом», который ограничит степень личностных взаимосвязей. М. Шубик отмечает: «Несмотря на рост коммуникаций, имело ли место сколь-нибудь серьезное изменение в количестве лиц, с которыми человек может быть хорошо знаком? Поскольку изменились пространственные формы, индивид может выбирать своих друзей из расширившегося круга лиц. Однако, несмотря на развитие современной науки и рост скорости транспорта, вечер, проведенный с другом, за исключением времени на дорогу, будет по-прежнему требовать в XXI веке того же количества времени, как и в XIX-м.

Произведя несколько грубых расчетов, мы приходим к выводу, что если в год требуется полдня, чтобы поддерживать общение со сравнительно близким другом, то существует верхний предел, не превышающий семисот человек, с которыми мы в состоянии иметь тесные личностные контакты. Как много судебных дел может рассмотреть судья? За сколькими пациентами в состоянии наблюдать врач-психиатр? Становятся ли личные взаимосвязи предметом роскоши, которую не может позволить себе современное массовое общество, или должны появиться новые формы социальных отношений и институтов, которые будут способствовать их развитию и сохранению?»

---

[19] Драматическое исследование последствий подобного положения дел содержится в: *Moynihan D. P.* The Politics of a Guaranteed Income. N. Y., 1973.

Взаимодействия. В нашем определении свободы мы придаем большое значение быстроте перемещения и свободе от графиков и расписаний. Мы добиваемся быстрого и легкого доступа из наших домов до любого другого пункта в радиусе нашей дорожной сети. Расселяясь на большей территории, мы нуждаемся в перевозках растущего объема товаров и перемещении нас самих на всё большие расстояния. В результате нарастает то, что можно назвать *издержками взаимодействия,* особенно в форме ресурсов и пространства, выделяемых для связи и транспорта[133]. Две машины на одну семью уже больше не представляют повышения жизненного уровня — они являются частью растущих издержек взаимодействия и формирующегося образа жизни состоятельных слоев, при этом еще более увеличивая социальные издержки в виде шоссейных пробок, необходимости сооружения новых автостоянок, загрязнения воздушной среды и т. п. Издержки свободы и мобильности в конце концов становятся очень высокими и должны регулироваться, в противном случае подобный образ жизни становится саморазрушительным.

Планирование. Сложное общество, подобно составляющим его комплексным организациям, неизбежно становится планирующим обществом. Крупные корпорации занимаются пятилетним и даже более долгосрочным планированием с целью определения новых видов продукции, оценки потребности в инвестициях, замены устаревшего оборудования, подготовки рабочей силы и т. п. По необходимости планированием начинает заниматься и государство при решении таких вопросов, как реконструкция городов, строительство жилищ, регулирование сферы медицинского обслуживания и т. п. Издержки планирования, включая расходы на научно-исследовательские работы и консультирование, неизбежно увеличиваются по мере того, как всё большее число факторов (и претендентов) вовлекается в данный процесс. При сооружении субсидируемого государством жилья (а почти весь жилой фонд семей с низкими доходами в США в настоящее время является государственным) процесс планирования — выбор района

строительства, консультирование, согласование в государственных органах — является столь дорогостоящим, что накладные расходы даже первых фаз небольшого строительного проекта столь же велики, как крупного, и поэтому государство чаще поощряет масштабное жилищное строительство, нежели проекты сооружения небольших, широко разбросанных по стране домовладений. *Парадокс состоит в том, что экономия на масштабах оборачивается расточительным использованием пространства.*

Регулирование. Чем выше уровень доходов и благосостояния общества, тем настоятельнее становится потребность в регулировании его деятельности, что предполагает увеличение издержек регулирования. Вполне может статься, как это и предсказывает Г. Кан, что индивидуальные доходы на душу населения в 2000 г. составят 10 тыс. долл. против 3,35 тыс. в 1965 г., однако люди не будут чувствовать себя в три раза счастливее, подобно тому как человек сегодняшнего дня, чей доход в два раза выше, чем 20 лет назад, не ощущает себя лучше в два раза. По мере роста доходов увеличивается и спрос на блага и удобства, которые по самой своей природе ограничены: доступ в парки, на пляжи, отдых, туристические поездки. Сорок лет назад Французская Ривьера была сравнительно малопосещаемым местом; в настоящее время почти каждый французский рабочий получает месячный отпуск — обычно в августе, — а береговая линия представляет собой зубчатый силуэт высоко взметнувшихся отелей и многоквартирных домов; промежутки между ними заполнены всевозможного рода кемпингами и виллами. Однако объем удобств будет уменьшаться до тех пор, пока отпуска не будут более равномерно предоставляться в течение года или же доступ в этот район не будет регулироваться. Но оба эти варианта предполагают больше планирования и регулирования.

Т. Шеллинг приводит множество поучительных случаев, когда каждый человек, вероятно, действует абсолютно рационально, но результатом, в отсутствие координации, становятся иррациональные коллективные решения. Поскольку для каждого из нас рационально проводить на работе

время с девяти часов утра до пяти часов вечера, свободный выбор ведет каждого на работу в эти часы, хотя любой оказывается при этом в худшем положении по сравнению с ситуацией, когда рабочие часы были бы дифференцированы. Этот пример характеризует универсальную дилемму индивидуального решения и коллективного интереса. Т. Шеллинг отмечает: «Человеческую природу можно легко критиковать, но, принимая во внимание тот факт, что большинство людей более озабочены состоянием своих дел, нежели заботами других людей... мы вполне можем прийти к выводу, что человеческая природа здесь играет меньшую роль, нежели социальная организация. Проблемы такого рода в большей своей части могут быть решены, и соответствующие решения зависят от определенной формы социальной организации, от того, является ли она искусственно или стихийно созданной, постоянной или временной, добровольной или связанной жесткой дисциплиной»[20].

Мораль выводов Т. Шеллинга ясна: без соответствующей организации результаты обречены на то, чтобы быть неудовлетворительными. Но деятельность организации также связана с издержками, причем не только времени, кадров и денег, но выражаемыми в степени жесткости требуемой ею дисциплины. Как указал несколько лет назад М. Олсон в своей новаторской работе «Логика коллективного действия», природа коллективных благ или выгод сводится к тому, что доступ к ним получают одновременно все члены группы, и отлучить от них отдельного индивида

[20] *Scheming T. C.* On the Ecology of Micromotives // The Public Interest. 1971. No. 25. P. 67. Т. Шеллинг приводит простой пример дорожно-транспортного происшествия, случившегося на южном направлении крупного шоссе. Некоторые водители, ехавшие на север, притормаживали, чтобы посмотреть на аварию, задерживая тем самым всё движение позади них. Если бы существовала обходная полоса, то большинство водителей, возможно, пошли бы на обгон, но поскольку она отсутствовала, они были вынуждены держаться за теми, кто ехал впереди. «Каждый уделяет аварии свои десять минут и получает возможность взглянуть на нее. Но непосредственный осмотр занимает всего десять секунд, а девять минут и пятьдесят секунд тратятся на удовлетворение любопытства едущих впереди водителей. Такая сделка никуда не годна. Более правильным будет сказать, что результаты происшествия являются плохими, поскольку сделки как таковой не совершается. Как некий коллектив, водители на шоссе могли бы единодушно проголосовать за сохранение достигнутой скорости движения, при этом каждый обошелся бы без десятисекундного осмотра и каждый сэкономил бы себе десять минут езды по шоссе. Неорганизованные, они попадают в зависимость от децентрализованной системы учета, согласно правилам которой ни один из тех водителей, кто таращит глаза, не отвечает за потери, которые несут следующие за ними люди *(Schelling T. C.* On the Ecology of Micromotives. P. 65–66).

невозможно. Но по этой же причине у каждого человека зачастую возникает соблазн не вносить в общий фонд свою долю взносов, поскольку он и так получит причитающиеся ему блага. Вот почему, например, профсоюзы пытаются охватить всех рабочих на заводе и организовать единую профсоюзную организацию, чтобы воспрепятствовать «свободному членству» работников, которые не платят профсоюзных взносов. Для того чтобы коллективное действие носило справедливый характер, каждый должен присоединиться к условиям соглашения.

И вновь растущее изобилие благ и количество свободного времени дают более широкий выбор и делают его более индивидуализированным, однако при этом парадоксально обусловливают увеличенную потребность в регулировании коллективных действий. Если люди обречены на сосуществование, возникает острая потребность в социальном контракте, но для того, чтобы он действовал, он должен законодательно проводиться в жизнь, что также связано со значительными издержками[21].

Время. Б. Франклин, этот практичный янки, любил говорить, что «время — это деньги», и такое высказывание М. Вебер называл основой расчетливой протестантской этики. Мы обычно думаем о времени как об издержках, когда распространяем эту категорию на сферу материального производства. Когда оборудование простаивает, издержки растут; эффективный управляющий поэтому пытается полностью использовать рабочее время машин. Но фактом остается и то, как указал С. Линдер в своей интригующей работе, что потребление также требует времени. В современной экономике, которая характеризуется ростом изобилия, время парадоксальным образом становится дефицитнейшим из всех ресурсов. В отличие от остальных экономических ресурсов оно не может накапливаться.

---

[21] См.: *Olson M.* The Logic of Collective Action. Cambridge (Ma.), 1965. Обсуждение этой проблемы применительно к постиндустриальному обществу см.: *Bourricaud F.* Post-Industrial Society and the Paradoxes of Welfare // Survey. Winter 1971. Vol. 16. No. 1. Проблема «коллективных действий» касается в первую очередь желания людей голосовать за «общественные блага», т. е. государственные программы, распространяющиеся на всех. Важные аспекты обсуждения этой проблемы содержатся в работах: *Downs A.* Why the Government Budget is Too Small in a Democracy // World Politics. July 1960; *Monsen R. J., Downs A.* Public Goods and Private Status // The Public Interest. Spring 1971. No. 23.

Как отметил С. Линдер, «мы не к состоянии создать запасы времени тем же образом, как мы создаем запасы капитала». Говоря экономическим языком, предложение времени ограничено. И, подобно любому другому ограниченному благу, оно имеет цену.

Самыми бедными являются те страны, где больше всего времени посвящается ручному труду. Производительность столь низка, что даже значительная продолжительность рабочего времени приносит лишь небольшое увеличение жизненного уровня. Здесь невелика потребность в регламентации общественной жизни или измерении времени; почти всегда в расчет принимается только день грядущий. В обществах, где производительность труда достаточно высока, распределение времени превращается в острую экономическую проблему, и поиск эффективных форм рационирования необходим для лучшего использования времени. Таким образом, принцип прост: когда производительность труда низка, то время сравнительно дешево; когда производительность труда становится высокой, время относительно дорожает. Короче, экономический рост влечет за собой постоянное повышение дефицита времени.

В индустриальном обществе взаимосвязь времени и труда проанализирована до мельчайших деталей. Как я писал много лет назад в статье «Труд и недовольство им», научное управление выходит далеко за рамки прежнего разделения труда и сосредоточивает внимание на разделении времени. Сильно дифференцированное рабочее время (на многих промышленных предприятиях рабочим начисляется заработная плата после выплаты первоначального гарантированного минимума на основе количества отработанных десятых долей часа) подлежит измерению и распределению. Время помимо рабочего является «свободным временем» для игр иди досуга. Но в постиндустриальном обществе это «свободное время» также подлежит измерению и распределению, и «эффект от времени», затраченного на эти виды деятельности, является равноценным доходу от рабочего времени.

Существует три сферы, в которых такая система расчетов начинает

играть всё большую роль.

1. Сфера услуг. Значительная часть товаров длительного пользования, которые мы приобретаем, — телевизоры, автомобили, дома и дачи — требуют издержек в виде времени, необходимого для их содержания и обслуживания. Индивид может либо покрыть эти издержки за счет своего собственного времени (т. е., например, сам покрасить дом), либо нанять для выполнения этой услуги рабочего. Когда только небольшая часть людей владеет многими товарами, покрывать соответствующие издержки сравнительно легко, но по мере роста производительности труда увеличивается и относительная ценность времени, и цена услуг по поддержанию имущества также растет. Таким образом, как указывает М. Уэйз, потребитель обнаруживает, что нуждается в больших доходах для покупки времени, необходимого для содержания и обслуживания ранее приобретенных благ.

2. Сфера потребления. Удовольствие от потребления требует затрат времени: времени, необходимого для прочтения книги, разговора с другом, для того, чтобы выпить чашечку кофе, совершить поездку за границу. Жители слаборазвитых стран с ограниченным кругом благ имеют больше времени. Но когда у человека есть яхта, спортивная машина или абонемент на посещение концертов, он обнаруживает, что «свободное время» превращается в самый дефицитный из его ресурсов. Если он спешит на концерт, ему придется на скорую руку поужинать, а поскольку хорошее приготовление пищи требует времени, он может купить мороженые продукты, которые легко разогреть (тем более что микроволновые печи вдвое сокращают необходимое для этого время). Если он идет на концерт, а ужинать будет после, то он может отойти ко сну очень поздно и, таким образом, не выспаться, ибо утром ему надо «вовремя» успеть на работу. Если бы он мог сэкономить за счет несоблюдения требования быть везде «вовремя», то у него могло образоваться больше свободного времени, но в этом случае ему нужно быть либо исключительно состоятельным человеком,

либо пенсионером. Итак, он должен планировать и распределять свое время.

3. Способы экономии времени. Поскольку свободное время становится всё более и более ценным, потребитель стремится приобретать те виды продукции, которые требуют сравнительно немного его свободного времени, пусть даже это связано с большими расходами. Он будет покупать товары, которые можно использовать, а потом выбросить. Он будет заключать контракты на различные услуги или технические службы (подобно тому, как сейчас он посылает свою одежду в химчистку). А для приобретения товаров и услуг, которые обеспечивают большую отдачу от его свободного времени, ему, возможно, придется дольше работать. Но издержки могут оказаться слишком большими; результатом этого станет расчет сравнительных эффектов. Он должен оценить сравнительные цены и доходы от различных форм распределения времени и денег. Может обнаружиться, что вследствие высокой стоимости услуг лучше самому стирать или чистить свою одежду в химчистке самообслуживания, расходуя, таким образом, часть своего времени ради экономии денег. Возможно также потратить деньги в целях экономии времени. При сравнении этих альтернатив человек начинает выводить (не подозревая, что занимается решением прикладной экономической задачи) кривую безразличия в рамках дифференцированной шкалы взаимозаменяемости (времени и денег) и определять предельную полезность каждой единицы в различных потоках своих расходов. Потоки с низкой отдачей должны быть преобразованы в высокоэффективные таким образом, чтобы в конце концов его ресурсы стали распределяться столь равномерно, чтобы обеспечить равную отдачу по всем направлениям. Так что экономическое изобилие вновь вводит категорию полезности через «заднюю дверь» — через фактор времени. Человек становится homo economicus и в своем свободном времени.

В такой ситуации, грубо говоря, страна Утопия предстает полностью обескураженной. Окончание эры дефицита, как его представляли писатели XIX в., приносит с собой такой избыток благ, что человеку уже не надо

откладывать удовлетворение желаний или жить подобно счетной машине. Люди смогли бы выбросить на ветер бережливость, потворствовать своему расточительству и жить весело, непринужденно общаясь друг с другом.

Но в действительности дело оборачивается совсем по-другому. Индустриальное общество всецело занималось производством материальных благ (и зависимости человека от них). Но в постиндустриальном обществе умножение благ и растущие издержки их содержания привносят фактор времени в расчет распределения индивидуальных усилий человека; люди становятся закабаленными этими подсчетами, пытаясь установить его предельную полезность.

В стране Утопии (как и в рыночной экономике) каждый человек был свободен в реализации своих собственных интересов, но в постиндустриальном обществе — где отношения между людьми (в большей мере, чем между человеком и природой или между человеком и вещами) становятся основной формой взаимосвязей — столкновение индивидуальных интересов, когда любой индивид следует своей собственной прихоти, по необходимости вызывает большую потребность в коллективном регулировании и дисциплине (предполагающей уменьшение свобод личности) с тем, чтобы достичь эффективных совместных действий. Когда люди требуют полноты участия в принятии решений, затрагивающих их жизнь, последствием этого является увеличение информационных издержек и времени, необходимого для проведения переговоров каждого с каждым с целью достижения договоренностей по предпринимаемым действиям.

Считалось, что окончание эры недостатка благ — выход за пределы царства необходимости — приведет к высвобождению фактора времени из безжалостного ритма экономической жизни. В конечном же итоге все формы времени стали объектом экономического исчисления. Как выразился Оден, «время даст понять — я вам об этом говорило».

***Тоффлер Э.* Шок будущего. http://royallib.com/read/toffler_elvin/shok_budushchego.html#159272.**

Люди будущего

Жители Земли разделены не только по расовому, религиозному или идеологическому признаку, но также в каком-то смысле и во времени. Изучая нынешнее население земного шара, мы обнаруживаем небольшую группу людей, которые еще живут охотой и собирательством, как тысячи лет назад. Другие, их большинство, полагаются не на медвежью охоту или сбор ягод, а на сельское хозяйство. Они живут во многих отношениях так же, как жили их предки столетия тому назад. Эти две группы вместе составляют около 70 % жителей Земли. Это люди прошлого.

Более 25 % населения Земли живут в промышленно развитых странах. Они живут современной жизнью. Они продукт первой половины XX в., сформированы механизацией и массовым образованием, воспитаны на оставшихся в памяти воспоминаниях о сельскохозяйственном прошлом своей страны. Они — люди настоящего.

Оставшиеся 2–3% населения планеты нельзя назвать ни людьми прошлого, ни людьми настоящего. Ибо в главных центрах технологических и культурных перемен, в Санта-Монике (Калифорния) и Кембридже (Массачусетс), в Нью-Йорке, Лондоне и Токио о миллионах мужчин и женщин можно уже сказать, что они живут в будущем. Эти первопроходцы, часто неосознанно, сегодня живут так, как другие будут жить завтра. И хотя сегодня они составляют только несколько процентов населения земного шара, они уже формируют международную нацию будущего. Они разведчики человечества, самые первые граждане мирового рождающегося в муках супериндустриального общества.

Что отличает их от остальных людей? Разумеется, они богаче, лучше образованы, более мобильны, чем большинство. Они также дольше живут. Но что особенно отличает людей будущего — это то, что они уже попали в

новый, ускоренный темп жизни. Они «живут быстрее», чем люди вокруг них. Некоторые глубоко привязаны к этому высокоскоростному темпу жизни. Они всячески пытаются вызвать его и чувствуют тревогу, напряжение или дискомфорт, когда темп замедляется. Они отчаянно хотят быть там, «где происходят события». (Действительно, некоторых едва ли волнуют события, которые происходят в удобно быстром темпе.) Джеймс А. Уилсон обнаружил, например, что притягательность быстрого темпа жизни — один из скрытых мотивов широко дискутируемой «утечки мозгов» — массовой миграции европейских ученых в Соединенные Штаты и Канаду.

Исследовав 517 английских ученых и инженеров, которые мигрировали, Уилсон пришел к заключению, что их привлекли не только более высокая заработная плата и лучшие условия для проведения исследований, но также более быстрый темп. Мигранты говорят, пишет он, что их «не отпугивает “более быстрый темп” Северной Америки; напротив, они явно *предпочитают* этот темп другому». То же сообщает ветеран движения за гражданские права в Миссисипи: «Люди, которые привыкли к ускоренному темпу городской жизни… не могут долго выносить жизнь на сельскохозяйственном Юге. Вот почему люди всегда куда-то едут без особой причины. Путешествие — это наркотик нашего Движения». Эти разъезды, на вид бесцельные, служат компенсаторным механизмом. Понимание сильной притягательности определенного темпа жизни для человека помогает во многом объяснить иначе необъяснимое или «бесцельное» поведение. Но если некоторые получают мощную подпитку от нового быстрого темпа, у других он вызывает неприязнь, они ни перед чем не останавливаются, чтобы «избавиться от этой карусели», как они говорят. Принимать участие в зарождающемся супериндустриальном обществе — значит принимать участие в мире, движущемся всё быстрее, чем когда-либо, но они предпочитают не участвовать, а бездействуют на собственной скорости. Не случайно несколько сезонов назад в Лондоне и Нью-Йорке огромной популярностью пользовался мюзикл под названием «*Остановите мир — Я*

хочу сойти». Квиетизм и поиски новых способов «делать выбор» или «улизнуть», который характерен для некоторых (хотя не всех) хиппи, может быть менее мотивированным их громко выражаемым неприятием ценностей технологической цивилизации, чем бессознательной попыткой убежать от темпа жизни, который многие находят невыносимым. Не случайно они применяют к обществу специфический термин «бешеная гонка».

Люди старшего поколения еще сильнее реагируют на всякое дальнейшее ускорение перемен. Для сделанного наблюдения имеется прочная математическая основа: возраст часто коррелирует с консерватизмом, так как для пожилых время идет быстрее. Когда пятидесятилетний отец говорит своему пятнадцатилетнему сыну, что ему придется подождать два года, прежде чем он сможет иметь собственную машину, этот интервал в 730 дней составляет только 4 % от жизни отца к данному моменту и более 13 % от жизни мальчика. Поэтому мальчику отсрочка кажется в три-четыре раза длиннее, чем отцу. Два часа в жизни четырехлетней девочки могут ощущаться как эквивалент 12 часов в жизни ее двадцатичетырехлетней матери. Просить ребенка подождать два часа, пока будет готов пирог, всё равно что попросить ее мать подождать 14 часов, пока сварится кофе. Субъективная реакция на время имеет биологическое обоснование. «С возрастом, — пишет психолог Джон Коэн из Манчестерского университета, — календарный год кажется все меньше. В ретроспективе каждый год кажется короче, чем только что прошедший, возможно, это результат постепенного замедления процессов метаболизма». Поскольку собственные биологические ритмы замедляются, пожилым людям кажется, что мир движется все быстрее.

Какими бы ни были причины, любое ускорение перемен, которое дает эффект втискивания все большего количества ситуаций в канал опыта в данный интервал времени, увеличивается в восприятии более старого человека. По мере ускорения перемен в обществе все большее число пожилых людей становятся аутсайдерами, замыкаясь в частном окружении,

обрывая контакты с быстро движущимся снаружи миром, погружаясь в собственное субъективное восприятие времени, в котором они пребывают до самой смерти. Мы можем никогда не решить психологические проблемы пожилого возраста, пока не найдем средство — с помощью биохимии или повторного образования — изменить их чувство времени или обеспечить для них структурированные группы, в которых темп жизни контролируется и даже, возможно, регулируется в соответствии с календарем со «скользящей шкалой», который отражает их собственное субъективное восприятие времени.

Причины большей части иначе не постижимых конфликтов — между поколениями, между родителями и детьми, между мужьями и женами — можно найти в разных реакциях на ускорение темпа жизни. То же самое верно о конфликтах между культурами. Каждая культура имеет свой характерный темп. Ф. М. Эсфандиари, иранский романист и эссеист, рассказывает о коллизии между двумя по-разному движущимися системами. Немецкие инженеры перед Второй мировой войной помогали построить железную дорогу в этой стране. Иранцы и жители Ближнего Востока обычно более спокойно относятся ко времени, чем американцы или западноевропейцы. Когда бригады рабочих-иранцев постоянно появлялись на работе с десятиминутным опозданием, немцы, сами сверхпунктуальные и всегда спешащие, увольняли их толпами. Иранским инженерам с трудом приходилось им объяснять, что по ближневосточным стандартам рабочие проявляли чудеса пунктуальности и что, если увольнения будут продолжаться, скоро придется набирать на работу женщин и детей.

Подобное безразличие к времени может сводить с ума тех, кто то и дело поглядывает на часы. Так, итальянцы из Милана или Турина, промышленных городов Севера, свысока смотрят на сравнительно медлительных сицилийцев, жизнь которых еще приспособлена к более медленным ритмам сельского хозяйства. Шведы из Стокгольма или Гетеборга чувствуют то же самое по отношению к лапландцам. Американцы с издевкой говорят о

мексиканцах, для которых *manana* значит довольно скоро. В самих Соединенных Штатах северяне считают южан неповоротливыми, а негры, принадлежащие к среднему классу, осуждают негров, принадлежащих к рабочему классу с Юга, за то, что они живут по «В.Ц.» — Времени Цветных. Напротив, по сравнению с почти всеми остальными белые американцы и канадцы считаются толкающимися и спешащими предприимчивыми дельцами.

Население иногда активно противостоит изменению темпа. Это объясняет патологический антагонизм к «американизации» Европы. Новая технология, на которой основана супериндустриализация, большая часть которой создана в американских исследовательских лабораториях, приносит с собой неизбежное ускорение перемен в обществе и сопутствующее убыстрение темпа индивидуальной жизни. Хотя антиамериканские ораторы выбирают мишенью для своего остроумия компьютеры или кока-колу, действительное возражение может вызывать вторжение в Европу чуждого чувства времени. Америка как передовой отряд супериндустриальности показывает новый, более быстрый и весьма нежелательный темп.

Именно темп вызвал сердитые протесты парижан против появления в городе аптек в американском стиле. Для многих французов они — символ зловещего «культурного империализма» со стороны Соединенных Штатов. Американцам трудно понять такую страстную реакцию на невинный фонтанчик с содовой. Это объясняется тем, что в аптеке испытывающий жажду француз торопливо проглатывает молочный коктейль, хотя еще совсем недавно он часок-другой потягивал аперитив на веранде кафе.

Часть II
ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ФИЛОСОФИИ

2.1. Темы для направлений магистратуры: «Экономика», «Финансы и кредит», «Государственный аудит»

***Булгаков С. Н.* Философия хозяйства (Мир как хозяйство). М., 1990. С. 7–228. http://www.odinblago.ru/bulgakov_hozaistvo/**

Глава первая. Проблема философии хозяйства

…Философское исследование общих предпосылок экономической деятельности и экономического мышления вообще составляет прямую задачу философии хозяйства…

…Хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм.

Признаком, установляющим хозяйственную деятельность, является наличность усилия, труда, направленного к определенной цели. Хозяйство есть трудовая деятельность. Труд, и притом подневольный, отличает хозяйство. В этом смысле хозяйство можно определить как трудовую борьбу за жизнь и ее расширение, труд есть основа жизни, рассматриваемой с хозяйственной точки зрения. Жизнь возникает в рождении естественно, т. е. без сознательного приложения труда, дается даром, но в хозяйстве поддержание ее уже оплачивается трудом, она становится трудовою. Труд есть та ценность, которою приобретаются блага, поддерживающие жизнь.

Мир как хозяйство — это мир как объект труда, а постольку и как продукт труда. Труд в своей внутренней, волевой основе, как чувство усилия, направленного вовне, не поддается никакому определению, хотя он известен

из опыта и самонаблюдения каждому, как актуальность, как действенная воля, как активный выход из себя. Способность к труду есть одно из свойств живого существа, в нем обнаруживается огонь и острота жизни. Только тот живет полной жизнью, кто способен к труду и действительно трудится.

Глава четвертая. О трансцендентальном субъекте хозяйства

Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит из них, что хочет. Он создает как бы свой новый мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту, — он творит культуру, как гласит распространенная формула наших дней. Рядом с миром «естественным» созидается мир искусственный, творение человека, и этот мир новых сил и новых ценностей увеличивается от поколения к поколению, так что у нашего поколения, особенно сильно захваченного этим творческим порывом, теряются уже всякие границы при определении возможного.

Человеческое творчество — в знании, в хозяйстве, в культуре, в искусстве — *софийно*. Оно метафизически обосновывается реальной причастностью человека к Божественной Софии, проводящей в мир божественные силы Логоса и по отношению к природе как продукту имеющей значение *natura naturans*. Человек может познавать природу и на нее воздействовать, «покорять» ее, быть ее «царем» только потому, что он носит в себе, хотя и в неразвернутом еще виде, потенциально, компендиум всей природы, весь ее метафизический инвентарь, и в меру его развертывания, актуализирования он и овладевает природой.

Нам дано расширять жизнь, оживлять природу, быть может, по мнению наиболее смелых мыслителей, воскрешать угасшую жизнь, но творить жизнь нам абсолютно не дано, одинаково ни микроскопической козявки, ни гомункула в реторте. Поэтому хозяйство есть функция жизни, уже созданной и существующей.

…Содержанием хозяйственной деятельности человека является не

творчество жизни, но ее защита, воссоздание живого и натиск на омертвелое.

Глава шестая. Хозяйство как синтез свободы и необходимости

Свобода выражается в творчестве, отличном от мертвого механизма вещей, и постольку участвует в миросозидании, точнее, миропреобразовании. Она, конечно, не есть всемогущество, способность к творчеству из ничего, она ограничена, но в то же время эта ее ограниченность отнюдь не сводит ее лишь к особому виду механической причинности. Там, где есть жизнь и свобода, есть место и для нового творчества, там уже исключен причинный автоматизм, который вытекает из определенного и неизменного устройства мирового механизма, идущего как заведенные часы.

…Хозяйство, рассматриваемое как творчество, есть и *психологический феномен*, или, говоря еще определеннее*, хозяйство есть явление духовной жизни* в такой же мере, в какой и все другие стороны человеческой деятельности и труда. *Дух хозяйства* (напр., «дух капитализма», о котором теперь много пишут, и притом такие выдающиеся представители экономической науки, как Зомбарт и Макс Вебер) есть, опять-таки, не фикция, не образ, но историческая реальность. Всякая хозяйственная эпоха имеет свой дух и, в свою очередь, является порождением этого духа, каждая экономическая эпоха имеет свой особый тип «экономического человека», порождаемый духом хозяйства… Понимание хозяйства как явления духовной жизни открывает глаза на психологию хозяйственных эпох и значение смены хозяйственных мировоззрений. Им выдвигается также чрезвычайно важная проблема не только научного, но и практического характера — именно о значении личности в хозяйстве.

Глава девятая. Экономический материализм как философия хозяйства

Экономический материализм берет хозяйство в политикоэкономическом

смысле и этим обрекается действительно на беспросветный материализм… Понятия форм производства, с «диалектической» необходимостью сменяющих друг друга на известной ступени «развития производительных сил», очевидно, выработаны на верстаке политической экономии для ее нужд, но теперь оказывается необходимым пристегивать к ним всю духовную историю человечества, разрезая ее на куски соответственно этим политико-экономическим схемам. Но, конечно, политической экономии в действительности вовсе не принадлежит значение исторической онтологии, она есть лишь специальная наука, как всякая другая, и эта попытка такого ее превращения в онтологию неизбежно ведет к ряду натяжек, извращений, насилий над фактами.

Экономический материализм в этом смысле есть не что иное, как философская мания величия, развившаяся у политической экономии, которая возвела себя в ранг исторической онтологии.

Экономический материализм хочет быть философией истории, «материалистическим пониманием истории»; между тем как по логической своей структуре он представляет собой доктрину социологическую, а не историческую. Он стремится, согласно мысли Маркса, превратить социальную науку, включая сюда и историю, в естествознание, т. е. установить однообразные, неизменные законы социальной жизни, по которым может быть наперед предустанавливаемо всё совершающееся в истории. Законы эти должны быть одинаково пригодны и для диагноза и для прогноза; напав на «закон развития» общества, можно научно предустановлять его будущее, и потому передовая страна показывает путь будущего развития отсталой.

Социологизм экономического материализма ни в чем не обнаруживается с такой ясностью, как именно в том, что он приписывает себе способность к научному предсказанию, которое составляет его центральный эсхатологический нерв, — именно благодаря этому он становится исторической философией социализма…

Действительно научные элементы растворены здесь в утопических, но утопические облечены маской научных; получается полное смешение. Только ценой философской канонизации Маркса, изъемлющей его из мировой необходимости, может быть утверждаема истинность экономического материализма. Он превращается этим из научной теории, какою хочет быть он сам, в откровение, органом которого являются избранники — его пророки.

…В экономическом материализме остается еще особая жизненная правда, не теоретическая, но практическая, моральная… Под личиной холодного рационализма и теоретической жесткости в нем скрывается грусть человека о самом себе, тоска «царя природы» в плену у стихий этой самой природы, равнодушной, даже враждебной. В этом скорбном учении нашел выражение хозяйственный трагизм человеческой жизни, и в его пессимизме есть глубокая искренность и правдивость.

Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. **Глобальный капитализм: три великие трансформации. М., 2008. С. 19, 26. http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/kapitalizm_2008.pdf.**

…При нынешней неразличимости фаз развития капитализма в его дискурсе смешались причудливым образом прежние и новые представления. Для одних он остался формой эксплуатации, хотя сегодня представление о классах ушло на задний план, и главной формой эксплуатации считается «бразилизация» — игнорирование, которое проявляют верхние, в том числе и властные, круги в отношении населения и богатые страны Запада (Севера) по отношению к странам Юга. Капитал сегодня понимается уже не только как накопление материальных ресурсов, но и как концентрация человеческих, культурных, символических ресурсов и возможность их конвертации. Причем эта ситуация одними используется для доказательства всесилия

капитализма, другими — для показа вытеснения материальной мощи другими ее видами, и в итоге становится аргументом в пользу ослабления капитализма…

…Американский исследователь А. Макинтайр справедливо говорил, что «нынешний век, в его собственном представлении, является, по большей части, веберовским». Это значит, что преобладающей в объяснении генезиса капитализма и следующих за ним социальных процессов XX в. является веберовская концепция становления капитализма из духа протестантской этики. Хотя Вебер исходит из духовных факторов как источника капитализма, процесс этот представляется ему не менее объективным, чем К. Марксу, и он уподобляет его «железной клетке рациональности». Исследователи XX в. не находили лучших и более систематизированных ответов на поставленные Вебером вопросы. После смерти он стал по-настоящему знаменитым, а его работы — живым источником размышлений о капитализме. Более полувека теория Вебера выступает как ведущая объяснительная модель отличия западного капитализма от незападного. Изучив иудаизм, буддизм, индуизм, конфуцианство, ислам, М. Вебер пришел к выводу, что ни одна из этих религий не обеспечила (и принципиально не могла этого сделать) основ капитализма западного типа. Хотя православие не стало предметом его анализа, из переписки с С. Булгаковым по поводу революции 1905 г. Вебер получил свидетельство, что и эта религия не направлена на то, чтобы поддержать необходимые капитализму западного типа мотивы людей (трудовую, а не мирскую аскезу), сложившиеся на Западе. Маркс относился к капитализму исторически, сравнивая его не только с тем, что могло бы быть, а и с тем, что было. В сравнении с прошлыми социальными системами капитализм, по его мнению, выполняет цивилизующую миссию, выступает как носитель прогресса. Эта функция противоречива, капитализм изнутри раздирается антагонистическими отношениями между трудом и капиталом. И далее Маркс покидает реальную почву, переходя к пророчествам пролетарского эсхатологизма, хотя именно

эта утопия вдохновила страны «второго эшелона» развития и стала конструктивной силой социальных преобразований…

***Канке В. А.* Философия экономической науки: учебное пособие. М., 2009. С. 23–25, 34, 40.**

…Экономист имеет дело с ценностями, любая формула экономического закона выступает как связь ценностей. Но и здесь не обходится без субординационных связей. Существенно в этой связи, что сами люди инициируют ценности. А это означает, что они вольны в субординации ценностей. Анализ всего спектра экономических школ и воззрений показывает, что едва ли найдется такая экономическая ценность, которая кем-то не водружалась на вершину иерархии э-ценностей (экономических ценностей — *авт.*). Исследователь вынужден признать автономность всех э-ценностей и их известную самодостаточность.

...Речь идет о том, что экономический человек сознательно, убежденно руководствуется принципом эффективности. Принцип экономической ответственности — это принцип экономической эффективности в действии. Актуальность принципа экономической ответственности состоит в том, что он кладет конец индифферентному отношению к экономической теории, причем со стороны как ее последователей, так и создателей. Во главу угла ставится успех теоретического дела, а вместе с ним, разумеется, и практики. Отсутствие подлинной заинтересованности в успехе экономического дела, которое часто проявляется, например, в таких суждениях, как: «Это всего лишь теория, а я человек практики», «Я — ученый, теоретик, а не практик», воспринимается в свете принципа экономической ответственности как явное недопонимание статуса и назначения экономической науки…

…Экономисты часто используют прием ceteris paribus (при прочих равных условиях). Он позволяет им концентрировать внимание на соотношении двух-трех ценностей (остальные считаются при этом неизменными). На наш

взгляд, широкое распространение среди экономистов приема ceteris paribus в основном объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, значительно большей приверженностью экономистов к лингвистическим переменным, чем, например, представителей естествознания. Во-вторых, следованием одному из образцов, характерному для механизма принятия решений, предполагающему попарные сравнения ценностей. Но ни ceteris paribus, ни дедукция не объясняют логику проблемного метода, столь актуального в деле упорядочивания научно-теоретического ряда…

Прагматическая теория, которая не позволяет упорядочить возникшие цели по степени эффективности, экономистами опровергается. Итак, определение прагматической истины может быть таким. «Предложение S истинно тогда и только тогда, когда: во-первых, S входит в состав научно-теоретического строя; во-вторых, есть S; в-третьих, S объясняется как ценностно-целевой феномен; в-четвертых, S фиксирует эффективную цель». Применить это определение к экономической науке несложно. Достаточно подчеркнуть, что речь идет не о произвольном, а об экономическом научно-теоретическом строе.

Филатов В. П. **Модель человека в социальных науках // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXX1. № 1. С. 127–129.**

Экономическая наука со времени своего возникновения как самостоятельной научной дисциплины использовала модель экономического человека. А на формирование этой модели большое влияние оказали дискуссии относительно «природы человека» в социально-политической философии XVII–XVIII вв. Дело в том, что Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье и другие мыслители считали природу человека базисом, на котором нужно строить социальные теории. Споры шли в основном относительно того, какова сущность той природы и как она проявляется в социальных взаимодействиях.

Здесь взгляды мыслителей значительно расходились — от утверждения Гроция о том, что люди по своей природе тяготеют друг к другу, до противоположного мнения Гоббса, что природа людей эгоистична, что ими движет недоверие и соперничество. Примирить эти противоположности удалось Б. Мандевилю и шотландским философам XVIII в. А. Фергюсону, Ф. Хатчесону, Д. Юму, которые показали, что свободная деятельность эгоистических индивидов, мотивированных собственным интересом, может вести не к анархии, но к социальному порядку и гармонии.

В этой среде сформировалось и представление о человеке А. Смита, которое он использовал в своей экономической теории. В хозяйственной деятельности человек «имеет в виду лишь своей собственный интерес, преследует собственную выгоду, причем невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения… Преследуя свой интерес, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится к этому». Когда булочник, разъясняет этот механизм Смит, продает горячий и вкусный хлеб, это не означает, что он заботится о благе других людей. Он действует исходя из собственных эгоистических интересов: чтобы у него купили больше хлеба и в результате было больше прибыли. Но так же действуют и его конкуренты. В результате хороших товаров производится больше, а цены на них падают. В итоге «невидимая рука» рынка ведет эгоистических индивидов к общественному благу.

Другим важным истоком модели «экономического человека» стал этический и политико-правовой утилитаризм И. Бентама. Основным недостатком предшествующей моральной философии он считал то, что ее главные критерии — добро, благо, зло — не имеют ясного и однозначного смысла. Бентам же полагал, что мораль можно превратить в точную науку, в «моральную арифметику». Поэтому вместо неясных категорий добра и зла Бентам предложил использовать более ясные и эмпирически фиксируемые понятия — удовольствие и страдание. Человек всегда стремится к первым и

старается избежать вторых. При этом Бентам приписывал человеку способность количественного измерения удовольствия и страданий и подсчета их суммы как результата определенного действия. Принято иронизировать над его рассуждениями о калькуляции таких характеристик удовольствия, как интенсивность, продолжительность, доступность и т. п. Может показаться сомнительной и его знаменитая формула о «максимальном счастье» как оправдании действия. Однако следует иметь в виду, что этический утилитаризм и идущая от Смита политическая экономия в тогдашнем британском обществе составляли некий единый стиль мышления. И для экономической науки идея возможности оценки и соизмерения субъективных потребностей была очень важна. Недаром известный экономист XX в. У. Митчел отмечал, что Бентам «помог экономистам понять, о чем они говорят».

Принято считать, что впервые ясную и развернутую характеристику «экономическому человеку» дал английский философ и экономист Дж. С. Милль в очерке «Об определении политической экономии и методе, свойственном ей» (1836). «Политическая экономия, — пишет он, — рассматривает человеческое поведение в аспекте стремления к богатству и абстрагируется от любых проявлений человеческой страсти или побуждений, кроме тех, которые можно считать вечными антагонистами стремления к богатству, а именно — отвращение к труду и желание пользоваться в каждый данный момент удовольствиями… Человек в силу своей природы предпочитает больший объем богатства меньшему во всех случаях, а исключения объясняются лишь двумя указанными мотивами, противостоящими стремлению к богатству…».

Таким образом, Милль считал, что действия «экономического человека» являются абстрактным срезом человеческого поведения людей, но только в сфере жизни.

Дальнейшую конкретизацию модели «экономического человека» осуществили К. Менгер, У. Джевонс, Л. Вальрас, совершившие в 1870-е гг.

«маржиналистскую революцию» в экономической науке… Изменилось и общее понимание экономической науки: под ней стала пониматься аналитическая наука о рациональном выборе и использовании человеком ограниченных ресурсов (труд, капитал, земля, деньги, предпринимательские способности) для производства и потребления товаров и услуг.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. Глава 11: Деньги.

Установленная Соссюром гомология между трудом и означаемым, с одной стороны, и зарплатой и означающим, с другой, — это как бы исходная матрица, от которой можно двигаться в разные стороны по всему пространству политической экономии. Сегодня она подтверждается в обратной форме — отрывом означающих от означаемых, отрывом зарплаты от труда. В игре означающих и зарплаты идет параллельное восходящее движение. Соссюр был прав: политическая экономия — это особый язык, и перемена, затрагивающая знаки языка, которые теряют свою референциальность, затрагивает также и категории политической экономии. Тот же самый процесс подтверждается и в двух других направлениях:

I. Отрыв производства от всякой общественной референции или целенаправленности; при этом оно вступает в фазу *экономического роста.* Именно в таком смысле следует понимать экономический рост — не как ускорение, а как нечто иное, фактически знаменующее собой *конец производства.* Производство может быть определено через значимый разрыв между собственно производством и относительно случайным и автономным потреблением. Но с тех пор как потребление (после кризиса 1929 г., и особенно с конца Второй мировой войны) стало в буквальном смысле управляемым, то есть начало играть роль одновременно мифа и

контролируемой переменной, мы вступили в новую фазу, где производство и потребление больше ничем не детерминированы сами по себе и не стремятся ни к каким отдельным целям; и то и другое включено в более крупный цикл, спираль, переплетение под названием «экономический рост». Он оставляет далеко позади традиционные социальные задачи производства и потребления. Этот процесс сам по себе и сам для себя. Он не ориентируется больше ни на потребности, ни на прибыль. Он представляет собой не ускорение производительности, а структурную инфляцию *знаков* производства, взаимоподмену и убегание вперед любых знаков, включая, разумеется, денежные знаки. Характерные явления этой стадии — ракетные программы, «Конкорд», программы обороны по всем азимутам, раздувание промышленного парка, оборудование общественных или же индивидуальных инфраструктур, программы переобучения и вторичного использования ресурсов и т. д. Задачей становится производить что угодно, по принципу реинвестирования любой ценой (вне зависимости от нормы прибавочной стоимости). Вершиной этого планирования общественного воспроизводства является, видимо, борьба с загрязнением среды, когда вся система «производства» запускается в повторный оборот для устранения своих же собственных отходов; грандиозная формула с нулевым итогом — впрочем, не совсем нулевым, поскольку вместе с «диалектикой» загрязнения/борьбы с загрязнением проступает и упование на бесконечный экономический рост.

II. Отрыв денежного знака от всякого общественного производства: деньги вступают в процесс неограниченной спекуляции и инфляции. Для денег инфляция — это то же самое, что повышение зарплат для продажи рабочей силы (и экономический рост для производства). Во всех этих случаях процесс одинаково уходит в отрыв, в разносный ход и одинаково грозит кризисом. Отрыв зарплаты от «справедливой» стоимости рабочей силы и отрыв денег от реального производства — и там и тут утрата референциальности. Абстрактное общественно необходимое рабочее время, в одном случае золотой эталон, в другом теряет свою функцию индекса и

критерия эквивалентности. Инфляция зарплат и инфляция денег (а равно и экономический рост) принадлежат, таким образом, к одному и тому же типу и идут рука об руку.

Очищенные от целевых установок и *аффектов* производства, деньги становятся спекулятивными. С переходом от золотого эталона, который не был больше репрезентативным эквивалентом реального производства, но все же хранил на себе его след благодаря относительному равновесию (низкая инфляция, конвертируемость валют в золото и т. д.), к «плавающим» капиталам и всеобщей зыбкости они из референциального знака делаются структурной формой. Такова характерная логика «плавающего» означающего — не в смысле Леви-Стросса, где оно еще как бы не нашло себе означаемого, а в смысле избавленности от всякого означаемого (от всякого эквивалента в реальности), тормозившего процесс его умножения и ничем не ограниченной игры. При этом деньги получают способность самовоспроизводиться просто через игру трансфертов и банковских проводок, через непрестанное раздвоение и дублирование своей абстрактной субстанции.

Coolness — это чистая игра дискурсивных смыслов, подстановок на письме, это непринужденная дистантность игры, которая по сути ведется с одними лишь цифрами, знаками и словами, это всемогущество операциональной симуляции. Пока остается какая-то доля аффекта и референции, мы еще на стадии hot. Пока остается какое-то «сообщение», мы еще на стадии hot. Когда же сообщением становится само средство коммуникации, мы вступаем в эру cool. Именно это и происходит с деньгами. Достигнув определенной фазы отрыва, они перестают быть средством коммуникации, товарооборота, они и есть *сам оборот,* то есть форма, которую принимает сама система в своем абстрактном коловращении.

Деньги — это первый «товар», получающий статус знака и *не подвластный потребительной стоимости.* В них система меновой стоимости оказывается продублирована видимым знаком, и таким образом

они делают видимым сам рынок (а значит, и дефицит) в его прозрачности. Но сегодня деньги делают новый шаг — *становятся не подвластны даже и меновой стоимости.* Освободившись от самого рынка, они превращаются в автономный симулякр, не отягощенный никакими сообщениями и никаким меновым значением, ставший сам по себе сообщением и обменивающийся сам в себе. При этом они больше не являются товаром, поскольку у них больше нет ни потребительной, ни меновой стоимости. Они больше не являются всеобщим эквивалентом, то есть всё еще опосредующей абстракцией рынка. Они просто обращаются быстрее всего остального и не соизмеримы с остальным. Конечно, можно сказать, что таковы они были всегда, что с самого зарождения рыночной экономики они обращаются быстрее и вовлекают все другие сектора в это ускорение. И на протяжении всей истории капитала между разными его уровнями (финансовым, промышленным, аграрным, а также сферой потребления и т. д.) имеются несоответствия в скорости оборота. Эти несоответствия сохраняются еще и сегодня: отсюда, например, сопротивление национальных валют (связанных с местным рынком, производством, экономическим равновесием) международной спекулятивной валюте. Однако атакует именно эта последняя, потому что именно она обращается быстрее всех, в свободном дрейфе с плавающим курсом: достаточно простой игры этого плавающего курса, чтобы обрушить любую национальную экономику. Итак, все секторы, в зависимости от различной скорости оборота, зависят от этих колебаний наверху, которые представляют собой отнюдь не внешний и причудливый процесс («зачем нужна биржа?»), но чистейшее выражение системы, чей сценарий обнаруживается всюду: неконвертируемость валют в золото / неконвертируемость знаков в их референты, всеобщая плавающая конвертируемость валют между собой / бесконечная подвижность, структурная игра знаков; сюда же относится и зыбкость всех категорий политической экономии, как только они утрачивают свой золотой референт — рабочую силу и общественное производство: труд и не-труд, труд и

капитал вопреки всякой логике становятся взаимно конвертируемыми; сюда же относится и зыбкость всех категорий сознания, как только утрачивается *психический эквивалент золотого эталона* — субъект. Не стало больше референтной инстанции, под властью которой производители могли обменивать свои ценности согласно контролируемым эквивалентностям; это конец золотого эталона. Не стало больше референтной инстанции, под эгидой которой могли диалектически взаимообмениваться субъект и объекты, меняясь своими определениями вокруг некоторой стабильной идентичности по надежным правилам; это конец субъекта сознания. Возникает соблазн сказать: это царство бессознательного. Всё логично: если субъект сознания есть психический эквивалент золотого эталона, то именно *бессознательное является психическим эквивалентом спекулятивных денег и плавающих капиталов.* Действительно, сегодня индивиды, опустошенные как субъекты и оторванные от своих объектных отношений, находятся по отношению друг к другу в состоянии дрейфа, непрерывных трансференциальных флуктуаций: вся общественная жизнь прекрасно описывается в терминах бессознательного по Делезу либо монетарной механики (потоки, подключения, отключения, трансфер/контртрансфер), или же в рисменовских терминах otherdirectedness (управляемость извне) — собственно, otherdirectedness и выражает собой, разве что в англосаксонских и не совсем шизофренических терминах, эту зыбкость личностных идентичностей. Почему у бессознательного (пусть даже сиротского и шизофренического) должно быть привилегированное положение? Бессознательное — это просто психическая структура, современная нынешней, радикальнейшей фазе господствующего обмена, структурной революции ценности.

***Гидденс Э.* Последствия современности. М., 2011. http://cloud.mail.ru/public/BZCU%2FqvTd7Rvxi.**

Я хотел бы выделить два типа механизмов высвобождения, существенным образом задействованных в развитии современных социальных институтов. Первый из них я обозначу как создание *символических знаковых систем*; второй назову образованием *экспертных систем*.

Под символическими знаковыми системами я подразумеваю средства обмена, которые могут «находиться в обороте» независимо от специфических свойств индивидов или групп, использующих их в каждый данный момент. Можно выделить различные типы символических маркеров, например, средства политической легитимации; здесь я сосредоточу свое внимание на маркере «*деньги*».

Природа денег широко обсуждалась в социологии и, по очевидным причинам, неизменно остается в центре внимания экономики. В своих ранних работах Маркс говорит о деньгах как о «наложнице всесветной», о средстве обмена, которое отрицает содержание товаров и услуг, подставляя вместо них некий безличный стандарт. Деньги позволяют обменять что угодно на что угодно, независимо от наличия у вовлеченных в обмен товаров какого-либо существенного сходства. Критические комментарии Маркса по поводу понятия денег предвосхищают проведенное им в дальнейшем различие между потребительной и меновой стоимостью. Деньги дают возможность обобщить второе из этих понятий благодаря своей роли «чистого товара».

Однако наиболее глубокое и утонченное объяснение связей между деньгами и современностью принадлежит Георгу Зиммелю. Вскоре я вернусь к этой теме, поскольку буду опираться на это объяснение в моих рассуждениях о деньгах как механизме высвобождения. Между тем следует заметить, что интерес к социальному характеру денег в более позднее время присутствует в работах Толкотта Парсонса и Никласа Лумана. Основным автором здесь является Парсонс. Согласно ему деньги являются одним из

типов «средств обмена» в современных обществах, остальными же типами являются власть и язык. Хотя подходы Парсонса и Лумана имеют ряд сходств с тем, о чем я буду говорить ниже, для меня неприемлема основа их исследований. Ни власть, ни язык не могут быть поставлены на одну доску с деньгами и прочими механизмами высвобождения. Власть и использование языка *являются* существенными чертами социального действия в самом общем плане, а не специфическими социальными формами.

Что есть деньги? Экономисты так и не пришли к согласию по поводу ответа на этот вопрос. Однако работы Кейнса, по-видимому, представляют собой наилучшую отправную точку для его рассмотрения. Среди моментов, которым Кейнс уделяет особое внимание, — самостоятельный характер денег, строгий анализ которого отделяет его работы от тех вариантов неоклассической экономической мысли, где, по выражению Леона Вальраса, «деньги не существуют». Кейнс, прежде всего, проводит различие между деньгами как средством расчета и собственно деньгами. В своей ранней форме деньги отождествляются с долгом. «Товарные деньги» поэтому могут быть обозначены в качестве первого шага на пути преобразования бартерной экономики в денежную. Основной сдвиг начинается тогда, когда расписки о признании долга могут замещать собственно товары в ходе урегулирования сделок. Такая «расписка о добровольном признании долга» может быть выпущена любым банком и представляет собой «деньги банковского оборота». Деньги банковского оборота являются признанием частного долга до тех пор, пока они не получают более широкого распространения. Это движение к деньгам в собственном смысле слова подразумевает вмешательство государства, выступающего как гарант их ценности. Только государство (под которым здесь подразумевается современное национальное государство) в состоянии трансформировать сделки по поводу частных долгов в общепринятое средство обмена — другими словами, сбалансировать дебет и кредит в отношении неопределенно большого числа таких сделок.

Таким образом, деньги в их развитой форме определяются прежде всего в терминах долга и кредита, где эти последние относятся к множеству широко рассеянных взаимных обменов. Именно по этой причине Кейнс тесно связывает деньги со временем. Деньги — это способ отсрочки платежа, дающий средства для того, чтобы свести доходы с долговыми обязательствами в ситуации, где непосредственный обмен продуктами невозможен. Деньги, мы могли бы сказать, есть средство сжатия времени и, таким образом, извлечения сделок из уникального окружения данного акта обмена. Говоря точнее, в терминах, введенных выше, деньги есть средство дистанциации времени и пространства. Деньги обеспечивают вступление в силу сделок между агентами, далеко отстоящими друг от друга в пространстве и времени. Пространственный подтекст денег хорошо описан Зиммелем, который указывает, что «роль денег связана с пространственной дистанцией между индивидом и его имуществом... Только в том случае, когда прибыль предприятия принимает форму, в которой она может быть легко передана в любое другое место, она гарантирует собственности и ее владельцу, через их пространственное разделение, высокую степень независимости, или, другими словами, самостоятельности действий... Способность денег сжимать расстояния позволяет владельцу и его имуществу существовать на таком удалении друг от друга, чтобы каждый из них мог действовать по своему усмотрению в большей степени, нежели в те времена, когда владелец и его имущество все еще находились в непосредственной взаимосвязи и когда каждое экономическое взаимодействие было также личным взаимодействием»[22].

Высвобожденность, обеспеченная в рамках современных денежных экономик, гораздо выше той, что имелась в любой из предшествовавших современности цивилизаций, в которых существовали деньги. Даже наиболее развитые денежные системы эры, предшествовавшей

[22] *Simmel G,* The Philosophy of Money. London, 1978.

современности, такие как денежная система Римской империи, нисколько не продвинулись за пределы, в терминологии Кейнса, товарных денег в вещественной форме звонкой монеты. Сегодня же «собственно деньги» независимы от средств их представления и принимают форму чистой информации, оседающей в виде цифр на распечатках с компьютера. Плохая метафора — рассматривать деньги, как это делает Парсонс, как «средства обмена». В виде монеты или наличных деньги находятся в обороте; но в современной экономике значительная часть сделок с деньгами не принимает такой формы. Ченчини указывает, что привычные идеи о том, что деньги «обращаются» и что о них можно думать как о «потоке», по сути, вводят в заблуждение[23]. Если бы деньги были потоком, скажем, подобным водному потоку, то их обращение выражалось бы непосредственно в терминах времени. Отсюда следовало бы, что чем больше его скорость, тем более узкий поток требуется для того, чтобы то же количество денег протекло за единицу времени. В случае денег это означало бы, что их количество, необходимое для данной сделки, пропорционально скорости их обращения. Но это просто-напросто чепуха — утверждать, что выплата £100 вполне могла быть произведена с помощью £50 или £10. Деньги связаны со временем (точнее, с пространством-временем) не в качестве потока, а в качестве средства разграничения пространства-времени посредством сцепления сиюминутности и отсрочки, присутствия и отсутствия. Говоря словами Р. С. Сайерса, «ни один актив не работает в качестве средства обмена вне самого момента передачи от одного владельца другому при урегулировании некоторой сделки»[24].

Деньги являются примером механизмов высвобождения, связанных с современностью; я не буду пытаться детализировать здесь существенный вклад развитой денежной экономики в определение характера институтов

---

[23] См.: *Cencini A.* Money, Income and Time. London, 1988.
[24] *Sayers R. S.* Monetary Thought and Monetary Policy in England // Economic Journal. Dec. 1960 (цит. по: *Cencini A,* Money, Income and Time. P. 71).

современности. Однако «собственно деньги», конечно же, являются существенной частью современной социальной жизни и, в равной степени, особым типом символических знаковых систем. Они имеют фундаментальное значение для высвобождения современной экономической деятельности в целом. Одной из наиболее характерных форм высвобождения современного периода, к примеру, является расширение капиталистических рынков (включая денежные рынки), которые сравнительно рано приобретают международный масштаб. «Собственно деньги» неотделимы от удаленных сделок, предполагаемых существованием таких рынков. Кроме того, как указывает Зиммель, они являются существенной предпосылкой особенностей владения собственностью и возможности ее отчуждения в современной экономической деятельности.

Все механизмы высвобождения — и символические знаковые системы, и экспертные системы — зависят от *доверия.* Доверие поэтому фундаментальным образом вовлечено в институты современности. Доверием здесь облечены не индивиды, а абстрактные позиции. Каждый, кто использует денежные знаки, делает так в предположении, что другие, с которыми он или она никогда не сталкиваются, признают их ценность. Но тем, чему доверяют, являются деньги как таковые, а не только лишь, и даже не преимущественно, те лица, с которыми производятся конкретные сделки. Я рассмотрю общие свойства доверия несколько ниже. Ограничивая пока наше внимание конкретным примером денег, можно отметить, что связи между деньгами и доверием особым образом выделяются и анализируются Зиммелем. Подобно Кейнсу, он связывает доверие в ходе сделок с деньгами с «уверенностью общества в выпускающем деньги правительстве».

Зиммель различает уверенность в деньгах и «слабое индуктивное знание», задействованное во многих фьючерсных сделках. Так, если бы фермер не был уверен, что поле даст урожай в будущем году такой, как в предыдущие годы, он или она не стали бы сеять. Доверие же к деньгам подразумевает нечто большее, чем расчет достоверности наступления неких вероятных в

будущем событий. Доверие существует, утверждает Зиммель, когда мы «верим» в кого-то или в какой-то принцип: «Оно выражает чувство, что между нашей идеей о бытии и самим бытием имеется определенная связь и единство, некая согласованность в нашем понимании его, а также убежденность и отсутствие сопротивления в уступке нашего Я этому пониманию, которое может опираться на какие-то конкретные основания, но не может быть объяснено ими»[25]. Доверие, коротко говоря, есть форма «веры (faith)», в которой уверенность, придаваемая возможным результатам действий, выражает некое обязательство, а не просто суждение о знании. В действительности, и ниже я рассмотрю это более подробно, модусы доверия, используемые институтами современности, по природе своей основаны на нечетком и частичном понимании их «базы знаний».

***Зиммель Г.* Философия денег // Теория общества: Фундаментальные проблемы. М., 1999. http://www.studmed.ru/**

Что же касается исторического явления денег, идею и структуру которого я пытаюсь вывести из ценностных чувств, практики, имеющей дело с вещами <Dinge>, и взаимоотношений людей как предпосылки этого явления, то вторая, синтетическая часть прослеживает его воздействие на внутренний мир: жизнечувствие индивидов, сплетение их судеб, общую культуру. Здесь, таким образом, речь идет, с одной стороны, о связях, которые по своей сути точны и могли бы быть исследованы по отдельности, но при нынешнем состоянии знания недоступны для такого исследования и потому должны рассматриваться только в соответствии с их философским типом: в общем приближении, через изображение отдельных процессов отношениями абстрактных понятий. С другой стороны, речь идет о душевном причинении, которое для всех эпох будет делом гипотетического

[25] *Simmel G.* Philosophy of Money. London: Routledge, 1990 P. 179.

толкования и художественного воспроизведения, неотделимого в полной мере от его индивидуальной окраски. Таким образом, переплетение <Verzweigung> денежного принципа с развитиями и оценками внутренней жизни находится столь же далеко позади экономической науки о деньгах, насколько далеко впереди нее была первая проблемная область, которой посвящена первая часть книги. Одна из них должна позволить понять сущность денег исходя из условий и отношений жизни вообще, другая же, наоборот, понять сущность и форму последней исходя из действенности денег.

…Для нехозяйственных ценностей и взаимосвязей.

Деньги в этом круге проблем представляют собой лишь средство, материал или пример изображения тех отношений, которые существуют между самыми внешними, реалистическими, случайными явлениями и идеальными потенциями бытия, глубочайшими течениями индивидуальной жизни и историей. Смысл и цель целого состоит лишь в том, чтобы с поверхности хозяйственных явлений прочертить линию, указывающую на конечные ценности и значимости <Bedeutsamkeiten> всего человеческого. Абстрактное философское построение системы держится на такой дистанции от отдельных явлений, особенно практического существования, чтобы, собственно, лишь постулировать их избавление от, на первый взгляд, изолированности, недуховности и даже отвратности <Widrigkeit>. Нам же придется совершить это высвобождение на примере такого явления, которое, как деньги, не просто демонстрирует безразличие чисто хозяйственной техники, но, так сказать, есть самое индифференция, поскольку всё его целевое значение заключено не в нем самом, но в его переводе в другие ценности.

…Таким образом, можно сказать, что ценность объекта покоится, правда, на том, что он вожделеем, но вожделение это потеряло свой абсолютный характер влечения. Однако точно так же и объект, если он должен оставаться хозяйственной ценностью, не может повысить количество своей ценности

настолько, чтобы практически иметь значение абсолютного. Дистанция между Я и предметом его вожделения может быть сколь угодно велика — будь то из-за реальных трудностей с его получением, будь то из-за непомерной цены, будь то из-за сомнений нравственного или иного рода, которые противодействуют стремлению к нему, — так что дело не заходит о реальном акте воли, но вожделение либо затухает, либо превращается в смутные желания. Таким образом, дистанция между субъектом и объектом, с увеличением которой возникает ценность, по меньшей мере в хозяйственном смысле, имеет нижнюю и верхнюю границы, так что формулировка, согласно которой мера ценности равна мере сопротивления, оказываемого получению вещей сообразно естественным, производственным и социальным шансам, — эта формулировка не затрагивает существа дела. Конечно, железо не было бы хозяйственной ценностью, если бы получение его не встречало больших трудностей, чем, например, получение воздуха для дыхания; с другой стороны, однако, эти трудности должны были стать ниже определенного уровня, чтобы путем обработки железа вообще можно было изготовить инструменты в таком количестве, что и сделало его ценным. Другой пример: говорят, что творения плодовитого живописца, при том же художественном совершенстве, будут менее ценны, чем у менее продуктивного; но это правильно только в случае превышения определенного количества. Ведь требуется некоторое множество произведений художника, чтобы он вообще мог однажды добиться той славы, которая поднимает цену его картин. Далее, в некоторых странах, где имеют хождение бумажные деньги, редкость золота приводит к тому, что простой народ вообще не хочет принимать золота, если оно ему случайно предлагается. Именно в отношении благородных металлов, которые из-за своей редкости считаются обычно особенно пригодным материалом для денег, теория не должна упустить из виду, что такое значение редкость обретает только после превышения довольно значительной частоты распространения, без которой эти металлы вообще не могли бы служить практической потребности в деньгах и, таким образом, не

могли бы обрести той ценности, которой они обладают как денежный материал. Быть может, только практическое корыстолюбие, которое вожделеет превыше всякого данного количества благ и которому поэтому кажется малой всякая ценность, заставляет забыть, что не редкость, но нечто среднее между редкостью и не редкостью образует в большинстве случаев условие ценности. Нетрудно догадаться, что редкость — это момент, который важен для восприятия различий, а частота распространения — это момент, важность которого связана с привыканием. А поскольку жизнь всегда определяется пропорциональным соотношением обоих этих фактов, т. е. тем, что мы нуждаемся и в различии и перемене содержаний, и в привыкании к каждому из них, то эта общая необходимость выражается здесь в особой форме: с одной стороны, ценность вещей требует редкости, т. е. некоторого отрыва от них, особого к ним внимания, а с другой стороны — известной широты, частоты распространения, длительности, чтобы вещи вообще переходили порог ценности

Маркс К. **Капитал. Т. 1. М., 1967. С. 95, 103.**

…Характерные экономические маски лиц — это только олицетворение экономических отношений…

…Отношения людей в общественном процессе производства принимают вещный характер, не зависимый от их контроля и сознательной индивидуальной деятельности.

Маркс К. **Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») //** ***Маркс К., Энгельс Ф.*** **Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 185–186, 394.**

Что особенно затрудняет понимание денег в их полной определенности

как денег… так это то, что здесь общественное отношение, определенное отношение индивидов друг к другу выступает как металл, как камень, как чисто телесная вещь, существующая вне индивидов, как вещь, которую, как таковую, находят в природе и у которой определение формы становится неотличимым от ее природного существования. Золото и серебро сами по себе не деньги. Природа не создает денег, так же как она не создает вексельный курс или банкиров. В Перу и Мексике золото и серебро не служили деньгами, хотя они встречались в виде украшений и хотя там существовала развитая система производства. Быть деньгами не является природным свойством золота и серебра, и поэтому оно совершенно неизвестно физику, химику и т. д. как таковым. Но деньги — это непосредственно золото и серебро. В деньгах, рассматриваемых в качестве меры, еще превалирует определение формы; еще в большей степени оно превалирует в деньгах, фигурирующих в качестве монеты, где это проявляется также и внешним образом в чеканке монеты; но в третьем определении денег, т. е. в их завершении, когда бытие денег в качестве меры и монеты выступает лишь как функции денег, всякое определение формы исчезло или оно непосредственно совпадает с их бытием в качестве металлов. В золоте и серебре отнюдь не обнаруживается, что их назначение быть деньгами представляет собой лишь результат общественного процесса; золото (или серебро) *есть* деньги…

…Всё *кредитное дело,* а также связанное с ним разбухание торговли, спекуляции и т. д., покоится на необходимости расширить пределы обращения и сферы обмена и перепрыгнуть через них. В отношениях между народами это проявляется в более грандиозных масштабах, более классически, чем в отношениях между индивидами. Так, например, англичане, для того чтобы иметь чужие нации своими покупателями, вынуждены их *кредитовать.* Au fond английский капиталист дважды производит обмен с *производительным* английским капиталом: 1) как английский капиталист, 2) как янки и т. д. или в какой-либо иной форме, в

которой он поместил свои деньги.

***Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. II. С. 26, 27–28, 31, 32, 164, 165.**

Обращение протекает в пространстве и времени. Пространственное условие — доставка продукта на рынок — относится, с экономической точки зрения, к самому процессу производства. Продукт только тогда действительно готов, когда он находится на рынке. Движение, вследствие которого продукт туда попадает, относится еще к издержкам его производства. Это движение не составляет необходимого момента обращения как особого процесса движения стоимости, ибо продукт может быть куплен (и даже потреблен) на месте его производства. Но этот пространственный момент важен, поскольку он взаимосвязан с размерами рынка, с возможностью обменять продукт. Сокращение издержек этого *реального* обращения (в пространстве) относится к развитию производительных сил капиталом, к сокращению издержек увеличения его стоимости.

...*Во-вторых, момент времени.* Это существенным образом относится к понятию обращения. Если предположить, что акт перехода товара в деньги закреплен договором, то в этом случае он связан с расходом времени на подсчет, взвешивание, измерение. Сокращение этого момента точно так же является развитием производительной силы. Время, затрачиваемое на переход от состояния товара к деньгам, также рассматривается только как *внешнее* условие этого перехода; этот переход заранее предположен; дело идет о том времени, которое *отнимает этот заранее предположенный акт.* Это время относится к *издержкам обращения.* Другое дело — то время, которое вообще протекает до того, как товар перейдет в деньги; или то

время, в течение которого он остается *товаром,* только потенциальной, а не действительной стоимостью. Это время представляет собой чистый убыток.

Из всего сказанного вытекает, что обращение выступает как существенный процесс капитала. Процесс производства не может быть возобновлен до превращения товара в деньги. *Устойчивая непрерывность* процесса, беспрепятственный и плавный переход стоимости из одной формы в другую, или одной фазы процесса в другую, для производства, основанного на капитале, является основным условием в совершенно иной степени, чем при всех прежних формах производства.

С другой стороны, при наличии необходимости в подобной непрерывности <процесса производства> его фазы в пространстве и времени распадаются как особенные, безразличные по отношению друг к другу процессы. Таким образом, для производства, основанного на капитале, оказывается случайным, будет иметь место или нет его существенное условие: непрерывность тех различных процессов, которые конституируют весь процесс капиталистического производства. Снятие этой случайности самим капиталом есть *кредит.* (Кредит имеет еще и другие стороны; но эта его сторона вытекает из непосредственной природы процесса производства и поэтому представляет собой основу необходимости кредита.) Поэтому *кредит* в сколько-нибудь развитой форме не выступает ни в одном из прежних способов производства. Одалживали и брали взаймы также и при прежних укладах, а ростовщичество является даже наиболее древней из допотопных форм капитала, но ссуда и заем столь же мало конституируют *кредит,* как различные виды труда — *промышленный труд,* или *свободный наемный труд.* В качестве существенного, развитого производственного отношения кредит *исторически* выступает только в обращении, основанном на капитале или на наемном труде. (Сами *деньги* представляют собой одну из форм снятия неравенства времени, требующегося <на производство продукта> в различных отраслях производства, поскольку это время противостоит <V-26> обмену.) *Ростовщичество,* хотя в своей

обуржуазившейся, приспособленной к капиталу форме оно само является формой кредита, в своей добуржуазной форме, наоборот, *выражает недостаток в кредите…*

…Итак, помимо рабочего времени, овеществленного в продукте, в качестве момента созидания стоимости — в качестве момента самого производительного рабочего времени — выступает *время обращения* капитала. Если рабочее время выступает в качестве деятельности, полагающей стоимость, то время обращения капитала выступает в качестве *времени уменьшения стоимости»*...

...Итак, время обращения выступает в качестве границы для производительности труда; увеличение времени обращения равносильно увеличению необходимого рабочего времени, т. е. сокращению прибавочного рабочего времени, т. е. уменьшению прибавочной стоимости, т. е. задержке, ограничению процесса самовозрастания стоимости капитала. Таким образом, в то время как капитал, с одной стороны, должен стремиться к тому, чтобы сломать все локальные границы общения, т. е. обмена, завоевать всю Землю в качестве своего рынка, он, с другой стороны, стремится к тому, чтобы уничтожить пространство при помощи времени, т. е. свести к минимуму то время, которое необходимо для продвижения товаров от одного места к другому. Чем более развит капитал, чем вследствие этого обширнее рынок, на котором он обращается, который образует пространственную сферу обращения капитала, тем сильнее он в то же время стремится к еще большему пространственному расширению рынка и к еще большему уничтожению пространства посредством времени...

…Время обращения является не тем временем, в течение которого капитал создает стоимость, а тем, в течение которого он реализует стоимость, созданную в процессе производства. Время обращения не увеличивает количество стоимости, а ставит созданную в процессе производства стоимость в соответственно иное определение формы, из определения продукта переводит в определение товара, из определения товара — в

определение денег и т. д. Вследствие того что цена, которая раньше существовала в товаре идеально, теперь реализуется реально, вследствие того, что товар теперь действительно обменивается на свою цену, на деньги, эта цена, разумеется, не увеличивается.

Время обращения, таким образом, не является временем, определяющим цену, и количество оборотов капитала, поскольку оно определяется временем обращения, свидетельствует не о том, что капитал привносит особого рода новое начало, определяющее стоимость и присущее капиталу в отличие от труда; время обращения выступает как ограничивающий, отрицательный принцип. Поэтому необходимой тенденцией капитала является *обращение без времени обращения,* и эта тенденция представляет собой основное определение кредита и кредитных операций капитала. С другой стороны, кредит есть также та форма, в которой капитал стремится полагать себя в отличие от отдельных капиталов или отдельный капитал стремится полагать себя как капитал в отличие от своего количественного предела...

…С одной стороны, время обращения овеществлено в *деньгах.* Кредит пытается определить деньги всего лишь как формальный момент; определить их таким образом, чтобы они опосредствовали превращение формы, не будучи сами *капиталом,* т. е. стоимостью. Это есть первая форма *обращения без времени обращения.* Деньги сами являются продуктом обращения. Далее будет показано, каким образом капитал посредством кредита создает новые продукты обращения.

Но если, с одной стороны, капитал стремится к *обращению без времени обращения,* то, с другой стороны, он пытается в различных органах, опосредствующих процесс времени обращения и само обращение, придать *времени обращения* как таковому *ценность времени производства;* определить все эти органы как деньги, а в дальнейшем определении — как капитал. Это другая сторона кредита. Всё это проистекает из того же источника. Все потребности обращения: деньги, превращение товара в деньги, превращение денег в товар и т. д., несмотря на то, что они

принимают различные, кажущиеся совершенно разнородными формы, можно свести к *времени обращения.* Механизмы, предназначенные для его сокращения, сами принадлежат к обращению.

Время обращения есть такое время капитала, которое можно рассматривать как время его специфического движения в качестве капитала, в отличие от времени производства, в течение которого он воспроизводится, существует не как готовый капитал, которому надо пройти только через формальные превращения, а как совершающийся процесс, творческий капитал, всасывающий в себя душу живую из труда.

Противоположность рабочего времени и времени обращения содержит в себе всё учение о кредите, в особенности поскольку сюда относится проблема денежного обращения и т. д..

***Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2012. С. 22, 447–448.**

Конечная цель деятельности всегда состоит в удовлетворении определенных желаний действующего человека. Поскольку никто не в состоянии заменить свои собственные субъективные оценки субъективными оценками действующего субъекта, бессмысленно распространять свои суждения на цели и желания других людей...

…Действующий человек различает время до того, как достигнуто удовлетворение потребности, и время, на протяжении которого удовлетворение длится.

Действие всегда направлено на устранение будущего беспокойства, пусть даже это будущее ближайшего мгновения. Между началом действия и достижением преследуемой цели всегда проходит определенный отрезок времени, а именно время созревания, в течение которого семена, посеянные действием, достигают полного развития...

…Оценивая отрицательную полезность проекта, человек интересуется не

только затратами материальных факторов производства и труда, но и периодом производства. Оценивая полезность продукта, он принимает во внимание продолжительность его срока службы. Разумеется, чем дольше срок службы продукта, тем больше пользы он приносит...

…Важно понять, что и период производства, и срок службы являются категориями человеческой деятельности, а не концепциями, сконструированными философами, экономистами и историками в качестве мыслительных инструментов интерпретации событий. Они представляют собой существенные элементы, присутствующие в любом акте логического рассуждения, предваряющего и направляющего деятельность...

Уэрта де Сото Х. **Социально-экономическая теория динамической эфективности. Челябинск, 2011. С. 37.**

Предприниматель — фигура, типичная для реального мира, который постоянно находится в неравновесном состоянии; …главная функция предпринимателя состоит в том, что он создает и открывает новую, не существовавшую и не известную до него информацию, а в этой ситуации принимать неоклассические решения, т. е. размещать ресурсы заранее на основании ожидаемых затрат и выгод, невозможно.

Алле М. **Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов американской школы // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 24–40**. **https://igiti.hse.ru/data/465/313/1234/5_4_1Allais.pdf.**

Основная задача данного исследования — критическое изложение постулатов и аксиом теорий риска американской школы.

…При выборе в условиях неопределенности индивид исходит не из

денежной величины возможного выигрыша, а из психологического значения… которое он придает этому выигрышу…

5. Фактор II. *Субъективная деформация объективных вероятностей.*

Некоторые люди, верящие в свою счастливую звезду, недооценивают вероятность неблагоприятных для них событий и переоценивают вероятность благоприятных. Обратное верно для людей, которые считают, что в жизни их преследуют неудачи. Таким образом, объективные вероятности подвергаются субъективной деформации.

Во всяком случае очевидно, что *индивид учитывает лишь те вероятности, которые он себе представляет, а не те, какие существуют в действительности*. При этом нет никакого основания полагать, что субъективные вероятности должны быть равны вероятностям объективным. Например, только профессиональный статистик может составить верное представление о том, что означает вероятность, равная одному шансу из ста.

…Этот фактор объясняет, почему можно любить играть в азартные игры, даже если психологическая деформация денежных значений выигрышей отсутствует (что особенно вероятно при игре на небольшие суммы), и даже если вероятности выигрышей оцениваются по их объективным значениям, полученным в ходе эксперимента. Так, можно играть в покер даже с гораздо более сильным соперником, если удовольствие от авантюрного хода (combinaison), результаты которого отклоняются от среднего исхода, достаточно сильно, чтобы компенсировать вероятную потерю.

Положительные или отрицательные эмоции, связанные с риском, являются дополнительным фактором, который присоединяется к чистому расчету, основанному на взвешивании удовлетворения, получаемого при различных возможных исходах, по соответствующим вероятностям (объективным или субъективным, в зависимости от обстоятельств).

….Сторонники точки зрения американской школы признают, что шкала психологических значений выигрышей у «рационального» индивида

может отличаться от шкалы денежных значений выигрышей, и что этот индивид может обладать большей или меньшей склонностью к безопасности или риску. Видимо, они полагают, что более предметная характеристика природы этих явлений относится к области психологии, а не «рациональности» индивидов.

…С учетом сказанного выше, наша точка зрения сводится к тому, что *психологическая теория риска американской школы, начиная с ее исходных аксиом, пренебрегает специфическим элементом психологии риска, а именно — дисперсией психологических значений выигрышей.*

…Человек считается рациональным, когда он: (а) преследует непротиворечивые, согласующиеся между собой цели, и (б) использует средства, пригодные для достижения поставленных целей.

Из этого определения с очевидностью следует, что при выборе в условиях неопределенности поведение рациональных индивидов означает соблюдение трех условий: (1) область выбора является упорядоченной; (2) если из двух неопределенных перспектив первая во всех возможных случаях содержит более высокие выигрыши, чем вторая, то первой будет отдано предпочтение перед второй (это условие удобно называть, вслед за Массэ и Морля, аксиомой абсолютного предпочтения); (3) используются объективные вероятности.

Мизес Л. **Человеческая деятельность. М., 2000. http://socioline.ru/book/lyudvig-fon-mizes-chelovecheskaya-deyatelnost-traktat-po-ekonomicheskoj-teorii#attachments.**

2. Предпосылки человеческого действия

Мы называем удовлетворенностью или удовлетворением такое состояние человеческого существа, которое не ведет и не может привести ни к какому действию. Действующий человек стремится исправить

неудовлетворительное состояние дел и достичь более удовлетворительного. Он представляет себе условия, которые лучше подходят ему, а его деятельность направлена на то, чтобы осуществить желаемое состояние. Мотивом, побуждающим человека действовать, всегда является некоторое беспокойство[26]. У человека, полностью удовлетворенного состоянием своих дел, не будет стимулов к переменам. У него не будет ни желаний, ни вожделений; он будет абсолютно счастлив. Он не будет действовать, а просто станет беззаботно жить.

Но чтобы заставить человека действовать, простого беспокойства и представления о более удовлетворительном состоянии недостаточно. Необходимо третье условие: ожидание, что целенаправленное поведение способно устранить или по крайней мере смягчить чувство беспокойства. Если это условие не выполняется, то никакое действие невозможно. Человек должен смириться с неизбежностью, подчиниться судьбе.

Это общие условия человеческой деятельности. Человек суть существо, которое живет в данных обстоятельствах. Он не только *homo sapiens*, но и в не меньшей степени *homo agens*. Существо человеческого происхождения, от рождения или в результате приобретенных недостатков окончательно недееспособное (в строгом смысле этого понятия, а не просто в юридическом), практически не является человеком. Хотя закон и биология считают их людьми, они лишены необходимого признака человеческой природы. Новорожденный младенец также не является действующим существом. Он еще не прошел весь путь от замысла до полного развития своих человеческих качеств. Но в конце этой эволюции он становится действующим существом.

О счастье

В разговорной речи мы называем человека, которому удалось добиться своих целей, счастливым. Точнее будет сказать, что он более счастлив, чем

[26] См.: *Локк Д.* Опыт о человеческом разумении // *Локк Д.* Соч.: в 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 280–282; *Лейбниц Г.* Новые опыты о человеческом разумении // *Лейбниц Г.* Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1983. С. 164.

раньше. Тем не менее не существует разумных возражений против определения человеческой деятельности как стремления к счастью.

…Однако необходимо избегать некоторых ошибочных толкований. Конечной целью человеческой деятельности всегда является удовлетворение желаний действующего человека. Кроме индивидуальных субъективных оценок, неодинаковых у разных людей и у одного и того же человека в разные периоды жизни, другой меры удовлетворения не существует. То, что заставляет человека чувствовать себя беспокойно, устанавливается им самим исходя из его собственных желаний и суждений, личных и субъективных оценок. Никто не в состоянии декретировать, что должно сделать другого человека счастливее.

…Чтобы установить этот факт, нет никакой необходимости обращаться к противоположности эгоизма и альтруизма, материализма и идеализма, индивидуализма и коллективизма, атеизма и религии. Одни стремятся улучшить свои собственные условия. У других осознание неприятностей и затруднений ближнего вызывает такое же и даже большее беспокойство, чем собственные желания. Одни не стремятся ни к чему, кроме удовлетворения своих потребностей в половых отношениях, еде, питье, хорошем доме и других материальных благах. Другие же заботятся об удовлетворении, как принято говорить, высших, или идеальных, потребностей. Некоторые пытаются привести свои действия в соответствие с требованиями общественного сотрудничества; другие игнорируют правила общественной жизни. Есть люди, для которых конечной целью земного пути является подготовка к блаженной жизни. Но существуют и другие — те, кто не верит ни в какие религиозные учения и не позволяет своим действиям находиться под их влиянием.

…Для праксиологии конечные цели деятельности безразличны. Ее выводы действительны для любого вида деятельности, невзирая на преследуемые при этом цели. Это наука о средствах, а не о целях. Она использует понятие счастья чисто в формальном смысле. В терминах

праксиологии утверждение «единственная цель человека — достижение счастья» тавтологично. В нем не сформулировано положение дел, относительно которого человек ожидает счастья.

…Идея о том, что мотивом человеческой деятельности всегда служит некоторое беспокойство, а ее цель всегда состоит в смягчении, насколько возможно, этого беспокойства, чтобы заставить действующего человека чувствовать себя счастливее, составляет суть учений эвдемонизма и гедонизма. Эпикурейское *atarahia* есть состояние абсолютного счастья и удовлетворенности, на которое направлена вся человеческая активность, но недостижимое в полной мере. Несмотря на всё великолепие этого знания, оно остается малопригодным, так как представителям этой философии не удалось осознать формального значения понятий «боль» и «удовольствие» и придать им материальный или чувственный смысл. Теологические, мистические и другие школы гетерономной этики не поколебали фундамент эпикурейства, поскольку не смогли выдвинуть никаких возражений, кроме игнорирования высших и благородных удовольствий. Действительно, сочинения многих ранних поборников эвдемонизма, гедонизма и утилитаризма открыты для неверного толкования. Но язык современных философов и в еще большей степени экономистов настолько точен и прямолинеен, что не допускает никакого двойного толкования.

Об инстиунктах и импульсах

Фундаментальные проблемы человеческой деятельности невозможно разрабатывать методами инстинкт-социологии. Эта школа классифицирует разнообразные цели человеческой деятельности и в качестве мотива присваивает каждому классу особый инстинкт. Человек представляется как существо, управляемое врожденными инстинктами и склонностями. Предполагается, что такое объяснение раз и навсегда разрушает все ненавистные учения экономической науки и утилитарной этики. Однако Фейербах как-то справедливо заметил, что любой инстинкт — это инстинкт к

счастью[27]. Метод инстинкт-психологии и инстинкт-социологии состоит в произвольном классифицировании непосредственных целей деятельности и наделении каждой из них самостоятельным бытием. Там, где праксиология говорит, что цель деятельности состоит в смягчении некоторого беспокойства, инстинкт-психология гласит, что это удовлетворение инстинктивного побуждения.

…Многие поборники инстинктивной школы убеждены, что они доказали: действие не детерминировано причиной, а исходит из глубин врожденных сил, побуждений, инстинктов и склонностей, которые не поддаются рациональному объяснению. Они уверены, что преуспели в разоблачении поверхностности рационализма, и третируют экономическую теорию как паутину ложных заключений, выведенных из ложных психологических посылок[28]. Рационализм, праксиология и экономическая наука не рассматривают изначальные побудительные причины и цели деятельности, а изучают средства, применяемые для достижения преследуемых целей. Несмотря на непостижимость глубины, из которой появляются побуждения и инстинкты, средства, выбираемые человеком для их удовлетворения, определяются рациональным рассмотрением затрат и успеха[29].

Тот, кто действует под влиянием эмоциональных импульсов, тоже действует. Отличие эмоционального действия от других действий заключается в оценке затрат и результатов. Эмоции искажают оценочную функцию. Человек, сжигаемый страстью, видит цель более желанной, а цену, которую он должен заплатить, менее обременительной, чем ему бы это показалось, если бы он действовал более хладнокровно. Люди никогда не сомневались, что и в эмоциональном возбуждении средства и цели взвешиваются, поэтому необходимо оказывать влияние на результаты этого обдумывания, вынося более суровый приговор за то, что человек поддался

---

[27] См.: *Feuerbach L.* Sämmtliche Werke. Ed. Bolin and Jodl. Stuttgart, 1907. X. 231.
[28] См.: *McDougall W.* An Introduction to Social Psychology. 14th ed. Boston, 1921. P. 11.
[29] См.: *Mises L.* Epistemological Problems of Economics. Trans. by G. Reisman. New York, 1960. P. 52.

порыву страсти. Наказывать за уголовные преступления, совершенные в состоянии эмоционального возбуждения, мягче обычных равносильно поощрению таких эксцессов. Угроза суровой расплаты срабатывает, даже если люди движимы страстью, кажущейся неодолимой.

…Но у человека всё иначе. Человек не является существом, которое не способно не поддаться импульсу, наиболее настойчиво требующему удовлетворения. Человек — это существо, способное контролировать свои инстинкты, эмоции и побуждения; он способен дать рациональное объяснение своему поведению. Человек отказывается от удовлетворения сжигающих его импульсов в пользу удовлетворения других желаний. Он не является игрушкой своих инстинктивных потребностей. Мужчина не набрасывается на любую женщину, пробудившую его чувства. Человек не пожирает любую понравившуюся ему пищу; он не убивает любого, кого бы ему хотелось прикончить. Он упорядочивает свои желания в соответствии с выбранной им шкалой; короче, он действует. В отличие от животных человек обдуманно регулирует свое поведение. Человек — существо, имеющее запреты, способное обуздывать свои побуждения и желания, подавлять инстинктивные желания и побуждения.

4. Рациональность и иррациональность, субъективизм и объективность праксиологических исследований

Человеческая деятельность всегда необходимо рациональна. Понятие «рациональная деятельность» избыточно и в качестве такового должно быть отброшено. В приложении к конечным целям деятельности понятия «рациональный» и «иррациональный» неуместны и бессмысленны. Конечная цель деятельности всегда состоит в удовлетворении определенных желаний действующего человека. Поскольку никто не в состоянии заменить свои собственные субъективные оценки субъективными оценками действующего субъекта, бессмысленно распространять свои суждения на цели и желания других людей. Никто не имеет права объявлять, что сделает другого человека

счастливее или менее неудовлетворенным. Критик или говорит нам, что, по его мнению, он бы имел в виду, если бы был на месте другого, или с диктаторской самонадеянностью беспечно распоряжается желаниями и устремлениями ближнего своего, заявляя, какие условия этого другого человека больше подходят ему, критику.

…Иррациональной обычно называют деятельность, если она направлена на достижение идеального или высшего удовлетворения в ущерб материальным и осязаемым выгодам. В этом случае говорят, например (иногда одобрительно, иногда с осуждением), что человек, жертвующий жизнью, здоровьем, богатством во имя высших благ преданности религиозным, философским и политическим убеждениям или свободе и процветанию своего народа, движим иррациональными соображениями. Однако стремление к подобным высшим целям не более и не менее рационально или иррационально, чем стремление к другим человеческим целям. Ошибочно полагать, что удовлетворение первичных жизненных потребностей более рационально, естественно или оправданно, чем стремление к другим вещам и удовольствиям. Нужно признать, что потребности в пище и тепле объединяют человека с другими млекопитающими, и, как правило, люди, которым недостает пищи и крова, сосредоточивают свои усилия на удовлетворении этих неотложных потребностей, мало заботясь о других вещах. Инстинкт выживания, сохранения собственной жизни и использование любой возможности для активизации своих жизненных сил является основным признаком жизни и присутствует в каждом живом существе. Но для человека подчинение этому инстинкту не является неизбежной необходимостью. В то время как животные безусловно подчиняются инстинкту сохранения жизни и размножения, во власти человека овладеть даже этими инстинктами. Он может управлять и сексуальными желаниями, и тягой к жизни. Человек может отказаться от жизни, если условия ее сохранения кажутся ему неприемлемыми. Человек способен умереть ради чего-то или покончить

жизнь самоубийством. Жизнь для человека — результат выбора, ценностного суждения.

…То же самое относится и к желанию жить в достатке. Само существование аскетов и тех, кто отказывается от материальных выгод ради верности своим убеждениям и сохранения чувства собственного достоинства и самоуважения, служит доказательством того, что стремление к более осязаемым удовольствиям не является неизбежным, а скорее есть результат выбора. Разумеется, подавляющее большинство предпочитают жизнь смерти и богатство бедности.

Саймон Г. **Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Т. 1. № 3. https://igiti.hse.ru/data/003/314/1234/3_1_2Simon.pdf**.

1.1. Понятие рациональности в экономической теории

Проблема распределения ограниченных ресурсов может рассматриваться либо в нормативном, либо в позитивном плане. И в том и в другом случае в качестве основополагающей посылки используется тезис о возможности адаптировать средства к целям, действовать в соответствии с задачами и складывающимися обстоятельствами. Экономическая теория, как в нормативном, так и в позитивном аспектах, была не просто изучением потребления ограниченных ресурсов, но изучением их *рационального* распределения.

Более того, сам термин «рациональный» долгое время носил в экономической теории особый смысл, отнюдь не совпадающий с широкой его трактовкой в толковом словаре: «разумный; неабсурдный, неэкстравагантный, неглупый, не противоречащий здравому смыслу и т. д.; умный, здравый». Хорошо известно, что в экономической теории рациональный человек — это максимизатор, соглашающийся лишь на

лучший вариант. Даже его ожидания, как мы усвоили в последние несколько лет, рациональны. Его рациональность простирается так далеко, что распространяется и на спальню: как полагает Гэри Беккер, «он будет ночью читать в постели только при условии, если ценность чтения (с его точки зрения) превышает ценность недосыпания его жены»[30].

Именно эта концепция рациональности — главный экспортный товар «экономической теории» в ее обмене с другими социальными науками. Идея о том, что люди ведут себя рационально, — если понимать этот термин в широком смысле, как в толковом словаре, — отнюдь не новость для смежных научных дисциплин. Предпосылка рациональности — неотъемлемая часть практически всех известных мне социологических, психологических, политологических и антропологических теорий. Экспортный товар, который предлагает экономическая теория, — это не сама по себе идея рациональности, а особая, весьма специфическая форма рациональности — рациональность человека, максимизирующего полезность и преуспевающего в этом.

…Этому вопросу и будет в основном посвящено мое сообщение, но, прежде чем продолжить, я хотел бы в общих чертах наметить ход моих последующих рассуждений, в которых можно выделить три пункта.

Сам этот термин неудачен, так как рациональные ожидания — в понимании Мута — совпадают с ожиданиями, связанными с максимизацией прибыли, лишь в весьма специфических обстоятельствах (см. ниже). Пожалуй, лучше бы было, не вводя в заблуждение себя и других, использовать термин «состоятельные ожидания», хотя он и не столь привлекателен.

Во-первых, я считаю необходимым развить мысль о том, что человеческое поведение почти всегда содержит значительный рациональный компонент, но только если иметь в виду не специфическую трактовку рациональности экономистами, связанную с максимизацией, а более

[30] Цит. по: Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. М., 1993. Т. 1. Вып .3. С. 17.

широкий обиходный смысл этого понятия.

Во-вторых, я намерен показать, что сама экономическая теория вовсе не ограничивает себя узким определением рациональности. В значительной части экономической литературы (например, посвященной сравнительному институциональному анализу) широкое применение имеют менее жесткие критерии рациональности, и введение более строгих определений вряд ли существенно улучшило бы эти работы. В тех случаях, когда более слабое определение отвечает целям анализа, экономическая теория может немало позаимствовать из других социальных дисциплин.

В-третьих, экономическая теория занималась в основном *результатами* рационального выбора, а не *процессом* выбора. Но поскольку экономический анализ все более включает в орбиту своих интересов динамические аспекты выбора в условиях неопределенности, возрастающее значение приобретает изучение процессов выбора. За последние 20 лет, благодаря, прежде всего, исследованиям в области искусственного интеллекта и когнитивной психологии, наше понимание процедурной рациональности заметно продвинулось. Использование этих достижений в экономической теории могло бы существенно углубить наши представления о динамической рациональности и воздействии на процессы выбора институциональных структур, в рамках которых осуществляется выбор.

***Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000. http://schumpeter.ru/wp-content/uploads/2015/11/**

Никакой другой термин не пострадал в этом отношении больше, чем «индивидуализм». Он не только был окарикатурен своими оппонентами до неузнаваемости — а нам всегда следует помнить, что большинству наших современников вышедшие сегодня из моды политические концепции известны только в изображении, созданном их противниками, — но

и использовался для обозначения нескольких отличных взглядов на общество, которые имели между собой так же мало общего, как и со взглядами, традиционно считавшимися их противоположностью. Действительно, когда при подготовке этой работы я просмотрел несколько стандартных определений индивидуализма, то почти пожалел о том, что вообще связал идеалы, в которые верю, с термином, которым так злоупотребляли и который так неверно понимали. Но что бы еще ни обозначалось термином «индивидуализм» помимо этих идеалов, есть две веские причины для закрепления его за теми воззрениями, что я намерен отстаивать: во-первых, эти воззрения всегда были известны под таким названием, пусть временами оно приобретало к тому же и какие-то иные значения; во-вторых, оно примечательно тем, что именно с целью выразить идею, противоположную индивидуализму, было придумано слово «социализм».

…Каковы же в таком случае характерные особенности истинного индивидуализма? В первую очередь это теория общества, попытка понять силы, определяющие общественную жизнь человека, и только во вторую — ряд политических максим, выведенных из подобного представления об обществе. Этого достаточно, чтобы опровергнуть наиболее нелепое из распространенных недоразумений — убеждение, что индивидуализм постулирует существование обособленных и самодостаточных индивидов (или основывает на этом предположении свои аргументы) вместо того, чтобы начинать с людей, чья природа и характер целиком обусловлены их бытием в обществе.

Если бы это было так, тогда он действительно не мог бы ничего добавить к нашему пониманию общества. Но основное утверждение индивидуализма совершенно иное. Оно состоит в том, что нет другого пути к объяснению социальных феноменов, кроме как через наше понимание индивидуальных действий, обращенных на других людей и исходящих из их ожидаемого поведения.

Этот аргумент нацелен прежде всего против собственно коллективистских теорий общества, которые претендуют на способность непосредственно постигать социальные целостности (вроде общества, etc.) как сущности *sui generis* (особого рода — лат.), обладающие бытием независимо от составляющих их индивидов. Следующий шаг в индивидуалистическом анализе общества направлен против рационалистического псевдоиндивидуализма, который также на практике ведет к коллективизму. Он утверждает, что, прослеживая совокупные результаты индивидуальных действий, мы обнаруживаем, что многие институты, составляющие фундамент человеческих свершений, возникли и функционируют без какого бы то ни было замыслившего их и управляющего ими разума; что, по выражению Адама Фергюсона, «нации наталкиваются на учреждения, которые являются, по сути, результатом человеческих действий, но не результатом человеческого замысла»; а также, что спонтанное сотрудничество свободных людей часто создает вещи более великие, чем их индивидуальные умы смогут когда-либо постичь в полной мере. Это великая тема Джозайи Такера и Адама Смита, Адама Фергюсона и Эдмунда Берка, великое открытие классической политической экономии, ставшее основой нашего понимания не только экономической жизни, но и большинства подлинно социальных явлений.

…Антирационалистический подход, в соответствии с которым человек не высокорациональное и непогрешимое, а достаточно иррациональное и подверженное заблуждениям существо, индивидуальные ошибки которого корректируются только в ходе общественного процесса и которое стремится создать самое лучшее из очень несовершенного материала, представляет собой, вероятно, наиболее характерную черту английского индивидуализма. Мне кажется, что его преобладание в английской мысли обусловлено глубоким влиянием Бернарда Мандевиля, впервые ясно сформулировавшего эту центральную идею.

…Однако нам здесь важно только то, что данный взгляд, хотя

и известный как «индивидуализм», представляет собой полную противоположность истинному индивидуализму в двух решающих пунктах. В то время как в отношении псевдоиндивидуализма совершенно справедливо, что «представление о спонтанных социальных образованиях было логически невозможно для всех философов, бравших за отправной пункт отдельного человека и считавших, что он создает общества путем объединения своей частной воли с другой через формальный договор», истинный индивидуализм есть единственная теория, имеющая право утверждать, что делает формирование спонтанных социальных образований понятным. Тогда как «проектные» теории неизбежно ведут к заключению, что общественные процессы можно заставить служить людским целям, только если они поставлены под контроль индивидуального человеческого разума, и тем самым прямиком ведут к социализму, истинный индивидуализм, напротив, полагает, что, если предоставить людям свободу, они зачастую достигнут большего, чем мог бы спроектировать или предвидеть индивидуальный человеческий ум.

Эта противоположность между истинным, антирационалистическим, и ложным, рационалистическим, индивидуализмом пронизывает всю общественную мысль. Но поскольку обе теории приобрели известность под одним и тем же именем и частично потому, что на экономистов классической школы XIX в., в особенности на Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера, французская традиция повлияла почти так же сильно, как английская, всевозможные концепции и предположения, совершенно чуждые истинному индивидуализму, стали восприниматься как неотъемлемые части этого учения.

Вероятно, лучшим примером неверных представлений об индивидуализме Адама Смита и его единомышленников служит ходячая вера в то, что они выдумали пугало «экономического человека» и что их выводы подрываются их же предположением о строго рациональном поведении и вообще ложной рационалистической психологией. Конечно же,

они были крайне далеки от предположений подобного рода. Будет куда правильнее сказать, что с их точки зрения человек по природе ленив и склонен к праздности, недальновиден и расточителен и что только силой обстоятельств его можно заставить вести себя экономно и осмотрительно, чтобы приспособить его средства к его же целям. Но даже сказанное нами не точно передает чрезвычайно сложные и реалистические взгляды этих мыслителей на природу человека. Поскольку вошло в моду высмеивать Смита и его современников за их якобы ошибочную психологию, я готов, пожалуй, рискнуть и высказать мнение, что для любых практических задач мы всё еще можем больше узнать о поведении человека из «Богатства народов», чем из большинства претенциозных современных трактатов по «социальной психологии».

Как бы там ни было, почти не вызывает сомнений, что Смита главным образом интересовало не столько то, чего человек мог бы время от времени достигать, когда он бывает на высоте, сколько то, чтобы у него было как можно меньше возможностей наносить вред, когда он оказывается несостоятелен. Вряд ли будет преувеличением утверждать, что основное достоинство индивидуализма, отстаивавшегося Смитом и его современниками, заключается в том, что это порядок, при котором дурные люди способны причинять наименьшее зло. Это социальная система, функционирование которой не требует, чтобы мы нашли добродетельных людей для управления ею или чтобы все люди стали лучше, чем они есть теперь, но которая использует людей во всем их разнообразии и сложности: иногда хорошими, иногда дурными, порой умными, но чаще глупыми. Их целью была система, предоставляющая свободу всем, а не только «добродетельным и мудрым», как того желали их французские современники.

Главной заботой великих индивидуалистов было действительно выявить набор институтов, которые могли бы побуждать человека по его собственному выбору и на основании мотивов, направляющих

его обычное поведение, вносить максимально возможный вклад в удовлетворение потребностей всех остальных; их открытием стало то, что система частной собственности обеспечивает такие побуждения в гораздо большей мере, чем это представляли до тех пор. Они не заявляли, однако, что эту систему невозможно далее улучшать и, еще менее, как утверждают те, кто ныне искажают их мысли, что, независимо от действующих институтов, существует «естественная гармония интересов». Они прекрасно сознавали конфликты индивидуальных интересов и подчеркивали настоятельную потребность в «правильно построенных институтах», когда «правила и принципы по согласованию соперничающих интересов и нахождению компромиссов в том, что касается преимуществ», примиряли бы конфликтующие интересы и исключали бы возможность предоставления какой-либо одной группе такой власти, которая позволила бы ей всегда ставить свои взгляды и интересы выше всех остальных.

***Эрроу К. Дж.* Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М., 2004. http://ivan-kod.narod.ru/arrow.htm.**

В условиях капиталистической демократии существуют два основных способа коллективного выбора: голосование, обычно используемое для принятия политических решений, и рыночный механизм, обычно используемый для принятия экономических решений. В развитых демократических странах со смешанной экономикой (Великобритания, Франция, скандинавские страны) преобладают те же два способа коллективного выбора, хотя большее применение имеют голосование и решения, прямо или косвенно основывающиеся на нем, а рыночный механизм играет меньшую роль. Во всем остальном мире, и даже на уровне более мелких социальных структур в этих странах, коллективные решения порой принимаются отдельными индивидуумами или небольшими группами,

а порой (что все реже и реже случается в современном мире) эти решения принимаются на основе общепринятых традиций, например религиозных норм.

Два последних способа — диктатура и обычай — несут в своей формальной структуре некоторую определенность, отсутствующую в голосовании или рыночном механизме. При идеальной диктатуре в выборе участвует только одна воля, в идеальном обществе, управляемом обычаем, существует только божественная воля или, может быть, согласно допущению, общая воля всех индивидуумов относительно коллективных решений, так что ни в одном из этих случаев нет конфликта воли индивидуумов... С другой стороны, методы голосования и рынок являются механизмами объединения вкусов многих индивидуумов в процессе осуществления коллективного выбора. Методы, основанные на диктатуре и обычаях, являются или могут быть рациональными в том смысле, что любой индивидуум способен делать рациональный выбор. Можно ли такую рациональность приписать к способам коллективного выбора, в котором участвует много людей?

…Если продолжить традиционное понимание рациональности как некоторого рода максимизации (которая будет подробно рассмотрена ниже), то проблема достижения социального максимума на основе индивидуальных предпочтений — это именно та проблема, которая была центральной для экономики благосостояния. Нет необходимости давать подробный обзор истории этого предмета... Существуют разногласия по поводу того, может ли экономист делать утверждения относительно того, что одно социальное состояние лучше другого. Если считать межличностные сравнения полезности осмысленными, тогда, по-видимому, можно ранжировать социальные состояния по сумме полезностей для индивидуумов; это и есть решение Иеремии Бентама, признанное Эджуортом и Маршаллом... Даже в этом случае имеются на выбор различные математические формы функции общественной полезности в терминах индивидуальной полезности; так,

общественная полезность могла бы быть суммой индивидуальных полезностей, или их произведением, или произведением их логарифмов, или суммой их произведений, взятых попарно. Как отметил профессор Бергсон, даже на этом уровне имеются неявные ценностные суждения. Дело обстоит значительно хуже, если отрицать возможность межличностных сравнений полезности. Именно на этом основании профессор Роббинс так яростно нападал на то, могут ли экономисты давать рекомендации по проведению той или иной политики, по крайней мере без отхода от статуса экономистов и перехода в область этики. С другой стороны, мистер Калдор и вслед за ним профессор Хикс доказывали, что утверждение, что одно состояние лучше другого с экономической точки зрения, осмысленно даже без предположения о реальности межличностных сравнений полезности.

Эта полемика связана с некоторым смешением двух уровней аргументации. Не может быть сомнения, что даже при допущении возможности межличностных сравнений ценностные суждения неявно подразумеваются при любом способе совершения коллективного выбора, основанного на индивидуальной полезности; это ясно показал Бергсон. Но при заданных базовых оценках относительно способа агрегирования индивидуальных предпочтений экономист должен исследовать те механизмы коллективного выбора, которые удовлетворяют этим оценкам, и должен проверять вытекающие из них следствия, чтобы убедиться, что не было противоречий с этими оценками. В частности, ему следует задаться вопросом: согласованы ли между собой оценки, т. е. существуют ли какие-то механизмы коллективного выбора, которые действительно удовлетворяют сделанным оценкам? Например, при рассмотренном выше парадоксе голосования, если метод выбора по большинству голосов рассматривать как ценностное суждение, неизбежен вывод о том, что это суждение, примененное к указанной ситуации, противоречиво.

В проблеме согласованности вопрос о межличностных сравнениях полезности приобретает особое значение. Бергсон считал, что можно

установить упорядочение социальных состояний, основанное на картах безразличия индивидуумов, с чем соглашался и Самуэльсон. С другой стороны, профессор Ланге при обсуждении функции общественного благосостояния допускал межличностные измерения полезности, а в другой своей работе он настаивал на абсолютной необходимости измеримости полезности для нормативных социальных оценок. Подобным образом и профессор Лернер в своих недавних работах в области экономики благосостояния предполагал осмысленность межличностного сравнения интенсивности полезности.

В дальнейшей дискуссии относительно разных суждений по поводу способа коллективного выбора не принимаются во внимание различия между голосованием и рыночным механизмом: оба они будут рассмотрены как особые случаи более общей категории коллективного выбора. Неоднократно отмечалась аналогия между экономическим и политическим выбором. Например, профессор Цассенхаус анализировал структуру плановой экономики путем рассмотрения замены свободного рынка воздействием, обычно понимаемым как способ распределения общественного продукта. Он доказывал, что при условиях, подобных свободной конкуренции, рынок обмена взаимодействиями ради получения благ придет к равновесию подобно обычному рынку, а политические воздействия заменят первоначальное распределение благ. Однако его модель описана только в самом общем виде, и нелегко представить, как она будет действовать, например, в условиях социалистической демократии.

…Другое значение термина «игра» — то, к которому привлекли внимание экономистов профессора фон Нейман и Моргенштерн. Идея здесь, вообще говоря, в том, что, как только будет установлен механизм осуществления коллективного выбора на основе индивидуальных предпочтений, индивидуумы сочтут выгодным с рациональной точки зрения представить свои предпочтения в ложном виде. Это произойдет либо потому, что такое искажение дает прямую выгоду, либо, чаще, потому, что

некоторый другой индивидуум настолько выиграет от искажения предпочтений первым индивидуумом, что он может дать такую компенсацию первому индивидууму, что это обоим будет выгоднее, чем ситуация, в которой каждый действует в точном соответствии со своими предпочтениями. Общеизвестно, что в избирательной системе, основанной на голосовании относительным большинством голосов, индивидуум, который на самом деле предпочитает кандидата маленькой партии, часто голосует за наименее нежелательного из кандидатов крупных партий, чтобы не «расходовать попусту свой голос». Даже в случаях, когда возможно построить процедуру агрегирования индивидуальных предпочтений в согласованное коллективное предпочтение, остается проблема определения правил игры так, чтобы индивидуумы на самом деле выражали свои истинные вкусы, даже когда они действуют рационально. Эта проблема связана с проблемой построения игр со справедливым дележом, у которых будут такие правила, что каждый индивидуум, играя рационально, сумеет получить заранее назначенную справедливую долю; в случае двух участников и равного раздела игра всем знакома: один делит пополам, а второй выбирает себе понравившуюся половину.

Кроме игнорирования игровых аспектов проблемы коллективного выбора в данном исследовании будет принято допущение, что индивидуальные оценки рассматриваются как данные и не могут быть изменены характером самого процесса принятия решения. Это, разумеется, стандартная для экономической теории точка зрения (хотя нереальность подобного допущения подтверждалась такими авторами, как Веблен, профессора Дж. М. Кларк и Найт, а также классическое кредо либерализма. Если индивидуальные оценки могут сами попасть под воздействие способа общественного выбора, то значительно труднее узнать, что понимается под предпочтением одного способа другому.

Наконец, допускается, что все индивидуумы в обществе рациональны. Точное значение этого предположения будет расширено в следующей главе.

…Таким образом, модель рационального выбора, основанная на попарном сравнении, кажется не вполне подходящей для случая рационального поведения в описанных игровых ситуациях. Кажется, что важным моментом, причем универсальным, является то, что при теоретическом представлении выбора между двумя альтернативами нельзя исключить как возможную альтернативу распределение вероятностей между ними.

…Для современных номиналистских нравов бессмысленно допущение существования социального идеала в некоторой платоновской модели бытия. Утилитаристская философия Иеремии Бентама и его последователей пыталась вместо этого обосновать общественное благо благом индивидуумов. Гедонистическая психология, которая ассоциируется с утилитаристской философией, была использована для того, чтобы обосновать, что благо каждого индивидуума идентично его желаниям. Следовательно, общественное благо в некотором смысле должно быть составлено из желаний индивидуумов. Подобная точка зрения служит оправданием как политической демократии, так и экономики laissez-faire; или по крайней мере экономической системы, где потребители свободно выбирают товары, а работники — род занятий.

***Маркс К.* Капитал. Т. 1. М., 1967. С. 95, 103.**

…Характерные экономические маски лиц — это только олицетворение экономических отношений…

…Отношения людей в общественном процессе производства принимают вещный характер, не зависимый от их контроля и сознательной индивидуальной деятельности.

Маркс К. **Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») //** ***Маркс К., Энгельс Ф.*** **Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. II. С. 26–28, 31–32, 164–165.**

Обращение протекает в пространстве и времени. Пространственное условие — доставка продукта на рынок — относится, с экономической точки зрения, к самому процессу производства. Продукт только тогда действительно готов, когда он находится на рынке. Движение, вследствие которого продукт туда попадает, относится еще к издержкам его производства. Это движение не составляет необходимого момента обращения как особого процесса движения стоимости, ибо продукт может быть куплен (и даже потреблен) на месте его производства. Но этот пространственный момент важен, поскольку он взаимосвязан с размерами рынка, с возможностью обменять продукт. Сокращение издержек этого *реального* обращения (в пространстве) относится к развитию производительных сил капиталом, к сокращению издержек увеличения его стоимости.

...Во-вторых, момент времени. Это существенным образом относится к понятию обращения. Если предположить, что акт перехода товара в деньги закреплен договором, то в этом случае он связан с расходом времени на подсчет, взвешивание, измерение. Сокращение этого момента точно так же является развитием производительной силы. Время, затрачиваемое на переход от состояния товара к деньгам, также рассматривается только как *внешнее* условие этого перехода; этот переход заранее предположен; дело идет о том времени, которое *отнимает этот заранее предположенный акт.* Это время относится к *издержкам обращения.* Другое дело — то время, которое вообще протекает до того, как товар перейдет в деньги; или то время, в течение которого он остается *товаром,* только потенциальной, а не действительной стоимостью. Это время представляет собой чистый убыток.

Из всего сказанного вытекает, что обращение выступает как существенный процесс капитала. Процесс производства не может быть возобновлен до превращения товара в деньги. *Устойчивая непрерывность* процесса, беспрепятственный и плавный переход стоимости из одной формы в другую, или одной фазы процесса в другую, для производства, основанного на капитале, является основным условием в совершенно иной степени, чем при всех прежних формах производства.

С другой стороны, при наличии необходимости в подобной непрерывности <процесса производства> его фазы в пространстве и времени распадаются как особенные, безразличные по отношению друг к другу процессы. Таким образом, для производства, основанного на капитале, оказывается случайным, будет иметь место или нет его существенное условие: непрерывность тех различных процессов, которые конституируют весь процесс капиталистического производства. Снятие этой случайности самим капиталом есть *кредит.* (Кредит имеет еще и другие стороны; но эта его сторона вытекает из непосредственной природы процесса производства и поэтому представляет собой основу необходимости кредита.) Поэтому *кредит* в сколько-нибудь развитой форме не выступает ни в одном из прежних способов производства. Одалживали и брали взаймы также и при прежних укладах, а ростовщичество является даже наиболее древней из допотопных форм капитала, но ссуда и заем столь же мало конституируют *кредит,* как различные виды труда — *промышленный труд,* или *свободный наемный труд.* В качестве существенного, развитого производственного отношения кредит *исторически* и выступает только в обращении, основанном на капитале или на наемном труде. (Сами *деньги* представляют собой одну из форм снятия неравенства времени, требующегося <на производство продукта> в различных отраслях производства, поскольку это время противостоит <V—26> обмену.) *Ростовщичество,* хотя в своей *обуржуазившейся, приспособленной к капиталу форме,* само является формой кредита, в своей добуржуазной форме, наоборот, *выражает*

недостаток в кредите.

…Итак, помимо рабочего времени, овеществленного в продукте, в качестве момента созидания стоимости — в качестве момента самого производительного рабочего времени — выступает *время обращения* капитала. Если рабочее время выступает в качестве деятельности, полагающей стоимость, то время обращения капитала выступает в качестве *времени уменьшения стоимости*.

...Итак, время обращения выступает в качестве границы для производительности труда; увеличение времени обращения равносильно увеличению необходимого рабочего времени, т. е. сокращению прибавочного рабочего времени, т. е. уменьшению прибавочной стоимости, т. е. задержке, ограничению процесса самовозрастания стоимости капитала. Таким образом, в то время как капитал, с одной стороны, должен стремиться к тому, чтобы сломать все локальные границы общения, т. е. обмена, завоевать всю Землю в качестве своего рынка, он, с другой стороны, стремится к тому, чтобы уничтожить пространство при помощи времени, т. е. свести к минимуму время, которое необходимо для продвижения товаров от одного места к другому. Чем более развит капитал, чем вследствие этого обширнее рынок, на котором он обращается, который образует пространственную сферу обращения капитала, тем сильнее он в то же время стремится к еще большему пространственному расширению рынка и к еще большему уничтожению пространства посредством времени.

…Время обращения является не тем временем, в течение которого капитал создает стоимость, а тем, в течение которого он реализует стоимость, созданную в процессе производства. Время обращения не увеличивает количество стоимости, а ставит созданную в процессе производства стоимость в соответственно иное определение формы, из определения продукта переводит в определение товара, из определения товара — в определение денег и т. д. Вследствие того что цена, которая раньше существовала в товаре идеально, теперь реализуется реально, вследствие

того, что товар теперь действительно обменивается на свою цену, на деньги, эта цена, разумеется, не увеличивается.

Время обращения, таким образом, не является временем, определяющим цену, и количество оборотов капитала, поскольку оно определяется временем обращения, свидетельствует не о том, что капитал привносит особого рода новое начало, определяющее стоимость и присущее капиталу в отличие от труда; время обращения выступает как ограничивающий, отрицательный принцип. Поэтому необходимой тенденцией капитала является *обращение без времени обращения,* и эта тенденция представляет собой основное определение кредита и кредитных операций капитала. С другой стороны, кредит есть также та форма, в которой капитал стремится полагать себя в отличие от отдельных капиталов или отдельный капитал стремится полагать себя как капитал в отличие от своего количественного предела.

…С одной стороны, время обращения овеществлено в *деньгах.* Кредит пытается определить деньги всего лишь как формальный момент; определить их таким образом, чтобы они опосредствовали превращение формы, не будучи сами *капиталом,* т. е. стоимостью. Это есть первая форма *обращения без времени обращения.* Деньги сами являются продуктом обращения. Далее будет показано, каким образом капитал посредством кредита создает новые продукты обращения.

Но если, с одной стороны, капитал стремится к *обращению без времени обращения,* то, с другой стороны, он пытается в различных органах, опосредствующих процесс времени обращения и само обращение, придать *времени обращения* как таковому *ценность времени производства;* определить все эти органы как деньги, а в дальнейшем определении — как капитал. Это другая сторона кредита. Всё это проистекает из того же источника. Все потребности обращения: деньги, превращение товара в деньги, превращение денег в товар и т. д., несмотря на то, что они принимают различные, кажущиеся совершенно разнородными формы, можно свести к *времени обращения.* Механизмы, предназначенные для его

сокращения, сами принадлежат к обращению.

Время обращения есть такое время капитала, которое можно рассматривать как время его специфического движения в качестве капитала, в отличие от времени производства, в течение которого он воспроизводится, существует не как готовый капитал, которому надо пройти только через формальные превращения, а как совершающий процесс, творческий капитал, всасывающий в себя душу живую из труда.

Противоположность рабочего времени и времени обращения содержит в себе всё учение о кредите, в особенности поскольку сюда относится проблема денежного обращения и т. д.

***Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2012. С. 22, 447–448.**

Конечная цель деятельности всегда состоит в удовлетворении определенных желаний действующего человека. Поскольку никто не в состоянии заменить свои собственные субъективные оценки субъективными оценками действующего субъекта, бессмысленно распространять свои суждения на цели и желания других людей.

…Действующий человек различает время до того, как достигнуто удовлетворение потребности, и время, на протяжении которого удовлетворение длится.

Действие всегда направлено на устранение будущего беспокойства, пусть даже это будущее ближайшего мгновения. Между началом действия и достижением преследуемой цели всегда проходит определенный отрезок времени, а именно время созревания, в течение которого семена, посеянные действием, достигают полного развития.

…Оценивая отрицательную полезность проекта, человек интересуется не только затратами материальных факторов производства и труда, но и периодом производства. Оценивая полезность продукта, он принимает во

внимание продолжительность его срока службы. Разумеется, чем дольше срок службы продукта, тем больше пользы он приносит.

…Важно понять, что и период производства, и срок службы являются категориями человеческой деятельности, а не концепциями, сконструированными философами, экономистами и историками в качестве мыслительных инструментов интерпретации событий. Они представляют собой существенные элементы, присутствующие в любом акте логического рассуждения, предваряющего и направляющего деятельность.

Уэрта де Сото Х. **Социально-экономическая теория динамической эфективности. Челябинск, 2011. С. 37.**

Предприниматель — фигура типичная для реального мира, который постоянно находится в неравновесном состоянии… Главная функция предпринимателя состоит в том, что он создает и открывает новую, не существовавшую и не известную до него информацию, а в этой ситуации принимать неоклассические решения, т. е. размещать ресурсы заранее на основании ожидаемых затрат и выгод, невозможно.

2.2. Темы для направлений магистратуры: «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление»

Солодкая М. С. **Сущность управления и проблема управляемости // Credo. 1997. № 4. http://credonew.ru/content/view/52/49/**

Актуальность управленческой проблематики в настоящее время не вызывает сомнений, что косвенно находит свое подтверждение в

значительном количестве отечественных и зарубежных публикаций по вопросам государственного управления, менеджмента и управления техническими системами.

Подавляющее большинство этих публикаций посвящены либо специальным вопросам управления, в том числе некоторым эвристическим и теоретическим разработкам в области техники управления применительно к выделяемым специальным классам объектов, либо конкретно-содержательной интерпретации общих принципов и норм управления в конкретных областях управленческой деятельности.

Теоретическая и практическая ценность значительного числа работ по специальным вопросам управления снижается из-за того, что многие общие проблемы управления не подверглись еще должному философско-методологическому анализу, обобщающему результаты предыдущих исследований и учитывающему новые достижения научного знания.

К числу таких проблем относятся проблемы сущности управления, его природы, целей. В публикациях по вопросу природы управления усматриваются две устойчивые тенденции. Сторонники одной из них утверждают, что управление имеет *исключительно социальную природу*, свойственно только общественным процессам и нигде больше не встречается. «Управление как объективно существующий процесс возникает лишь в стадии социального самодвижения материи, т. е. с появлением человека и общества»[31]. Другая тенденция, которая получила распространение с конца 40-х гг. нашего века, после работ Н. Винера, А. Розенблюта, У. Р. Эшби, связана с тем, что «управление свойственно не только социальному, но и биологическому уровням развития материи»[32].

Действительно, процессы регуляции и саморегуляции индивидуального и группового поведения присущи всем живым организмам, но в основе своей они имеют совершенно иные «цели» и механизмы, нежели процессы

---

[31] *Суворов Л. Н., Аверин А. Н.* Социальное управление. Опыт философского анализа. М., 1984. С. 6.

[32] *Граждан В. Д.* Философские начала общей теории управления //Методологические проблемы социального управления. М., 1995. С. 27.

управления в человеческом обществе. Процессы регуляции и саморегуляции в живой природе имеют естественный характер и используют механизм естественного отбора, который отвечает за то, чтобы выживали наиболее приспособленные. Механизм естественного отбора имеет принципиально эволюционную природу, поскольку он имеет смысл при избирательном размножении особей в ряду поколений. Вследствие этого он действует совместно с другими эволюционными механизмами, в частности — с наследственностью, которая является своеобразной «памятью» и определяет влияние прошлого на настоящее и будущее. Кроме этого, механизм естественного отбора работает лишь в тех случаях, когда изменения достаточно малы, т. е. если речь идет об отборе мелких признаков.

Управление в человеческом обществе связано не только (и даже не столько) с эволюционными процессами, где «наследственность» (традиции, обычаи, привычки) играет доминирующую роль по отношению к изменчивости, но и с процессами революционными, когда происходит ломка старых механизмов наследования и доминантное значение получает изменчивость (инновации), затрагивающая не мелкие, а большинство жизненно важных признаков. В эти моменты «память», определяющая детерминацию настоящего и будущего прошлым, теряет свое значение, и механизм естественного отбора не срабатывает, он для этого не приспособлен. В эти моменты необходимы, следовательно, другие регулятивные механизмы, отличные от естественного отбора, т. е. механизмы «искусственного» отбора, которые в живой природе отсутствуют.

Приверженцы точки зрения, отрицающей исключительно социальную природу управления, обычно апеллируют к работам Н. Винера, А. Розенблюта и У. Р. Эшби. Вообще говоря, подобная апелляция не совсем правомерна, поскольку указанные авторы исследовали только такой феномен как control. Видимо, неадекватность перевода и новизна проблемы послужили причиной ряда искажений и недоразумений в понимании как объекта и предмета кибернетики, ее целей и задач, так и понятия

«управление». В вышедшей через год после опубликования “Cybernetics...” книге Н. Винер вынужден был обратить на это внимание и уточнить свое определение кибернетики и управления. «Кибернетика — это учение об *управляющих устройствах*, о передаче и переработке в них информации»[33]. Как видно, он подчеркивает техническую сущность разрабатываемой им науки, сужая предмет исследования. «Когда я давал определение кибернетики в первой своей книге, я отождествлял понятия «коммуникация» (*communication* — в оригинале) и «управление» (*control* — в оригинале). ...Управлять возможно, только используя коммуникацию... Таким образом, теория управления в человеческой, животной или механической ***технике*** является частью теории информации»[34]. Декларируя первичность коммуникативных процессов по отношению к процессам управления и рассматривая поэтому техническую составляющую теории управления как часть теории информации, Н. Винер подчеркивает, что в рамках кибернетики понятия «управление» и «коммуникация» тождественны. Таким образом, Н. Винер и другие утверждали, что только феномен control присущ и живому организму и машине, и с этой точки зрения правомерно говорить о «человеческой или животной *технике*».

Рассматривая в качестве сущности управления «целенаправленное воздействие», мы практически сводим управление до уровня отдельных действий, оставляя вне сферы управления то, что предшествует действию или является следствием его результата.

Тромпенаарс Ф., Хэмпден-Тернер Ч. **Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса. Минск, 2004. С. 9–15. http://www.twirpx.com/file/557423/**

---

[33] *Wiener N.* The human use of human being. Cybernetics and Society. Cambridge, 1950. Цит. по: *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958. С. 5.
[34] Там же. С. 30.

Влияние национальной культуры на бизнес

Взгляните на новую породу международных руководителей, получивших образование в духе самых современных философских теорий менеджмента. Они-то знают, что в СБП должен непременно править МТК, а товар доставляться по принципу КРВ, где ОРК распределяет продукцию, работая по законам МСЦ. Однако если что-то происходит не так, нам необходимо произвести ПБП (СБП — стратегическое бизнес-подразделение; МТК — менеджмент тотального качества; КРВ — «как раз вовремя»; ОРК — отдел по работе с клиентами; МСЦ — менеджмент согласно целям; ПБП — перестройка бизнес-процесса).

Тут возникает вопрос: насколько универсальны данные решения в менеджменте? Справедливы ли предлагаемые «истины» относительно того, каким должен быть эффективный менеджмент, везде и при любых обстоятельствах?

Даже в случае многоопытных международных компаний многие из «универсальных» приложений теории менеджмента, которые разработаны с самыми лучшими намерениями, на поверку оказались неэффективными. Например, оплата по принципу «каждому — по производительности его труда» на Африканском континенте во многих случаях обернулась неудачей, поскольку в ряде стран существуют негласные правила, за что и в какое время человек заслуживает награды и продвижения по службе. Аналогичным образом схема «менеджмента согласно целям» в общем и целом не прижилась в филиалах транснациональных компаний на юге Европы, поскольку здешние менеджеры не пожелали руководствоваться абстрактными, по их мнению, указаниями сверху.

Даже понятие «управление людскими ресурсами» из англосаксонской доктрины зачастую нелегко перевести на язык иных национальных культур. В нем отражена чисто экономическая идея о людях как о ресурсах, существующих наравне с вещественными и денежными ресурсами. В рамках этой теории доказывается тезис о том, что развитие индивидуума

практически не имеет границ. В странах же, где мнение о людях как о ресурсах не укоренилось, данная концепция непопулярна, даже если усиленно пропагандируется.

Быть международным менеджером нелегко, поскольку ему приходится работать в различных национально-культурных средах. Особенности конкретной среды определяются тем, к какой национальной культуре принадлежит менеджер, с людьми какой национальности ему приходится работать и какая культура существует в организации, нанявшей его на работу.

В каждой национальной культуре мира такие явления, как власть, бюрократия, творчество, товарищество, доверие и ответственность, воспринимаются по-разному. Описывая их, мы используем одни и те же слова, однако забываем о том, что смысл в каждом случае вкладывается разный и то, что привычно для нас, далеко не всегда привычно (или прилично) для людей иной национальной культуры.

Существует теория, что интернационализация создаст единую всемирную культурную среду или, по крайней мере, подготовит ее появление. В результате жизнь международных менеджеров станет намного проще. Люди называют McDonald's или Coca-Cola в качестве примеров пищевых вкусов, рынков и потому культур, которые приобрели схожие черты по всему миру. Действительно, многие товары и услуги сегодня можно встретить практически в любом уголке земного шара. Важно, однако, разобраться не в том, что они собой представляют и где расположены, а в том, что **они означают** для **людей различных национальных культур.** Как мы выясним далее, суть национальной культуры не в том, что находится на поверхности, а в общих для людей одной культуры способах постижения и толкования окружающего их мира. Поэтому тот факт, что все мы можем слушать плееры Walkman и покупать гамбургеры, говорит лишь о том, что существуют товары, имеющие спрос на рынке, но вовсе не поясняет нам, что означает для людей, принадлежащих к разным национальным культурам,

потребление гамбургеров или слушание музыки с помощью плеера Walkman, Ужин в ресторане McDonald's может быть проявлением социального статуса в Москве, а в Нью-Йорке это не более чем быстрый перекус за доллар. Если бизнесмены хотят, чтобы местное население приобщалось к их корпоративным целям, политике, товарам или услугам, им следует выяснить, какой смысл обретают те или иные аспекты менеджмента в различных национальных культурах.

В дальнейшем мы изучим вопрос, почему «универсальные» идеи западного менеджмента не всегда работают, а также попытаемся дать свое объяснение важной дилеммы, с которой все чаще сталкиваются международные менеджеры, а именно глобализации.

По мере того как рынок приобретает глобальный характер, возрастает необходимость стандартизации организационных структур, систем и процедур. Одновременно над менеджерами довлеет необходимость адаптировать организацию к условиям местного рынка, законодательства, фискального режима, социально-политической и национально-культурной систем. Соблюдение баланса между деятельностью по стандартам, с одной стороны, и адаптации — с другой, чрезвычайно важно для достижения корпоративного успеха.

Пантин В. И. **Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004. http://www.globalaffairs.ru/book/n_3705.**

Основные принципы анализа циклов и волн в общественном развитии

Исследование процессов, протекающих в такой сложной системе, как общество, неизбежно предполагает использование тех или иных представлений о характере общественного развития. Несмотря на то что исследователи, работающие в определенных и, как правило,

узкоспециализированных областях гуманитарных наук, сравнительно нечасто рефлектируют по поводу собственных представлений о динамике социальных систем, эти представления оказывают значительное влияние на методологию конкретных исследований, и в определенной мере — на их результаты.

В связи с этим осмысление и разработка типологии развития, эволюции социальных систем представляется важной и актуальной проблемой. В самом общем плане существующие в научной и философской литературе многообразные способы описания и интерпретации развития социальных систем с точки зрения их отношения к временной протяженности можно свести к трем подходам, в основе которых лежит разное понимание социального времени.

Согласно первому из этих подходов в общественно-историческом развитии доминирует главным образом поступательный тип движения. Поступательность как форма социальной эволюции означает в данном случае последовательное усложнение, повышение организованности рассматриваемой социальной общности с течением времени, рост ее возможностей воздействовать на другие системы вне ее и регулировать процессы, протекающие внутри нее самой. В большинстве концепций, использующих данный подход, предполагается, что усложнение общественной системы может включать в себя периоды не только «спокойного» эволюционного развития, но и крутых переломов, революционных преобразований самой системы. Кроме того, усложнение одних частей или сторон социальной системы может сопровождаться регрессивным движением и деградацией других ее частей или сторон. Однако в результате всех этих преобразований социальная система как целое каждый раз необратимо переходит на новый, более высокий уровень развития, открывающий новые возможности прогрессивно-поступательного движения. Переход же социальной системы как целого на более «низкие» уровни организации социума, возвращение к «дикости» и «варварству»,

повторение уже пройденного, движение в виде колебаний или циклов, согласно этому подходу, если и возможны, то только в качестве исключения или случайности, и потому не заслуживают особого внимания. Социальное время при этом предстает прежде всего как линейное физическое время, коррелирующее с антиэнтропийными процессами внутри социальных систем и ростом энтропии в окружающей среде. Наглядный образ времени, соответствующий данному подходу, — ориентированная в одном направлении стрела.

Такого рода прогрессивно-поступательные модели развития социальных систем достаточно распространены. Например, они лежат в основе упрощенных версий материалистического понимания истории и его кажущихся антиподов — различного рода либеральных концепций политического и экономического развития, включая теорию «стадий роста» У. Ростоу, разрабатывавшуюся в свое время в качестве альтернативы марксизму, или сравнительно недавно выдвинутую концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы. В последнем случае историческое развитие рассматривается как поступательный процесс постепенной выработки идейных и социально-политических основ либеральной демократии. И после того, как эта задача решена, история как появление принципиально новых свойств и качеств социальной системы, согласно Фукуяме, прекращается — социальная и политическая системы принципиально не меняются. Во многом представления о поступательном движении от «традиционного» общества к «современному» используются и классической теорией модернизации в том виде, как она возникла в 1950–1960-е гг.

Тема «конца истории» появляется в концепциях, базирующихся на представлениях о линейно-поступательном характере общественного развития, далеко не случайно. В эпоху перехода к развитому, зрелому модерну (который трактуется некоторыми авторами как переход от модерна к постмодерну), в условиях исчерпанности ресурсов для экстенсивного развития в данном фиксированном направлении линейно-поступательный

подход логически подводит к идее «конца истории», конца процесса социальной эволюции. На это обратил внимание В. Е. Кемеров, который, в частности, отмечал: «Линейная эволюция общества и соответствующая трактовка направленности изживаются обществом практически: пространственные и вещественные ресурсы почти исчерпаны, доступные энергетические близки к исчерпанию, другие недоступны либо опасны. Итак, поприще социальности ограничено, экстенсивное развитие катастрофично, линейные схематизмы рациональности и производства бесперспективны. Что из этого проистекает? Либо объявление конца истории (социальности, логики, метафизики и других "классических" стандартов), либо...»[35] Действительной альтернативой подобным финалистским представлениям может служить лишь пересмотр самого подхода к развитию социально-исторических систем, подхода к социальной эволюции.

Очевидно, что каждая концепция, исходящая из линейно-поступательного характера общественного развития, с необходимостью приходит к постулированию более или менее единого, общего для всех стран, цивилизаций и регионов магистрального (в пределе — «единственно верного») пути. Каждая из них устанавливает свою собственную систему линейных координат, доказывая ее истинность. Однако уже сама множественность подобного рода «единственно верных» направлений и критериев общественного прогресса — будь то движение к коммунизму, к либерально-демократическому или современному (модернистскому) обществу — заставляет усомниться в том, что модель чисто поступательного движения действительно может верно описать особенности развития сложных социальных систем. Более того, подобные концепции часто оказываются бессильны объяснить общественные процессы, которые, с их точки зрения, выглядят как возврат к уже пройденной, казалось бы, ступени развития или как отклонение от магистрального пути. Не слишком успешны и прогнозы, основанные на концепциях линейно-поступательного развития

[35] *Кемеров В. Е.* Введение в социальную философию. М., 1996. С. 21.

общества, что показал опыт не только догматического марксизма, но и ряда других теорий. В частности, такие крупнейшие события конца XX в., как крах коммунистических режимов в Восточной Европе, распад Советского Союза, глобализация, оказались неожиданными отнюдь не только для официальных советских идеологов, но и для западных советологов и «глобалистов». Во многом это происходит потому, что в случае линейно-поступательного подхода к анализу общественного развития наблюдаемые тенденции механически экстраполируются на будущее, в то время как само направление, сам вектор многих важных процессов в жизни общества с течением времени подвержен заметным изменениям.

***Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М., 1988. http://yanko.lib.ru/books/philosoph/gadamer-istina_i_metod.pdf.**

Проблема метода

Логическое самоосознание гуманитарных наук, сопровождавшее в XIX в. их фактическое формирование, полностью находится во власти образца естественных наук. Это может показать уже само рассмотрение термина «гуманитарная наука» (Geisteswissenschaft, букв. «наука о духе»), хотя привычное нам значение он получает только во множественном числе. То, что гуманитарные науки понимаются по аналогии с естественными, настолько очевидно, что перед этим отступает призвук идеализма, заложенный в понятии духа и науки о духе. Термин «гуманитарные науки» получил распространение главным образом благодаря переводчику «Логики» Джона Стюарта Милля. В своем труде Милль последовательно пытается обрисовать возможности, которыми располагает приложение индуктивной логики к области гуманитарных наук (moral sciences, буквально — «наук о морали»).

Уже из самого хода рассуждений Милля следует, что здесь речь идет вовсе не о признании некоей особой логики гуманитарных наук; напротив, автор стремится показать, что в основе всех познавательных наук лежит индуктивный метод, который предстает как единственно действенный и в этой области. Тем самым Милль остается в русле английской традиции, которая была наиболее выразительно сформулирована Юмом во введении к его «Трактату». В науках о морали тоже необходимо познавать сходства, регулярности, закономерности, делающие предсказуемыми отдельные явления и процессы. Однако и в области естественных наук эта цель не всегда равным образом достижима. Причина же коренится исключительно в том, что данные, на основании которых можно было бы познавать сходства, не всегда представлены в достаточном количестве. Так, метеорология работает столь же методично, что и физика, но ее исходные данные лакунарны, а потому и предсказания ее неточны. То же самое справедливо и в отношении нравственных и социальных явлений. Применение индуктивного метода в этих областях свободно от всех метафизических допущений и сохраняет полную независимость от того, каким именно мыслится становление наблюдаемого явления. Здесь не примысливают, например, причины определенных проявлений, но просто констатируют регулярность. Тем самым, независимо от того, верят ли при этом, например, в свободу воли или нет, в области общественной жизни предсказание в любом случае оказывается возможным. Извлечь из наличия закономерностей выводы относительно явлений никоим образом не означает признать что-то вроде наличия взаимосвязи, регулярность которой допускает возможность предсказания. Осуществление свободных решений — если таковые существуют, — не прерывает закономерности процесса, а само по себе принадлежит к сфере обобщений и регулярностей, получаемых благодаря индукции. Таков идеал «естествознания об обществе», который обретает здесь программный характер и которому мы обязаны исследовательскими успехами во многих областях; достаточно вспомнить о так называемой

массовой психологии. Однако при этом выступает, собственно, та проблема, которую ставят перед мышлением гуманитарные науки: их суть не может быть верно понята, если измерять их по масштабу прогрессирующего познания закономерностей. Познание социально-исторического мира не может подняться до уровня науки путем применения индуктивных методов естественных наук. Что бы ни означало здесь слово «наука» и как бы ни было распространено в исторической науке в целом применение более общих методов к тому или иному предмету исследования, историческое познание тем не менее не имеет своей целью представить конкретное явление как случай, иллюстрирующий общее правило. Единичное не служит простым подтверждением закономерности, которая в практических обстоятельствах позволяет делать предсказания. Напротив, идеалом здесь должно быть понимание самого явления в его однократной и исторической конкретности. При этом возможно воздействие сколь угодно большого объема общих знаний; цель же состоит не в их фиксации и расширении для более глубокого понимания общих законов развития людей, народов и государств, но, напротив, в понимании того, каковы этот человек, этот народ, это государство, каково было становление, другими словами — как могло получиться, что они стали такими. Что же это за познание, позволяющее понять нечто как таковое через понимание путей его становления? Что здесь называется наукой? И даже если признать, что идеал такого рода познания принципиально отличен по типу и установкам от принятого в естественных науках, все-таки остается соблазн обратиться в данном случае, по меньшей мере привативно, к такой характеристике, как «неточные науки». Даже попытка (столь же значимая, сколь и справедливая) уравнять в правах гуманитарные и естественные науки, предпринятая Германом Гельмгольцем в его знаменитой речи 1862 г., как бы ни подчеркивал он превосходство гуманитарных наук в их общечеловеческом значении, сохранила негативность их логической характеристики с точки зрения методического идеала естественных наук. Гельмгольц различает два вида индукции:

логическую и художественно-инстинктивную. Но это означает, что тот и другой способы мышления он различает в их основе не логически, а психологически. Оба они пользуются индуктивными выводами, но процесс, предшествующий выводу в гуманитарных науках,— это неосознаваемое умозаключение. Тем самым практика гуманитарной индукции связана с особыми психологическими условиями. Она требует своего рода чувства такта, и для нее необходимы разнообразные духовные свойства, например богатая память и признание авторитетов, в то время как самоосознанные умозаключения ученых-естественников, напротив, основываются полностью на включении собственного сознания. Даже если признать, что великий естествоиспытатель устоял перед соблазном сделать из своего собственного способа работы общеобязательную норму, он тем не менее явно не располагает никакой другой логической возможностью охарактеризовать результаты гуманитарных наук, как только с помощью привычного ему благодаря «Логике» Милля понятия индукции. То, что фактическим образцом для наук XVIII в. стала новая механика, достигшая триумфа в небесной механике Ньютона, было и для Гельмгольца все еще настолько само собой разумеющимся, что он даже не задался вопросом, например, о том, какие философские предпосылки обеспечили становление этой новой для XVII в. науки. Сегодня мы знаем, какое значение для этого имела парижская школа оккамистов. Для Гельмгольца методический идеал естественных наук не нуждается ни в поисках исторического предшествования, ни в теоретико-познавательных ограничениях, а потому и работу ученых-гуманитариев он логически не в силах понять по-иному.

Кунц Г., О'Доннел С. **Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций. Т. 1 / ред. и предисл. Д. М. Гвишиани. М., 1981. http://www.twirpx.com/file/584751/grant/**

Значение системного подхода к управлению

Сказать, что системы не являются новыми, не значит утверждать, что современное системное мышление и новые специальные системные подходы не принесли пользы ни теории, ни практике. Преимущество подхода к любой изучаемой области или к любой проблеме как к системе заключается в том, что этот подход дает нам возможность увидеть критические переменные и ограничения, а также их взаимодействие друг с другом. Системный подход заставляет ученых и практиков в конкретной области постоянно помнить, что нельзя подходить ни к одному элементу, явлению или проблеме без учета его последующих взаимодействий с прочими элементами.

Это лучше всего можно проиллюстрировать на примере функций управляющих. Как только мы определим и организуем знания, соотнеся их с функциями планирования, организации, укомплектования кадрами, руководства и контроля, будет достаточно минутного размышления, чтобы увидеть, насколько эти функции переплетаются. Управляющие, например, планируют организационную структуру, разрабатывают программы комплектования личного состава и осуществляют мероприятия по контролю исходя из планов. Это тем или иным образом относится и ко всем функциям. Читая последующие главы, не следует забывать об этом и следить за тем, как ключевые положения теории систем используются при анализе управления.

Почти вся жизнь — это система. Разумеется, это можно сказать и о наших организмах, жилищах и университетах, равно как и о правительственных учреждениях и коммерческих предприятиях. Они, в свою очередь, взаимосвязаны с различными другими системами, причем каждая имеет в своем составе ряд подсистем. Никто не может и не должен игнорировать сетевой характер компонентов в любой компании, отделе, проблеме, методе или программе. Не делаем мы этого и в данной книге.

Потребность в теории и методах управления

Совершенно очевидно, что знание основных принципов и методов

управления может оказать колоссальное влияние на практику. Поскольку во всех областях, где люди работают совместно, эффективность групповых усилий далеко отстает от эффективности машин, то применение управленческих знаний будет способствовать прогрессу человечества.

Необходимость разработки четкой концепции управления и общих основ соответствующей теории и принципов осознавалась много лет назад еще первыми исследователями — практиками управления, такими как Анри Файоль, Честер Барнард и Алвин Браун. Эта потребность ощущалась во всевозрастающей степени передовыми управляющими и в более позднее время.

Для повышения эффективности

Когда удастся разработать, проверить на практике и применить принципы и методы управления, то эффективность управленческой деятельности значительно повысится. Тогда добросовестный управляющий сможет работать более производительно, применяя установленные принципы с целью облегчить решение проблем, не занимаясь лично первоначальными лабораторными исследованиями и не рискуя при действиях методом проб и ошибок .

Не всегда достаточно хорошо понимают, что опыт приводит к фундаментальным открытиям, а их результаты применяют в новых ситуациях. Тот опыт, на который слишком часто опираются многие управляющие, представляет собой лишь мешанину проблем и решений. имевших место в прошлом и никогда в точности не повторявшихся. Две управленческие ситуации редко бывают сходны во всех отношениях, и управляющие не могут рассчитывать, что методы, применимые в одной ситуации, обязательно дадут результат в другой. Однако. если управляющие сумеют «отфильтровать» свой опыт, найти и осмыслить фундаментальные причинные связи в различных ситуациях, они будут в состоянии применять полученные знания для решения новых проблем. Иными словами, решения

упрощаются, если к ним подходить с позиций фундаментальных принципов. Ценность восприятия управления как концептуальной схемы понятий принципов и методов в том, что оно дает возможность видеть и осознавать то, что в противном случае остается незамеченным. Теория и наука могут оказать помощь в решении будущих проблем, возникающих в непрерывно меняющемся окружении.

Пользу, получаемую от знания принципов, можно проиллюстрировать на нескольких примерах. Из принципов нам известно, что если подчинить сотрудников не одному, а нескольким начальникам, то это влечет за собой определенные издержки и неудобства, даже если выгода от такого образа действий может оправдать эти издержки; зная принципы, мы, возможно, будем в состоянии минимизировать эти издержки. Принципы говорят нам, что ни один управляющий не может разработать мероприятия по контролю, не базируясь на планах, что управляющие должны обладать в организации властью, необходимой для достижения ожидаемых от них результатов, и что ни один управляющий не в состоянии разработать содержательный план, не имея ясного представления с цели, которой необходимо достичь, и о будущем окружении, в котором предположительно будет реализовываться этот план. Поскольку принципы являются (как оно и должно быть) концентрированным знанием, знакомство с ними может помочь управляющим избежать ошибок. Совершенно ясно, что если каждый управляющий будет постигать эти истины на основании собственного опыта, то это будет непроизводительной тратой сил.

Кристаллизовать природу управления

Отсутствие понимания концепций, принципов и методов управления затрудняет проведение анализа управленческого труда, равно как и подготовку управляющих. Эти основы служат проверочным перечнем смыслового содержания управления. Без них подготовка управляющих зависит от случайностей метода проб и ошибок. В какой-то степени так будет

продолжаться до тех пор, пока не будет разработана адекватная наука управления. Тем временем в коммерческих предприятиях, правительственных и прочих учреждениях уже накопилось значительное количество знаний в области управления, и это во всевозрастающей степени способствует кристаллизации его сущности и облегчению подготовки управленческих кадров.

Улучшить исследовательскую работу

Как указывалось выше, все гипотезы могут быть использованы для того, чтобы придать исследовательской работе целенаправленный характер. Если же исследования проводятся в целях дальнейшей разработки теории или для того, чтобы каким-то иным путем расширить горизонты знания, то выработка структурной основы знания может способствовать продуктивности исследовательской работы.

Учитывая, что за последние три десятилетия интерес к управлению возрос, а ученые и управляющие провели огромную исследовательскую работу, более точное ориентирование научной деятельности должно принести плоды. Поскольку управление частично связано с людьми, а поведение групп людей непредсказуемо и сложно, то трудно добиться эффективности исследований. Управление связано также с планированием действий, разработкой способов контроля и группировкой видов деятельности, успехи же исследований в этих областях достигаются медленно и обходятся дорого. Потребность в достоверных знаниях об организованном предприятии велика, и всё, что делает исследовательскую работу в области управления более целенаправленной, способствует совершенствованию управленческой практики.

Иванов А. А. **Социальное управление и социальный менеджмент // Теория и практика общественного развития. 2005. № 2. С. 42–43.**

http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-upravlenie-i-sotsialnyy-menedzhment.

Понятие «социальное управление» характеризует процесс воздействия на общество или его отдельные звенья с целью обеспечения их нормального функционирования, совершенствования и развития. Встречаются и иные характеристики, в которых социальное управление ограничивается сферой деятельности тех или иных органов или экономическими, техническими, правовыми и иными рамками. Самое краткое и общее определение управления можно сформулировать так: управление системой — это целенаправленное воздействие на нее, переводящее систему из одного состояния в другое. Существуют и развернутые определения управления, подробно излагающие содержание этого процесса, например: «Управление есть выработка управляющим органом управляющей информации, соответствующей программе управления, передача ее объекту управления, получение и анализ осведомительной информации от объекта управления о его фактическом поведении, а также соответствующая результатам этого анализа корректировка или выработка новой управляющей информации с целью оптимизации функционирования объекта управления». Социальное управление, следовательно, есть сознательное воздействие людей на общественную систему и ее отдельные звенья на основе познания объективных закономерностей и тенденций развития для обеспечения оптимального функционирования и регулирования системы при согласовании интересов настоящего и будущего. Рассмотрение соотношения таких понятий как социальное управление и социальный менеджмент возможно через рассмотрение включаемых в эти понятия конкретных функций, когда управление и менеджмент рассматриваются как континуум функций. Менеджмент не только расширяет сферу своего влияния, расширяется и состав его функций. Различные авторы вносили и продолжают вносить свои коррективы в перечень классических функций, добавляя к нему

новые функции (целеполагание, принятие решений, подбор персонала, мотивация, согласование, учет, анализ и др.). Фактически почти в каждой публикации по управлению содержался список управленческих функций, который хоть немного, но отличался от других подобных списков. В 1990 г. Р. Томпсон, проанализировавший множество публикаций на эту тему, пришел к выводу, что для современной деловой организации характерны следующие функции управления: интеграция деятельности членов организации; взаимодействие — формирование и поддержание контактов; восприятие, фильтрование и распространение информации; распределение ресурсов; предупреждение нарушений и управление текучестью кадров; ведение переговоров; проведение инноваций; планирование; контроль и направление деятельности подчиненных. Таким образом, состав функций менеджмента расширился настолько, что многие стали отождествлять менеджмент с социальным управлением. На наш взгляд, менеджмент составляет относительно небольшую часть социального управления, а гипертрофированное внимание к нему объясняется главным образом политическими мотивами, связанными с ожиданиями скорейшего перехода к рыночной экономике и демократии. Именно менеджмент, по мнению экономистов-рыночников, должен был обеспечить успех рыночным реформам. Однако ожидания полностью не оправдались, а учебные заведения продолжают готовить менеджеров-рыночников, в то время как стране сегодня особенно нужны специалисты по социальному управлению, умеющие управлять не только экономическими институтами, а обществом и его подсистемами и институтами на различных уровнях. К функциям социального управления следует, по нашему мнению, помимо функций управления проблемами, отнести также функции правового регулирования, структурного регулирования, ценностного регулирования, управления инновациями, межорганизационного регулирования, а также классические функции менеджмента. Таким образом, социальным управлением, в его широком понимании, фактически занимаются не только менеджеры, но и

юристы, социологи, дипломаты, которые не всегда осознают это в силу сложившегося понимания социального управления и действуют разрозненно. В связи с этим возникает необходимость согласованного взаимодействия указанных специалистов и необходимость их совместной подготовки. Таким образом, исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы: 1) менеджмент нельзя отождествлять с социальным управлением, поскольку он является частью последнего; 2) политическое управление (руководство, регулирование) нельзя отделять от государственного управления, ставя его выше последнего. Вместе с тем оно является частным (хотя и наиболее сложным) случаем социального управления. Таким образом, социальное управление включает в себя как менеджмент, так и политическое управление.

Резник Ю. М. **Прикладная социальная антропология организаций: научный статус и специфика // Социологические исследования. 1999. № 6. http://ecsocman.hse.ru/data/915/862/1231/011.REZNIK.pdf .**

В последнее время проблемы социальной антропологии находят всё более полное освещение в отечественной научной и учебной литературе. Некоторые из них рассматривались с участием автора данной статьи и на страницах журнала «Социологические исследования». Антропология организаций является относительно новой отраслью неклассической социальной антропологии, ориентированной (в отличие от традиционной антропологии) на изучение и решение социокультурных проблем сложных современных обществ. Опыт социально-антропологических исследований организаций сравнительно невелик. Однако он имеет важное значение для понимания тенденций антропологизации социологического знания. Антропология организаций — одно из направлений так называемой прикладной социальной антропологии. Как отмечает известный американский антрополог К. Клакхон, в литературе это понятие появилось в

начале нынешнего века и окончательно утвердилось лишь в конце 1930-х гг. В США с 1941 г. стал выходить журнал «Прикладная антропология». Понятие «прикладная социальная антропология» еще не прижилось в сознании большинства отечественных ученых и практиков. Для многих из них оно связано в основном лишь с исследованием практических вопросов жизни «экзотических» народов и поселений. Зарубежная прикладная антропология организаций берет свое начало от так называемой административной антропологии, в качестве практических направлений которой британские антропологи А. Рэдклифф-Браун (1884–1942) и Б. Малиновский (1881–1955) считали следующие:

— обучение колониальных чиновников основам этнографии;

— работа правительственных антропологов в административном аппарате колоний;

— участие антропологов в специальных исследованиях, организованных по заказу колониальных властей.

Для научного обеспечения колониальной политики антропологами была разработана модель «косвенного управления», предполагавшая «сохранить то, что еще можно сохранить из туземных институтов». Сверхзадача же самой прикладной антропологии и ее технической области (так называемой социальной инженерии) — устранение «зол» нашей цивилизации. Исследовательский опыт западных антропологов, накопленный за многие десятилетия при изучении примитивных племен, пригодился им для анализа практических проблем современных обществ. «Социальные антропологи, — пишет К. Клакхон, — исследовавшие разные общества с дистанцированных позиций, научились смотреть и слушать таким образом, что могут достаточно точно определить, куда следует направлять усилия, а где лучше от них воздержаться»[36]. С его точки зрения, к сфере компетенции данной отрасли науки относится следующее:

— выявление факторов культуры или субкультуры, которые обусловливают

[36] *Клакхон К.* Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998. С. 145.

приятие или неприятие людьми предлагаемых перемен (анализ и диагноз);

— указание типа духовного климата, который требуется при необходимости изменения каких-либо обычаев (прогноз);

— участие в управлении, в том числе в планировании и руководстве программами разных типов (управление). Опираясь на этот анализ, укажем на некоторые общие черты деятельности прикладных социальных антропологов, изучающих проблемы организаций. Прежде всего они стремятся анализировать содержание и построение культуры управляемой организации. В то же время антрополог-практик должен обладать систематическим представлением о специфических субкультурах внутри данной организации, искать и находить оптимальные пути контроля над ними. Цель антрополога, занимающегося обеспечением управления конкретной организацией, помочь властям «посмотреть на себя со стороны», рассмотреть альтернативы и выбрать направление управленческих действий. Общее профессиональное кредо деятельности прикладного социального антрополога, по Клакхону, можно определить так: он должен изучить пространство социальных отношений и распознать основные культурные течения, чтобы неожиданные последствия рациональных действий, предпринимаемых организаторами и производственными экспертами, были сведены к минимуму. В последние десятилетия в отечественной и западной науке наряду с антропологией организаций стали разрабатываться и некоторые другие направления прикладной социальной антропологии. Роль социальной антропологии в организационных исследованиях трудно переоценить. Так, первоначально исследования в области организаций почерпнули концепцию культуры из работ известных антропологов (К. Гирц, В. Тернер, М. Дуглас и др.). В дальнейшем произошло методологическое разделение — те дисциплины, которые объединяются в организационные исследования (organisational studies), пересмотрели понятия культуры по-своему, тогда как социально-антропологические представления сохранились и углубились представителями этнографического, качественного

направления антропологии и социологии. Центральным понятием прикладной антропологии организаций стало понятие «организационная культура». Оно раскрывается, как правило, в терминах повседневности и рутинности, традиций и привычек, стереотипов и стандартов, характерных для работников организации. Таким образом, в качестве предмета прикладной антропологии организаций мы рассматриваем социально-культурные закономерности и связи повседневной жизни организации:

1) закономерности формирования «внутренней» социокультурной среды организации (выработка культурных стандартов и образцов организации, создание благоприятного для решения приоритетных задач социально-психологического климата в коллективе, учет интересов и соблюдение баланса сил разнообразных социокультурных групп и т. д.);

2) закономерности формирования «внешней» социокультурной среды организации (поиск «зон согласия» с предполагаемыми союзниками организации, своевременная перестройка организационных структур управления в зависимости от характера воздействия среды и пр.);

3) закономерности «социального участия» работников организаций (активизация и вовлечение работников в процессы решения общезначимых проблем, не относящихся непосредственно к сфере компетенции организации, — благотворительность, экологическая безопасность, работа с территориальными структурами местного самоуправления и т. д.);

4) закономерности управления поведением работников организации (мотивация, организация контроля за поведением, управление «шансами» работников и пр.).

Структура прикладной антропологии организаций определяется, в свою очередь, характером практических задач. Она включает соответственно четыре основных тематических раздела: антропологию управления персоналом, антропологию связей с общественностью, антропологию социального участия и антропологию организационного поведения.

Маркс К. Капитал. Т. 1. – М., 1960 - С. 342–346. http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/

Глава одиннадцатая. Кооперация

Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма, в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере. Функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным. Но как специфическая функция капитала функция управления приобретает специфические характерные особенности.

Прежде всего, движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является возможно бóльшее самовозрастание капитала, т. е. возможно большее производство прибавочной стоимости, следовательно, возможно бóльшая эксплуатация рабочей силы капиталистом. Вместе с ростом массы одновременно занятых рабочих растет и их сопротивление, а в связи с этим неизбежно растет давление капитала, направленное на то, чтобы подавить это сопротивление.

Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и относящаяся к этому последнему; оно есть в то же время функция эксплуатации общественного процесса труда и, как таковая, обусловлено неизбежным антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации. Точно так же, по мере того как растут размеры средств производства, противостоящих

наемному рабочему как чужая собственность, растет необходимость контроля над их целесообразным применением. Кооперация наемных рабочих есть, далее, только результат действия капитала, применяющего этих рабочих одновременно. Связь их функций и их единство как производительного совокупного организма лежит вне их самих, в капитале, который их объединяет и удерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически — как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям.

Таким образом, если по своему содержанию капиталистическое управление носит двойственный характер, соответственно двойственности самого подчиненного ему производственного процесса, который, с одной стороны, есть общественный процесс труда для изготовления продукта, с другой стороны — процесс возрастания капитала, то по форме своей капиталистическое управление деспотично. С развитием кооперации в широком масштабе и деспотизм этот развивает свои своеобразные формы. Подобно тому как капиталист сначала освобождается от физического труда, как только капитал его достигает той минимальной величины, при которой только и начинается собственно капиталистическое производство, так теперь он передает уже и функции непосредственного и постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих особой категории наемных работников. Как армия нуждается в своих офицерах и унтер-офицерах, точно так же для массы рабочих, объединенной совместным трудом под командой одного и того же капитала, нужны промышленные офицеры (управляющие, managers) и унтер-офицеры (надсмотрщики, foremen, overlookers, contre-maitres), распоряжающиеся во время процесса труда от имени капитала. Работа надзора закрепляется как их исключительная функция. Сравнивая способ производства независимых крестьян или самостоятельных ремесленников с плантаторским хозяйством, покоящимся на рабстве,

экономист причисляет эту работу надзора к faux frais производства[37]. Напротив, рассматривая капиталистический способ производства, он отождествляет функцию управления, поскольку она вытекает из самой природы совместного процесса труда, с той же самой функцией, поскольку она вытекает из капиталистического, а следовательно, из антагонистического характера этого процесса[38]. Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности[39].

Рабочий является собственником своей рабочей силы лишь до тех пор, пока он в качестве продавца последней торгуется с капиталистом, но он может продать лишь то, чем он обладает, лишь свою индивидуальную, обособленную рабочую силу. Это отношение ничуть не изменяется от того, что капиталист закупает 100 рабочих сил вместо одной, заключает контракт не с одним рабочим, а с сотней не зависимых друг от друга рабочих. Капиталист может применить эти 100 рабочих, не устанавливая между ними кооперации. Следовательно, он оплачивает стоимость 100 самостоятельных рабочих сил, но не оплачивает комбинированной рабочей силы сотни. Как независимые личности, рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталу, но не друг к другу. Их кооперация начинается лишь в процессе труда, но в процессе труда они уже перестают принадлежать самим себе. С вступлением в процесс труда они сделались частью капитала. Как кооперирующиеся между собой рабочие, как члены одного деятельного организма, они сами представляют собой лишь

[37] Профессор Кернс, указав на «надзор за трудом» как на характерную черту рабовладельческого производства в южных штатах Северной Америки, продолжает: «Крестьянин-собственник <Севера>, присваивающий себе весь продукт своего труда, не нуждается в иных стимулах для труда. Надзор здесь совершенно не нужен».

[38] Сэр Джемс Стюарт, который вообще отличается тем, что видит характерные общественные особенности различных способов производства, замечает: «Почему же крупные предприятия в промышленности разрушают мелкое производство, как не потому, что они ближе подходят к простоте рабства?» (Principles of Political Economy. V. I. London, 1767. P. 167–168).

[39] Огюст Конт и его школа могли бы поэтому так же хорошо доказывать вечную необходимость феодальных господ, как они доказывали необходимость господ капиталистов.

особый способ существования капитала. Поэтому та производительная сила, которую развивает рабочий как общественный рабочий, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, как только рабочий поставлен в определенные условия, а капитал как раз и ставит его в эти условия. Так как общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу, так как, с другой стороны, она не развивается рабочим, пока сам его труд не принадлежит капиталу, то она представляется производительной силой, принадлежащей капиталу по самой его природе, имманентной капиталу производительной силой.

В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатами, египтянами, этрусками и т. д.

«В прошедшие времена случалось, что эти азиатские государства, осуществив расходы на свои гражданские и военные надобности, оказывались обладателями некоторого избытка жизненных средств, который они могли употреблять на великолепные или полезные сооружения. Благодаря тому что в их власти находились рабочие руки почти всего неземледельческого населения… и благодаря тому, что исключительное право распоряжаться указанным избытком принадлежало монарху и жрецам, они располагали средствами для возведения тех мощных монументов, которыми они покрыли страну… При установке колоссальных статуй и переноске огромных тяжестей, что вызывает изумление, расточительным образом применялся почти исключительно человеческий труд… Для этого достаточно было большого числа рабочих и концентрации их усилий. Так из глубины океана поднимаются мощные коралловые рифы и образуют острова и сушу, несмотря на то, что каждый индивидуальный участник (depositary) этого процесса ничтожен, слаб и жалок. Неземледельческие рабочие какой-либо азиатской монархии мало что могли приложить к делу, кроме своих индивидуальных физических сил, но самая их численность была силой, и

мощь единого управления этими массами породила эти гигантские сооружения. Именно концентрация в руках одного или немногих лиц тех доходов, за счет которых жили рабочие, сделала возможным такого рода предприятия»[40].

Чумаков А. Н. **Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2 (6). С. 3–15. http://www.socionauki.ru/journal/articles/130853/**

Общественное сознание в целом и индивидуальное в частности, за редким исключением, весьма инертно. Оно оперирует по большей части стереотипами и начинает реагировать на происходящие перемены лишь тогда, когда не реагировать уже нельзя, причем даже не столько в силу абсолютной очевидности свершившегося, сколько по причине доставляемых неудобств, а то и вовсе серьезной угрозы со стороны изменившейся реальности.

Не стала исключением и глобализация, разворачивающаяся по экспоненте с эпохи великих географических открытий и кардинально изменившая фрагментарный, регионально развивавшийся до этого мир в сторону формирования его в единое целое в планетарном масштабе. Мы видим и теперь многочисленные дискуссии относительно природы данного явления, равно как и пеструю палитру взглядов по поводу исторических рамок его появления или роли субъективного фактора в сфере глобальных изменений. А потому по сути риторическим становится вопрос: когда бы обратили внимание на процессы глобализации, не заяви они о себе к середине XX столетия глобальными проблемами и принципиально новыми угрозами всему мировому сообществу? Произошло бы это, по крайней мере, еще не скоро.

---

[40] *Jones R.* Text-book of Lectures etc. Hertford, 1852. P. 77–78. Староассирийские, египетские и т. п. коллекции в Лондоне и других европейских столицах служат для нас свидетельством этих кооперативных процессов труда.

Проблема, однако, на этом не заканчивается. Но основная суть ее теперь в том, что научная и общественная мысль, традиционно привыкшая смотреть на общее через призму отдельных его частей, и в изменившихся обстоятельствах в попытках осмыслить новую ситуацию остается в основном на прежних мировоззренческих и методологических позициях. Всё это сильно напоминает известную притчу о трех слепцах, наткнувшихся на слона, когда ухватившийся за хобот подумал, что это змея, обхвативший ногу решил, что это дерево, а упершийся в бок посчитал, что перед ним стена, и никто не понял, что все они имеют дело со слоном.

Нечто подобное происходит и с современным глобальным миром, который в результате многоаспектной глобализации по всем основным параметрам общественной жизни к началу XXI в., по существу, замкнулся и стал целостной системой[41]. Вместе с тем не только в общественном сознании, но и в научном сообществе всё еще отсутствует понимание того, что и трансформировавшийся таким образом мир, в котором мы живем, и имманентно связанная с ним глобализация вкупе с ее всевозможными последствиями не могут быть адекватно поняты иначе, нежели через призму единства и целостности этого мира.

Результатом такого положения дел является то обстоятельство, что, хотя важнейшие угрозы всему человечеству (опасность ядерной войны, экологические, демографические и т. п. глобальные проблемы современности) оказались в центре внимания уже в третьей четверти прошлого века, а глобализация как фундаментальная причина их появления вышла на первый план к концу столетия, *главное противоречие современной эпохи* тем не менее и теперь, к началу второго десятилетия текущего века, всё еще остается непонятым.

А суть его в том, что *под влиянием процессов глобализации мировое сообщество практически по всем параметрам общественной жизни всё*

---

[41] См.: *Чумаков А. Н.* Глобализация: контуры целостного мира. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 251–285.

больше становится единой целостной системой, тогда как механизмов управления, адекватных этой целостности, нет.

В данной ситуации более всего беспокоит не то, что такого управления сегодня не существует в принципе, а то, что оно целенаправленно не формируется. Более того, даже теоретические дискуссии на этот счет являются сегодня скорее исключением, а не предметом всеобщего внимания, как они того в полной мере заслуживают, хотя озабоченность складывающейся ситуацией явно нарастает. И это при том, что в отличие от *регулирования управление* вообще, а глобальное тем более, не может возникнуть стихийно. Об этом мы еще скажем ниже, но сейчас следовало бы указать на то, почему так происходит.

Во-первых, дело касается принципиально новой, беспрецедентной ситуации, ибо речь идет об управлении предельно сложной и масштабной социоприродной системой, с которой человек за всю свою историю еще никогда не сталкивался. При этом ситуация усугубляется тем, что накопленный человечеством опыт и апробированные подходы к решению комплексных проблем не годятся, тогда как новые еще не выработаны.

Во-вторых, мировое сообщество, несмотря на всё бóльшую взаимозависимость различных стран и народов, продолжает оставаться фрагментарным, разделенным на автономные, самоопределяющиеся структуры, которые функционируют по своим законам, преследуя прежде всего личные выгоды и интересы. Это и национальные государства, и транснациональные корпорации, и конфессиональные системы, например христианство, ислам, буддизм и др.

Наконец, сама глобализация и ее многочисленные последствия продолжают оставаться предметом серьезных дискуссий, за которыми часто теряется главное, а именно то, что глобализация — это прежде всего объективно-исторический процесс, а не специально запущенный кем-то проект или чьи-то коварные планы и замыслы.

Это важно подчеркнуть, так как если в осмыслении процессов и последствий глобализации идти от субъективного фактора, обращая внимание в первую очередь на то, кому она выгодна и кто как себя ведет в этой связи, то тогда начинаются поиски виноватых и разговоры о том, по чьему сценарию глобализация развивается. В этом случае мы сталкиваемся с неумением различать объективный, естественный ход событий общественного развития и субъективную деятельность людей, которая, конечно же, лежит в основе такого развития, но недостаточна, чтобы без адекватных структур и механизмов осуществлять управление сложными системами. А в глобальном масштабе дела сегодня именно так и обстоят — адекватных целостному, глобальному миру структур и механизмов для управления им не существует. Вот почему, на мой взгляд, такие подходы, когда пытаются найти виновных или ответственных за глобализацию, являются по сути своей неконструктивными. Более того, они порождают те иллюзии, будто, разоблачив коварные замыслы особо заинтересованных в глобализации, мы сможем таким образом изменить ход событий, тогда как все это лишь запутывает дело и уводит в сторону от реального решения насущных проблем.

Когда же глобализация понимается преимущественно как объективно-исторический процесс (а я придерживаюсь именно этой точки зрения), то пути решения связанных с нею всевозможных последствий и задач, в том числе и управления социальными системами, следует искать в первую очередь в области структурных изменений мирового социума. Исходным пунктом такого подхода является то положение, что сложные системы, во всяком случае биосистемы, как и биосфера в целом (составной частью которой является и человек), в своем развитии регулируются естественным образом, подчиняясь действию естественных законов. Мы можем говорить в этом случае о саморегуляции сложных систем.

Общественные же системы в дополнение к этому еще и управляются, так как в их развитии важную роль играет активное начало — человек, который в

пределах своих возможностей осознанно влияет на различные параметры развития. Вполне очевидно, что общественная система, формирующаяся в масштабе всей планеты, также должна соответствующим образом не только *регулироваться,* но и *управляться*. На это необходимо обратить особое внимание, так как принципиально важно проводить различие между *регулированием* и *управлением,* ибо это не одно и то же.

Так, *регулирование* (от лат. *regulo* — устраивать, налаживать, приводить в порядок) следует понимать как самопроизвольный процесс или преднамеренные действия, направленные на обеспечение функционирования той или иной системы в пределах параметров, заданных естественным или искусственным путем.

Управление же в отличие от регулирования естественным путем не возникает и стихийно не происходит. Оно всегда предполагает наличие субъективного фактора и характеризуется более сложной структурой отношений между субъектом и объектом. Управление тесно коррелирует с такими понятиями, как «управа», «право», и представляет собою процесс или действия, сознательно осуществляемые с целью достижения определенного результата. В основе такой деятельности лежит предустановленный порядок поведения, сопряженный с творческой активностью субъекта, принимающего решения не только на основе предначертанных норм и правил, но и в зависимости от изменения ситуации.

Кастельс М. **Информационная эпоха: экономика, общество и культура. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/02.php.**

1. Информационно-технологическая революция

«Постепенность, — писал палеонтолог Стивен Дж. Гоулд, — есть идея, гласящая, что все изменения должны происходить гладко, медленно и непрерывно. Эта идея вовсе не была высосана из пальца. Она представляет

собой общий культурный предрассудок и отчасти реакцию либерализма девятнадцатого столетия на охваченный революцией мир. Но она продолжает окрашивать наше якобы объективное прочтение истории жизни...

История жизни, как я ее читаю, есть серия стабильных состояний, отмеченная в редкие моменты крупными событиями, которые происходят с огромной быстротой и помогают становлению следующей эпохи стабильности». Моя отправная точка, и в этом я не одинок, состоит в том, что в конце двадцатого столетия мы переживаем один из этих редких в истории моментов. Момент этот характеризуется трансформацией нашей «материальной культуры» через работу новой технологической парадигмы, построенной вокруг информационных технологий.

Под технологией я понимаю, вслед за Харви Бруксом и Дэниэлом Беллом, «использование научного знания для определения способов изготовления вещей в *воспроизводимой* манере». В информационные технологии я включаю, как и все, *сходящуюся совокупность* технологий в микроэлектронике, создании вычислительной техники (машин и программного обеспечения), телекоммуникации/вещании и оптико-электронной промышленности.

В дополнение, в отличие от некоторых аналитиков, я включаю в область информационных технологий генную инженерию и расширяющееся множество ее достижений и применений. *Во-первых*, потому, что генная инженерия сосредоточена на декодировании, управлении и возможном перепрограммировании информационных кодов живой материи. Но также и потому, что в 1990-х гг. биология, электроника и информатика, по-видимому, сближаются и взаимодействуют в области применений, открытия новых материалов и, что более фундаментально, в своем концептуальном подходе, что заслуживает дальнейшего упоминания ниже в этой главе. Вокруг этого ядра информационных технологий, в описанном выше широком смысле, возникает в последние два десятилетия XX в. созвездие крупных технологических прорывов в области новых материалов, источников

энергии, в медицине, в производственной технике (наличной или потенциальной, как нанотехнология), в том числе в транспортной технологии. Более того, нынешний процесс технологической трансформации расширяется экспоненциально, поскольку он способен создать интерфейс между технологическими полями через общий цифровой язык, на котором информация создается, хранится, извлекается, обрабатывается и передается. Мы живем в мире, который, по выражению Николаса Негропонте, сделался цифровым.

Пророческие преувеличения и идеологические манипуляции, характеризующие большинство рассуждений, касающихся информационно-технологической революции, не должны привести нас к недооценке ее поистине фундаментального значения. Она, как я попытаюсь показать в этой книге, является крупным историческим событием. В отличие от любой иной революции, *ядро* трансформации, которую мы переживаем теперь, связано с *технологиями обработки информации и коммуникацией.* Для этой революции информационная технология является тем же, чем новые источники энергии были для индустриальных революций, начиная от паровой машины и далее к электричеству, ископаемому топливу и даже к атомной энергии, поскольку производство и распределение энергии было ключевым элементом индустриального общества. Однако утверждение о выдающейся роли информационной технологии часто путают с характеристикой нынешней революции, как существенно зависящей от нового знания и информации.

Первая индустриальная революция, не будучи основана на науке, все же опиралась на широкое использование информации, применяя и развивая существовавшие до этого знания. А вторая индустриальная революция — после 1850 г. — характеризовалась решающей ролью науки в развитии инноваций

Нынешнюю технологическую революцию характеризует не центральная роль знаний и информации, но применение таких знаний и

информации к генерированию знаний и устройствам, обрабатывающим информацию и осуществляющим коммуникацию, в кумулятивной петле обратной связи между инновацией и направлениями использования инноваций. Это положение может прояснить следующая иллюстрация.

Использование новых телекоммуникационных технологий в последние два десятилетия прошло через три отчетливых этапа: автоматизация задач, экспериментирование над использованием, реконфигурация применений.

На первых двух этапах технологическая инновация прогрессировала через обучение *путем пользования,* в терминологии Розенберга.

На третьей стадии пользователи обучались технологии, *делая* ее, и заканчивали, перестраивая сети и находя новые области применения. Обратная связь между введением новой технологии, пользованием ею и продвижением ее в новые области проходит в новой технологической парадигме намного быстрее.

В результате распространение технологии бесконечно увеличивает ее мощь по мере того, как технология усваивается и переопределяется ее пользователями. Новые информационные технологии являются не просто инструментами, которые нужно применить, но процессами, которые нужно разрабатывать. Пользователи и создатели могут объединиться в одном лице. Так, пользователи могут захватить контроль над технологией, как в случае с Интернетом. Отсюда следует тесная связь между социальными процессами создания и манипулирования символами (культурой общества) и способностью производить и распределять товары и услуги (производительными силами). Впервые в истории человеческая мысль стала непосредственной производительной силой, а не просто решающим элементом производственной системы.

Таким образом, компьютеры, коммуникационные системы, генетическое декодирование и программирование — всё это служит усилению и расширению человеческой мысли. То, что мы думаем и как мы думаем, находит выражение в товарах, услугах, материальной и

интеллектуальной продукции, будь то пища, кров, транспортные и коммуникационные системы, компьютеры, ракеты, образование, здравоохранение или образы.

Растущая интеграция между мыслями и машинами, включая механизм ДНК, ликвидирует то, что Брюс Мазлиш назвал «четвертым разрывом» (разрывом между человеческими существами и машинами), фундаментально меняя то, как мы рождаемся, живем, учимся, работаем, производим, потребляем, грезим, сражаемся или умираем.

Разумеется, культурные институциональные контексты и целенаправленные социальные действия решающим образом взаимодействуют с новой технологической системой. Но эта система имеет свою собственную встроенную логику, характеризуемую способностью переводить всю вложенную в нее информацию в общую информационную систему и обрабатывать такую информацию с растущей скоростью, с растущей мощностью, с убывающими затратами, в потенциально всеобъемлющей поисковой и распределительной сети.

Есть одна дополнительная черта, характеризующая информационно-технологическую революцию по сравнению с ее историческими предшественницами.

Технологические революции имели место лишь в немногих обществах и распространялись в относительно ограниченных регионах, нередко изолированных в пространстве и во времени по сравнению с другими регионами планеты. Так, в то время как европейцы заимствовали некоторые открытия, сделанные в Китае, Китай и Япония на протяжении многих столетий усваивали европейскую технологию только в очень ограниченных рамках, сведенных главным образом к ее военным применениям.

Контакт между цивилизациями, стоявшими на разных технологических уровнях, часто принимал форму разрушения наименее развитых или тех, которые применяли свои знания в основном к невоенной технологии, как было в случае американских цивилизаций, уничтоженных испанскими

завоевателями, иногда путем непреднамеренной биологической войны. Индустриальная революция распространялась на большую часть земного шара со своих родных западноевропейских берегов в течение последующих двух столетий. Но ее распространение было высокоселективным, а его темп, по нынешним стандартам распространения технологий, довольно медленным.

И действительно, даже в Британии середины XIX в. сектора экономики, в которых было занято большинство рабочей силы, дававшие по меньшей мере половину валового национального продукта, не были затронуты новыми индустриальными технологиями.

Конечно, в мире имеются большие области и значительные сегменты населения, не включенные в новую технологическую систему, — в этом как раз и состоит один из центральных аргументов этой книги. Далее, скорость технологического распространения селективна, как социально, так и функционально. Люди, страны и регионы получают доступ к технологической мощи в различные сроки, и в этом критически важный источник неравенства в нашем обществе.

2. Информациональная экономика и процесс глобализации

В последние два десятилетия в мире появилась экономика нового типа, которую я называю информациональной и глобальной, что позволяет определить ее отличительные черты и взаимосвязь между ними.

Итак, *информациональная* — так как производительность и конкурентоспособность факторов или агентов в этой экономике (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях.

Глобальная — потому что основные виды экономической деятельности, такие как производство, потребление и циркуляция товаров и услуг, а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информация, технология,

рынки) организуются в глобальном масштабе, непосредственно либо с использованием разветвленной сети, связывающей экономических агентов.

И наконец, информациональная *и* глобальная — потому что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существование конкуренции возможны лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети. Глобальная сеть появилась в последней четверти XX в. как результат революции в области информационных технологий, предоставившей необходимую материальную базу для создания такой новой экономики. Здесь есть историческая взаимосвязь между лежащими в основе экономики знанием и информацией, их глобальной распространенностью и революцией в сфере информационных технологий, которая породила новую, отличную от ранее существовавшей экономическую систему.

Как известно, информация и знание всегда являлись важными составляющими экономического роста, а развитие технологии во многом определило производительность общества, уровень жизни, а также социальные формы экономической организации. Кроме того, мы в настоящее время находимся в точке исторического разрыва.

Появление новой технологической парадигмы на основе более мощных и гибких информационных технологий сделало возможным превращение информации как таковой в продукт производственного процесса. Точнее, продуктами новой индустрии информационных технологий являются устройства для обработки информации или сам процесс анализа и обработки информации.

Трансформируя процесс обработки информации, новые информационные технологии оказывают влияние на все сферы человеческой деятельности и делают возможным установление бесчисленных связей между различными областями, так же как и между элементами и агентами этой деятельности. Появление экономики с сетевой структурой и глубокой взаимозависимостью элементов позволяет все больше применять ее достижения в технологии,

знании и управлении как технологией и знанием, так и самим управлением. Этот замкнутый круг позволит достичь большей производительности и эффективности при наличии необходимых условий для одинаково глубоких организационных и институциональных перемен. Оценим историческую специфику новой информациональной глобальной экономики, чтобы обозначить ее основные черты и рассмотреть структуру и динамику мировой экономической системы, находящейся в процессе перехода к информациональному типу развития, который с наибольшей вероятностью характеризует предстоящие десятилетия.

Кастельс М. **Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. http://eelmaa.net/dld/blog/setestruct.pdf.**

Исследование зарождающихся социальных структур позволяет сделать следующее заключение: в условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы всё больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью. Да, сетевая форма социальной организации существовала и в иное время, и в иных местах, однако парадигма новой информационной технологии обеспечивает материальную основу для всестороннего проникновения такой формы в структуру общества. Более того, я готов утверждать, что подобная сетевая логика влечет за собой появление социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, находящие свое выражение путем формирования подобных сетей: власть структуры оказывается сильнее структуры власти.

Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой наряду с динамикой одних сетей по отношению к другим выступают в качестве важнейших источников власти и перемен в нашем обществе; таким образом, мы вправе охарактеризовать его как общество сетевых структур (network society), характерным признаком которого является доминирование социальной морфологии над социальным действием. Прежде всего я хотел бы дать определение понятию сетевой структуры, коль скоро последняя играет столь важную роль в моей характеристике общества информационного века. Сетевая структура представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов. Конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь. К ним относятся рынки ценных бумаг и обслуживающие их вспомогательные центры, когда речь идет о сети глобальных финансовых потоков. К ним относятся советы министров различных европейских государств, когда речь идет о политической сетевой структуре управления Европейским союзом. К ним относятся поля коки и мака, подпольные лаборатории, тайные взлетно-посадочные полосы, уличные банды и финансовые учреждения, занимающиеся отмыванием денег, когда речь идет о сети производства и распространения наркотиков, охватывающей экономические, общественные и государственные структуры по всему миру. К ним относятся телевизионные каналы, студии, где готовятся развлекательные передачи или разрабатывается компьютерная графика, журналистские бригады и передвижные технические установки, передающие и получающие сигналы, когда речь идет о глобальной сети новых средств информации, составляющей основу для выражения культурных форм и общественного мнения в информационный век. Согласно закону сетевых структур расстояние (или интенсивность и частота взаимодействий) между двумя точками (или социальными положениями) короче, когда обе они выступают в качестве узлов в той или иной сетевой структуре, чем когда они не принадлежат к одной и той же сети. С другой стороны, в рамках той или

иной сетевой структуры потоки либо имеют одинаковое расстояние до узлов, либо это расстояние вовсе равно нулю. Таким образом, расстояние (физическое, социальное, экономическое, политическое, культурное) до данной точки находится в промежутке значений от нуля (если речь идет о любом узле в одной и той же сети) до бесконечности (если речь идет о любой точке, находящейся вне этой сети). Включение в сетевые структуры или исключение из них, наряду с конфигурацией отношений между сетями, воплощаемых при помощи информационных технологий, определяет конфигурацию доминирующих процессов и функций в наших обществах. Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникационные коды (например, ценности или производственные задачи). Социальная структура, имеющая сетевую основу, характеризуется высокой динамичностью и открыта для инноваций, не рискуя при этом потерять свою сбалансированность. Сети оказываются институтами, способствующими развитию целого ряда областей: капиталистической экономики, основывающейся на инновациях, глобализации и децентрализованной концентрации; сферы труда с ее работниками и фирмами, основывающейся на гибкости и адаптируемости; сферы культуры, характеризуемой постоянным расчленением и воссоединением различных элементов; сферы политики, ориентированной на мгновенное усвоение новых ценностей и общественных умонастроений; социальной организации, преследующей задачу завоевания пространства и уничтожения времени. Одновременно морфология сетей выступает в качестве источника далеко идущей перестройки отношений власти. Подсоединенные к сетям «рубильники» (например, когда речь идет о переходе под контроль финансовых структур той или иной империи средств информации, влияющих на политические процессы) выступают в качестве орудий осуществления власти, доступных лишь избранным. Кто управляет таким рубильником, тот

и обладает властью. Поскольку сети имеют множественный характер, рабочие коды и рубильники, позволяющие переключаться с одной сети на другую, становятся главными рычагами, обеспечивающими формирование лица общества наряду с руководством и манипулированием таким обществом.

Сближение социальной эволюции с информационными технологиями позволило создать новую материальную основу для осуществления таких видов деятельности, которые пронизывают всю общественную структуру. Эта материальная основа, на которой строятся все сети, выступает в качестве неотъемлемого атрибута доминирующих социальных процессов, определяя тем самым и саму социальную структуру. Таким образом, можно говорить о том, что новые экономические формы строятся вокруг глобальных сетевых структур капитала, управления и информации, а осуществляемый через такие сети доступ к технологическим умениям и знаниям составляет в настоящее время основу производительности и конкурентоспособности.

Компании, фирмы и, во всё большей степени, другие организации и институты объединяются в сети разной конфигурации, структура которых знаменует собой отход от традиционных различий между крупными корпорациями и малым бизнесом, охватывая сектора и экономические группы, организованные по географическому принципу. Поэтому трудовые процессы обретают всё более индивидуализированный характер, происходит фрагментизация деятельности в зависимости от производственных задач с ее последующей реинтеграцией для получения конечного результата. Это находит свое проявление в осуществлении взаимосвязанных задач в различных точках земного шара, что означает новое разделение труда, основывающееся на возможностях и способностях каждого работника, а не на характере организации данной задачи. Ориентация на сетевые формы управления и производства отнюдь не означает заката капитализма. Общество сетевых структур, в любых его институциональных воплощениях, в настоящее время является буржуазным обществом. Более того,

капиталистический способ производства сегодня впервые определяет социальные взаимоотношения повсюду в мире. Однако эта разновидность капитализма коренным образом выделяется на фоне своих исторических предшественников. Ее отличают два главных признака: она носит всемирный характер и в значительной степени строится вокруг сети финансовых потоков.

***Вебер А. Б.* Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1 (3), С. 3–15. http://www.socionauki.ru/journal/articles/129887/**

Развитие современной цивилизации со всей остротой ставит проблему «приручения» стихийных процессов, то есть глобального управления (или, точнее, управляемости — global governance). Она широко обсуждается, но по-разному трактуется. Разразившийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис дал новый импульс ее обсуждению, резко высветив разительное несоответствие между реальной финансово-экономической глобализацией мира и отставанием политической глобализации, — по сути, отсутствием адекватного вызовам XXI в. политического мироустройства...

В поисках модели мироустройства

Эволюция человечества всегда была и в значительной мере остается стихийным процессом. Неотъемлемое свойство стихийных процессов — их инерционность. Формы социальной жизни закрепляются и воспроизводятся посредством религиозных верований, обычаев, моральных и правовых норм, политических институтов. В условиях медленных или сравнительно медленных темпов развития это не создавало проблем глобального масштаба. Но в XX в. положение человечества радикально изменилось. Модели мирового развития, основанные на экстраполяции в будущее сегодняшних

реальных тенденций, определенно указывают на снижение способности обществ адаптироваться к новым условиям в порядке «самонастройки». Негативные тенденции и угрозы нарастают быстрее, чем сказываются результаты спорадических, разрозненных и постоянно запаздывающих усилий поставить их под контроль.

Пытаясь обнаружить то «твердое ядро» в организации мирового общества, которое может придать ему целостность, идентичность и способность ответить на вызовы времени, исследователи приходят к выводу, что его следует искать в проблематике международного управления. Проблема глобального управления (управляемости) уже давно витает в воздухе. Серьезные наблюдатели признают: «Наша планета плохо управляется» (Г. Шмидт), некоторые идут дальше, квалифицируя состояние мировой системы как близкое к хаосу.

Проблема управления, управляемости, способности управлять является, по существу, центральной в современной глобалистике. Естественным представляется связывать повышение степени управляемости глобальными процессами с ООН, с укреплением ее авторитета. Значение этого широко признается, предложений о реформе ООН выдвинуто немало. Среди них — рекомендации, которые содержатся в докладе «Более безопасный мир: наша общая ответственность», подготовленном в свое время по поручению Кофи Аннана Группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам (2004), а также в ряде других докладов, опубликованных позднее.

При всей важности повышения авторитета и эффективности ООН, этого недостаточно. Эффективное управление невозможно без управляющих органов, наделенных властными полномочиями. Применительно к глобальному социуму речь идет об институтах наднациональной власти, тогда как ООН может действовать лишь с согласия представленных в ней национальных государств (а их более 190). Существующая международная институциональная система не может обеспечить должного уровня управляемости глобальными процессами. В отсутствие институтов,

обладающих необходимыми властными полномочиями, и упирается, по существу, проблема обретения человечеством качеств субъекта, способного направлять свое развитие...

К идее мирового правительства обращались политические мыслители XVIII в., развивая концепцию всеобщих естественных прав, которые требовали воплощения в какой-то всеобщей политической структуре. Интерес к этой идее подстегнули мировые войны XX в. и осознание глобальных проблем. С этой идеей выступали в свое время Фердинанд Теннис, Торстейн Веблен, Бертран Рассел, Альберт Эйнштейн, Андрей Сахаров и др.

…Поэтому параллельно получила развитие идея всемирной федерации государств. Первым ее артикулировал, по-видимому, Иммануил Кант: в его трактате «Вечный мир» (1795) проводилась та мысль, что суверенные национальные государства морально обязаны не допустить войны и международной анархии, отдав себя под цивилизованную власть закона. В XX в. эта идея воплотилась в федералистских теориях и движениях, которые возникли еще в 30-е гг., затем получили развитие после Первой мировой войны, особенно в конце 40-х и в начале 50-х гг. прошлого века. Возникли различные организации, которые создали Всемирную ассоциацию федералистов, принявшую затем название «Мировое федералистское движение». В противовес Уставу ООН стали появляться проекты всемирных конституций: самая ранняя — в 1948 г., позднее — проект конституции Федерации Земли (1968) и десятки других (известно до 150 таких проектов).

В конце 60-х гг. прошлого столетия под руководством Сола Мендловица и Ричарда Фолка (США) был предпринят международный исследовательский проект по моделированию мирового порядка (World Order Model Project), в котором приняли участие ученые из многих стран, в том числе наши соотечественники Э. Араб-Оглы, И. Бестужев-Лада и др. Исследования фокусировались главным образом на поиске и обосновании какой-то формулы глобального управления. При этом одни, как С. Мендловиц, К. Ф.

Вайцзеккер, высказывались в пользу идеи мирового правительства, другие, как Р. Фолк, усматривали в этом крайность, которой следует избегать. Последний разработал концепцию «центральной направляющей системы» (Central Guidance System, или Human Guidance). Близкой позиции придерживался Эдвин Ласло; он, в частности, развивал концепцию саморегулирующейся мировой системы, действующей на основе принципа обратных связей (World Homeostat System).

В этом направлении развивали свои идеи и авторы некоторых докладов Римскому клубу. По инициативе последнего была разработана серия моделей, существенно поколебавших традиционный взгляд, согласно которому социально-экономические проблемы и противоречия человеческого общества всегда разрешаются сами собой. Приводились серьезные, обоснованные аргументы в пользу качественно иного уровня организации мирового сообщества. В обобщающем докладе «Первая глобальная революция», представленном от имени Совета Римского клуба, предлагаемая стратегия на XXI в. фокусировалась на вопросах управления и способности управлять.

Проблематика глобального управления привлекла внимание лидеров Социалистического интернационала: в 1992 г. была образована Комиссия по глобальному управлению и сотрудничеству, которую возглавили Ингвар Карлссон (Швеция) и Шридат Рэмфал (Гайяна); в подготовленном под их руководством докладе “Our Global Neighbourhood” (1995) обосновывалась идея управляемости мирового развития. XXII Конгресс Социнтерна (Сан-Паулу, Бразилия, 2003) одобрил декларацию, в которой были изложены взгляды и предложения по вопросам глобализации и глобального управления, а также доклад «Управление в глобальном обществе — социал-демократический подход». На необходимость включения инструментов глобального управления в международное право указывалось и в докладе Совета взаимодействия (1992), созданного в свое время бывшим канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом.

Говоря о глобальном управлении, следует подчеркнуть, что это прежде всего управление процессами, а не территориями. Управление не «вместо» национальных государств, а вместе с ними. Укрепление института государства — важнейшее условие создания более стабильного и управляемого мирового порядка. Глобальное управление подразумевает и механизмы саморегулирования на основе использования международно признанных индикаторов — измеряемых и поддающихся проверке параметров, соблюдение которых необходимо, чтобы обеспечить желаемый вектор изменений.

Татаринова Г. Н. **Управление общественными отношениями. СПб., 2004. http://www.studfiles.ru/preview/1455843.**

2.1. Организация как система

…Что означает системный подход применительно к социальной реальности? Любая организация (фирма или партия, к примеру) представляет собой часть более обширного целого, более крупной системы. Так, поставщики, клиенты, акционеры — составляющие системы, частью которой является фирма. Избиратели, органы власти — составляющие системы, частью которой является партия. Все элементы системы взаимодействуют между собой, подвергаются взаимному влиянию.

В то же время каждая организация также состоит из определенных элементов (подразделений, филиалов и т. д.), то есть тоже представляет собой систему. Существуют термины, помогающие ориентироваться в данном подходе. Сверхсистема — это совокупность организаций, групп, внешних по отношению к нашей фирме, но связанных с ней. Подсистема — это наша фирма по отношению к сверхсистеме. Как же определяется уровень системы в каждом конкретном случае? Всё зависит от цели, ради которой применяется системный подход. Если наша задача — анализ деятельности

филиала фирмы, то мы рассматриваем филиал как систему (следовательно, фирма в целом уже выступает как сверхсистема). Точка отсчета — система и ее взаимодействие с элементами внутри и вне ее. В этом процессе есть свои закономерности, которые нам важно знать и применять в практике ПР.

Основополагающим в теории систем является процесс взаимодействия с внешней средой. Под внешней средой понимается всё, что оказывает внешние воздействия на систему (материальное воздействие, информация, энергетическое воздействие и т. д.). Все системы (механические, органические, социальные) классифицируются по характеру взаимодействия с внешней средой. Крайними точками в этой классификации являются закрытые и открытые системы.

Закрытые системы отличаются непроницаемостью своих границ для внешних воздействий. Они не способны реагировать на эти воздействия, они нечувствительны к этим воздействиям. Закрытые системы не приспосабливаются к изменениям в окружающей среде и в конце концов распадаются.

Открытые системы имеют проницаемые границы, позволяющие свободно взаимодействовать с окружающей средой, адаптироваться к ее изменениям (то есть приспосабливаться или противостоять).

Социальные системы редко встречаются как открытые или закрытые в чистом виде, чаще всего это относительно закрытые и относительно открытые. Мы увидим в дальнейшем, насколько существенно это различие.

Нам необходимо более детально представлять механизм взаимодействия открытой системы с окружающей средой. Идеальное (то есть желаемое, гармоничное) состояние называется целевым состоянием системы… Это своего рода точка отсчета. Проницаемые границы пропускают воздействия внешней среды в виде входных сигналов, которые пытаются воздействовать на целевое состояние системы. Что же происходит далее? В целевом состоянии системы происходят отклонения. Информация об этих отклонениях называется обратной связью. Она воздействует на деятельность

системы, на ее процессы, в результате появляются выходные сигналы. На этом этапе важно усвоить, что выходные сигналы бывают двух типов: внутренние и внешние. Внутренние выходные сигналы действуют, не выходя за границы системы, вызывают определенные изменения целевых состояний и таким образом помогают системе выжить. Выходные сигналы проходят через границы системы и воздействуют на внешнюю среду системы, изменяют ее, таким образом тоже содействуя выживанию открытой системы. Как видим, относительно открытые системы вынуждены находиться в состоянии постоянных изменений, чтобы сохраниться.

Воздействия внешней среды (входные сигналы) могут быть различными по силе влияния на изменения системы. Рассмотрим первый вариант: входные сигналы вызвали обратную связь, которая не меняет структуру и процессы системы, но через внутренние выходные сигналы меняет целевое состояние. Система продолжает функционировать без серьезных изменений.

Пример. Можно рассмотреть такую ситуацию: городская газета «Тема дня» перестала получать дотации из бюджета, которые составляли 30 % ее бюджета, — руководству пришлось сократить тираж, уменьшить размеры гонораров и штат сотрудников. Редакция газеты как система продолжает функционировать. Она приспособилась к входным сигналам, не подвергаясь особым изменениям.

Такого рода обратная связь называется отрицательной (она несет информацию об отклонении, требующем настройки), а процесс реагирования системы на входные сигналы — гомеостазисом. Это процесс изменений, который не влияет существенным образом на характер деятельности системы. Как правило, он сопровождается действиями «урезать», «сократить», «приостановить». Это процесс поддержания стабильности, но всё же процесс изменений, а не стагнации, застоя.

Пример. Продолжим рассматривать пример с городской газетой «Тема дня». Представим, что сокращение тиража и другие названные выше изменения вызвали бурную реакцию конкурентов, было создано негативное

общественное мнение о ней как об издании несамостоятельном, зависимом и несерьезном. Редакции пришлось пойти на существенные изменения концепции газеты, уделить большее внимание защите интересов граждан, опубликовать несколько смелых расследований, усилить интерактивное начало. Редакция осуществила серьезную перестройку, обрела новый этап развития.

Такого рода обратная связь называется положительной (она несет информацию о реакции на отклонение), а процесс изменений в системе — морфогенезом. Он сопровождается развитием системы и, как правило, созданием новых направлений деятельности. Если обратиться к приведенной выше схеме, морфогенез — это целенаправленное изменение структуры и процесса через положительную обратную связь. Причем далеко не всегда морфогенез сопровождается изменениями в целевых состояниях системы.

Можно сделать вывод, что все относительно открытые системы обладают способностью к адаптации, всё дело в характере этой адаптации, что, в свою очередь, зависит от самой организации.

Подобный взгляд, на основе системного подхода, позволяет увидеть во всей полноте роль и функции ПР в жизни организаций и общества. «…PR представляют собой часть того, что специалисты по теории организаций называют адаптивной подсистемой, — в отличие от производственной и управленческой подсистем, а также подсистемы материально-технического снабжения и вывоза отходов и подсистемы техобслуживания. Управленческая подсистема предназначена для “управления, вынесения решений и контроля” других подсистем».

Урсул А. Д. **Глобальное управление: эволюционные перспективы[42] // Век глобализации. 2009. № 1 (3), С. 16–27. http://www.socionauki.ru/journal/articles/242959/**

[42] Дополнительно по этой теме см.: *Ильин И. В., Урсул А. Д.* Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М., 2009; *Кинг А., Шнейдер Б.* Первая глобальная революция. М., 1991.

Становление глобального управления как эволюционная необходимость

Глубинная причина усиления интереса к проблеме глобального управления заключается в необходимости кардинального изменения течения глобальных процессов (особенно глобализации), в которых нарастают негативные тенденции и последствия, вызывая дальнейшее обострение глобальных проблем. В глобальных проблемах концентрируются в основном негативные последствия как глобализации, так и предшествующего мирового развития и обостряются противоречия, которые угрожают общемировыми катастрофическими последствиями…

Эволюционное видение глобальных процессов — это естественный шаг в их познании, и такой подход помогает в более эффективном их использовании в становлении глобальной деятельности, особенно глобального управления. Становится едва ли не очевидным, что в центр внимания глобальных исследований постепенно выходят такие понятия, как глобальное развитие и глобальное управление.

Поскольку стихийная эволюция глобальных процессов ведет к усилению негативных последствий и даже угрожает катастрофами, то появилась идея: некоторые из этих процессов, зависящие от антропогенной деятельности, постепенно трансформировать в желаемом позитивном направлении. А это требует формирования принципиально нового типа управления — глобального управления социальной и социоприродной деятельностью. Важно сформировать такую теорию глобальных процессов и глобального развития, в которой можно было бы не просто описывать объективно-стихийно происходящее в глобальном мире, но и предусмотреть возможность становления глобального управления...

Важно обратить внимание на то, что появление этой глобальной формы знания оказалось не просто необходимым, но и, как сейчас становится понятным, более важным для формирования глобального управления, чем процесс глобализации знания и сознания. Это связано с тем, что глобальное

знание намного быстрее формирует глобальное сознание в качестве будущего коллективного общепланетарного интеллекта (в перспективе — ноосферного интеллекта), чем процесс его глобализации, на пути которого обнаруживаются серьезные проблемы и трудности антиинтегративно-негативного характера. Именно глобальное знание и, на его основе, глобальное сознание окажутся главной интеллектуальной основой расширяющегося масштабного ускоренного формирования глобального управления, причем проблема управления и управляемости, по мнению А. Б. Вебера, является центральной в современной глобалистике[43].

Глобальное управление будет реализовываться различными способами и в разных направлениях (кстати, совпадающих с направлениями глобализации — глобализационными процессами), например с помощью экономических, политических, экологических и других социальных форм и действий и т. д. Уместно обратить внимание на то, что в своем целостном виде глобальное управление может появиться лишь в будущем, когда глобализация будет вступать в свою следующую, может быть и не «завершающую» стадию, под которой мы имеем в виду управляемый переход в планетарном масштабе к устойчивому развитию (УР). Причем процессы глобализации при переходе к УР и становление глобального управления весьма тесно взаимосвязаны, прогресс в одном направлении будет стимулировать продвижение в другом, о чем пойдет речь в следующем разделе статьи.

Глобальное управление необходимо и для оптимального развертывания геополитических процессов в контексте УР, которые также существенно глобализируются, происходит «эрозия» Вестфальской системы, акторами мировой политики, кроме государств, всё активнее выступают международные и всемирные организации, глобальные города, транснациональные корпорации, геоцивилизации, которым от государств постепенно передается ряд властных полномочий, в том числе и в геополитическом ракурсе. Властные полномочия при становлении

[43] *Вебер А. Б.* Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1. С. 10.

глобального управления постепенно «переносятся» с конкретной территории на всю территорию планеты и на специально создаваемую глобальную структуру (например, всемирную организацию, ТНК) и на определенный глобализационный процесс…

Глобальное управление, глобализация и устойчивое развитие

Проблема глобального управления является дискуссионной (см., например, статьи А. Н. Чумакова и Г. А. Дробот по этой проблеме в журнале «Век глобализации»[44]). Ведь с точки зрения традиционных научных дисциплин, например теории международных отношений или даже мировой политики, формирование глобального управления представляется весьма трудным или даже невозможным процессом. В этой связи уместно обратить внимание на то, что как упомянутые научные дисциплины и направления, так и подавляющая часть социально-гуманитарного знания формировались в модели неустойчивого развития, которая исходит из хаотично-стихийного развития фрагментов (субъектов) человеческой цивилизации, где управление в основном ограничивалось государственным уровнем. Лишь в мировой политике как научном направлении в самое последнее время отдельными учеными начала упоминаться концепция устойчивого развития (УР). Между тем, как было сказано выше, переход к устойчивому развитию как новый эволюционный глобальный процесс настоятельно требует формирования глобального управления, ибо без него такой переход в принципе невозможен. Тем самым налицо противоречие между традиционными научными отраслями знания и новыми концепциями, ориентированными на переход к УР.

Формирование глобального управления в литературе довольно часто обсуждается вне связи с устойчивым развитием, однако в условиях перехода глобализационных процессов социального и социоприродного характера на

[44] *Чумаков А. Н.* Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 1. С. 3–15; *Он же.* Проблема управления как повод для дискуссии // Век глобализации. 2012. № 2. С. 35–42; *Дробот Г. А.* Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. 2011. № 2. С. 41–52.

упомянутую цивилизационную стратегию вряд ли это целесообразно. Имеется точка зрения, что исследование способов и методов перехода к УР является, по сути, целью современной науки глобалистики[45]. Однако, соглашаясь, что этим действительно должна заниматься также и глобалистика, следует обратить внимание на то, что данную область исследований интересует гораздо более широкий круг проблем. Устойчивое развитие должно изучаться не только с позиций глобалистики и особенно того направления, которое связывается с изучением будущего глобальных процессов, то есть с позиций футуроглобалистики.

Не только глобалистике и глобальным исследованиям, но и всей науке в целом необходимо будет усилить внимание к исследованию нового, нарождающегося в наше время глобального процесса — устойчивого развития. С этой точки зрения глобальное управление приобретает новое видение и более реальные перспективы своего воплощения в будущем. И хотя в глобальном управлении будет нуждаться не только переход к устойчивому развитию, но и многие другие глобальные процессы, тем не менее главная функция этого типа управления будет связана с управляемым движением к глобальной устойчивости. А в более отдаленной перспективе глобальное управление поможет реализации и другого глобального процесса — ноосферогенеза (становления сферы разума), хотя В. И. Вернадский и предполагал стихийный переход биосферы в ноосферу[46].

***Ключевский В. О.* Курс русской истории // Собр. соч.: в 8 т. М., 1957. Т. 3. С. 396–397.**

Московское государство зарождалось в XIV в. под гнетом внешнего ига, строилось и расширялось в XV и XVI вв. среди упорной борьбы за свое существование на западе, юге и юго-востоке… Оно складывалось медленно и

[45] См.: *Богатырев В. В.* Глобальные процессы в праве. Владимир, 2011.
[46] См.: *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

тяжело. Мы теперь едва ли можем понять и еще меньше можем почувствовать, каких жертв стоил его склад народному благу, как он давил частное существование. Можно отметить три его главные особенности. Это, во-первых, боевой строй государства. Вторую особенность составлял тягловый, неправовой характер внутреннего управления и общественного состава с резко обособлявшимися сословиями… Сословия различались не правами, а повинностями, между ними распределенными. Каждый был обязан или оборонять государство, или работать на государство, то есть кормить тех, кто его обороняет… Третьей особенностью московского государственного порядка была верховная власть с неопределенным, т. е. неограниченным, пространством действия…

Прохоров А. Русская модель управления. М., 2003.

Парадокс русского управления: неэффективность и результативность

Общественное мнение наделяет русскую модель управления взаимоисключающими, казалось бы, качествами. С одной стороны, это управление неэффективное, потому что оно изначально не нацелено на эффективность, на минимизацию затрат для достижения максимальных результатов. И управленческие решения (экономические, военные, социальные и прочие) обычно принимаются неверные, и выполняются они неоптимальным образом.

Но, с другой стороны, это не мешает нашим соотечественникам самоуверенно считать, что в их системе управления, как и во всем образе жизни, есть существенные преимущества. И если мы посмотрим на достигнутые результаты, то обнаружим, что преимущества действительно есть — конечные цели, которые ставят перед собой страна в целом, государство или крупная социальная группа, как правило, достигаются. Неразумное государственное устройство? Конечно, неразумное, это уже

несколько столетий все знают, и множество примеров у всех на слуху. Тем не менее это неразумное государственное устройство обеспечивает неуклонное территориальное расширение России и усиление ее влияния в мире.

На протяжении всей истории человечества подобное удавалось лишь очень немногим государствам, так что Россия управляется, может быть, и не слишком эффективно, но, во всяком случае, результативно.

Какую бы сферу деятельности ни рассматривать, обнаруживается одна и та же закономерность — неподходящими, негодными средствами все-таки достигается весомый результат. В этом, по-видимому, и заключается парадокс российского управления — управление, неэффективное в каждом конкретном пункте в каждый момент времени, в конечном счете достигает таких успехов, для достижения которых вообще-то требуется эффективное управление. Например, в военно-политической сфере, имея, как правило, устаревшую по системе комплектования и подготовки армию, управляемую косным офицерским корпусом, действуя по неправильным канонам и нередко проигрывая сражения, далеко не всегда выигрывая войны, Россия, тем не менее, вплоть до недавнего времени приобретала территории, а не теряла их.

В то же время русская история полна примерами грандиозных провалов, не обусловленных никакими внешними причинами.

С другой стороны, нельзя не вспомнить прямо противоположные ситуации, когда успех достигался вопреки крайне неблагоприятным обстоятельствам.

Факторы успеха

…Можно выделить следующие управленческие факторы, обеспечившие положительный результат:

— во-первых, мобилизация и перераспределение ресурсов на ключевые направления;

— во-вторых, создание централизованных контрольных (а при необходимости и контрольно-репрессивных) структур;

— в-третьих, автономность низовых подразделений.

Что было главным нервом российской системы управления? Какого рода отношения? Отношения по мобилизации и распределению ресурсов. Благодаря тому что в русскую систему управления изначально вмонтирован механизм, позволяющий мобилизовывать, перебрасывать и перераспределять ресурсы, главную роль в России играют те группы населения, которые опосредуют мобилизацию и перераспределение.

Основополагающий принцип русской модели управления: вышестоящий орган донельзя централизованного управления, вроде бы абсолютно всевластный, формально имеющий все права на каждую клеточку тела подчиненного, на каждую копейку его имущества, тем не менее, не доходит до ежедневного текущего управления.

Внутри жестко централизованных структур, на низовом уровне управления, мы имеем полнейшую автономию.

Кластерные структуры и круговая порука

Государство занято главным образом тем, что мобилизует и перераспределяет ресурсы между первичными социальными, военными и производственными ячейками, так называемыми кластерами. А внутри этих ячеек сохраняется та же автономность, как и во времена полюдья. Низовые ячейки, используя свой собственный механизм регулирования, должны выполнить задачу, поставленную «сверху». Причем способы выполнения этой задачи могут в корне противоречить всей идеологии государства, которая пропагандировалась в спокойный и стабильный предшествующий период.

Постсоветская эпоха сохранила такое положение дел: «…Федеральные власти (и связанные с ними бизнес-группы) стремятся контролировать ключевые экономические и финансовые ресурсы, а во “внутреннюю политику” регионов практически не вмешиваются. В обмен на лояльность региональные лидеры получают “иммунитет”, то есть право на местное

самоуправление»[47].

Состоящая из кластерных единиц система управления похожа на виноградную гроздь. Каждая отдельная ягода сохраняет свое внутреннее устройство, и всего лишь через черенок, через свою элиту, пристраивается к российской системе управления. Образуется большая гроздь винограда — наглядная модель российской системы управления. Оборотной стороной такого механизма является негомогенность империи. Те обширные конгломераты, территориальные, идеологические, национальные, которые России довольно легко удалось собрать под себя, неоднородны. И империя, как только слабеют узы, стягивающие ее, легко разваливается в экономическом, политическом и территориальном аспектах.

Стабильное и нестабильное состояния системы управления

В каждый момент времени русская система управления пребывает в одном из двух состояний — или в состоянии стабильном, спокойном, или же переходит в нестабильный, аварийный, кризисный режим работы. В стабильном состоянии управление осуществляется неконкурентными, административно-распределительными средствами. С переходом к нестабильному состоянию стиль действия всех управленческих звеньев коренным образом меняется. Система управления становится агрессивно-конкурентной.

Если в западной системе управления офицер не достигает требуемого результата, то он проигрывает в конкурентной борьбе с сослуживцами, его не повышают по службе или выгоняют в отставку. В России при нестабильном режиме функционирования системы управления офицера, часть которого не сумела взять высоту или провалила иную операцию, могут просто отдать под трибунал и расстрелять. Такой подход, как принято полагать в России, обеспечивает высокие темпы естественного отбора способных управленцев. При колоссальных человеческих жертвах быстро достигается необходимый

[47] *Афанасьев М.* Боярские кондиции // Эксперт. 2000. № 17. С. 56.

результат.

Не удивительно, что русская модель управления, национальный менталитет и русский образ жизни содержат в себе специальные механизмы, обеспечивающие выход из результативной, но саморазрушительной нестабильной фазы, фазы «конкуренции администраторов». Одни и те же люди, одни и те же организации действуют совершенно по-разному в зависимости от того, в какой фазе находится система управления, так как в стереотипы поведения людей, в культуру управления организаций изначально заложено два разных варианта поведения.

Поскольку русская модель управления формировалась фактически в военных условиях, то она работает результативно лишь в том случае, если лютость собственного начальства становится сопоставима с жестокостью внешнего врага.

Созданная в нестабильные периоды система, какой бы чудовищной она ни была, долго сохранялась после смерти верховных «руководителей-аварийщиков». У тех, кто тащил Россию в Азию, всё получалось, а у тех, кто тащил в Европу, всё постоянно срывалось. Почему? Потому что действия тех, кто использовал аварийные мобилизационные методы, соответствовали русской системе управления. Эти руководители искусственно создавали нестабильную ситуацию, после чего система управления «признавала» их и работала в заданном ими направлении. Они были органичны нашей национальной системе управления.

Неправовой характер государства и управления

Неправовой характер государства и управления, игнорирование законов и правил являются неотъемлемыми чертами русского образа жизни, следовательно, они не могут не быть связаны с главными, базовыми особенностями России, русского общества, с важнейшими характеристиками нашего менталитета. А поскольку мы выяснили, что ключевым элементом русской модели управления является существование двух режимов

управления, двух стереотипов поведения в каждой голове и обществе в целом, нестабильного режима (аварийного, мобилизационного) и стабильного режима (застойного), то нельзя не прийти к выводу, что законодательство не рассчитано на такую двойственность. Правовой подход предполагает, что каждое действие требует однозначной оценки со стороны закона, с точки зрения универсальных правил поведения.

Для западных обществ необходимо, чтобы в стране все соблюдали закон, предоставляющий права и возлагающий обязанности и на вышестоящих, и на нижестоящих. На Востоке необходимо, чтоб законодательство, неважно, писаное или обычное, жестко обязывало всех подчиненных исполнять все распоряжения начальства. Это тоже своеобразный закон.

Положение закона в России совершенно иное. Закон есть, он чем-то похож на азиатский, чем-то на европейский, но важно, что он не исполняется всеми — и начальниками и подчиненными. Такое состояние правовой сферы неизбежно вытекает из дуализма русской модели управления, которая должна быть готова перейти или в стабильное, или в нестабильное состояние. И если в стабильном состоянии надо соблюдать одни правила, а в нестабильном другие, то одни и те же действия в одних случаях поощряемы, а в других наказуемы. В этих условиях о соблюдении какой-то одной системы правил, азиатской или европейской, речи быть не может. Следствием является наплевательское отношение к закону на всех уровнях.

Если бы российское население было законопослушным, то русская система управления не могла бы функционировать, стал бы невозможен переход из нестабильного состояния в стабильное и обратно, поскольку пришлось бы соблюдать закон, ориентированный на какое-то одно состояние. Стране приходится выбирать — или правовое государство и законопослушное население, или возможность нырять из одного режима управления в другой.

Компромисс между системой и людьми

С переходом в стабильный режим функционирования система автоматически оказывается ввергнутой во внутренний конфликт. Конфликт обусловлен тем, что, с одной стороны, система требует от всех звеньев управления неукоснительного выполнения требований и максимальной отдачи, выдвигает непомерные требования к начальникам и подчиненным, а люди и организации начинают уклоняться, вырабатывают механизм защиты от управленческого воздействия. Они отказываются выполнять обязанности в полном объеме, жертвовать собой и своими подчиненными, своим временем, жизнью и имуществом.

Указанный компромисс, благодаря которому «и овцы целы, и волки сыты», заключается в формальном соблюдении обязанностей.

С одной стороны, люди получили то, что им нужно: спокойствие, сохранение жизни, здоровья, времени и имущества; они не выполняют того, что от них требует система. Но система также сохранила главное — потенциальную возможность перейти в нестабильное состояние и вернуть звенья системы управления назад, в аварийный, конкурентный режим. Сохранилась структура управления, позволяющая провести мобилизацию, распределение и перераспределение ресурсов, сохранилась базовая идеология, сохранился идеологический аппарат, продолжающий вдалбливать людям, что в назначенный час они должны быть готовы выполнять всё, что от них потребуют.

Указанный компромисс между системой управления и населением России и является тем самым «общественным договором» между государством и обществом, к заключению которого призывают нас политики, ученые и публицисты. Никакой другой «общественный договор» в нашей стране невозможен, так как соответствующая ниша в общественном сознании уже занята.

Новые условия настоятельно требуют упростить и удешевить процедуру достижения общественного компромисса, сделав ее однократной

и всеобщей.

Перспективы

Россия не единственная страна, пытавшаяся (да и сейчас пытающаяся) сознательно заменить свою систему управления на более подходящую. Пока что никому в мире это не удавалось. Напротив, на протяжении всей второй половины XX в. можно проследить, как самые разные страны, даже те, кто столетиями ждал своей очереди встать на ступеньку эскалатора, именуемого прогрессом, в конце концов находили способ успешно использовать свои национальные управленческие системы для развития рыночной экономики и соответствующих ей социальных и политических институтов.

Традиционный для России путь преодоления отставания — проведение модернизации по западным образцам с помощью государственной мобилизации ресурсов общества и перераспределения их на решающие направления — в нынешних условиях уже не срабатывает. Первая причина, по которой подобная модернизация недостижима, — сложное устройство современного общества. Одно дело мобилизовывать ресурсы, представленные тем или иным количеством голов скота, призывников и фиксированной подати с каждой десятины земли, и совсем другое — пытаться учесть и мобилизовать спрятанные в балансах многообразные активы реальных и подставных фирм и фирмочек, а также неучтенные доходы физических лиц.

Централизованно мобилизовывать и перераспределять имеющиеся в стране ресурсы уже невозможно.

Следовательно, повторить петровские или большевистские преобразования с помощью традиционной русской модели управления не удастся. Но и примириться с углубляющимся отставанием страны от мирового уровня наша система управления не может, в нее изначально «вмонтирован» завышенный уровень национально-государственных амбиций. XX век убедительно продемонстрировал, что у России стремление

к мировому признанию сильнее инстинкта самосохранения.

Из такого внутреннего конфликта между амбициями и реальностью возможен только один выход — модернизация национальной модели управления ради сохранения ее базовых характеристик.

Теория управления: учебник / под общ. ред. А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухина. М., 2003. http://uchebnik-online.com›soderzhanie/textbook_297.html.

Глава II. Эволюция управленческой мысли. Условия формирования российской модели управления

Модель, отвечающая российским традициям и культуре, должна органически сочетать в себе основы национального опыта с передовой управленческой теорией и практикой, выработанными и испытанными при решении аналогичных социально-экономических задач в передовых странах мира. Слепое копирование и опасно, и неэффективно.

Опыт, например, Японии наглядно говорит о том, что правящая элита должна управлять экономической и общественной жизнью через элементы традиционной культуры, а не вопреки им. При формировании и реализации управленческой модели японский менеджмент сознательно обращался к своим феодальным корням и истокам, что, по мнению специалистов, было ключевой предпосылкой «японского чуда».

Модель должна выражать тот выбор, который заложен в исторической памяти народа. Объективно главным катализатором формирования образа трудовой организации и управления испокон века была религия. Основу западной модели составляла протестантская религия. Эта модель складывалась в условиях крайне ограниченных экономических, сырьевых и земельных ресурсов, приходящихся на душу населения, жесткой борьбы за право обладания ими и опоры на свои собственные силы (каждый сам по

себе). Стержень западной модели — индивидуализм.

Для Запада индивидуализм — это не только нормальная основа экономики, но и движущая сила ее развития, а коллективизм как основа жизненного и хозяйственного уклада ненормален, настораживает и пугает.

И именно коллективизм, соборность, общинность веками являлись основным цементирующим материалом в конструкции хозяйственной и управленческой модели в России. И это не искусственно привнесенный фактор, а объективно сложившийся и проверенный многовековой историей.

Этот фактор позволил России противостоять суровым природным невзгодам, нашествиям врагов, стремиться к единению, сформироваться как великой державе. Широкие просторы и огромные природные богатства (которых при разумном подходе с избытком хватит всем) формировали спокойный и уверенный характер, экономическую самодостаточность и склонность к общинному самоуправлению.

Неудачи с реформами последнего десятилетия XX в. обусловлены главным образом их неадекватностью основам российской жизни и несовместимостью с национальным сознанием, полным пренебрежением к основополагающим элементам веками складывавшегося российского экономического уклада и соответствующих ему методов хозяйствования, системы общежития, норм трудовой морали и мотивов поведения.

К началу XX в. Россия имела самые высокие в мире темпы роста промышленной продукции и производительности труда.

Факторами эффективного развития экономики явились не только природные богатства России, не только трудолюбие российского народа, но и самобытная российская модель хозяйствования, которая базируется на соборности, общинном совладении, справедливости, гармонии интересов, преобладании моральных факторов трудовой мотивации, местном самоуправлении в сочетании со взвешенным государственным патернализмом.

Отношение к труду. Российская традиция рассматривала труд как

христианскую добродетель и нравственный долг перед Богом и ближними, как возможность творить милостыню… Трудолюбие и профессиональное мастерство в историческом российском менталитете — это не средство достижения богатства ради увеличения богатства, а способ угодить Богу и получить благословение. Отсюда заповеди, которые вошли в плоть трудовой культуры: «Труд — дело святое», «Богу молись, а сам трудись». Праздность рассматривалась как позор и грех, требующие соответствующего наказания — «кто не работает да не ест».

Отношение к богатству. Сохранение и приумножение богатства (имущества) поощрялось. Однако осуждалось упование на богатство как главную жизненную цель, ценность и силу. Отношение к богатству обусловливалось тремя нравственными критериями:

1) богатство само по себе не порок; порочно богатство, полученное неправедным путем;

2) порочно богатство, используемое неправедно (для роскоши, для удовлетворения прихотей и чрезмерных потребностей, лежащих за пределами разумного);

3) порочно богатство, которое «работает» на себя самого и которым не делятся для помощи ближним и благодеяния для окружающих.

Праведно полученное богатство — это то, которое нажито честным и кропотливым трудом; ростовщичество (ссуды или проценты) безоговорочно порицалось, а Иоанн Златоуст сравнивал его с воровством и разбоем.

Праведное использование богатства — милостыня, помощь нуждающимся, благое деяние для ближних и общественно полезное дело.

В российской модели хозяйствования богатство не сводится к материально-вещественной стороне, т. е. к имуществу, деньгам. Этой стороне успешно противостоит духовное богатство.

Отношение к собственности. Собственность рассматривалась как дар Божий человеку, но дар особого свойства. Коль скоро это дар Божий, то и использоваться он должен только в угодных Богу целях. Собственность,

будь то частная, коллективная или государственная, является священной. Но таковой она является в той мере, в какой она направлена на богоугодные дела. Россия всегда была страной смешанной экономики, в которой на равных конкурировали между собой и мирно уживались государственный, частный и коллективный сектора. Последний был наиболее эффективным и представлен традиционной сельской общиной, артелью, монастырским и казачьим укладами. Монастырский уклад, например, вплоть до XVIII в. был основным и наиболее эффективным способом хозяйствования. Так, при том что к монастырям было приписано 13 % крепостных, ими обрабатывалось 33% всей пахотной земли.

Представление о правильной организации хозяйствования. Это представление связано прежде всего с идеей соборности, которая как принцип наиболее выпукло реализовалась в управлении сельской общиной и артелью.

Под соборностью понимается духовное единение людей непосредственно друг с другом без силового воздействия извне.

Д. И. Менделеев (1834–1907) выделял общину и артель как наиболее прогрессивные модели хозяйствования, заключающие в себе мощный импульс для экономического развития. Принцип соборности проявляется при управлении общиной и артелью наиболее ярко.

Положительно оценивая исторический опыт хозяйствования в России, четко определяя для себя как вполне приемлемую и предпочтительную на перспективу российскую модель управления, следует подчеркнуть, что было бы грубейшей и непростительной ошибкой оставить без внимания и глубокого критического освоения мировой опыт управления.

Диев В. С. **Управление. Философия. Общество // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 35–41. http://philos.nsu.ru›study/diev_articles/6_upravlenie.pdf.**

Проблемы управления имеют не только академический, но и вполне практический характер. Сегодня Россия активно участвует в процессах глобализации, всё больше отечественных компаний выходит на мировой рынок, одновременно с этим в нашей стране увеличивается присутствие иностранных, в том числе транснациональных корпораций. Возникают естественные вопросы: какие формы, методы управления являются универсальными, а какие действуют только в диапазоне конкретных условий различных стран? Что такое национальный стиль управления? Какой аспект более важен: национальная культура или, напротив, культура конкретной организации, компании, фирмы? Для ответа на эти вопросы существенное значение приобретает обратная связь — воздействие культурных и исторических традиций на управление.

Полагаю, что понимание феномена управления невозможно без философии. Можно сказать, что управление «погружено» в культуру. Она обновляет унаследованные из прошлого ценности и нормы с учетом происходящих в обществе изменений, транслирует их живущим поколениям, вооружает людей определенными стереотипами поведения. Современный рациональный подход к принятию управленческих решений включает в себя обязательное рассмотрение социокультурных факторов. Сегодня важнейшей задачей в области управления, на мой взгляд, является выявление той части национальных традиций, культуры, которая наиболее совместима с современными методами и системами управления. Представляется, что трудности становления рыночной экономики в нашей стране во многом порождены именно недоучетом особенностей российской истории и менталитета. В то же время все эффективные национальные модели управления построены с учетом национальной специфики.

Одной из важнейших задач философии управления должна стать разработка концептуальных оснований формирования российской модели управления. Проблема формирования национальной модели управления не

укладывается в рамки одной или нескольких дисциплин, она требует привлечения не только междисциплинарных подходов, но и философского осмысления. Четко сформулированная национальная модель управления может играть роль важнейшего фактора долговременного объединения страны для построения процветающего общества и служить условием эффективности практики управления. Эта модель должна являться частью системы макроуправления, пронизывать ее содержание, определять «правила игры» во всех сферах управления. К сожалению, в настоящее время нельзя говорить о сформировавшейся российской модели управления. Это объясняется рядом причин. Важнейшая из них заключается в том, что отсутствует четкое понимание направления развития страны. Модель будущего страны определяет и ее настоящее. Не решив этой проблемы, трудно говорить о построении национальной модели управления, которая должна служить своеобразным «механизмом», с помощью которого достигаются цели, стоящие перед страной.

2.3. Темы для направлений магистратуры: «Бизнес-информатика», «Прикладная математика и информатика», «Прикладная информатика»

Бердяев Н. Дух и машина // Судьба России – М., 2004 – 352 с. http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1918_15_30.html.

I

Никогда еще так остро не стоял вопрос об отношении духа и машины, как в наши дни. Мировая война очень заостряет эту тему. Наши споры о германизме вращаются вокруг темы — дух и машина. Нельзя отрицать, что в Германии было много духа, и Германия же пришла к самым совершенным образцам механизации и машинизации. Германская машина, как бы

выброшенная из недр германского духа, идет впереди, она задавала тон в жизни мирной, а теперь задает тон в войне. Германцы стали рабами собственной совершенной машины.

Совершается роковой процесс машинизации жизни, замена органического механическим. Многих пугает и страшит этот процесс, сопровождающийся уродливыми явлениями и гибелью старой красоты. Торжество машины, замена организма механизмом представляется материализацией жизни. Но можно ли сказать, что дух погибает в этой материализации, что машина изгоняет его из жизни? Я думаю, что это слишком поверхностный взгляд.

Смысл появления машины и ее победоносного движения совсем не тот, что представляется на первый взгляд. Смысл этот — духовный, а не материальный. Сама машина есть явление духа, момент в его пути. Обратной стороной машинизации и материализации жизни является ее дематериализация и одухотворение.

Машина может быть понята как путь духа в процессе его освобождения от материальности.

Машина разрывает дух и материю, вносит расщепление, нарушает первоначальную органическую целостность, спаянность духа и плоти. И нужно сказать, что машина гибельна не столько для духа, сколько для плоти. Машинность, механичность культуры распыляет плоть мира, убивает органическую материю, в ней отцветает и погибает органическая материя, родовая материальная жизнь. Старый органический синтез материальной, плотской жизни в машине приходит к концу.

Рост техники во вторую половину XIX в. — одна из величайших революций в истории человечества. Что-то надломилось в органической жизни человечества, и началось что-то новое, все еще не до конца осознанное и опознанное. Быть может, после этой войны будет лучше понятно, что случилось с человечеством после властного вступления машины в его жизнь.

Проблема «духа и машины» имеет огромное значение для русского сознания, она предстоит перед Россией как проблема ее будущего. Спор

славянофильства и западничества, народничества и марксизма может быть перенесен в духовную сферу и углублен. И та точка зрения, которую я хочу защитить, может быть названа «духовным марксизмом». Но это, конечно, не более как аналогия.

Русские любят противополагать своеобразие русского духа западной материальной культуре, основанной на механичности и машинности. Свою русскую органическую целостность мы противополагаем западной механической раздробленности. И в этот грозный час нашей истории мы пытаемся противопоставить русский дух германской машине, хотим понять эту войну как борьбу духа с машиной. В этом чувстве войны есть своя правда, но есть и довольно грубое смешение разных плоскостей и планов. Нужно ведь признать, что и славянофилы и народники и разные русские религиозные направления не всегда только дух противополагали машине и власти материальности, но также противополагали более развитой технике и хозяйству технику и хозяйство менее развитое, отсталое и примитивное. Так ищут спасения от усовершенствованной материи в материи несовершенной и от высокой степени материального развития — в низкой ступени материального развития.

Порабощающей власти развитой техники можно противопоставить высокий и свободный дух, но нельзя противопоставить технику отсталую и элементарную.

Материальная отсталость и элементарность не есть сила духа.

Нельзя, например, превращать натуральное хозяйство в высшую духовность, идеализировать элементарную и примитивную хозяйственность, как более духовное и свободное состояние. Отсталое, элементарное, примитивное хозяйство нисколько не менее материально, чем развитое капиталистическое хозяйство. Если идти назад по линии материального развития человечества, то мы не дойдем до свободного и цельного духа, а дойдем лишь до более элементарных и примитивных форм материальной жизни. И эта материальная линия в прошлом упирается в самую грубую борьбу за

существование, в самую тяжкую материальную зависимость, царящую в природе.

Потерянного рая мы не найдем этим движением назад или задержкой в движении вперед. Это — грубый самообман. Славянофилы, так дорожившие примитивным и отсталым русским материальным бытом и с ним связывавшие высоту нашего духа, в сущности, держали дух в рабской зависимости от материи. Уничтожение сельской общины и патриархального бытового уклада представлялось им страшным бедствием для русского духа и его судьбы.

Но может ли русский дух так зависеть от материальной отсталости?

Грозит ли русскому духу гибель от разложения старой русской материи? Немного тогда стоит этот дух. Постыдно для духа бояться материального развития и цепляться за материальную отсталость. Дух должен бесстрашно идти по пути материального развития, узрев в нем свою собственную объективацию и манифестацию. Материальное развитие, техника, машина — пути духа. И я думаю, что не только ошибочно противопоставлять совершенной машине машину несовершенную, но также ошибочно противопоставлять машине — дух. Можно лишь противопоставлять низкому, рабскому духу дух свободный и высокий.

II

Материальное, космическое развитие идет от первоначальной целостной органичности, скрепляющей дух и плоть и прикрепляющей дух к материи, к механичности, расщепляющей дух и плоть, нарушающей цельность и освобождающей дух от связи с материей. Этот путь можно открыть во всех сферах жизни. Повсюду первоначальная органическая цельность расщепляется и разлагается, совершается дифференциация и расслоение.

Утерянная органическая целостность и спаянность в периоде разорванности и расслоенности обманно представляется утерянным раем, почти божественным состоянием. Но эта первоначальная органическая целостность

была не божественным и райским состоянием, а природным и скованным состоянием.

Дух еще дремлет в первоначальной органичности, он не возвышается еще над растительностью и животностью, он растворяется еще в природе. Расщепление и раздвоение — неизбежный этап в путях развития духа, который переживается мучительно и нередко сопровождается чувством смерти. В восприятии этого пути развития мы подвержены эстетическому обману. Мы ведь очень легко принимаем наше творческое эстетическое восприятие природы за жизнь самой природы и с трудом видим зло и неволю, заложенные в природной жизни.

Всё органически природное кажется нам более прекрасным, чем всё искусственно-механическое.

Прекрасен цветущий дуб и уродлива машина, оскорбительна для глаза, уха и носа, нимало не радует. Мы любим дуб и хотели бы, чтобы он унаследовал вечность и чтобы в вечной жизни мы сидели под цветущим развесистым дубом. Машину же любить мы не можем, в вечности ее увидеть не хотели бы, и в лучшем случае признаем лишь ее полезность. И как соблазнительно желание остановить роковой процесс жизни, ведущий от цветущего дуба к уродливой и смрадной машине.

Но все же этот переход от органичности дерева, от благоухающей растительности к механичности машины, к мертвящей искусственности должен быть пережит и прожит религиозно. Чтобы воскреснуть, нужно умереть, пройти через жертву. И переход от органичности и целостности к механичности и расщепленности есть страдальческий, жертвенный путь духа. Эта жертва должна быть сознательно принята. Через нее лишь достигается свобода духа. Машина есть распятие плоти мира, вознесение на крест благоухающих цветов и поющих птиц. **Это — Голгофа природы**. В неотвратимом процессе искусственной механизации природа как бы искупает грех внутренней скованности и вражды. Природный организм должен умереть, чтобы воскреснуть к новой жизни. И вот чудовища-машины

умерщвляют природную органическую целостность и косвенно, мучительными путями высвобождают дух из природной связанности. Сделался шаблонным в религиозной мысли тот взгляд, что машина умерщвляет дух. Но глубже та истина, что машина умерщвляет материю и от противного способствует освобождению духа. За материализацией скрыта дематериализация.

С вхождением машины в человеческую жизнь умерщвляется не дух, а плоть, старый синтез плотской жизни.

Тяжесть и скованность материального мира как бы выделяется и переходит в машину.

И от этого облегчается мир.

III

Реакционеры-романтики, в тоске и страхе держащиеся за отходящую, разлагающуюся старую органичность, боязливые в отношении к неотвратимым процессам жизни, не хотят пройти через жертву, не способны к отречению от устойчивой и уютной жизни в плоти, страшатся неизведанного грядущего. Хотят сохранить старую органичность, старую плоть, силятся не допустить материальный мир до расщепления и расслоения. И как мало эти люди верят в дух, в его бессмертие и неистребимость, в его неодолимость темными силами…

Судьба духа вверяется ветхим и элементарным материальным формам, от которых боятся оторвать дух. Какие маловеры все эти видящие гибель духа в разложении ветхой органической материи! Такими маловерами оказываются дети и внуки славянофилов.

Страх перед новой жизнью — определяющий их мотив. Какой жалкий самообман видеть высшее и лучшее в отсталых формах материальной жизни по сравнению с формами более развитыми, какой материализм в этом чувствуется!

Религиозное, христианское отношение к жизни должно жертвенно принять

смерть старой России, старой ее плоти во имя воскресения России к новой жизни.

Глубина христианства в том, чтобы принять и понять изнутри всю жизнь как мистерию Голгофы и Воскресения. И вся плоть мира должна пройти через распятие, через раздирание и смерть. Эта смерть — к жизни.

Но вот говорят, что св. Франциск невозможен при развитой промышленности, при машинах и капиталистическом хозяйстве. Св. Франциск возможен был лишь при натуральном, примитивном хозяйстве, и потому да здравствуют элементарные формы материальной жизни, не будем допускать развития! Но если так, то я делаюсь марксистом и настаиваю на следующем роковом выводе: св. Франциск — цветок натурального хозяйства, дух обусловливается экономическими факторами. Религиозное отношение к жизни рушится, и о святости лучше совсем не говорить. Или нужно бесстрастно стать на другой путь и признать, что дух не зависит от материи и что функциональная связь духовного и материального на поверхности жизни из глубины, изнутри совсем иное означает.

Эта независимость и свобода духа должна быть обнаружена мучительным путем механизации, машинизации материальной жизни. Только путь расслоения, раздвоения и дифференциации жизни дает настоящий опыт и познание жизни. Это — путь свободы, свободного изживания всех потенций.

IV

Вначале всё органически-плотское было освященное и священное. Религиозное освящение плотской жизни и ее элементарных материальных орудий свойственно всем натуралистическим религиям и самому христианству в натуралистическом его периоде.

Священен был плуг, которым пахали землю. Сама земля была священна, и растения, и животные, и всё хозяйственно-материальное.

В первоначальном фазисе своего развития человечество не могло выковывать хозяйственных орудий борьбы за жизнь без религиозных санкций.

Ощущение священности материальной жизни всюду сопровождало человека. Это освящение плотской жизни и ощущение ее божественной органичности не вполне покинуло человека и в наше время.

Но на высоких ступенях исторического развития вся материальная жизнь роковым образом перестает быть священной. Все спекуляризуется. *Машина и не нуждается в освящении*. Только органическое ощущается священным, механическое никогда не ощущается священным.

Всё священное входит внутрь, в дух. Обратной стороной этого обрелигиозивания и обездушивания жизни является углубление религиозности и большее одухотворение.

Машинизация есть отрывание и выделение материальной тяжести из духа, облегчение духа. Но облегчение это достигается тем, что переживается кошмар и смертная тоска машинности.

То, что было вечно в дубе, в цветах и шипах, то преобразится и пребудет в духе, то сохранит свою непреходящую форму, освобожденную от материальной тяжести и скованности. Но нельзя идеализировать органическую природу и ее естественный порядок, в котором всё основано на борьбе за существование и взаимном истреблении и пожирании. Нельзя смешивать своего творческого прозрения красоты природы с ее естественным порядком.

Природно-органическое не есть еще ценное, не есть то высшее, что нужно охранять.

Истинная жизнь — творимая жизнь, а не исконная данная жизнь, не органически-элементарная, животно-растительная жизнь в природе и в обществе. И в физическом организме, борющемся за существование в природном порядке, не больше окончательной правды, чем в машине.

С более глубокой точки зрения дуб и машина — в одной линии. Развитие в материальном плане идет от элементарного природного организма к сложной искусственной машине. Это путь расслоения материи, того искусственного ее усложнения, которое ведет к освобождению от материи, от тяжести ее

органических функций.

Человечество должно бесстрашно, с полной верой в неистребимость своего духа проходить через материальное развитие, через машину и технику, и перестать искать спасения исключительно в прошлом.

Боязнь и страх машины есть материализм и слабость духа. Обращение к элементарному органическому прошлому, идеализация его, боязнь страдальческого развития есть малодушие и любовь к покою, леность духа. Только тот достигает свободы духа, кто покупает ее дорогой ценой бесстрашного и страдальческого развития, мукой прохождения через дробление и расщепление организма, который казался вечным и таким уютно-отрадным. В старый рай под старый дуб нет возврата. Более элементарного и менее мучительного прошлого не вернешь.

Огромный смысл явления машины в том, что *она помогает окончательно порвать с натурализмом в религии*.

Машина как бы клещами вырывает дух из недр природной матери. Это процесс очень мучительный и трудный, много радостей жизни в нем гибнет. И нужна большая вера в силу духа, чтобы устоять в этом процессе. Первоначально он воспринимается как торжество материи и гибель духа. И лишь на большой глубине процесс этот постигается иначе.

Россия переживает сейчас очень ответственный момент, она стоит на перепутье. Ей предстоит еще жертвенно отречься от своего материального органического прошлого, от старого своего хозяйствования, от старого своего государствования, которое многим еще представляется органическим, но которое уже подгнило в своей основе и разлагается. Русское сознание должно отречься от славянофильского и народнического утопизма и мужественно перейти к сложному развитию и к машине.

В России есть смешение двух стилей — аскетического и империалистического, монашеского и купеческого, отрекающегося от благ мира и обделывающего мирские дела и делишки. Такое смешение не может дольше продолжаться.

Если Россия хочет быть великой Империей и играть роль в истории, то это налагает на нее обязанность вступить на путь материального технического развития. Без этого решения Россия попадет в безвыходное положение. Лишь на этом пути освободится дух России и раскроется ее глубина[48].

***Хайдеггер М.* Вопрос о технике // *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993. С. 221–238. http://philosophy.mitht.ru/heidegger.htm.**

В нижеследующем мы *спрашиваем* о технике. Вопросы встают на каком-то пути. Разумно поэтому иметь в виду прежде всего путь, а не застревать на разрозненных тезисах и формулах. Наш путь — путь мысли. Все пути мысли более или менее ощутимым образом загадочно ведут через язык. Мы ставим вопрос о *технике* и хотели бы тем самым подготовить возможность свободного отношения к ней. Свободным оно будет, если откроет наше присутствие (Dasein) для сущности техники. Встав вровень с этой сущностью, мы сумеем охватить техническое в его границах.

Техника не то же, что сущность техники. Отыскивая сущность дерева, мы неизбежно увидим: то, чем пронизано всякое дерево как таковое, само не есть дерево, которое можно было бы встретить среди прочих деревьев.

Точно так же и сущность техники вовсе не есть что-то техническое. Мы поэтому никогда не осмыслим своего отношения к сущности техники, пока будем просто думать о ней, пользоваться ею, управляться с нею или избегать ее. Во всех этих случаях мы еще рабски прикованы к технике, безразлично, энтузиастически ли мы ее утверждаем или отвергаем. В самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу.

[48] Опубликовано в октябре 1915 г.

Сущностью вещи, согласно старинному философскому учению, называется то, *что́* она есть. Мы ставим вопрос о технике, когда спрашиваем, что она такое. Каждому известны оба суждения, служащие ответом на такой вопрос. Одно гласит: техника есть средство для достижения целей. Другое гласит: техника есть известного рода человеческая деятельность. Оба определения техники говорят об одном. В самом деле, ставить цели, создавать и использовать средства для их достижения есть человеческая деятельность. К тому, *что́* есть техника, относится изготовление и применение орудий, инструментов и машин, относится само изготовленное и применяемое, относятся потребности и цели, которым всё это служит. Совокупность подобных орудий есть техника. Она сама есть некое орудие, по-латински — *instrumentum*.

Примелькавшееся представление о технике, согласно которому она есть средство и человеческая деятельность, можно поэтому назвать инструментальным и антропологическим определением техники.

Кому вздумается отрицать его правильность? Оно явно угадывает то, что сразу бросается в глаза, когда говорят о технике. Больше того, страшная правильность инструментального определения техники такова, что оно годится даже для современной техники, относительно которой, между прочим, не без основания утверждают, что по сравнению со старой ремесленной техникой она представляет собой нечто совершенно иное и потому новое. Электростанции со своими турбинами и генераторами — тоже изготовленное человеком средство, служащее поставленной человеком цели. И реактивный самолет, и высокочастотная установка — тоже средства для достижения целей. Разумеется, радиолокационная станция не так проста, как флюгер. Разумеется, постройка высокочастотного агрегата требует сочетания разнообразных операций промышленно-технического производства. Разумеется, лесопильня в заброшенной шварцвальдской долине — примитивное средство в сравнении с гидроэлектростанцией на Рейне.

И все-таки верно: современная техника — тоже средство для достижения целей. Недаром инструментальным представлением о технике движимы все усилия поставить человека в должное отношение к технике. Всё нацелено на то, чтобы надлежащим образом управлять техникой как средством. Хотят, что называется, «утвердить власть духа над техникой». Хотят овладеть техникой. Это желание овладеть становится всё более настойчивым, по мере того как техника всё больше грозит вырваться из-под власти человека

Ну а если допустить, что техника вовсе не просто средство, как тогда будет обстоять дело с желанием овладеть ею? Впрочем, мы же сами сказали, что инструментальное определение техники верно. Конечно. Верное всегда констатирует в наблюдаемой вещи что-то соответствующее делу. Но такая констатация при всей своей верности вовсе еще не обязательно раскрывает вещь в ее существе. Только там, где происходит такое раскрытие, происходит событие истины. Поэтому просто верное — это еще не истина. Лишь истина впервые позволяет нам вступить в свободное отношение к тому, что задевает нас самим своим существом. Верное инструментальное определение техники, таким образом, еще не раскрывает нам ее сущности. Чтобы добраться до нее или хотя бы приблизиться к ней, мы должны, пробиваясь сквозь верное, искать истинного. Мы должны спросить: что такое сама по себе инструментальность? К чему относятся такие вещи, как средство и цель? Средство есть нечто такое, действием чего обеспечивается и тем самым достигается результат. То, что имеет своим последствием действие, называют причиной. Причина, однако, не только нечто такое, посредством чего достигается нечто другое. Цель, в стремлении к которой выбирают вид средства, тоже играет роль причины. Где преследуются цели, применяются средства, где господствует инструментальное, там правит причинность, каузальность.

Столетиями философия учит, что есть четыре причины:

1) *causa materialis,* материал, вещество, из которого изготовляется, например, серебряная чаша;

2) *causa formalis,* форма, образ, какую принимает этот материал;

3) *causa finalis,* цель, например жертвоприношение, которым определяются форма и материал нужной для него чаши;

4) *causa efficiens,* создающая своим действием результат, готовую реальную чашу, т. е. серебряных дел мастер. Что такое техника, представляемая как средство, раскроется, если мы сведем инструментальность к этим четырем аспектам причинности.

А что если существо причинности тоже окутано мраком? Правда, вот уже сколько веков философы ведут себя так, словно учение о четырех причинах свалилось с неба в виде самоочевиднейшей истины. Но не пора ли уже спросить: почему причин именно четыре? Что по отношению к перечисленной четверице называется собственно «причиной»? Откуда в *характере* причинности четырех причин такое единство, что они оказываются взаимосвязаны?

Пока мы не вдумаемся в эти вопросы, причинность, а с нею инструментальность, а с этой последней — примелькавшееся инструментальное определение техники останутся темными и необоснованными.

Причину с давних пор привыкли представлять как действующую силу. Действие тут означает получение следствия, результата. Действующая причина, *causa efficiens*, одна из четырех, решающим образом определяет всю каузальность. Дело доходит до того, что целевая причина, *causa finalis*, вообще уже не причисляется к каузальности. *Causa, casus* идет от глагола cadere, падать, и означает то, из-за чьего воздействия «выпадает» то или иное следствие. Учение о четырех причинах восходит к Аристотелю. Однако в сфере греческого мышления и для Аристотеля всё, что последующие эпохи ищут у греков под понятием и рубрикой «причинности», не имеет просто ничего общего с действием и воздействием. Что мы именуем причиной, а

римляне *causa,* у греков зовется αἴτιον: виновное в чем-то другом. Четыре причины — четыре связанных между собой вида виновности. Это можно пояснить на примере.

Серебро — то, из чего изготовлена серебряная чаша. Как определенный материал (ὕλη) оно отчасти виновно в чаше. Чаша обязана серебру тем, из чего она состоит. Жертвенный сосуд обязан собою, однако, не только серебру. Будучи серебряной чашей, вещь, обязанная этим серебру, выступает в виде чаши, а не в виде пряжки или кольца. Соответственно жертвенный прибор обязан также образу (эйдосу) своей чашеобразности. Серебро, в котором воплотился образ чаши, и вид, в котором явилось серебряное, вместе по-своему виновны в жертвенном приборе.

Но главный его виновник все-таки нечто третье. Это то, что с самого начала очертило чашу сферой освящения и жертвоприношения. Благодаря этому она приобретает определенность как жертвенный сосуд. Очертания придают вещи законченность. С такой законченностью вещь не кончается, а наоборот, от нее начинается в качестве того, чем будет после изготовления. Конец, завершение в указанном смысле называется по-гречески τέλος, это сплошь да рядом переводят и тем перетолковывают как «цель» и «назначение». «*Телос*» — виновник жертвенного сосуда в том же смысле, в каком его совиновниками являются материал и образ.

Наконец, совиновником наличия и готовности сделанного жертвенного прибора выступает нечто четвертое: серебряных дел мастер; но вовсе не тем, что, действуя, он производит готовую жертвенную чашу как следствие своего действия, вовсе не как *causa efficiens*.

Учение Аристотеля и не знает называемой этим именем причины, и не применяет греческого слова с таким значением

Серебряных дел мастер, разбираясь в трех названных видах вины, собирает их воедино. Разборчивое собирание по-гречески значит λέγειν, λόγος. Логос коренится в ἀποφαίνσθαι, выявляющем обнаружении. Серебряных дел мастер — совиновник чаши в том смысле, что от него

начинается и через него достигается ее окончательная готовность. Три вышеназванных вида вины благодаря собирающей разборчивости серебряных дел мастера проявляют себя и вступают во взаимосвязь, ведущую к возникновению готовой чаши.

В наличном, готовом жертвенном сосуде собраны, таким образом, четыре вида вины. Они различны и тем не менее связаны между собой. Что их с самого начала объединяет? Чем сплавлена взаимосвязь четырех видов вины? Откуда идет единство четырех причин? Иначе говоря, что значит для греческой мысли эта «вина»?

Мы, нынешние люди, слишком склонны или понимать вину нравственно, как проступок, или, опять же, толковать ее как определенный род действия. В обоих случаях мы загораживаем себе подступы к первоначальному смыслу того, что позднее будет названо причинностью. Пока эти подступы не откроются, мы не увидим и существа инструментальности, которая стоит на причинности.

Чтобы уберечься от обоих перетолкований вины, поясним ее четыре вида исходя из того, чему они виной. В нашем примере они — виновники наличия и готовности серебряной чаши как жертвенного сосуда. Наличие и готовность (ὑποκείσθαι, пред-лежание подлежащего) характеризуют присутствие чего-либо присутствующего

Четыре вида вины позволяют вещи явиться. Благодаря им вещь оказывается присутствующей. Они выпускают ее из несуществования и тем самым ведут к полноте ее явления. Все виды вины имеют своей основной чертой это выпускающее выведение к явленности. В смысле такого выведения вина есть «повод». Исходя из того, как греками ощущалась виновность, αιτία, придадим сейчас слову «повод» более широкий смысл, чтобы оно именовало сущность по-гречески понятой причинности. Привычное и более узкое значение слова «повод» говорит, наоборот, лишь о чем-то вроде стимула и побуждения, означая род побочной причины в общих рамках причинности.

Так чем же скреплена взаимосвязь четырех видов повода? Они дают чему-то еще не явленному прийти к присутствию. Тем самым ими в равной мере правит то приведение, которым приводится к явленности существующее. Что такое это приведение, нам говорит Платон в одной фразе «Пира»: «Всякий повод для перехода и выхода чего бы то ни было из несуществования к присутствию есть ποίησις, произведение».

Всё зависит от нашего умения продумать произведение во всей его широте, притом в греческом смысле. Произведение — не только ремесленное изготовление, не только художественно-поэтическое выведение к явленности и изображенности. Φύσις, рамобытное вырастание — тоже произведение, тоже ποίησις. Φύσις, — это даже ποίησις в высшем смысле. Ведь то, что присутствует «по природе» (φύσις), несет начало произведения, например распускания цветов при цветении, в себе самом (έν έαυτφ). В отличие от этого произведения ремесла и художества, как серебряная чаша, берут начало своей произведенности не в самих себе, а в другом (έν άλλφ), в мастере и художнике.

Виды повода, четыре причины, таким образом, играют свои взаимосвязанные роли внутри события произведения. Благодаря этому событию как выросшее по природе, так и изготовленное руками ремесленника и художника выступает, всякий раз по-своему, в своей явленности. Как, однако, происходит событие произведения, будь то в природе, будь то в ремесле или в искусстве? Что такое произведение, в котором разыгрываются четыре вида повода? Повод ведет к присутствию того, что обнаруживается в событии произведения. Произведение выводит из потаенности в открытость. Событие произведения происходит лишь постольку, поскольку потаенное переходит в непотаенное. Этот переход коренится и набирает размах в том, что мы называем открытостью потаенного. У греков для этого есть слово αλήθεια. Римляне переводят его через veritas. Мы говорим «истина», понимая ее обычно как правильность представления.

Куда мы забрели? Мы спрашиваем о технике, а дошли теперь до αλήθεια, открытости потаенного. Какое отношение имеет существо техники к раскрытию потаенного? Ответ: прямое. Ибо на раскрытии потаенности стоит всякое произведение. Последнее, со своей стороны, собирает в себе четыре вида повода — всю причинность — и правит ими. К сфере причинности относятся цель и средства, относится инструментальное. Инструментальность считается основной чертой техники. Шаг за шагом спрашивая, что такое собственно техника как средство, мы придем к раскрытию потаенного. Здесь заложена возможность всякого поставляющего изготовления.

Итак, техника не простое средство. Техника — вид раскрытия потаенности. Если мы будем иметь это в виду, то в существе техники нам откроется совсем другая область. Это — область выведения из потаенности, осуществления истины.

Открывающаяся тут перспектива кажется нам отчуждающе-странной. Так и должно быть, должно быть как можно дольше и тревожить нас, чтобы мы в конце концов всерьез отнеслись к простому вопросу: о чем же говорит слово «техника». Это слово идет из греческого языка. Τεχνικόν значит относящееся к «техне» — τέχνη. Относительно смысла этого слова мы должны обратить внимание на две вещи. Во-первых, τέχνη — название не только ремесленного мастерства, но также высокого искусства и изящных художеств. Такая τέχνη относится к произведению, к ποίησις; она есть нечто «поэтическое».

Второе, о чем надо вспомнить в отношении слова «техне» (τέχνη), еще важнее. С самых ранних веков вплоть до эпохи Платона слово τέχνη стоит рядом со словом έπιστήμη. Оба слова именуют знание в самом широком смысле. Они означают умение ориентироваться, разбираться в чем-то. Знание приносит ясность. В качестве проясняющего оно есть раскрытие потаенности. В специальном трактате («Никомахова этика» VI, гл. 3 и 4) Аристотель проводит различие между έπιστήμη и τέχνη, причем именно в

свете того, что и как они выводят из потаенности. Τέχνη — вид «истинствования», ληθεύειν. Τέχνη раскрывает то, что не само себя производит, еще не существует в наличии, а потому может выйти и выглядеть и так и иначе. Человек, строящий дом или корабль или выковывающий жертвенную чашу, выводит производимое из потаенности соответственно четырем видам «повода». Это раскрытие потаенного заранее собирает образ и материал корабля и дома воедино в свете предвидимой законченности готовой вещи и намечает исходя отсюда способ ее изготовления. Решающая суть τέχνη заключается тем самым вовсе не в операциях и манипуляциях, не в применении средств, а в вышеназванном раскрытии. В качестве такого раскрытия, но не в качестве изготовления, τέχνη оказывается произведением.

Так замечание о том, что говорит нам слово τέχνη — как греки определяли сказанное в нем, ведет нас к тому же кругу обстоятельств, на который мы натолкнулись, разбирая вопрос об истинной сути инструментальности как таковой.

Техника — вид раскрытия потаенности. Сущность техники расположена в области, где имеют место открытие и его непотаенность, где сбывается αλήθεια — «алетея», истина.

Против подобного определения сущностной области техники могут возразить, что оно имеет силу для греческой мысли и в лучшем случае еще подходит для ремесленной техники, но для современной машинной техники уже не годится. Между тем именно она, только она волнует нас, заставляя ставить вопрос о технике вообще.

Люди говорят, что современная техника — нечто совершенно другое в сравнении со всей прежней, поскольку она опирается на точные науки Нового времени. Впрочем, всё яснее начинают понимать, что обратное тоже имеет место: современная физика, применяя эксперимент, зависит от технической аппаратуры и прогресса приборостроения. Констатация такого взаимообратимого соотношения между техникой и физикой верна. Но она

остается голой историографической констатацией факта, ничего не говорящей о том, в чем основа такого соотношения.

Клайн М. **Математика. Поиск истины. М., 1988. С. 163–164. http://royallib.com/book/klayn_moris/matematika_poisk_istini.html.**

…Хотя Максвелл тщетно пытался построить механическую теорию электромагнитных явлений — свести их к давлению и напряжениям в упругой среде, и более поздние усилия Г. Герца, У. Томсона, К. А. Бьеркнеса и А. Пуанкаре также не увенчались успехом, экспериментальное подтверждение теории Максвелла положило конец всем возражениям. Признание теории Максвелла означало вместе с тем и признание чисто математического подхода, ибо предположение о том, что электромагнитное излучение представляет собой электрическое и магнитное поля, особым образом связанные между собой и распространяющиеся в пространстве, вряд ли объясняет физическую природу электромагнитного поля. Охватывая с единой точки зрения свет, рентгеновское излучение и многие другие явления, теория Максвелла лишь уменьшает число естественнонаучных загадок, сводя многие загадки в одну.

Герцу принадлежит высказывание: «Теория Максвелла состоит из уравнений Максвелла». Механического объяснения электромагнитных явлений не существует, как не существует и необходимости в таком объяснении. Восхищенный могуществом математики, Герц не удержался от восклицания: «Трудно отделаться от ощущения, что эти математические формулы существуют независимо от нас и обладают своим собственным разумом, что они умнее нас, умнее тех, кто открыл их, и что мы извлекаем из них больше, чем было в них первоначально заложено».

Точное и всеобъемлющее описание электромагнетизма есть описание математическое. Следовательно, теория электромагнитного поля представляет собой чисто математическую теорию, иллюстрируемую

несколькими довольно грубыми физическими картинами. Эти картины не более чем платье, облекающее тело математики и позволяющее ей «сойти за свою» в кругу физических наук. Физика-теоретика это обстоятельство может либо встревожить, либо преисполнить гордостью в зависимости от того, кто доминирует в нем — математик или физик.

Никто в большей мере не сознавал чисто математический характер теории электромагнитного поля, чем Максвелл. Хотя он предпринимал почти отчаянные попытки дать физическое описание электромагнитных явлений, в его классическом «Трактате по электричеству и магнетизму» о них почти не упоминается, а основное место отводится изложению безукоризненно стройной и сложной математической теории. Сам Максвелл однажды посоветовал проповеднику, чьи проповеди были выше разумения аудитории: «Почему бы вам не разбавить ваши мысли поучительными примерами?» Однако все попытки самого Максвелла «разбавить» математическую теорию электромагнитного поля объяснениями, основанными на интуиции, оказались безуспешными. Радио- и световые волны распространялись в кромешной физической тьме, освещенной только для тех, кто держал в руках факел математики. Более того, если в некоторых областях физики математическую теорию удалось «подогнать» под физические факты, то в области электромагнетизма лучшее, что можно было сделать, это попытаться согласовать с математической теорией неадекватные физические картины.

Максвелл ощущал общую направленность и реалистически оценивал методы современной ему теоретической физики. По своему духу она была математической теорией. Теория электромагнитного поля Максвелла по широте охвата внешне, казалось бы, различных явлений в рамках единой системы математических законов превосходит даже закон всемирного тяготения Ньютона. Поведение мельчайшей песчинки и массивнейшей из звезд может быть описано и предсказано на основе законов механики Ньютона. Невидимое разнообразие электромагнитных волн, в том числе и света, может быть описано и обращено в русло практических приложений с

помощью теории электромагнитного поля Максвелла. Электрические токи, магнитные эффекты, радиоволны, инфракрасное излучение, видимый свет, ультрафиолетовое, рентгеновское и гамма-излучение, гармонические колебания с частотами от шестидесяти до числа с двадцатью четырьмя нулями герц — все это не более чем проявления одной и той же фундаментальной математической схемы. Теория Максвелла, столь глубокая и всеобъемлющая, что наше воображение бессильно представить себе ее подлинное величие, открыла в природе план и порядок, говорящие человеку о природе более красноречиво и проникновенно, чем сама природа.

Пригожин И., Стенгерс И. **Время, хаос, квант. М., 2003.**

Введение

«Время — фундаментальное измерение нашего бытия. Веками оно пленяло воображение художников, философов и ученых. Включение времени в концептуальную схему галилеевой физики ознаменовало рождение новой науки. Этот успех стал исходным пунктом в истории проблемы, которая занимает центральное место в нашей книге, — отрицание стрелы времени». В этой замечательной книге Эддингтон прозорливо предсказал конец господства в физике «первичных» (детерминистических) законов и наступление эры «вторичных» (статистических) законов, описывающих необратимые процессы. В том виде, как оно входит в фундаментальные законы физики, от классической динамики до теории относительности и квантовой физики, время не содержит в себе различия между прошлым и будущим! Для многих физиков ныне это вопрос веры: до тех пор и поскольку речь идет о фундаментальном уровне описания, стрелы времени не существует.

Тем не менее во всех явлениях, с которыми нам приходится иметь дело, будь то явления из области макроскопической физики, химии, биологии, геологии,

гуманитарных наук, будущее и прошлое играют различные роли. Существование стрелы времени здесь очевидно. Каким образом может возникнуть стрела времени из фундаментальной концептуальной схемы физики? Каким образом она может возникнуть из симметричного по времени мира? Или, быть может, воспринимаемое нами время не более чем иллюзия? Эти вопросы приводят к парадоксу времени — центральной теме нашей книги.

Выражение «стрела времени» было введено в 1928 г. Эддингтоном в его книге «Природа физического мира»[49]. Для далеких от физики людей такая проблема может показаться странной. Как физика, предъявляющая всё более строгие требования к эксперименту, что означает всё более тесную связь между теорией и опытом, дерзает отрицать различие между прошлым и будущим? Ответ на этот вопрос в какой-то мере относится к концептуальным основам физики. Как будет показано в первой части нашей книги, парадокс времени не был осмыслен вплоть до второй половины XIX в. К тому времени законы динамики уже давно воспринимались как выражающие идеал объективного знания. А поскольку из этих законов следовала эквивалентность между прошлым и будущим, всякая попытка придать стреле времени некое фундаментальное значение наталкивалась на упорное сопротивление как угроза идеалу объективного знания. Таким образом, стреле времени было отказано на право вхождения в область феноменологии. За различие между прошлым и будущим несем ответственность мы, ибо в наше описание природы мы привносим аппроксимации.

Однако разделять ныне эту точку зрения более невозможно. В последние десятилетия родилась новая наука — физика неравновесных процессов, связанная с такими понятиями, как самоорганизация и диссипативные структуры. До этого стрела времени возникала в физике через такие простые процессы, как диффузия или вязкость, которые в действительности можно понять исходя из обратимой во времени динамики. Ныне ситуация иная. Мы

[49] *Eddington A.* The Nature of the Physical World. University of Michigan Press, 1958.

знаем, что необратимость приводит ко множеству новых явлений, таких как образование вихрей, колебательные химические реакции или лазерное излучение. Необратимость играет существенную конструктивную роль. Невозможно представить себе жизнь в мире, лишенном взаимосвязей, создаваемых необратимыми процессами. Следовательно, утверждать, будто стрела времени — «всего лишь феноменология» и обусловлена особенностями нашего описания природы, с научной точки зрения абсурдно. Мы дети стрелы времени, эволюции, но отнюдь не ее создатели.

Парадокс времени ставит перед нами проблему центральной роли «законов природы». Отождествление науки с поиском «законов природы», по-видимому, является самой оригинальной концепцией западной науки. Прототипом универсального закона природы служит закон Ньютона, который кратко можно сформулировать так: ускорение пропорционально силе. Этот закон имеет две фундаментальные особенности. Он детерминистичен: коль скоро начальные условия известны, мы можем предсказывать движение. И он обратим во времени: между предсказанием будущего и восстановлением прошлого нет никакого различия; движение к будущему состоянию и обратное движение от текущего состояния к начальному эквивалентны.

Закон Ньютона лежит в основе классической механики, науки о движении материи, о траекториях. С начала XX в. границы физики значительно расширились. Теперь у нас есть квантовая механика и теория относительности. Но, как мы увидим из дальнейшего, основные характеристики закона Ньютона — детерминизм и обратимость во времени — сохранились.

Моисеев Н. Н. **Как далеко до завтрашнего дня… Свободные размышления 1917–1993. М., 1994. С. 150–175.**

Вычислительная техника и симптомы неблагополучия

…В капиталистических странах произошла структурная перестройка всей промышленности, родились энергосберегающие технологии, появились персональные компьютеры и так называемые высшие технологии, то есть прецизионные технологии, которые нельзя реализовать без встроенных в оборудование электронных устройств. Западная промышленность изменила за два десятка лет весь свой облик.

Наша же бюрократизированная, расписанная по отраслям-монополистам экономика не была готова, не была способна принять этот вызов научно-технической революции — он оказался для нее не просто неожиданным, а смертельным. Началось быстрое технологическое отставание, и не только от Америки и Японии. Много ли людей отдают себе отчет в том, что именно этот вызов стал причиной горбачевской перестройки? Будучи умноженным на импотенцию и амбиции политиков, он привел страну в теперешнее ее состояние. Я думаю, что и М. С. Горбачев не очень понимал даже в начале 80-х гг., в чем истинная причина потери мускулов у Великого Государства. Понимай он это, и вся перестройка могла бы пойти по-иному…

Наша государственная, политическая и экономическая система была уникальным созданием Природы. Именно Природы! Ее никто не создавал по какому-то задуманному плану. Она возникла в результате внутренних причин развития организации, тех изначальных стимулов, которые в нее были заложены еще в процессе революции. Сталин мог быть или не быть, но система не могла развиваться иначе, ибо он был не только ее создателем, но и был создан ею. Горбачев мог состояться или не состояться, но система должна была рухнуть. Раньше или позже, так или иначе, но она должна была развалиться, ибо она оказалась несостоятельной в борьбе за место под солнцем на нашей грустной планете. Просто она могла рухнуть по-иному. Существовала иллюзия, что в нашем советском обществе отсутствовала конкуренция. Действительно, в производственной сфере она почти не возникала, поскольку в ней законами был утвержден монополизм — всё, что

надо было делать, кто и за что отвечает, расписывалось по отраслям. И хотя Система стремилась утвердить принципы винтика, превратить коммунистический фаланстер в человеческий вариант термитника, люди оставались людьми, с их страстями, желаниями. Биосоциальные законы продолжали действовать. Поэтому конкуренцию на рынке товаров заменила иная конкуренция. Возник иной Рынок, возникла система отбора людей: не по удачливости в бизнесе, в производстве, торговле, как это происходило в обществе свободного предпринимательства, а по принципу служения Системе, тем, кто стоят на ступеньку выше. И главным стало обеспечивать их покой. Стабильность — приказано не беспокоить! Вот идеал.

Вот главное, за что ценились люди. А беспокойных система отбраковывала и отправляла на периферию общества, подобно тому, как капиталистическая система отбраковывает, отбрасывает за борт неудачливых бизнесменов. И постепенно все этажи экономической и политической власти всё больше заполнялись людьми, способными обеспечить комфортное существование вышестоящим. Причем сиюминутное, без оценки перспективы.

Фейнман Р. **Характер физических законов. М., 1987 (Библиотечка «Квант»-62). С. 29–31. http://lib100.com/book/science/harakter_fizicheskih_zakonov/**

Лекция 2. Связь математики с физикой

…Физика не математика, а математика не физика. Одна помогает другой. Но в физике вы должны понимать связь слов с реальным миром. Получив какие-то выводы, вы должны их перевести на родной язык и на язык природы — в медные кубики и стеклянные шарики, с которыми вы будете экспериментировать. Только так вы сможете проверить истинность своих выводов. В математике этой проблемы не существует вовсе.

Вполне понятно, что доказательства и способы мышления, найденные

математиками, становятся для физиков могучими и полезными орудиями. Но и рассуждения физиков часто приносят пользу математикам.

Математики любят придавать своим рассуждениям возможно более общую форму. Если я скажу им: «Я хочу поговорить об обычном трехмерном пространстве», они ответят: «Вот вам все теоремы о пространстве n измерений». — «Но у меня только три измерения». — «Хорошо, подставьте $n = 3$!»

Оказывается, что многие сложные теоремы выглядят гораздо проще, если их применить к частному случаю. А физика интересуют только частные случаи; он никогда не интересуется общим случаем. Он говорит о чем-то конкретном; ему не безразлично, о чем говорить. Он хочет обсуждать закон тяготения в трехмерном пространстве; ему не нужны произвольные силы в пространстве n измерений. Он стремится к сокращениям, потому что математики готовят свои выводы для более широкого круга проблем. И поступают предусмотрительно, ибо в конце концов бедный физик всегда вынужден возвращаться и говорить: «Простите, но в прошлый раз вы хотели мне что-то сказать о четырех измерениях».

Когда вы знаете, о чем идет речь, знаете, что одни символы означают силы, другие — массы, инерцию и т. д., вы можете обратиться за помощью к здравому смыслу, к интуиции. Вы видели разные вещи и более или менее знаете, как будут происходить разные явления. Несчастный математик переводит всё это на язык уравнений, и, поскольку символы для него ничего не означают, у него лишь один компас: математическая строгость и тщательность в доказательствах. Физик же, который более или менее знает, каким должен быть ответ, может позволить себе догадки и приходит к цели довольно быстро. Излишняя математическая строгость не очень полезна в физике. Но нельзя ставить это в вину математикам. Нельзя требовать, чтобы они действовали всегда с оглядкой на физику и делали то, что полезно ей. У них свои задачи. Если вы хотите чего-то иного, займитесь этим сами.

Следующий вопрос: когда мы пытаемся найти новые законы, стоит ли

опираться на интуицию и философские принципы «мне не нравятся локальные свойства» или «мне нравятся локальные свойства», «мне не нравится воздействие на расстоянии» или «мне нравится воздействие на расстоянии»? В какой степени полезны модели?

Интересно, что модели очень часто помогают в работе, и большинство преподавателей физики пытаются учить тому, как пользоваться моделями, чтобы выработать хорошую физическую интуицию. Но всегда выходит так, что величайшие открытия абстрагируются от модели, и модель оказывается ненужной. Максвелл создал электродинамику, наполнив пространство массой воображаемых шестеренок и зубчатых колесиков, Но колесики и шестеренки мы отбросили, а теория осталась.

Дирак же открыл правильные законы релятивистской квантовой механики, просто угадав уравнение. Угадывание уравнения, по-видимому, очень хороший способ открывать новые законы. Это лишний раз доказывает, что математика дает глубокое описание природы, а всякая попытка выразить природу, опираясь на философские принципы или интуитивные механические аналогии, не приводит к серьезным результатам.

Меня всегда беспокоило, что согласно физическим законам, как мы понимаем их сегодня, требуется бесконечное число логических операций в вычислительной машине, чтобы определить, какие процессы происходят в сколь угодно малой области пространства за сколь угодно малый промежуток времени. Как может всё это уложиться в крохотном пространстве? Почему необходима бесконечная работа логики для понимания того, что произойдет на крохотном участке пространства времени? Поэтому я часто высказывал предположение, что в конце концов физика не будет требовать математической формулировки. Ее механизм раскроется перед нами, и законы станут простыми, как шахматная доска, при всей ее видимой сложности. Но это предположение того же порядка, что и склонности других людей («это мне нравится», «это мне не нравится»), а тут нельзя основываться на личных предубеждениях.

Подводя итоги, я хочу воспользоваться словами Джинса, который сказал, что «Великий Архитектор, по-видимому, был математиком». Тем, кто не знает математики, трудно постичь подлинную глубокую красоту природы. Сноу говорил о двух культурах. Я думаю, что разница между этими культурами сводится к разнице между людьми, которые понимают, и людьми, которые не понимают математики в той мере, в какой это необходимо, чтобы вполне оценить природу.

Жаль, конечно, что тут нужна математика, потому что многим людям она дается трудно. Говорят, не знаю, правда ли это, что один царь, которого Евклид пытался обучить геометрии, стал жаловаться на трудности. Евклид ответил: «Нет царского пути к геометрии». И его действительно нет. Физику нельзя перевести ни на какой другой язык. И если вы хотите узнать Природу, оценить ее красоту, то нужно понимать язык, на котором она разговаривает. Она дает информацию лишь в одной форме, и мы не вправе требовать от нее, чтобы она изменила свой язык, стараясь привлечь наше внимание.

Никакими интеллектуальными доводами вы не сможете передать глухому ощущение музыки. Точно так же никакими интеллектуальными доводами нельзя передать понимание природы человеку «другой культуры». Философы пытаются рассказать о природе без математики. Я пытаюсь описать природу математически. Но если меня не понимают, то не потому, что это невозможно. Может быть, моя неудача объясняется тем, что кругозор этих людей чересчур ограничен и они считают человека центром Вселенной.

Моисеев Н. Н. **Как далеко до завтрашнего дня… Свободные размышления 1917–1993. М., 1994. С. 188–203.**

Моя картина мира

Изучая биосферу, ее эволюцию, как нечто единое и целое (или, как принято сейчас говорить, как систему), я невольно вынужден был нарисовать для себя

некую «картину мира», поместив в нее и биосферу, и человека. Мне пришлось выработать свое отношение к таким фундаментальным принципам, как, например, принцип редукционизма, сводящего сложное к простому, и убедиться однажды, что мир гораздо сложнее и непонятнее, чем это обычно думают представители естествознания и такие же физикалисты, как я и мои товарищи по науке…

В основе моих представлений лежат эмпирические обобщения. Такой очень емкий термин придумал В. И. Вернадский. Он означает утверждения, которые не противоречат нашему эмпирическому знанию: что есть, то есть! Во всяком случае, с точки зрения физикалиста. Эмпирические обобщения позволяют отсекать неизвестное и дают основу для тех или иных логических построений. Иногда они кажутся некой обыденностью, но при более внимательном рассмотрении мы обнаруживаем с их помощью существование другого видения предмета и другой его интерпретации.

Таким утверждением моей картины мира я принимаю представление о том, что весь Мир, в котором мы живем, вся Вселенная, или, как говорил Тейяр де Шарден, весь Универсум есть некоторая система. Это кажется совершенно тривиальным, даже банальным, ибо всё со всем связано — хотя бы силами гравитации, например. Это эмпирическое обобщение никак не противоречит нашему опыту. Да и не может ему противоречить, поскольку если бы оно было неверным, то мы этого не смогли бы даже обнаружить!

Нетривиальность моего утверждения обнаруживается лишь тогда, когда мы замечаем, что разговор может идти лишь о связях, доступных нашему эмпирическому знанию. Значит, этим эмпирическим обобщением я очерчиваю определенный круг и моей картины мира, и всего того, что может стать объектом моего научного искания…

Представление об Универсуме как о единой системе заставляет нас по-иному посмотреть и на многие другие вещи. Мы привыкли говорить о том или ином объекте исследования. Но для этого надо еще уметь его выделить из нашей системы, каким-то образом оборвать те связи, которыми он соединен с

остальным миром. Многочисленные воздействия, которые оказывает на наш объект остальная система, мы должны отнести к внешним воздействиям. Но ведь при этом мы неизбежно игнорируем обратное влияние изучаемого объекта на всю систему, на остальные ее элементы, а значит, пренебрегаем изменением «внешних воздействий» на исследуемый объект… Всегда ли возможно оборвать такие рекурсии?

Можно ли так поступать и когда можно, а когда принципиально нельзя? То есть когда объект лишь некое условное понятие… Человек, в наших представлениях, был всегда лишь наблюдателем, способным фиксировать некоторые особенности запущенного когда-то грандиозного механизма мироздания. Вопрос о выделении объекта исследования вообще не возникал. Ученые даже не догадывались о его важности. Ведь энтомолог берет свою бабочку, кладет ее на увеличительное стекло и изучает всё, что ему интересно. Вот так же и во всем остальном. И исследователь полагал, что по-иному и быть не может, тем более что повлиять на характер функционирования грандиозного механизма мироздания человеку не под силу. Это считалось аксиомой.

Но оказалось, что это не совсем так. Практика XX в. показала, что невозможно обойтись без анализа подобных проблем. Мы поняли это благодаря квантовой механике.

…Всё то, о чем говорилось, показывает, что основные парадигмы рационализма, и прежде всего принцип стороннего наблюдателя, должны быть подвергнуты ревизии. Физика это подтвердила экспериментом. Без квантовой механики не было бы атомной бомбы. Значит, мы должны изучать всё «изнутри», с позиции участника событий, с учетом нашего воздействия и нашей ограниченности, рожденной «законами» саморазвития Универсума. И это отказ от рационализма XVIII в.

Нильс Бор говорил о том, что никакое по-настоящему сложное явление нельзя описать с помощью одного языка. Необходима множественность ракурсов рассмотрения одного и того же явления. Мне эту мысль хочется

выразить несколько по-другому. Для того чтобы человек имел нужное понимание (понимание, а не знание, что совсем не одно и то же), ему необходим некий голографический портрет явления. А его могут дать только различные интерпретации. В построении таких интерпретаций на основе эмпирических данных (а значит согласных с ними) состоит основная задача современной науки (и не только квантовой физики). А вовсе не приближение к мифической «абсолютной истине», как полагал Гегель и, вслед за ним, теоретики диалектического материализма.

2.4. Темы для направления магистратуры: «Юриспруденция»

***Платон*. Государство // *Платон*. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 343–344.**

<Демократия> осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравняют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию…

…В государстве появится полная свобода и откровенность и возможность делать что хочешь.

В демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управлении, даже если ты к этому и способен; не обязательно и подчиняться, если ты не желаешь, или воевать, когда другие воюют, или соблюдать, подобно другим, условия мира, если ты мира не жаждешь. И опять-таки, если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в голову…

…Далее. Разве не великолепно там милосердие в отношении некоторых осужденных? Или ты не видел, как при таком государственном строе люди,

приговоренные к смерти или к изгнанию, тем не менее остаются и продолжают вращаться в обществе; словно никому до него нет дела и никто его не замечает, разгуливает такой человек прямо как полубог.

Эта снисходительность вовсе не мелкая подробность демократического строя; напротив, в этом сказывается презрение ко всему тому, что мы считали важным, когда основывали наше государство. Если у человека, говорили мы, не выдающаяся натура, он никогда не станет добродетельным; то же самое, если с малолетства — в играх и в своих занятиях — он не соприкасается с прекрасным. Между тем демократический строй, высокомерно поправ всё это, нисколько не озабочен тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности. Человеку оказывается почет, лишь бы он обнаружил свое расположение к толпе.

Эти и подобные им свойства присущи демократии — строю, не имеющему должного управления, но приятному и разнообразному. При нем существует своеобразное равенство — уравнивающее равных и неравных.

***Аристотель.* Политика // *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 498, 459, 497.**

Не следует забывать, что во многих местах государственное устройство в силу тамошних законов *не демократическое, но является таковым в силу господствующих обычаев и всего уклада жизни…*

…То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана — безразлично, у меньшинства или большинства — на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия.

…Там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем.

***Цицерон.* О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993. С.71, 72, 73.**

Лучше всего человеческое общество и союз между людьми будут сохранены в том случае, если мы будем относиться к каждому с тем большим расположением, чем теснее он с нами связан…

В человеческом обществе есть много ступеней. …Более тесные узы — принадлежность к одной и той же гражданской общине. Ведь у граждан есть много общего: форум, храмы, портики, улицы, законы, права, правосудие, голосование; кроме того, общение друг с другом и дружеские связи, а у многих и деловые отношения, установившиеся со многими людьми. Более тесные связи и узы между родными; исходя из вышеупомянутого неизмеримого общества человеческого рода, замыкаются в малое и тесное.

…Но если взглянуть на всё с точки зрения разума и души, то из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги наши связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие, друзья, но отечество одно охватило все привязанности всех людей. Какой честный человек поколеблется пойти за него на смерть, если он этим принесет ему пользу?

***Кессиди Ф. Х.* От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб., 2003. С. 23–24.**

Древнегреческий город, с его городской площадью и рынком (агора) — местом народных собраний с его храмами, общественными учреждениями и мастерскими ремесленников, был центром экономической, политической и культурной жизни полиса. Гражданин полиса мыслил государство, отечество и свои функции в нем не абстрактно…

В классической Греции жизнь общества как единого целого покоилась на взаимодействии гражданина и полиса, на полисном патриотизме: полис существует для граждан, а граждане — для полиса.

***Юм Д.* О свободе печати // *Юм Д.* Сочинения: в 2 т. 2-е изд. Т. 2. М., 1996. С. 487–488.**

Поскольку в Англии преобладает республиканская часть системы правления, хотя и со значительной примесью монархии, она обязана ради собственного сохранения постоянно проявлять *бдительность* по отношению к правителям, устранять всякую неограниченную власть и охранять жизнь и состояние каждого при помощи всеобщих и обязательных законов. Ни один поступок не должен считаться преступлением, кроме тех, которые закон ясно определил как таковые; ни одно преступление не должно вменяться в вину человеку иначе как путем предоставления судьям юридического доказательства его совершения; и даже сами эти судьи должны быть его согражданами, обязанными, исходя из собственных интересов, бдительным оком следить за злоупотреблениями и произволом министров.

***Шмидт К.* Политическая теология. М., 2000. С. 74.**

Абсолютная монархия принимала решение в борьбе противоположных интересов и коалиций и тем самым обосновывала государственное единство… Это органическое единство, и вместе с национальным сознанием возникают представления об органическом государственном целом.

***Анкерсмит Ф. Р.* Репрезентативная демократия // Логос. 2004. № 2 (42). С. 16–17.**

Один из главных парадоксов политической истории Запада в том и состоит, что абсолютная монархия и система, основанная на различии между

государством и гражданским обществом, имеют общее происхождение и подчиняются одной и той же политической логике, так что есть все основания утверждать, что мы никогда не имели бы последней («преддемократии») без первой (монархии). Уже по одной этой причине нам следовало бы относиться к абсолютной монархии хотя бы немного снисходительнее, чем мы склонны это делать.

***Берк Э.* Правление, политика и общество. М., 2001. С. 151.**

Свобода, если я вообще понимаю, что это такое, всеобщий принцип, и она либо имеется в качестве неоспоримого права у всех подданных, либо не имеется ни у кого. Частичная свобода представляется мне самой неприятной формой рабства.

***Констан Б.* Принципы политики, пригодные для всякого правления // Классический французский либерализм: сборник. М., 2000. С. 61–62, 64, 76–77, 141, 79–80.**

Если мы во Франции хотим когда-либо воспользоваться плодами представительного правления, то должны принять прямые выборы. Именно такие выборы начиная с 1788 г. приводят в британскую палату общин всех просвещенных людей. …Только прямые выборы способны придать национальному представительству подлинную силу и наделить его глубокими корнями в общественном мнении. …Избиратели из низшего класса, совсем недавно упорствующие и беспокойные, вновь становятся трудолюбивыми, покорными, даже почтительными, легко преклоняют головы перед правилами общежития. Действуя подобным образом, они понимают, что подчиняются лишь разумному расчету своего просвещенного

интереса. Благодаря политическому опыту прямых выборов общественный дух народа получает спасительное потрясение, необходимое для его оживления...

Те, кого нужда удерживает в вечной зависимости и обрекает на повседневный труд, не являются ни более просвещенными в общественных делах, нежели дети, ни более заинтересованными, нежели иностранцы, в национальном процветании, основные элементы которого им неизвестны и плоды которого они разделяют лишь косвенным образом…

За произволом в отношении собственности вскоре следует произвол в отношении личностей, во-первых, потому, что произвол заразителен, а во-вторых, потому, что нарушение права собственности обязательно провоцирует сопротивление. В этом случае власть восстает против угнетенного, оказывающего сопротивление, и, вознамерившись лишить человека его благ, она вынуждена посягнуть и на его свободу...

Собственники — хозяева своего существования, поскольку могут отказаться от труда. Таким образом, владелец дохода, достаточного, чтобы существовать независимо от чужой воли, может иметь гражданские права. Более низкий ценз собственности ошибочен; более высокий — несправедлив.

Гизо Ф. **О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Там же. С. 341, 353, 359, 370.**

Человеческой мудрости не дано спасти народ, не способный содействовать собственному избавлению...

Теория суверенитета народа десять лет служила орудием войны, оставив ужасающее опустошение… Она оставила нам постыдное почитание большинства, ложное раболепие перед массой, истощающие и разрушающие язык и даже самое мысль многих сторонников свободы...

Никакие уловки не должны сдерживать восхождение или нисхождение индивидов в рамках социального порядка. Естественные преимущества, социальное превосходство не должны получать от закона никакой искусственной поддержки. Граждане должны оцениваться по их собственным заслугам, быть предоставлены своим собственным силам; нужно, чтобы каждый сам по себе мог стать, чем он может стать, и не встречал в институтах ни препятствия, которое помешало бы ему возвыситься, если он на то способен, ни помощи, которая поставила бы его в преимущественное положение, в котором он сам не может удержаться...

<Правительство> это глава общества; и в том случае, когда общество считает эту главу легитимной, именно в нем резюмируется и выражается социальная жизнь; именно ему принадлежит и на его долю естественным образом выпадает инициатива всего того, что составляет общественный интерес или возможность всеобщего движения.

***Дьюи Дж.* Демократия и организация образовательного процесса (1937) // *Дьюи Дж.* Реконструкция в философии. Проблемы человека. М., 2003. С. 173, 175.**

…Прежде всего стоит отметить, что смысл демократии гораздо шире узкой политической формы, или способа реализации власти, законотворчества и процедурной организации управления, опирающегося на всеобщее избирательное право и выборность должностей. Хотя и это, конечно, демократия. Но в целом она есть нечто более широкое и глубокое, чем все перечисленное...

Политические, организационные стороны демократии — это лишь лучшие из когда-либо открытых средств для осуществления целей, составляющих широкую сферу человеческих взаимоотношений и развития человеческой личности. Мы нередко говорим, впрочем подчас и не одобряя того, что стоит

за этими словами, что демократия есть образ жизни и общества, и личности...

Поскольку то, что мы называем интеллектом, присуще людям в неодинаковой степени, демократическое миропонимание, учитывая вполне универсальный характер этого явления, допускает, что каждый индивид вносит толику в конечный продукт коллективного разума, созданный вкладами всех людей, и что эту толику можно оценить лишь по участию в нем… Демократическое представление о равенстве покоится на вере в то, что каждый индивид будет иметь, таким образом, шансы и возможности приносить пользу, на которую он только способен, и что ценность его вклада станет определяться его ролью и функцией в структурированной совокупности подобных вкладов, а отнюдь не на основе какого-либо первичного положения.

Dewey J. The Society and Its Problems // The Later Works 1925–1953. Carbondale, 1981/1990. Vol. 2. P. 327–328.

С точки зрения индивида она (идея демократии) состоит в праве участвовать — по мере способностей — в формировании и направлении деятельности групп, к которым он принадлежит, а также разделять — по потребности — отстаиваемые этими группами ценности. С точки зрения группы идея демократии требует высвобождения скрытых возможностей членов группы в гармоничном соответствии с общими интересами и благами… Взятая как идея, демократия не есть альтернатива другим принципам (организации) жизни общества. Она есть идея жизни в обществе как таковой… Там, где осуществляется совместная деятельность, чьи последствия воспринимаются в качестве блага каждым отдельным ее участником, и где это благо осмысляется таким образом, что порождает сильное желания и попытку его сохранить именно потому, что оно является

благом для всех, там и возникает сообщество. Идея демократии образует ясное осознание <природы> общественной жизни во всех ее проявлениях.

***Хабермас Ю*. Демократия. Разум. Нравственность: московские лекции и интервью. М., 1995. С. 50, 52–53.**

Мы можем различить власть, *рождающуюся в процессе коммуникации, и административно применяемую* власть… коммуникативная власть может властвовать только опосредованно, ограничивая исполнительские функции административной, т. е. действительно осуществляемой власти.

***Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005. С. 174.**

…Сферы жизненного мира, специализирующиеся на том, чтобы передавать ценности из поколения в поколение, интегрировать группы и социализировать подростков, уже давно вынуждены рассчитывать на солидарность. Из этого же источника коммуникативных действий должно черпать силу и радикально-демократическое формирование общественного мнения и волеизъявления, и эти общественное мнение и волеизъявление должны оказывать влияние, с одной стороны, на разграничение коммуникативно структурированных сфер жизни и обмен между ними, а с другой — на государство и экономику.

***Ставракакис Я*. Двусмысленная демократия и этика психоанализа // Логос. 2004. № 2 (42). С. 202–203.**

Современные общества сталкиваются с непреодолимым разрывом между универсальным полюсом — потребностью в силе, действующей от имени всего общества, — и партикуляризмом всех социальных сил. Демократия не

является причиной этого разрыва; он предшествует демократии. По сути, именно он делает демократию возможной… Этот разрыв следует считать появлением оптимистической возможности демократии, противопоставляемой тоталитаризму или радикальному распаду; возможности, которая покоится на признании основополагающего характера этого разрыва, этого разделения, неотъемлемой дисгармонии между универсализмом и партикуляризмом, обществом и личностью, правительством и подданным и т. д.

Алексеева Т. А. **Демократия как идея и процесс // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 24.**

Демократия стремится расширить свободу и закрыть дорогу тирании, поддерживая выбор народа. В то же время свобода индивида требует свободного общества, которое, в свою очередь, невозможно без широко одобряемых социальных целей и ценностей, включая сущностно важные представления о справедливости и благе. Таким образом, неизбежно возникает напряжение между популистским демосом и эффективно управляемой республикой, волей и желанием отдельных индивидов и прерогативами сообщества. Такое напряжение естественно и закономерно, более того, именно оно лежит в основе процесса развития демократии.

Гегель. Г. В. Ф. **Философия права. М., 1990. С. 228, 288..**

В гражданском обществе каждый для себя — цель, всё остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие суть поэтому средства для цели особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими придает

себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу...

Особенный интерес не должен быть отстранен или даже подавлен, а должен быть приведен в согласие со всеобщим, благодаря чему будет сохранен он сам и сохранено всеобщее. Индивид, по своим обязанностям подданный, находит в качестве гражданина в исполнении этих обязанностей защиту своей личности и собственности, внимание к особенному благу и удовлетворение его субстанциальной сущности, сознание и чувство, что он член этого целого, и в этом исполнении обязанностей как свершений и дел на пользу государства государство обретает основу своей прочности и своего пребывания.

***Маркс К.* Гражданская война во Франции // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 17. С. 225.**

Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием — органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда, — существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе с феодализмом. Но прерогативы феодальных сеньоров, местные привилегии, городские и цеховые монополии и провинциальные уложения — весь этот средневековый хлам задерживал ее развитие. Исполинская метла Французской революции XVIII века смела весь этот отживший хлам давно минувших веков и таким образом одновременно очистила общественную почву от последних помех для той надстройки, которой является здание современного государства. Это здание воздвигнуто было при Первой империи, которая сама была создана коалиционными войнами старой полуфеодальной Европы против новой Франции. При

последующих режимах правительство, будучи подчинено парламентскому контролю, то есть непосредственному контролю имущих классов, не только превратилось в рассадник неисчислимых государственных долгов и тяжелых налогов; оно не только стало яблоком раздора между конкурирующими фракциями и авантюристами господствующих классов, которых непреодолимо влекли к нему предоставляемые им доходы и влиятельные и выгодные должности, — вместе с экономическими изменениями в обществе изменялся и его политический характер. По мере того как прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, государственная власть принимала всё более и более характер национальной власти капитала над трудом, общественной силы, организованной для социального порабощения, характер машины классового господства (в немецком издании 1871 г. конец этой фразы несколько изменен: «…государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, характер машины классового господства». — *Ред.*). После каждой революции, означающей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу всё более и более открыто. Революция 1830 г. отняла власть у земельных собственников и отдала ее капиталистам, то есть из рук более отдаленных врагов рабочего класса передала ее более непосредственным его врагам. Буржуазные республиканцы именем февральской революции захватили государственную власть и употребили ее на то, чтобы устроить июньскую бойню; они этой бойней доказали рабочему классу, что «социальная» республика — это республика, обеспечивающая его социальное порабощение, а монархически настроенной массе буржуазии и классу землевладельцев — что они могут без опасений предоставить буржуазным «республиканцам» заботы и денежные выгоды управления.

Но после своего единственного июньского подвига буржуазные республиканцы должны были уступить первое место и перейти в последние

ряды партии порядка, этой коалиции, образовавшейся из всех враждующих фракций и партий присваивающего класса, ставшего теперь в открытую противоположность к классам производительным. Самой подходящей формой для их совместного управления оказалась *парламентарная республика* с Луи Бонапартом в качестве ее президента; это был режим неприкрытого классового террора и умышленного оскорбления «подлой черни». По словам Тьера, парламентарная республика «меньше всего разделяла их» (различные фракции господствующего класса), но зато она открыла пропасть между этим немногочисленным классом и всем общественным организмом, существующим вне его. Если при прежних режимах раздоры внутри этого класса налагали все же известные ограничения на государственную власть, то теперь благодаря его объединению эти ограничения отпали. Ввиду угрожавшего восстания пролетариата объединившийся господствующий класс стал безжалостно и нагло пользоваться государственной властью как национальным орудием войны капитала против труда. Но его непрекращающийся крестовый поход против массы производителей заставил, с одной стороны, давать исполнительной власти все больше и больше прав для подавления сопротивления, с другой — постепенно отнимать у собственной парламентской твердыни — Национального собрания — все его средства обороны против исполнительной власти. Луи Бонапарт, представлявший собой эту исполнительную власть, разогнал представителей господствующего класса. Вторая империя явилась естественным следствием республики партии порядка.

Империя, которой coup d'etat служил удостоверением о рождении, всеобщее избирательное право — санкцией, а сабля — скипетром, заявляла, что она опирается на крестьянство, на эту обширную массу производителей, не втянутых непосредственно в борьбу между капиталом и трудом. Империя выдавала себя за спасительницу рабочего класса на том основании, что она разрушила парламентаризм, а вместе с ним и неприкрытое подчинение

правительства имущим классам, и за спасительницу имущих классов на том основании, что она поддерживала их экономическое господство над рабочим классом. И, наконец, она претендовала на то, что объединила все классы вокруг вновь возрожденного ею призрака национальной славы. В действительности же империя была единственно возможной формой правления в такое время, когда буржуазия уже потеряла способность управлять нацией, а рабочий класс еще не приобрел этой способности. Весь мир приветствовал империю как спасительницу общества. Под ее господством буржуазное общество, освобожденное от политических забот, достигло такой высокой степени развития, о которой оно не могло и мечтать. Промышленность и торговля разрослись в необъятных размерах; биржевая спекуляция праздновала свои космополитические оргии; нищета масс резко выступала рядом с нахальным блеском беспутной роскоши, нажитой надувательством и преступлением. Государственная власть, которая, казалось, высоко парит над обществом, была в действительности самым вопиющим скандалом этого общества, рассадником всяческой мерзости...

Маркс К. **Экономические рукописи 1857–1859 гг. (первоначальный вариант «Капитала») //** ***Маркс К., Энгельс Ф.*** **Соч. Т. 46. Ч. I. С. 17–18, 24, 191**.

Индивиды, производящие в обществе, — а следовательно общественно-определенное производство индивидов, — таков, естественно, исходный пункт. Единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии выдумкам XVIII века. Это — робинзонады, которые отнюдь не являются — как воображают историки культуры — лишь реакцией против чрезмерной утонченности и возвращением к ложно понятой природной, натуральной жизни. Ни в малейшей степени не покоится на таком натурализме и contrat social Руссо, который устанавливает путем договора взаимоотношение и связь между

субъектами, по своей природе независимыми друг от друга. Натурализм здесь видимость, и только эстетическая видимость, создаваемая большими и малыми робинзонадами. А в действительности это скорее предвосхищение того «гражданского общества», которое подготовлялось с XVI века и в XVIII веке сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости. В этом обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от природных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата. Пророкам XVIII века, на плечах которых еще всецело стоят Смит и Рикардо, этот индивид XVIII века — продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой — развития новых производительных сил, начавшегося с XVI века, — представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется им не результатом истории, а ее исходным пунктом, ибо именно он признается у них индивидом, соответствующим природе, согласно их представлению о человеческой природе, признается не чем-то возникающим в ходе истории, а чем-то данным самой природой. Эта иллюзия была до сих пор свойственна каждой новой эпохе. Стюарт, который во многих отношениях находится в оппозиции к XVIII веку и, как аристократ, в большей степени стоит на исторической почве, избежал этой ограниченности.

Чем дальше назад уходим мы в глубь истории, тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее — с возникающей из столкновения и слияния родов общиной в ее различных формах. Лишь в XVIII веке, в «гражданском обществе», различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности как всего лишь средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, порождающая эту точку зрения — точку зрения обособленного одиночки, — есть как раз эпоха наиболее

развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) отношений. Человек есть в самом буквальном смысле ζώον πολιτικόν (политическое животное), не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленного одиночки вне общества — редкое явление, которое, конечно, может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и потенциально уже содержащим в себе общественные силы, — такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидов...

…Каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д. Грубость и поверхностность взглядов в том и заключается, что явления, органически между собой связанные, ставятся в случайные взаимоотношения и в чисто рассудочную связь. У буржуазных экономистов здесь на уме только то, что при современной полиции можно лучше производить, чем, например, при кулачном праве. Они забывают только, что и кулачное право есть право и что право сильного в другой форме продолжает существовать также и в их «правовом государстве...

В обмене, покоящемся на меновых стоимостях, свобода и равенство не только уважаются, но обмен меновыми стоимостями представляет собой производительный, реальный базис всякого *равенства* и всякой *свободы*

Тихомиров Л. А. **Социализм в государственном и общественном отношении //** ***Тихомиров Л. А.*** **Критика демократии. М., 1997. С. 308.**

Общественность такая, как она возникла и живет в мире, по естественным законам, составляет явление, в котором созидающей силой являются два неразрывно связанных фактора: *индивидуализм* и *коллективизм*. Законы общественности создаются, держатся и видоизменяются их совокупным действием.

***Хайек Ф. А.* Либерализм // Фридмен, Милтон и Хайек. О свободе (Серия: Философия свободы, вып. II). М.; Челябинск, 2003. С. 157–159**.

Равная ответственность перед законом с необходимостью порождает очень разные результаты деятельности; для достижения равенства возможностей или позиций нужно было бы, чтобы правительство ко всем относилось различно...

Но он <либерализм> не требует справедливости результатов; ведь в обществе свободных людей эти результаты всегда будут зависеть от действий самих людей и от множества других обстоятельств, которые нельзя предвидеть и которыми никто в их целостности не в состоянии управлять... <Использование прогрессивного налогообложения для перераспределения доходов в пользу бедных классов> противоречит принципу равенства перед законом.

***Даль Р.* О демократии. М., 2000. С. 169, 188.**

Поскольку рыночный капитализм неизбежно порождает неравенство, он ограничивает демократический потенциал полиархической демократии тем, что приводит к неравномерному распределению политических ресурсов…

Из-з того, что решающее значение в либеральной мысли получает публичность, особенно господство общественного мнения, либерализм и демократия кажутся тождественными.

Конституция США // Конституции буржуазных государств. М., 1982.

Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и

подчиненные их власти, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают. Ни один штат не должен издавать или приводить в исполнение законы, ограничивающие привилегии и вольности граждан Соединенных Штатов; ни один штат не должен лишать кого-либо жизни, свободы или собственности без законного судебного разбирательства и не может отказать лицу, подчиненному его власти, в равной для всех защите закона.

***Норберт Э.* Общество индивидов, М., 2001. С. 18–19, 217.**

Всюду, куда бы мы ни посмотрели, мы сталкиваемся с одними и теми же антиномиями. У нас есть определенное традиционное представление о том, что мы представляем собой в качестве отдельных индивидов. У нас также есть определенное представление о том, что мы подразумеваем, когда мы говорим «общество». Но оба эти представления — то, как мы осознаем себя как общество, и то, как мы осознаем себя в качестве индивида, — никогда не соединяются в одно целое. В то же самое время мы, вне всякого сомнения, более или менее ясно сознаем, что в действительности между индивидом и обществом не существует подобной пропасти. Никто не станет сомневаться в том, что индивиды образуют общество и что всякое общество — это общество индивидов...

Для структуры наиболее развитых обществ наших дней характерно, что тому, что отличает людей друг от друга, их Я-идентичности, приписывают сегодня большую ценность, чем тому, что у них есть общего, — их Мы-идентичности. Первое, Я-идентичность, превалирует над Мы-идентичностью… Но подобного рода баланс между Мы и Я с подавляющим перевесом в пользу Я-идентичности отнюдь не является чем-то само собой разумеющимся. На более ранних стадиях развития человечества Мы-идентичность часто брала верх над Я-идентичностью.

***Лебон Г.* Психология толп // Психология толп. М., 1999. С. 126, 131–132.**

Могущество масс представляет собой единственную силу, которой ничто не угрожает и значение которой всё увеличивается. Наступающая эпоха будет поистине *эрой масс*...

Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но очень определенные черты. Собрание в таких случаях становится той… организованной толпой или толпой одухотворенной, составляющей единое существо и подчиняющейся *закону духовного единства толпы*.

***Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. С. 55, 108, 119, 120–121. http://pstgu.ru/download/1180624504.vosstanie_mass.pdf.**

Девятнадцатый век был революционным по сути. И суть не в живописности его баррикад — это всего лишь декорация, — а в том, что он поместил огромную массу общества в жизненные условия, прямо противоположные всему, с чем средний человек свыкся ранее… век перелицевал общественную жизнь...

Она существует для того, чтобы ее вели, наставляли и представительствовали за нее, пока она не перестанет быть массой или по крайней мере не начнет к этому стремиться. Но сама по себе осуществить это она не способна. как неукротимая и слепая сила нуждается в своем укротителе и поводыре, что является одной из ее особенностей...

Масса — это множество людей без особых достоинств. Это совсем не то же самое, что рабочие, пролетариат. Масса — это средний, заурядный человек... Таким образом, то, что раньше воспринималось как количество, теперь предстает перед нами как качество.

Московичи С. **Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. С. 27, 49.**

Толпа, масса — это социальное животное, сорвавшееся с цепи.. Они восстали, став видимыми и слышимыми — и даже несущими угрозу существованию индивидов и классов из-за их тенденции всё перемешивать и всё обезличивать.

Новгородцев П. **Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М. 2010. С. 254–255. http://predanie.ru/lib/book/181092/#toc1.**

Не удивительно, если первые указания этого рода были сделаны со стороны писателей, интересовавшихся постановкой моральной проблемы. Для моральной философии была в особенности чувствительна эта попытка претворить идеальные ценности в относительные и временные, условные по своему происхождению и значению. Ведь это значило отказаться от того, что издавна признавалось основой нравственности. Легче было примириться с относительностью теоретических положений, тем более что в этой области никому не приходило в голову провести до конца точку зрения исторического релятивизма и доказать, например, что все научные аксиомы и законы изменчивы и относительны. Но в применении к нравственным понятиям эту мысль проводили с особенным старанием, доказывая, что вся нравственность выросла из ничего, на почве простого эгоизма и расчета, приспособленных долговременным процессом эволюции к разумному и целесообразному проявлению для достижения общих целей. Выросшая из эгоизма, постоянно изменяющаяся, совершенно условная, нравственность утрачивала черты абсолютного долженствования, присущего самой

сущности человека и составляющего внутренний закон его воли. Таким образом, самое дорогое убеждение морального сознания — вера в безусловное нравственное призвание личности — подрывалась в корне. Нравственная философия должна была восстать против этих святотатственных посягательств и выступить на защиту той своей основы, без которой она немыслима.

А в то время как философия нравственного идеализма выступала на защиту самостоятельного нравственного начала и безусловного права личности возвышаться над историей и произносить над ней свой суд и свою оценку, там и здесь совершались глубокие процессы жизни, предвозвещавшие грядущее творчество новых форм. Снова чувствовалось веяние созидательного духа истории. Мысль невольно призывалась к тому, чтобы думать о задачах и призвании личности, через которую совершается прогресс истории. От прошлого она обращалась к будущему. И как обыкновенно это бывает, то будущее, которое оставалось желанным, но неопределенным и неясным, заставляло думать о правильной постановке целей и средств, о выяснении идеалов и стремлений.

Вот в каком сочетании старых и новых задач следует, как мне кажется, объяснять совершающееся на наших глазах возрождение естественного права. Идея естественного права явилась лишь частным отражением более общего миросозерцания и более широкого морально-практического настроения. Еще прежде чем о ней заговорили новейшие юристы, она нашла для себя место среди политических идей прогрессивных партий. В России она была недавно усвоена теми публицистами, которые с одинаковой чуткостью относились и к текущим запросам жизни, и к проблемам общего философского мировоззрения. Но для ее возрождения в пределах юриспруденции были еще и свои специальные поводы, о которых здесь также необходимо упомянуть.

…Таким образом, мы приходим к заключению, что и в немецкой литературе возрождение естественного права вызывается глубокой

потребностью жизни, которая, настойчиво заявляя о себе, обращает мысль к новым перспективам. Если теперь идея естественного права делает, по словам В. М. Гессена, «с каждым годом, почти с каждым днем чудовищно быстрые успехи», то это объясняется тем, что дни исключительного историзма сочтены. Принципиальная обработка правовых принципов, выяснение идеалов будущего, преобразование права в свете новых жизненных начал требует особых приемов мысли и особой научной подготовки. Одной истории права, даже и в той постановке, о которой говорит Нейкамп, здесь недостаточно. Напротив, тут прямо требуется разрыв с традициями исключительного историзма и переход к новым точкам зрения. Требуется именно возрождение естественного права с его априорной методой, с идеальными стремлениями, с признанием самостоятельного значения за нравственным началом и нормативным рассмотрением. Вот пункт, который необходимо выяснить подробнее.

Совершающееся на наших глазах возрождение естественного права, как мы видели, находится в связи с тем предчувствием новых жизненных форм, которое невольно обращает мысль от настоящего к будущему. Эта связь естественно-правовой доктрины с созиданием новых правовых форм, объясняя ее распространение в наше время, вместе с тем раскрывает и ту постоянную потребность, которая и прежде неизменно приводила к естественно-правовым построениям. Это — потребность сознательно идти навстречу будущему и осуществлять в нем, еще неопределенном и как бы находящемся в нашей власти, наши идеальные стремления и надежды. Особенно ярко сказывается эта потребность в эпохи кризисов и переломов, когда старые формы жизни явно обнаруживают свою ветхость, когда обществом овладевает нетерпеливая жажда новых порядков. Но в большей или меньшей степени необходимость изменений и усовершенствований в праве чувствуется постоянно, в связи с постоянным изменением жизни. Те законы и учреждения, которые в каждом обществе охраняются властью и судами и составляют его положительное право, никогда не могут быть

совершенными. Они никогда не могут примирить интересы разнообразных групп, составляющих общество, и еще менее того могут они раз навсегда определить справедливый уклад жизни, не нуждающийся ни в каких изменениях с течением времени. Жизнь постоянно уходит вперед и требует для себя новых определений. Отсюда постоянное недовольство существующим, еще не успевшим измениться правом; отсюда и требования лучшего, идеального, естественного права. Мысль человеческая имеет это свойство жить не только в настоящем, но и в будущем, переносить в него свои идеалы и стремления, и в этом смысле естественно-правовые построения являются неотъемлемым свойством нашего духа и свидетельством его высшего призвания. Общество, которое перестало бы создавать идеальные построения, было бы мертвым обществом; эти построения каждый раз показывают, что в нем есть дух жив, есть движение нравственного чувства и сознания. И всегда эти построения приводятся в связь с правом, как той формой общественной жизни, которая определяет внешние условия ее бытия, имеющие огромное значение и для нравственного развития. Внешние правовые формы далеко не безразличны для наших нравственных целей: от качества этих форм, от их соответствия нравственному началу зависит, находит ли человек в данной среде гнетущую его необеспеченность свободы или счастливую возможность беспрепятственно развивать свои силы. Из этой связи внешней общественной формы с нравственными стремлениями лиц неизбежно вытекает потребность совершенствовать право, приближая его к идеальным целям.

…Здесь мы приблизились к самому заветному, самому дорогому убеждению современной моральной философии. Мы говорили выше о том, что принципы нравственного долженствования и причинной необходимости должны быть сближены, поставлены в связь, и для всех знакомых с философией это утверждение могло уже указать на известное отношение наше к тому вопросу, который здесь возникает. Философия Канта, впервые с полной ясностью проведшая грань между бытием и долженствованием,

вместе с тем установила между этими областями безысходный и безнадежный дуализм. Нравственная идея оказывалась возвышенной, но недосягаемой целью стремлений. Задача нашего времени, как и эпохи непосредственных преемников Канта, состоит в том, чтобы понять связь двух областей и их конечную гармонию. Эта задача выводит нас за границы как положительной науки, так и моральной философии: мы вступаем здесь в область метафизики. В высшем метафизическом синтезе, в предположении конечной объективной цели начала бытия и долженствования сочетаются высшей связью. Причинная необходимость, естественный ход событий могут противоречить и противодействовать нравственному закону, но только в пределах ограниченного опыта. Конечное торжество принадлежит высшей гармонии.

Отсюда нравственная задача, и в частности идея естественного права, получает свое высшее подкрепление. Сила нравственных построений и твердость надежд опираются на такой фундамент, который незыблем для временных разочарований и преходящих неудач. Каковы бы ни были эти неудачи и разочарования, в служении высшему благу, в сознании нравственного закона мы находим верный путь к освобождению от призрачной силы преходящих явлений и к радостному признанию абсолютных начал.

Соловьев В. С. **Право и нравственность. Минск; М., 2001. http://www.odinblago.ru/soloviev_8/2.**

II

Требования нравственности и требования права отчасти совпадают между собой, а отчасти не совпадают. Убивать, красть, насиловать одинаково противно и нравственному и юридическому закону — это вместе и грехи и преступления. Тяжба с ближним из-за имущества или из-за личного

оскорбления противна нравственности, но вполне согласна с нравом и узаконивается им. Гнев, зависть, частное злословие, неумеренность в чувственных удовольствиях молчаливо допускаются правом, но осуждаются нравственностью как грехи. В чем тут принцип разграничения?

Нельзя видеть его в различии между нравственностью отрицательной по запретительной заповеди: никому не вреди (neminem laede), относя сюда всю область права, и нравственностью положительной по повелительной заповеди: всем сколько можешь помогай (omnes quantum potes juva), приурочивая сюда все собственно нравственные, не юридические отношения. Такой принцип деления оказывается недостаточным со всех сторон. Во-первых, юридический закон запрещает не все вредные действия, а только некоторые из них, к остальным относясь безразлично. Сплетня, ложь, злословие и клевета в частных разговорах, несправедливые и язвительные нападения в печати, без сомнения, могут быть очень вредны тем, кто от них страдает, но юридически закон к этому вреду равнодушен. Во-вторых, этот закон, не ограничиваясь, с другой стороны, запрещением вредного, иногда положительно предписывает лицам известного рода (например, врачам, полицейским) оказывать прямую помощь тем, кто в ней нуждается. В-третьих, чисто нравственный закон едва ли не в большинстве случаев состоит из запрещения таких действий, которые вредны или обидны для других.

Этих несоответствий вполне достаточно, чтобы отвергнуть попытку свести различие между юридической и этической областью к различию между положительными и отрицательными заповедями или нормами. Юридический закон допускает некоторую безнравственность в обоих смыслах, т. е. нарушение как положительной, так и отрицательной нравственной заповеди: он не только позволяет иногда оставлять ближних без помощи, но разрешает иногда и вредить им в известной мере. Итак, по-видимому, чтобы установить достаточный принцип деления между двумя областями, необходимо отыскать в праве такой элемент; который совсем не

связан с нравственностью, вполне лишен этического значения. Это как будто достигается через определение права как охраненного или защищенного *интереса.*

Слово «интерес» звучит в самом деле как-то положительно и реально, в нем есть что-то даже материалистическое, исключающее всякий идеализм и сентиментальность. Посмотрим, какую пользу можно извлечь из этих качеств для нашего вопроса.

«Право есть охраненный интерес». Нет ли тут, однако, скрытой тавтологии? Ведь не о всяком здесь интересе говорится и не о всяком охранении. Если кто-нибудь свой имущественный интерес охранит злостным банкротством или иным мошенничеством, а свой интерес в сфере «свободной любви» защитит посредством отравления своей законной супруги, то подобным образом охраненный интерес едва ли будет признан за истинное существо правового начала. В указанном определении, несомненно, имеется в виду лишь интерес *правомерный,* охраняемый на правовом основании, в силу закона и с помощью (если нужно) законной власти. А если так, то, значит, в этом определении уже присутствует определяемое, что логикой не допускается. Право есть интерес, охраненный... правом! Право есть право, idem per idem.

Можно, конечно, не оставляя понятия интереса, избежать логической ошибки, видоизменив определение таким образом: *право есть норма интересов, подлежащих публичному охранению.* Но это формальное улучшение оставляет по существу вопрос открытым.

III

Какая норма превращает интерес в право, или какому общему требованию должен удовлетворять интерес, чтобы стать подлежащим обязательному охранению со стороны законной власти? Положим, будучи занят трудной умственной работой, полезной для меня и для других, я в высшей степени заинтересован в том, чтобы досужие посетители не

отнимали у меня времени и не прерывали ход моих мыслей. Казалось бы — вот интерес, вполне достойный стать правом. Однако ни в каком законодательстве не существует запрещения отнимать время у кого бы то ни было. Закону нет никакого дела до этого моего интереса самого по себе, моему собственному усмотрению предоставляется охранять его или не охранять. Но вот я запер свои двери на ключ, и тем не менее какой-нибудь очень решительный посетитель проник ко мне, положим, подделав ключ или выломав дверь. Тут уже мой интерес превращается в положительное право, и я с успехом обращаюсь к содействию общественной власти, по закону обязанной охранять мое жилище от насильственных вторжений. Итак, мой интерес охранен. *Какой,* однако? Конечно, *не* интерес моей умственной работы, до которого законной власти как не было, так и продолжает не быть никакого дела. Ведь я мог запереться и для того, чтобы спокойно спать, или для того, чтобы предаваться приятным мечтаниям, или чтобы напиваться водкой без свидетелей, или чтобы обдумывать в уединении план какого-нибудь адского злодейства, — для закона, охраняющего меня от насильственного вторжения, это решительно всё равно. Нельзя же, однако, допустить, что мой интерес напиваться водкой или обдумывать чудовищное убийство соответствует сам по себе правовой норме и подлежит правовой охране. Ясно, что закон охраняет не какие-нибудь мои интересы, а только один-единственный интерес моей свободы: в данном случае впускать или не впускать к себе посетителей. Положим, вместо того чтобы запирать свою дверь, я из деликатности или из слабохарактерности оставляю ее открытой, но мои друзья, по мнению которых моя работа должна меня прославить и осчастливить человечество, ввиду столь важного интереса, насильно, против моей воли запирают мои двери перед посетителями или, не спросив меня, гонят их прочь: тут охрана закона обеспечена мне против самих охранителей моего интереса, т. е. закон обеспечивает за мной свободу *не* защищать моего интереса! Настолько несомненно, что его собственный интерес и норма его действия есть только ограждение моей свободы безотносительно к какому бы

то ни было определенному интересу

Ради этого ограждения свободы закон предоставляет известный простор личной безнравственности. Человек, который заперся, чтобы напиваться водкой, может при этом не пустить к себе людей, имеющих в нем крайнюю нужду; такая двойная безнравственность узаконивается: она есть его субъективное право, охраняемое от всякого посягательства правом объективным, или законной властью.

В каких же пределах узаконивается свобода безнравственного поведения, или в каких пределах безнравственность есть право и грех *не* есть преступление? Почему человек, пьянствующий взаперти и отказывающийся удовлетворить нуждающихся в нем ближних, прав, а человек, вламывающийся к этому негодяю, не прав? По-видимому, различие просто: первый, при всей своей негодности, сидит спокойно и никого не трогает, тогда как второй производит наступательное насилие. Значит, закон позволяет безнравственность страдательную[50] и запрещает безнравственность деятельную: закон против нападающего, но и этот принцип не может быть последовательно проведен. Существует *преступное бездействие:* не только врач или полицейский, но и всякий человек обязан по закону, в известных случаях, оказывать помощь ближним, и кто в этих случаях остается в страдательном положении, подлежит законной ответственности. Очевидно, отношение между правом и нравственностью слишком сложно для того, чтобы принцип деления исчерпывался здесь одним простым признаком. Попытки установить этот принцип, исходя исключительно из противоположности правовой и нравственной области и пренебрегая их общностью, оказываются неудачными. Остается испробовать обратный путь — от общего к различному.

[50] Разумеется, это различие весьма относительно: твердой границы между страдательным состоянием и деятельным поступком не существует, не говоря уже о спорной промежуточной области деяний, выражающихся в слове и письме.

Ильин И. А. **О сущности правосознания / ред. и вступит. ст. И. Н. Смирнова. М., 1993. http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/06/иль_11.pdf.**

Человек, впервые встречающийся с правовым регулированием жизни, узнает, что из возможных для него и действительных его поступков и состояний не все имеют «правовое значение»; что есть такие, о которых в праве так или иначе упоминается, — «предусмотренные» действия и состояния, и такие, о которых «ничего не говорится»; и что предусмотренным действиям и состояниям придается какой-то особый характер, так что с ними связываются какие-то характеристики, изменения, последствия и т. д. И первое, на что наталкивается его сознание, это то, что все эти характеристики, последствия, выводы и т. д. *сохраняют свое значение* даже в том случае, если он их не захочет признать, и если он будет действовать так, как будто он о них ничего не знал или как будто бы их «вовсе не было». Оказывается, что «значение» их не нуждается в его сознании, согласии и признании.

…Правовая «сеть», как и всякая сеть, имеет пустые промежутки; она не сковывает человека по рукам и ногам. Право не только не предусматривает *все* действия и состояния людей, но и не стремится к этому; а в том, что предусмотрено, оно не может действовать подобно законам природы. Право не может сделать «запретное» — неосуществимым, «обязательное» — неизбежным, «позволенное» — доступным; оно запрещает, требует, позволяет, наконец, оно угрожает неприятными последствиями и приводит их, где удается, в исполнение; но оно бессильно поставить человека в то положение *безвыходной необходимости*, в котором он пребывает как явление природы: в качестве живой части мира человек может жить только *по* законам природы, комбинируя их в свою пользу или же себе во вред; он бессилен нарушить их; но в качестве *субъекта права* он может сплетать законные поступки с незаконными, *правомерные с неправомерными, нарушая*

право, *преступая* его правила и даже ускользая в пустые промежутки правовой «сети» (напр., жизнь шайки разбойников).

Однако в чем же тогда состоит «значение» права? Разве не следует называть *законом* лишь то, что *ненарушаемо*; лишь то, что непоколебимо прочно, как фатум, ведущий согласного и насильственно влекущий строптивого? Какое же «значение» можно признать за правом, если оно по самому существу своему *нарушимо*; если есть возможность преступать и обходить его; если оно не ставит человека в положение безвыходности, а только угрожает неприятностями, которые часто не удается осуществить? Что значат все эти «характеристики» и «квалификации», все эти «можно», «должно» и «нельзя», если от них возможно ускользнуть и над ними посмеяться? В чем же *сила* этого *закона*, если в порядке внешнего, вещественно-телесного существования он так часто бывает бессилен?

Для человека с неразвитым правосознанием всех этих сомнений достаточно, чтобы отнести значение права к области иллюзий, наваждений, фантазий или, по модному ныне слову, к области «фантасм». Право *не имеет* объективного значения, как не имеет и объективного смыслового содержания; однако *людям кажется*, что в нем есть и то и другое, и, поддаваясь этой иллюзии, они *воображают*, что имеют дело с чем-то объективно значащим и обстоящим. Между тем стоит им только внимательно присмотреться к их личному «опыту», и они убедятся в своей ошибке: всё исчерпывается их *субъективным переживанием*, их эмоциями и работою воображения, создающего различные «фантасмы».

…Именно здесь приходит конец всякому правосознанию; ибо *сознавать право* — не то же самое, что иметь клубок субъективных эмоций, посвященных реакции на мнимые «повеления» и «предоставления». Весь вопрос *о праве* начинается только там, где допускается, что *не всё кажущееся правомерным в самом деле правомерно*; только там, где субъективному мнению о праве и посяганию на право противостоит *объективно обстоящее, предметно определенное, самозначащее* право;

только там, где возможен *спор о праве*, т. е. основывающееся на тождественном смысле высказываний состязание о правовой истине; следовательно, только там, где есть *самый предмет*, а у предмета — объективный, заданный к адекватному уразумению *смысл.* Но смысл постигается не аффектом, и не эмоцией, и не воображением, а *мыслью.* И право не переживается в виде случайных, и по содержанию не обоснованных, «нормативно-атрибутивных» толчков и побуждений, но *предметно* восприемлется *и обоснованно испытывается* волею, как объективно значащее установление. Вне этого нет и не может быть правосознания, а будут только беспредметные и необоснованные суждения *о мнимом* праве и смутные фантасмы на темы, более или менее *подобные* праву.

Для того чтобы иметь зрелое правосознание, необходимо выносить в душе особый опыт, который может быть обозначен так: это есть прежде всего *непосредственное, подлинное и отчетливое* испытание чего-то неосязаемого, как имеющего *объективное значение*.

Развитие правосознания требует, чтобы *каждый из нас усмотрел с силой очевидности объективное значение права.* Оно состоит в том, что квалификации, разграничения и постановления, раз получившие всю полновесную природу права и его «достоинство», *сохраняют* это значение правовой верности, правильности и обязательности *независимо* от случайного мнения, несогласия или даже систематического неповиновения со стороны того или иного субъекта права.

…Это объективное значение права вообще не следует смешивать с его жизненной *силой* или эффективностью. Значение права, правильно установленного и не отмененного, состоит не в том, что люди его знают, понимают и черпают в этом знании мотивы для соответствующего поведения; но в том, что оно хранит в себе некий *верный масштаб и некое верное правило поведения*, которое сохраняет свою верность даже и тогда, когда люди не знают и не хотят его знать. Если правосознание стоит на низком уровне, то *практическое «действие»* права сильно страдает от этого,

но *значение* его, как масштаба и правила, от этого не уменьшается.

Всё это можно выразить так: *право нуждается в правосознании для того, чтобы стать творческой жизненной силой; а правосознание нуждается в праве для того, чтобы приобрести предметную основу и объективную верность.*

Право только тогда осуществит свое назначение, когда правосознание примет его, наполнится его содержанием и позволит новому знанию влиять на жизнь души, определять ее решения и направлять поведение человека. Тогда *станет силой во внутренней* жизни человека, а через это и в его *внешней* жизни.

Однако для этого необходимо, чтобы право, в его объективном смысловом содержании и в его объективном значении, было не только *осознано мыслью и проверено опытом, но и признано волею человека.*

***Радбрух Г.* Философия права. М., 2004. http://fissato.ru/category44/kniga41232.html.**

§ 4. Понятие права

С первого взгляда кажется, что вопрос о понятии права относится к теории, а не к философии права. На самом же деле теория права всегда стремится вновь и вновь вывести понятие права индуктивно из отдельных правовых явлений. И несомненно, в принципе возможно путем сравнения отдельных правовых явлений вывести общее понятие, которое составило бы их основу. Разумеется, подобным образом можно вывести понятие права, но не обосновать его; опираясь на опыт, можно вывести неограниченное число общих понятий. Например, все люди, имена которых начинаются с определенной заглавной буквы, или люди с определенной датой рождения. Но общность подобных понятий, касающихся большего или меньшего круга отдельных фактов, не может, однако, служить гарантией их ценности.

Неслучайность, важность, то есть эффективность, полезность общих понятий нельзя доказать с помощью индуктивного метода. Для того чтобы выяснить, является ли данное правовое понятие общим и почему такие понятия нужны, следует обратиться к способам их получения.

Понятие права — понятие, относящееся к сфере культуры, то есть понятие действительности, опосредованной ценностью действительности, смысл которой — служить ценности. Право — это действительность, смысл которой заключается в том, чтобы служить правовой ценности, идее права. Понятие права также стремится к идее права.

Идея права не может быть ничем иным, как справедливостью. “Est autem ius a iustitia, sicut a matre sua, ergo prius fuit iustitia quam his” («Право порождено справедливостью, как матерью, ибо справедливость предшествовала праву»)[51]. И у нас есть также все основания рассматривать справедливость в качестве исходного пункта, так как Справедливое, подобно Добру, Истинному, Прекрасному — абсолютно, то есть ценность, которую нельзя вывести ни из какой другой ценности. Можно попытаться увидеть в справедливости форму морального Добра. Она таковой и является с точки зрения человеческих качеств, добродетели. Согласно Ульпиану «справедливость — это постоянная и неизменная воля наделить каждого его правом» (“constans ac perpetua voluntas ius suum cuique tribuendi”)[52].

Но эту справедливость в субъективном смысле нельзя определить иначе, как образ мышления, устремленный к объективной справедливости. Точно так же, как истинность устремлена к истине. И только об этой объективной справедливости здесь идет речь. Но у нее совсем иной предмет оценки, чем тот, в отношении которого делается моральное оценочное суждение: моральная оценка относится всегда лишь к человеку, его воле, образу мышления, характеру. Социальная этика оценивает человека в его отношениях с другими людьми, но никогда сами отношения как таковые. Справедливыми в смысле объективной справедливости могут быть только

[51] Глосса 1.1. pr. D. 1.1.
[52] D.1.1.1.10.

отношения между людьми. Идеал морального добра — в идеальном человеке. Идеал справедливости — в идеальном общественном строе.

Но при рассмотрении с другой точки зрения справедливость может быть двоякого рода. Справедливым можно назвать применение закона, или следование ему, или же сам закон. Первый вид справедливости, особенно справедливость судьи, точнее было бы назвать честностью (Rechtlichkeit). В данном случае речь идет не о той справедливости, критерием для которой служит позитивное право, а той, которая сама служит для него критерием.

Справедливость в этом случае означает равенство. Но равенство само может принимать различные значения. С одной стороны, в зависимости от объекта оно может относиться к вещам или к людям; справедливо вознаграждение, которое соответствует стоимости труда, справедливо и наказание, если оно одинаково для всех. С другой стороны, в зависимости от выбранного критерия ее можно рассматривать как абсолютное или относительное равенство: вознаграждение соответствует труду, но наказание становится строже пропорционально вине.

Оба эти различия соединяет знаменитое учение Аристотеля о справедливости. Абсолютное равенство между благами, например между трудом и вознаграждением, между вредом и его возмещением, Аристотель называет уравнительной справедливостью. Относительное равенство во взаимоотношениях между различными людьми, например налогообложение в зависимости от трудоспособности, предоставление пособия соразмерно нуждаемости, поощрение и наказание в зависимости от заслуг и степени вины, является, по Аристотелю, сутью распределительной справедливости. Отношения уравнительной справедливости требуют участия по крайней мере двух лиц, распределительной — по крайней мере трех. В первом случае два противостоящих друг другу лица равноправны. Во втором — одно из этих трех лиц в качестве начальника налагает на двух других обязательства или предоставляет им преимущества. Сфера действия уравнительной справедливости — отношения, требующие координации, распределительной

— субординации. Уравнительная справедливость — справедливость частного права, распределительная — публичного права.

…Действительности, смысл которых в служении идеям, имеют психологическую природу оценок и требований и тем самым представляют собой особый вид действительности, промежуточный образ между идеей и другими действительностями. Они принадлежат в качестве психологически опосредованных данностей самой действительности, но имеют одновременно приоритет над другими действительностями, устанавливая для них ценностные критерии и подчиняя выполнению соответствующих требований. К этому виду действительности относят совесть, вкус, понимание, а также образы эстетической, этической, логической идей в области культуры. То же самое можно сказать о соотнесенности культурных образов идеи права. Такой соотнесенной с правовой идеей данностью является предписание (Anordnung). С его помощью также может быть показан особый характер этой действительности, равно как позитивность и нормативность (права). Предписание как особый вид действительности, относящейся к правовой идее справедливости, направлено вместе со справедливостью на предмет, который оно опосредует: то есть на отношения людей между собой. Соответственно, предписание имеет социальный характер. В соответствии с сутью справедливости эти отношения следует формировать в смысле равенства. Так что суть правового предписания заключается в том, чтобы осуществлять регулирование в интересах равенства, претендовать на обобщенность и быть общим по своей природе. Предписание для отдельного лица или единичного отношения, аналогичное «мере» по ст. 48 (2) Конституции Веймарской республики, становится правовой нормой (Rechtssatz) лишь в том случае, если ее действие направлено исключительно на регулирование статуса данного конкретного индивида или данного конкретного правоотношения, и при условии, что лежащее в ее основе предписание само имеет индивидуальный характер. Резюмируя сказанное о сути правового предписания, можно констатировать его позитивный и

одновременно нормативный, социальный и общий характер. И соответственно в этом смысле право определяется как совокупность предписаний, общих по своей природе, регулирующих отношения между людьми в обществе.

Это определение понятия получено не индуктивно, путем обобщения отдельных правовых явлений, а дедуктивно выведено из правовой идеи. Оно также не юридическое, а «доюридическое», то есть оно априорно по отношению к юридической науке. Понятие права не обычное, не случайное. Оно — важное общее понятие. Право не потому право, что классифицирует отдельные правовые явления, а скорее наоборот — правовые явления лишь потому «правовые», что охватываются понятием права. Неправовые явления поставили над собой понятие права демократическим путем. Оно властвует над ними «Божьей милостью», то есть «милостью Идеи права». Только когда мы начинаем рассматривать хаос данности с точки зрения понятия права, отделяются, как по Слову Создателя — Вода и Суша, юридически существенное от юридически несущественного. Только когда право воспринимают (по словам Савиньи) как «самую жизнь человеческую, увиденную со специфической точки зрения», эта конститутивная для мира права точка зрения является априорным понятием права.

Понятие права содержит целый ряд отдельных правовых понятий, как и право — априорных по своей природе. Они — первичны, не результаты, а инструмент науки, не случайно обобщенная совокупность правовых явлений, а необходимые категории юридического мышления. Так, следствием одновременности позитивной и нормативной природы права является понятие правовой нормы (Rechtssatz), и с ней — понятия ее составных частей (элементов): априорно, то есть заранее можно сказать, что нет правовой нормы без предмета ее регулирования, равно как и то, что предмет регулирования и саморегулирование должны включать в себя: фактический состав (Tatbestand) и правовые последствия. С позитивностью и нормативностью права неразрывно связан вопрос о месте возникновения

права, вопрос об источниках права. Не является правом то, что не дает ответа на вопрос о происхождении своего нормативного характера и не способно к такому ответу! Из нормативного характера права возникает двоякая возможность действовать согласно и вопреки ей и собственно понятия правомерности и противоправности, в свете которых считается априорным, что любой правовой факт должен быть подтвержден. Из действия права, как регулятора общественной жизни, взаимоотношений между людьми, следует, что содержание этого регулирования должно включать в себя обоснование правоотношений и в качестве их составных частей — возложение правовой обязанности и наделение субъективными правами. Немыслим правовой порядок, который не реализовался бы в правоотношениях, правах и обязанностях. А права и обязанности, в свою очередь, немыслимы без субъектов, которые являются их носителями, и без объектов, в отношении которых они действуют. Субъект права и объект права не относятся к таким понятиям, без которых один правопорядок мог бы обойтись, а другой — нет. Это — важные понятия любого мыслимого права.

При дальнейшем изложении нам еще встретятся другие априорные правовые понятия. «Априорность» — понятие, касающееся отношений. Оно характеризует отношение определенных понятий к определенному фактическому материалу. Априорность понятия права целиком проявляется на фоне всей полноты юридических фактов. И эти проявления не поддаются предварительному исчерпывающему подсчету, как и факты, которые будут подпадать под понятие права. Мысль о едином каталоге правовых категорий (Kategorientafel), то есть о таблице симметричных (соотносящихся друг с другом) априорных правовых понятий, также нереализуема.

Ященко А. С. **Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства.**

СПб., 1999. http://spisok-literaturi.ru/books/filosofiya-prava-vladimira-soloveva-teoriya-federalizma_112567.html.

Чтобы построить правильно обоснованную теорию права, нужно предварительно определить ее настоящее научное место среди других основных социальных наук: социологии, этики и политики.

Всякий юридический и политический вопрос есть вопрос о той или иной организации человеческого общества, и приступать к его разрешению возможно только тогда, когда изучена природа самого общества, когда известно, что такое общество. Изучение основных законов общественной жизни в целом есть область социологии. Но от социологического изучения общества нельзя сразу же переходить к юридическим и политическим вопросам, касающимся общественного устройства. Право и политика занимаются миром человеческих целей, поскольку они осуществляются в социальных организациях: их область есть область должного; социология же изучает только то, каково общество в действительности и каковы законы, управляющие его фактическою жизнью. Между социологическим миром сущего и политическим и юридическим миром возможного и желательного нет непосредственной связи. Мост между ними устанавливается этикой, которая в теоретическое изучение общественной действительности привносит практические принципы нравственного поведения. Лишь этика как самостоятельная отрасль человеческого знания дает возможность вырваться из механической причинности социальных законов в области свободной деятельности людей, руководящихся своими особыми целями.

Особой областью этических норм, имеющих в виду принудительное регулирование общественных отношений, является право, природа которого изучается философией права.

Лишь после того, как социологическое изучение установит нам действительную природу общества, как этическое исследование даст основной принцип нравственной деятельности, а философия права покажет

правовое выражение этого принципа, можно приступать к построению и политики, которая есть лишь проведение нравственно-правовых целей в данной естественной общественной среде.

…Обычно общая теория права строится так, что сначала дается определение права, потом исследуются природа и элементы юридических норм, и лишь в заключение говорится несколько слов об обществе и о государстве. Между тем в действительности, так как право есть одно из социальных явлений и понять его вполне можно только из природы общества как такового и из этической человеческой деятельности, следует сначала изучить, что такое общество и каков основной принцип нормативной деятельности людей, из этого изучения вывести понятие обязательных норм и права, и лишь после этого приступать к исследованию детальных вопросов, связанных с природой юридических норм.

…Изучая историю и современное состояние социологии, этики, общей юриспруденции и философии права, мы постоянно встречаемся с одним общераспространенным фактом, — именно, всякая социологическая, этическая или юридическая теория обыкновенно стремится очень последовательно провести и обосновать какую-нибудь одну точку зрения; точка зрения эта принимается в большинстве случаев очень односторонне, с исключением всякой другой. Не удивительно поэтому, что теории эти расходятся между собою в самых разнообразных существенных вопросах, и прежде всего в изначальных и коренных вопросах о природе общества, морали и права.

Такое разноречие и борьба социологических, этических и юридических конструкций и теорий часто принимается за разительное доказательство неопределенности, шаткости и вообще печального ненаучного состояния всей области социальных наук. Социологи не знают, что такое общество, моралисты спорят, в чем высшее благо, а юристы еще ищут определения права; все, значит, рассуждают о том, чего доподлинно не знают; они создают взаимно противоречащие и исключающие друг друга теории, среди

которых трудно разобраться и найти истинную, ибо каждая из них утверждает себя как единственно истинную, все другие объявляя за ложные.

Такое пессимистическое заключение о теоретических общественных науках, однако, и поспешно и ошибочно. То же явление крайнего проведения односторонних принципов наблюдаем мы и во всех других отраслях человеческого знания и деятельности: и в естественных науках, и в философии, и в религии. История знает множество философских и религиозных систем, исходивших из разных и часто противоположных основных принципов. При поверхностном и одностороннем взгляде на историю вся работа человеческой мысли может показаться бесплодной и тяжелой работой Сизифа: каждая новая система, каждая новая теория стремится уничтожить старые, доказать их полную непригодность и утвердить свою исключительную верность; но ее ждет та же судьба, и ум человеческий словно осужден вечно убеждаться в своем заблуждении и вечно начинать свою прежнюю работу. Если признать противоречие различных точек человеческого зрения принципиальным, то надо отказаться от самой надежды когда-нибудь и что-нибудь познать, так как всякое познание доныне совершалось через борьбу противоречивых мнений.

Но положение дела вовсе не так безотрадно, как это может показаться с первого взгляда, ибо не следует преувеличивать исключительность и несовместимость различных с виду противоречивых и расходящихся теорий. Дело в том, что обычно от целого «отвлекаются», пользуясь выражением Вл. Соловьева, частные идеи, особые стороны и элементы всеединой идеи, и утверждаются в своей исключительности; они при этом «теряют свой истинный характер (только особых элементов всеединой идеи) и, вступая в противоречие и борьбу друг с другом, повергают мир человеческий в то состояние умственного разлада, в котором он доселе находится».

Видят, например, в правовых нормах одну разграниченную внешнюю свободу и строят на этом основании индивидуалистические тео**рии** права; находят, например, во власти одно проявление господствующей воли и

строят волевые теории власти; усматривают, например, в государстве лишь юридическое лицо, вступающее в юридические отношения с другими лицами, и создают юридические теории государства; **замечают,** например, в правительстве только выражение народной воли и вырабатывают демократические теории правительства. И все при **этом** страдают органическим пороком односторонности: индивидуали**стические** теории права отказываются видеть в праве выражение обще**ственной** функции охраны общего интереса; волевые теории власти не **хотят** заметить во власти момента сознательного признания и добро**вольного** подчинения; юридические теории государства не желают при**знать,** что государство является не только юридическим лицом, но **сплошь** и рядом юридическим отношением; демократические теории не в состоянии принять и даже понять того, что правительственная **власть** не только исходит от народной воли, но и носит в самой себе **источник** своего авторитета, и что не всё можно в природе правитель**ственной** власти свести к воле лиц, подчиняющихся ей.

Социологические, этические и юридические теории и конструк**ции** обнаруживают неудержимое, но пагубное стремление к искусственному упрощению вопросов, постоянное тяготение к монизму, к выведению всего научного построения из единого принципа. Это и **есть** искусственное «отвлечение» частичных элементов от сложного и **в** своей сложности нераздельного целого. При этом и критика несходных теорий ведется по тому же, так сказать, «монистическому» прин**ципу.** Обыкновенно критикуемое положение искусственно изолиру**ется** от всей теории, насильственно отрывается от всего остального и, **таким** образом, при своем очевидном несоответствии действительнос**ти,** доводится до абсурда.

В действительности общественные явления, как и вообще явления жизни, многосторонни, и на них можно смотреть с самых различных точек зрения. Но из того, что теоретики, стремясь построить систему на каком-нибудь одном начале и разыскивая единство одностороннего принципа, утверждают эти начала несогласно друг с другом, нисколько не следует, что

все они ошибаются, а только то, что они правы лишь до известной степени, с одной определенной точки зрения. Каждое одностороннее определение, всякое отвлеченное теоретическое начало, если оно считается с реальной жизнью, не являет собою абсолютно ложного построения, оно имеет свое частное значение и тем самым свое оправдание (в особенности в том, что оно утверждает, а не в том, что оно отрицает); но значение это ограниченное, и потому на таких односторонних теориях нельзя окончательно остановиться.

Вследствие этого, во избежание ложной односторонности, необходимо стать на синтетическую точку зрения и искать исчерпывающих и многосторонних определений, которые обнимали бы собою все остальные определения и заключали бы их в себе внутренне связанными. Следует с самого же начала отказаться от искусственного, хотя и удобного монизма и примириться хотя и с более сложным и трудным, но более соответствующим многообразной действительности плюрализмом.

…Благодаря образованию союзов, промежуточных между личностью и государством, растут узы, связывающие людей между собой; узы эти делаются всё более многочисленными и сложными; а вместе с этим растет и индивидуальность. В самом деле, индивидуальность тем богаче, чем богаче содержанием индивидуальное сознание и индивидуальная воля. Соединяясь с известным числом себе подобных, индивид чувствует свое сознание расширенным, он познает себя солидарным с человечеством вообще и с отдельными его группами; он познает, что его желания и стремления совпадают с желаниями и стремлениями многих других людей и что они лучше могут быть удовлетворены совместной жизнью, общими усилиями. Расширение индивидуального сознания тотчас же отражается на расширении индивидуальной воли. Зная более, человек желает более. Чем многочисленнее и теснее узы, соединяющие его с другими людьми, тем более разнообразны его желания.

Дворкин Р. **О правах всерьез. М., 2004. http://prav.miigaik.ru/uch_m/el_bibl/20150402155128-2023.pdf.**

Глава 2

Модель норм I

Правоведы во многом опираются на взаимосвязанные понятия юридических прав и юридических обязанностей. Мы говорим, что у человека есть юридическое право или обязанность, и рассматриваем это утверждение как надежное основание для выдвижения требований или претензий, а также для критики действий государственных чиновников. Однако наше понимание смысла этих понятий чрезвычайно неопределенно, и мы сразу же начинаем испытывать сомнения, когда пытаемся сказать, что такое юридические права или обязанности. Мы бойко заявляем, что наличие юридической обязанности определяется применимостью «права» к конкретным обстоятельствам того или иного дела, однако это мало помогает, ибо те же самые проблемы встают и в связи с понятием права. Наши затруднения в сжатом виде выражаются в классических вопросах юриспруденции. Что такое «право»? Если две стороны расходятся, как это часто бывает, по поводу какого-то суждения «права», то что, собственно, является предметом их разногласий и как решить, кто из них прав? Почему мы считаем, что «право» имеет отношение к юридической «обязанности»? Сводится ли здесь значение термина «обязанность» только к тому, что говорит право? Или юридическая обязанность как-то связана с моральной обязанностью? Можно ли считать, что для выполнения юридических обязанностей мы имеем, по крайней мере в принципе, те же самые основания, что и для выполнения моральных обязанностей?

Это не те вопросы, решение которых можно отложить для развлечения в дождливый день. Они служат источником непрекращающихся затруднений и требуют постоянного внимания. Они привносят путаницу, когда мы имеем дело с конкретными проблемами, которые приходится так или иначе решать.

Допустим, в суд поступает совершенно новое дело, связанное с правом на неприкосновенность частной жизни, и для рассматриваемого аспекта этого права еще нет законодательного акта или прецедента, на который можно было бы сослаться. Какую роль в решении суда должен сыграть тот факт, что в обществе большинство людей считают, что каждый человек имеет «моральное» право на неприкосновенность частной жизни? Допустим, Верховный Суд принимает решение освободить какого-то заключенного на том основании, что при его осуждении полиция использовала методы, которые теперь суд считает неконституционными, хотя эти методы опирались на более ранние решения суда. Должен ли Верховный Суд, чтобы быть последовательным, освободить также и других заключенных, осужденных ранее благодаря использованию этих методов? Концептуальные затруднения, связанные с понятиями «право» и «юридическая обязанность», приобретают особую остроту, когда суды сталкиваются с подобными проблемами.

Всё это есть симптомы хронической болезни. Каждый день мы отправляем людей в тюрьму, облагаем их штрафами или силой заставляем делать то, что они не хотят, оправдывая всё это тем, что они нарушили закон, не выполнили своих юридических обязанностей или посягнули на юридические права других людей. Даже и в более ясных случаях (скажем, при ограблении банка или умышленном нарушении договора), когда мы знаем наверняка, что у человека были юридические обязанности, которые он нарушил, мы не способны удовлетворительно объяснить, что же это означает и почему государство вправе подвергать его наказанию или принуждению. Мы можем чувствовать уверенность в том, что поступаем правильно, однако до тех пор, пока мы не укажем принципов, которым следуем, мы не можем быть уверенными, что их достаточно или что мы правильно их применяем. В менее же ясных случаях, когда даже непонятно, была ли нарушена некоторая обязанность, острота этих вопросов увеличивается и повышается наша ответственность за то, чтобы найти ответы.

Некоторые правоведы (их можно назвать «номиналистами») полагают, что мы решаем эти проблемы, просто игнорируя их. По их мнению, понятия «юридическая обязанность» и «право» являются мифами, которые придуманы и поддерживаются правоведами вследствие страшной мешанины сознательных и бессознательных мотивов. Осложнения, связанные с этими понятиями, как раз и доказывают, что они являются мифами. Эти проблемы неразрешимы, ибо не существуют, а наш интерес к ним есть проявление нашей порабощенности. Было бы лучше вообще отбросить эти понятия и связанные с ними трудности и следовать подлинно важным социальным целям без этого обременительного груза.

Эта мысль соблазнительна, но ей присущи серьезные недостатки. Прежде чем объявить мифом понятия права и юридической обязанности, мы должны понять, что они собой представляют. Нужно хотя бы приблизительно сказать, что именно ошибочно в том, во что мы все верим. Но наибольшее затруднение связано как раз с этим. Действительно, когда мы ставим вопрос о том, что такое право и юридическая обязанность, мы, по сути, спрашиваем о теории употребления этих понятий и о концептуальных следствиях этого употребления.

До тех пор, пока у нас нет такой общей теории, мы не можем сказать, что наша практика неверна или основывается на суевериях. Конечно, номиналисты считают, что им известно, как мы все употребляем эти понятия. Они думают, что когда мы говорим о «праве», мы подразумеваем какое-то множество вневременных норм, хранящихся на некоем концептуальном складе и ожидающих, когда их откроют судьи, а когда мы говорим о юридической обязанности, мы подразумеваем невидимые цепи этих мистических норм, опутывающих нас. Теорию, признающую существование таких норм и цепей, они называют «механистической юриспруденцией» и совершенно справедливо высмеивают ее сторонников. Однако им довольно трудно найти тех, кто заслуживает осмеяния. До сих пор мало удавалось обнаружить представителей механистической юриспруденции (все

пойманные экземпляры — даже такие, как Блэкстоун и Джозеф Бил, — были отпущены после внимательного прочтения их текстов).

Во всяком случае ясно, что большая часть правоведов ни о чем подобном не думает, когда говорит о праве и юридической обязанности. Даже самый поверхностный анализ нашей правовой практики показывает это, ибо в каких-то случаях мы говорим об изменении и развитии законов и о проблематичности юридической обязанности. Тем или иным способом мы показываем, что не склонны к механистической юриспруденции. Тем не менее мы пользуемся понятиями права и юридической обязанности и предполагаем, что именно в них выражается право общества на наказание и принуждение. Может оказаться так, что когда будут вполне выявлены подробности их употребления, эти понятия окажутся бессодержательными и пронизанными теми иллюзиями, о которых говорят номиналисты. Если так, то мы будем вынуждены найти другие способы описания наших действий и либо дадим им другое оправдание, либо изменим сами эти действия. Однако до тех пор, пока мы не обнаружили этого и не внесли соответствующих изменений, мы не можем согласиться с предложением номиналистов и отказаться от рассмотрения проблем, связанных с существующими понятиями.

Конечно, призыв перестать говорить о праве и юридической обязанности в значительной мере является блефом. Эти понятия слишком глубоко укоренены в структуре нашей политической деятельности, от них нельзя просто отказаться, как от курения или ношения шляп. Некоторые номиналисты отчасти согласны с этим и говорят, что разоблачаемые ими мифы следует понимать в платоновском духе и сохранять во имя дисциплинирования масс. Быть может, это предложение не столь цинично, как кажется, и выражает неявный отход от сомнительной позиции.

Если отвлечься от всего этого блефа, то атака номинализма сводится к критике механистической юриспруденции. Несмотря на героические заявления о смерти права, сами номиналисты в ходе этой критики

предложили такой анализ употребления терминов «право» и «юридическая обязанность», который не очень отличается от анализа философов классического толка.

Номиналисты представляют свой анализ как модель того, каким образом «реально действуют» правовые учреждения (в частности, суды). Однако их модель лишь немногим отличается от той теории, которая получила широкую известность благодаря философу XIX столетия Джону Остину и теперь в той или иной форме признается большинством как практикующих юристов, так и правоведов-преподавателей, у которых есть какой-то взгляд на юриспруденцию. Допуская некоторую историческую неточность, я буду называть эту теорию «правовым позитивизмом». Я хочу предпринять критический анализ правового позитивизма в его наиболее яркой форме, представленной профессором Г. Л. Хартом. Я выбрал его позицию не только потому, что она ясно и изящно изложена, но и потому, что здесь, как и во многих других вопросах философии права, конструктивная мысль должна начинать с анализа его воззрений.

…Следует избегать одного возможного смешения понятий. Решение по собственному усмотрению в сильном смысле неравносильно неограниченной свободе и не исключает критики. Почти в любой ситуации, в которой действует человек (включая и те, когда не встает вопрос о решении в соответствии с особым авторитетом, а потому нельзя говорить о действии по собственному усмотрению), большое значение имеют определенные стандарты рациональности, справедливости и эффективности. С позиции этих стандартов мы критикуем действия любых людей, и у нас нет оснований отказываться от критики, когда действия совершаются в сфере влияния особого авторитета, а не за ее пределами…

…Право должностного лица решать по собственному усмотрению означает не то, что оно вольно принимать решения, не считаясь со стандартами разума и справедливости, а лишь то, что его решения не определены стандартами, установленными каким-то конкретным авторитетом, который мы имеем в

виду, когда ставим вопрос о решении по собственному усмотрению. Конечно, этот последний вид свободы имеет важное значение: именно благодаря ему мы решаем по собственному усмотрению в сильном смысле. Того, кто решает по собственному усмотрению в третьем смысле, можно критиковать, но не за неповиновение, как в случае солдата. О нем можно сказать, что он совершил ошибку, но его нельзя лишить права участия в принятии решения, как это имеет место в случае спортивных судей или должностных лиц.

Теперь, после этих замечаний, мы можем возвратиться к позитивистскому учению о судебном усмотрении. Согласно этому учению, если какой-то случай не регулируется установленной нормой, судья должен выносить решение по своему собственному усмотрению. Нам хотелось бы проанализировать это учение и выяснить, как оно связано с нашей трактовкой принципов. Однако сначала нужно установить: в каком смысле понимается здесь решение по собственному усмотрению?

Отдельные номиналисты настаивают на том, что судьи всегда решают по собственному усмотрению — даже когда имеется ясная норма, ибо именно судьи выносят окончательное решение о применении закона. В этом учении о судебном усмотрении этот термин используется во втором (слабом) смысле, поскольку указывается, что никакая более высокая инстанция не пересматривает решения самого высокого суда. Следовательно, к тому, как мы понимаем принципы, это имеет не большее отношение, чем к тому, как мы понимаем нормы.

Позитивисты истолковывают свое учение несколько иначе, поскольку утверждают, что судьи не принимают решение по собственному усмотрению в тех случаях, когда в их распоряжении есть ясная установленная норма. Если посмотреть на обоснование этого учения позитивистами, то можно предположить, что понятие решения по собственному усмотрению они употребляют в первом (слабом) смысле, имея в виду лишь то, что, применяя правовые стандарты, судьи иногда вынуждены прибегать к оценкам.

Аргументация позитивистов указывает на тот факт, что некоторые нормы права неопределенны (профессор Харт, например, считает, что все нормы права имеют «открытую текстуру») и что встречаются случаи (подобные делу Геннингсена), для которых нет установленных норм. Они подчеркивают, что судьи порой испытывают трудности при истолковании статей закона и что в равной степени квалифицированные и здравомыслящие судьи часто расходятся между собой.

Всё это нетрудно заметить, и всё это известно каждому, кто хотя бы немного знаком с правом. Именно поэтому трудно предположить, что понятие «решение по собственному усмотрению» позитивисты употребляют в этом слабом смысле. Утверждение о том, что при отсутствии ясной нормы решение по собственному усмотрению состоит в обращении к оценке, представляет собой тавтологию. Кроме того, оно не имеет никакого отношения к проблеме объяснения правовых принципов. Не будет противоречием сказать, что в деле Риггса, например, судья должен был прибегнуть к оценке и что он был обязан следовать тому принципу, что никто не может извлечь выгоду из совершенного им правонарушения. Позитивисты высказываются так, как если бы их учение о судебном усмотрении не было простой тавтологией, а давало какое-то новое понимание и имело отношение к трактовке принципов. Например, Харт отмечает, что когда судья решает по собственному усмотрению, то уже больше нельзя говорить, что он подчиняется стандартам, необходимо говорить о том, какие стандарты он «особым образом использует». Харт полагает, что когда судьи решают по собственному усмотрению, приводимые ими принципы следует трактовать с позиций нашего второго подхода — как то, что судьи «считают за принцип» делать.

Представляется, таким образом, что по крайней мере иногда позитивисты истолковывают понятие решения по собственному усмотрению в третьем, сильном, смысле этого слова. И в этом смысле оно имеет отношение к трактовке принципов: по сути дела, в этом смысле оно означает

переформулировку нашего второго подхода. Сказать, что когда судья выходит за рамки существующих норм, он решает по собственному усмотрению в том смысле, что он уже не подчинен каким-либо стандартам, освященным авторитетом права, означает утверждать, что правовые стандарты, на которые ссылаются судьи помимо норм, не являются обязательными для них.

Поэтому учение о судебном усмотрении мы должны проанализировать с учетом сильного смысла этого термина. (В дальнейшем этот термин я буду использовать именно в этом смысле.) Приказ сержанту выбрать наиболее опытных солдат или обязанность судьи на ринге присудить победу наиболее активному боксеру управляют решениями этих должностных лиц.

Управляют ли принципы, на которые ссылаются судьи в случаях, подобных делу Риггса или Геннингсена, их решениями? Какие аргументы мог бы привести позитивист, доказывая, что это не так?

(1) Позитивист мог бы утверждать, что принципы не являются обязательными или обязывающими. Это было бы ошибкой. Конечно, всегда неясно, является ли какой-то конкретный принцип на самом деле обязательным для того или иного чиновника юстиции. Однако в логической природе принципа нет ничего такого, что помешало бы ему быть обязательным.

Допустим, что в деле Геннингсена судья не обратил бы внимания на тот принцип, что производители автомобилей имеют особые обязательства перед потребителями, или на принцип, гласящий, что суд стремится защищать слабую сторону в торговых сделках, а просто решил бы дело в пользу ответчика, сославшись на принцип свободы заключения договора. Его критики не преминули бы указать на то, что он не учел тех соображений, которые обычно принимаются во внимание другими судьями. Большинство же сказали бы, что судья был обязан взвешенно оценить все эти принципы, а истец вправе был ожидать этого от него. Примерно то же самое мы имеем в виду, когда говорим, что норма является обязательной для судьи: он должен

следовать ей в случае ее применимости, а если он этого не делает, то совершает ошибку.

Это не означает, что в случаях, подобных делу Геннингсена, судья лишь «морально» обязан учитывать какие-то конкретные принципы или обязан «институционально» — в силу своей судейской профессии или чего-то в этом же роде. Тем не менее остается вопрос: почему обязанности такого рода (как бы их мы ни назвали) отличаются от обязанностей, налагаемых на судей правовыми нормами, и почему это позволяет нам утверждать, что принципы и стратегии являются не частью права, а представляют собой лишь внеправовые стандарты, которые «суды особым образом используют»?

(2) Позитивист мог бы утверждать, что хотя какие-то принципы являются обязательными — в том смысле, что судьи должны их учитывать, — они не могут обусловить конкретного результата. Этот аргумент оценить труднее, поскольку неясно, в каком смысле стандарт может «обусловить» какой-то результат. Быть может, это означает, что стандарт предписывает определенный результат всякий раз, как его применяют, и больше ничего не требуется. Если так, то отдельные принципы, безусловно, не обусловливают результатов, но этим мы лишь другими словами высказываем ту мысль, что принципы не являются нормами. Только нормы предписывают результат — да будет так. Когда достигается результат противоположный тому, что предписывает норма, ее отвергают или пересматривают. Принципы действуют не так; они склоняют к определенному решению, но не окончательно, так что они сохраняются в неизменном виде, даже если им не следуют. Видимо, это не дает оснований для вывода о том, что судьи, которые должны считаться с принципами, принимают решения по собственному усмотрению, ибо множество принципов может предписывать результат.

Если судья считает, что принципы, которые он обязан признавать, склоняют его к одному какому-то решению, а принципы, склоняющие к другому решению, не обладают равной с ними весомостью, то он должен принимать

решение в соответствии с первыми принципами так же, как он должен следовать обязательной норме. Конечно, в своей оценке принципов он может ошибаться, но он может точно так же ошибиться и в своем суждении об обязательности нормы.

Сержант и арбитр на ринге, могли бы мы добавить, часто оказываются в точно таком же положении. Нет факторов, ясно указывающих на то, какие солдаты являются наиболее опытными или какой боксер является наиболее активным. Эти должностные лица должны оценить относительный вес разнообразных факторов; по этой причине они не решают по собственному усмотрению.

(3) Позитивист мог бы утверждать, что принципы нельзя отнести к праву, поскольку их авторитет, более того — их весомость по самой природе принципов являются спорными. Действительно, обычно мы не можем продемонстрировать авторитетность или весомость конкретного принципа таким же образом, как мы можем продемонстрировать, что норма имеет силу, отыскав ее, например, в постановлении Конгресса или в решении авторитетного суда. Принцип и его весомость мы обосновываем, ссылаясь на некий сплав практики и других принципов — сплав, в котором следствия, выведенные из истории законодательной и судебной деятельности, переплетены со ссылками на общественные обычаи и соглашения.

Не существует лакмусовой бумажки для проверки правильности такого обоснования, здесь вступают в силу оценки, и даже здравомыслящие люди могут расходиться во мнениях.

Но, опять-таки, и в этом отношении судья не отличается от других должностных лиц, которые не решают по собственному усмотрению. У сержанта нет лакмусовой бумажки для оценки опытности солдата, а у судьи на ринге — для оценки активности боксера. Ни один из них не решает по собственному усмотрению, поскольку каждый обязан понять, чего требуют от него приказ или правила игры, и действовать в соответствии с этим пониманием (независимо от того, будет оно оспорено или нет). Точно так же

обязан действовать и судья.

***Луман Н.* Дифференциация. М., 2006. http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2746794.**

Прежняя социологическая теория определяла функции как предпосылки для существования общественной системы. Что под этим имелось в виду, оставалось неясным. Определение не изменилось бы решающим образом, если понятие «существование» заменить понятием «аутопойезис». Функции могут определяться только по отношению к структурно-детерминированной системе, а структуры общественной системы являются исторически переменными в рамках того, что позволяет аутопойезис системы. Это исключает и теоретическую дедукцию каталога функций из таких понятий, как действие (Парсонс), социальная система или общество. Можно мыслить лишь индуктивно и посредством своеобразного мысленного эксперимента испытать, как общественная система должна изменять свои структуры ради поддержания собственного аутопойезиса, если определенные функции больше не выполняются — например, гарантии на будущее ввиду наличия дефицитных товаров, или правовое обеспечение ожиданий, или принятие коллективно обязывающих решений, или воспитание, выходящее за рамки спонтанной социализации. Поэтому мы будем говорить не о предпосылках существования, но о ключевых проблемах, которые так или иначе должны решаться, если общество обязано сохранять определенный уровень эволюции, а также быть в состоянии выполнять и другие функции.

Отдифференциация каждой конкретной частной системы для каждой конкретной функции означает, что эта функция обладает приоритетом для этой (и только для этой) системы и является вышестоящей по отношению ко всем остальным функциям. Только в этом смысле можно говорить о функциональном примате. Так, например, для политической системы

политический успех (как всегда, операционализированный) важнее, чем всё остальное, а успешная экономика здесь важна лишь как условие политических успехов. Это в то же время означает: на уровне охватывающей системы общества не может быть учреждена никакая общезначимая, обязательная для всех частных систем ранговая упорядоченность функций. Отсутствие ранговой упорядоченности означает также отсутствие стратификации. Скорее каждая функциональная система получает задание переоценивать себя по отношению к другим системам, при этом, однако, отказываясь от охватывающей всё общество обязательности самооценки.

На основе собственного функционального примата функциональные системы достигают оперативной замкнутости и тем самым образуют аутопойетические системы в аутопойетической системе общества. Поначалу кажется, что это противоречит понятию аутопойезиса, ведь, само собой разумеется, это не означает, что функциональные системы не ведут коммуникацию между собой, что они посредством языка и многого другого не привязаны к обществу. Однако несмотря на это рекурсивная замкнутость и воспроизводство собственных операций через сеть собственных операций достигается посредством того, что функция превращается в неизменную исходную точку аутореференции, а система использует двоичный код, который используется в этой и ни в какой иной системе. При таких условиях возможно различить принадлежащие к системе операции с практически достаточной однозначностью и тем самым отграничить собственный аутопойезис по направлению вовне. В том, что касается коммуникации, тоже могут возникнуть сомнения — например, носит ли коммуникация политический характер, стремится ли разрешить правовой вопрос или же подготовить хозяйственную сделку. Но в нормальном случае собственная сеть системы бывает достаточной для прояснения таких вопросов. Происходит либо рекурсивное возвращение к более ранним коммуникациям, либо обращение к подсоединяющимся коммуникациям.

Сопряжение между правом и политикой регулируется конституцией. С одной

стороны, конституция привязывает политическую систему к праву с тем последствием (если это функционирует!), что противоправное поведение ведет к политическому неуспеху; с другой же стороны, конституция способствует тому, чтобы правовая система вследствие политически инспирированного законотворчества пополнялась новациями, которые, со своей стороны, вновь возвращаются в сферу политики в качестве успеха или неудачи. В этом случае позитивизация права и демократизация политики тесно взаимосвязаны. Впоследствии это приводит к административному управлению политикой в отношении правовых и финансовых возможностей. Одно обусловливает другое. Право открывает пространство для концепций, которое затем делает политически возможным демократическое волеизъявление. Но каждый раз операции, рекурсивно объединенные в собственной системе в сеть, остаются разделенными. Политическое значение (сомнительность, спорность) того или иного закона является чем-то совершенно иным, нежели его правовая значимость.

Структурная сопряженность политики и права влияет со стороны «правового государства» не только на политику. Она деформирует и само конституционное право, когда последнее используется для того, чтобы юридически контролировать тенденции государства благосостояния в политике. В таких случаях целеориентированная государственная деятельность должна подчиняться правилам, подлежащим правосудию. Основные права — что можно нагляднее всего наблюдать в германском конституционном праве — обобщаются в программы единых для государственной деятельности ценностей, и наоборот, государственному администрированию не остается ничего иного, как перенести конкретные решения правосудия в практику управления в качестве обобщенных директив.

В отношениях между правом и экономикой структурное сопряжение осуществляется через собственность и договоры.

В своем правовом качестве эти институты предоставляют важнейшие

основания для прав и обязанностей (в смысле обязательств), так что в переломную эпоху XVIII столетия можно было даже считать, будто они конгруэнтны основам права и общества вообще. Для экономической системы они образуют ее собственный код «иметь / не иметь» и предпосылку для собственных операций системы, для платежей в контексте сделок. Хотя контексты применения, а тем самым — и условия рекурсивной идентификации отдельных элементов, например смысла платежа или правомочности притязания вследствие невыполнения договора, весьма различны, структурное сопряжение дает высокую степень взаимной ирритации систем. Только правовое разрешение и кондиционирование собственности и договора способствует мощной экспансии экономики посредством включения в нее совершенно друг другу не знакомых, не принадлежащих к одному и тому же жизненному сообществу партнеров; и наоборот, хозяйственная востребованность правовых институтов объясняет развитие правовых понятий «собственность» и «договор» на основе римских истоков по направлению к дефиниции собственности как права на распоряжение, а также по направлению к оспариваемости всех договоров на основе простого консенсуса договаривающихся сторон (nuda pactio). Структурное сопряжение определяет направление structural drift обеих систем, хотя (и в силу того, что) в них отсутствуют общие элементы. И результатом является возрастающая ирритация права со стороны экономики, что находит отражение в увеличении числа гражданских процессов наряду с экономическим ростом.

Харт Г. Л. А. **Понятие права / под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб., 2007. http://coollib.net/b/321656/read.**

Глава первая. Насущные вопросы

1. Затруднения правовой теории

Не многие вопросы, касающиеся человеческого общества, задавались с такой настойчивостью, а серьезные мыслители отвечали на них столь различными, странными и даже парадоксальными способами, как это происходило с вопросом «что есть право?». Даже если мы ограничим наше внимание правовой теорией последних 250 лет и не будем рассматривать классические и средневековые спекуляции о «природе» права, мы обнаружим ситуацию, не имеющую аналогов ни в каком другом предмете, систематически изучаемом как отдельная академическая дисциплина. Не существует обширной литературы по вопросам «что такое химия?» или «что такое медицина?», как это происходит с вопросом «что есть право?». Несколько строк на странице какого-нибудь элементарного учебника — вот всё, что предлагается рассмотреть изучающему эти науки; и ответы, которые ему даются, очень сильно отличаются от тех, которые предлагаются студенту, изучающему право. Никто не считает проясняющим дело или важным настаивать на том, что медицина — это «то, что доктора делают с болезнями», или «предсказание того, что сделают доктора»; или объявлять, что то, что обычно считается характерной и главной частью химии — скажем, изучение кислот, — в действительности вовсе не является частью химии. Однако в случае права часто произносились вещи столь же странные на первый взгляд, что и эти, — и не только произносились, но и защищались с такими красноречием и страстью, как если бы они являлись открытием истин о праве, долго скрываемых искажениями его сущностной (essential) природы.

…Это лишь некоторые из множества утверждений или отрицаний, касающихся природы права, которые на первый взгляд выглядят странными и парадоксальными. Некоторые из них, по-видимому, вступают в конфликт с наиболее прочно укорененными убеждениями и кажутся легко опровержимыми; так что возникает искушение ответить: «Конечно, статуты являются правом, по крайней мере одним из видов права, даже если существуют другие»; «Конечно, закон не может означать просто то, что делают должностные лица или сделают суды, так как нужен закон, чтобы

назначить должностное лицо или суд».

Несмотря на это, кажущиеся парадоксальными фразы не были произнесены визионерами или философами, профессионально занимающимися тем, чтобы подвергать сомнению наиболее ясные порождения (deliverances) здравого смысла. Эти фразы являются результатом длительных размышлений над правом профессиональных юристов, занимающихся тем, чтобы учить праву или практиковать его, и в некоторых случаях исполнять закон в качестве судей. Более того, сказанное ими о праве в действительности улучшило наше понимание права в свое время и в своем месте. Ибо, понятые в соответствующем контексте, такие положения одновременно и проясняют и обескураживают: они гораздо более похожи на огромные преувеличения некоторых — незаслуженно забытых — истин о праве, нежели на трезвые определения. Они бросают свет, который позволяет видеть многое из того, что было скрыто в праве; но этот свет настолько ярок, что ослепляет нас в отношении всего остального и, тем самым, так и не дает нам ясно увидеть целое.

В противоположность этим нескончаемым книжным дебатам мы находим, что большинство людей способны привести, с легкостью и уверенностью, примеры закона, когда их просят сделать это. Лишь немногие англичане не знают о том, что существует закон, запрещающий убийство, или требующий уплаты налогов, или определяющий, что должно быть сделано, чтобы составить действительное завещание. Практически каждый, за исключением ребенка или иностранца, впервые сталкивающегося с английским словом law, легко смог бы умножить подобные примеры, а большинство людей могли бы сделать и нечто большее. Они могли бы описать, по крайней мере в общих чертах (in outline), процедуру, позволяющую обнаружить, является ли нечто законом в Англии; они знают, что существуют эксперты для консультаций и суды с окончательным авторитетным голосом по всем таким вопросам. Общеизвестным является гораздо большее, нежели это. Большинство образованных людей имеют понятие о том, что законы в Англии формируют

некоего рода систему и что во Франции или Соединенных Штатах, Советской России и в действительности почти в каждой части мира, которая считается отдельной «страной», существуют правовые системы, в значительной степени сходные по своей структуре, несмотря на важные различия. Действительно, образование допустило бы серьезный огрех, если бы оставило людей в неведении относительно этих фактов, — и если бы всякий, кто знает их, смог бы сказать, каковы эти важные пункты сходства между различными правовыми системами, мы едва ли назвали бы это признаком чрезмерной утонченности. Можно ожидать, что любой образованный человек способен идентифицировать эти бросающиеся в глаза свойства хотя бы таким схематическим образом, как это сделано ниже. Они заключают в себя: (I) правила, запрещающие или предписывающие определенные типы поведения под страхом наказания; (II) правила, требующие, чтобы люди определенным образом компенсировали ущерб тем, кому они нанесли его; (III) правила, специфицирующие, что должно быть сделано, чтобы составить завещание, заключить контракт или другие соглашения, которые дают права или создают обязательства; (IV) суды, которые определяют, что является правилом, и ситуации, когда это правило нарушено, — и устанавливают наказание или компенсацию, которую следует возместить; (V) законодательный орган для создания новых правил и отмены старых.

Если всё это общеизвестно, то почему же вопрос «что есть право?» продолжает фигурировать и на него было дано так много разнообразных и экстраординарных ответов? Потому ли, что помимо ясных стандартных случаев, представляемых правовыми системами современных государств, относительно которых никто не сомневается, что они являются правовыми системами, — существуют также и сомнительные случаи, и относительно их «правового качества» колеблется не только обычный образованный человек, но даже и юристы? Примитивное право и международное право в первую очередь являются такими сомнительными случаями, и общеизвестно, что

многие находят причины, хотя обычно и не решающие, для того, чтобы отрицать уместность принятого ныне использования слов «право» и «закон» (law) в этих случаях. Существование этих спорных и уязвимых для критики случаев действительно вызвало длительную и отчасти бесплодную полемику, но они, конечно, не могут объяснить затруднения, касающиеся общей природы права, которые выражены насущным вопросом «что есть право?». То, что они не могут лежать в корне этих затруднений, как представляется, ясно по двум причинам.

Во-первых, совершенно очевидно, почему в этих случаях чувствуются колебания. Международное право не имеет законодательного органа; государства не могут быть привлечены к суду без их предварительного на то согласия, и не существует централизованной эффективной системы санкций. Определенные типы примитивного права, включая те, из которых постепенно развились некоторые современные правовые системы, также не имеют этих черт, и каждому совершенно ясно, что это их отклонение относительно стандартного случая и является тем, в результате чего их классификация становится спорной. В этом нет никакой тайны.

Во-вторых, то, что нам приходится признавать и чистые случаи, и сомнительные пограничные случаи, не является исключительной особенностью сложных терминов типа «закон» и «правовая система». Теперь известным фактом (хотя на нем когда-то слишком мало заостряли внимание) является то, что это различение должно быть сделано в случае почти всех общих терминов, которые мы используем в классификации свойств человеческой жизни и мира, в котором мы живем. Иногда разница между чистым, стандартным случаем, или образцом использования выражения, и спорными вопросами заключается лишь в количестве. Человек с сияющей гладкой головой определенно лыс; другой, с роскошной шевелюрой, определенно нет; однако, вопрос о том, является ли третий человек, с клочками волос то тут, то там, лысым, мог бы обсуждаться бесконечно, если бы его сочли стоящим того или если бы сюда вмешался какой-нибудь

практический интерес.

Иногда отклонение от стандартного случая заключается не просто в количественном различии, но возникает, когда стандартный случай является в действительности комплексом обычно сопутствующих друг другу, но различных элементов, из которых один или несколько могут отсутствовать в спорных случаях, вызывающих сомнение. Является ли гидроплан «судном»? Если игра ведется без ферзя — остается ли она шахматами? Такие вопросы могут быть поучительными, поскольку они побуждают нас размышлять и делать эксплицитным наше понятие о содержании стандартного случая; но ясно, что различные пограничные случаи слишком распространены во всех областях, чтобы объяснить при их помощи эти продолжительные дебаты о праве. Более того, лишь относительно малая и неважная часть наиболее знаменитых и противоположных друг другу теорий права касается уместности использования выражений «примитивное право» и «международное право» для описания случаев, в которых они, как это принято, применяются.

Заметив, что почти все люди способны распознать и привести пример законов, поняв, насколько многое является общеизвестным в стандартном случае правовой системы, мы, казалось бы, с легкостью могли бы положить конец дискуссиям и дать окончательный ответ на насущный вопрос «что есть право?», просто сделав ряд напоминаний о том, что нам уже знакомо. Почему мы просто не повторим схематическое описание черт, присущих внутригосударственной правовой системе, которое мы вложили, возможно слишком оптимистично, в уста образованного человека страницей выше? Тогда мы могли бы просто сказать: «Это является стандартным случаем того, что имеется в виду под законом и правовой системой; запомните, что кроме этих случаев вы найдете также механизмы в социальной жизни, которые, разделяя некоторые из этих явных черт, не имеют некоторых других из них. Это спорные случаи, где не может существовать никакого решающего аргумента за или против того, чтобы классифицировать их как закон».

Конечно же, такое решение вопроса было бы удобным образом кратким. Но оно не имело бы никаких других достоинств, говорящих в его пользу. Ибо, в первую очередь, ясно, что те, кто наиболее озабочен вопросом «что есть право?», не забыли и не нуждаются в том, чтобы им напомнили об известных фактах, которые этот схематический ответ предлагает им. То глубокое замешательство, которое сохраняет актуальным этот вопрос, не состоит в игнорировании, или забывчивости, или неспособности признать феномены, к которым слово «право» обычно относится. Более того, если мы рассмотрим термины в нашем схематическом описании правовой системы, станет ясным, что оно делает немногим больше, чем утверждает, что в стандартном, нормальном случае законы различного типа не различаются (go together). Это так, поскольку и суды, и законодательство, которые появляются в этом кратком описании как типичные элементы стандартной правовой системы, сами являются порождениями права. Только после того как определенные типы законов предоставляют людям юрисдикцию в определенной области и дают им право создавать законы, возникают суд и законодательство.

Простой путь в решении вопроса, который делает немногим больше, чем напоминает вопрошающему о существующих конвенциях, управляющих использованием слов «закон» и «правовая система», является, таким образом, бесполезным. Ясно, что наилучший метод — это отложить ответ на вопрос «что такое закон?» до тех пор, пока мы не найдем, что такое есть в законах, что на самом деле запутывало тех, кто отвечал или пытался ответить на него, даже если их знакомство с правом и их способность понимать отдельные примеры находятся вне сомнения. Что еще хотят они знать и почему они хотят знать это? На этот вопрос может быть дано нечто вроде общего ответа. Ибо существуют определенные вновь и вновь возникающие основные темы, которые составляют постоянный фокус аргументации и контраргументации относительно природы закона и которые вызывали и вызывают преувеличенные и парадоксальные утверждения о праве, подобные тем, что мы уже приводили. Спекуляции о природе права имеют долгую и сложную

историю; несмотря на это, в ретроспективе видно, что они практически постоянно фокусируются на нескольких принципиальных проблемах. Они не были выбраны или изобретены специально для наслаждения академическими дискуссиями, но касаются тех аспектов права, которые, по-видимому, естественно вызывали во все времена недоразумения; так что замешательство и, как следствие, потребность в достижении большей ясности относительно них могут сосуществовать даже в умах глубокомысленных людей, обладающих знанием права и мастерски его применяющих.

2. Три постоянно возникающие проблемы

Сформулируем теперь три таких принципиальных вновь и вновь возникающих вопроса и покажем позже, почему они возникают вместе — в форме требования дать определение права, или ответ на вопрос «что такое право?», или в более туманно сформулированных вопросах, вроде «в чем заключается природа (или сущность) права?».

Две из этих проблем возникают следующим образом. Наиболее важной общей чертой права везде и во все времена являлось то, что его существование означает, что определенные типы человеческого поведения более не являются произвольными (optional), но в некотором смысле обязательными. И всё же эта кажущаяся простой характеристика права в действительности не является простой, ибо внутри сферы непроизвольного обязательного поведения мы можем различить разные формы. Первый, простейший смысл, в котором поведение более не является произвольным, — это когда человека принуждают делать то, что другие говорят ему, не потому, что его физически заставляют в том смысле, что его тело толкают или тянут, а потому, что другие угрожают ему неприятными последствиями, если он откажется. Вооруженный человек приказывает своей жертве отдать кошелек, угрожая выстрелить в случае отказа; если жертва соглашается, мы указываем на способ, которым ее заставили сделать это, говоря, что она была

должна это сделать. Для некоторых, по-видимому, ясно, что в этой ситуации, где одно лицо дает другому приказ, подкрепленный угрозой, — и в этом смысле слова «обязывать» обязывает его подчиняться, — мы имеем сущность закона или по крайней мере «ключ к науке юриспруденции». Этот исходный пункт анализа Остина оказал весьма сильное влияние на английскую юриспруденцию.

Кажется, нет никакого сомнения в том, что в правовой системе среди прочих аспектов часто присутствует и этот. Для уголовного статута, объявляющего некоторое поведение преступлением и определяющего наказание, которому надлежит предать преступника, сравнение с вооруженным человеком может оказаться вполне адекватным, и единственное отличие, которое можно считать второстепенным, состоит в том, что в случае статутов приказы адресованы в основном группам, которые обычно подчиняются таким приказам. Однако сколь бы привлекательным ни казалось это сведение сложного феномена закона к такому простому элементу, если исследовать его более детально, оно оказывается искажением и источником путаницы даже в случае уголовного статута, где анализ в этих простых терминах кажется наиболее правдоподобным. Как тогда закон и правовое принуждение отличаются от приказов, подкрепленных угрозами, и как они соотносятся с ними? Во все времена такой была первая важнейшая проблема, скрывающаяся в вопросе «что есть право?».

Вторая проблема возникает из второго способа сделать поведение не произвольным, а обязательным. Моральные правила накладывают обязательства и изымают некоторые области поведения из сферы свободного выбора индивида делать то, что он хочет. Так же, как правовая система с очевидностью содержит элементы, тесно связанные с простыми случаями приказов, подкрепленных угрозами, — ровно так она с очевидностью содержит и элементы, тесно связанные с определенными аспектами нравственности. В обоих случаях одинаково присутствует трудность в точном установлении родства и соблазн увидеть в наглядном близком

сходстве тождество. Право и мораль не только имеют общий словарь, так что существуют и правовые и моральные обязательства, обязанности и права; все внутригосударственные (municipal) правовые системы воспроизводят сущность (substance) некоторых фундаментальных моральных требований. Убийство и беспричинное использование насилия — лишь наиболее очевидные примеры совпадения между запрещениями права и морали. Кроме этого, существует понятие о справедливости, которое, по-видимому, объединяет обе области: это и добродетель, особо подходящая закону, и наиболее правовая из добродетелей. Мы думаем и говорим о «справедливости в соответствии с законом», но также о справедливости или несправедливости самих законов.

Эти факты предлагают тот взгляд, что закон лучше всего понимать как «ветвь» нравственности или справедливости и что его соответствие (congruence) принципам нравственности или справедливости является его «сущностью» скорее, нежели то, что он содержит в себе приказы и угрозы. Эта доктрина характерна не только для схоластических теорий естественного права, но и для некоторых современных правовых теорий, критически настроенных к правовому «позитивизму», унаследованному от Остина. И снова — те теории, которые настаивают на близком уподоблении права морали, как представляется, в конечном итоге смешивают один тип обязательного поведения с другим и оставляют недостаточно места для различий между правовыми и моральными правилами и для расхождений в их требованиях. Они по крайней мере столь же важны, как сходства и совпадения, которые мы также можем найти. Таким образом, утверждение, что «несправедливый закон не есть закон», в той же степени преувеличено и парадоксально, если не ложно, что и «статуты не являются законами» или «конституционное право не является частью законодательства» (constitutional law is not law). Для этих колебаний между крайностями, которые являются движущей силой правовой теории, характерно, что те, кто не увидел в близком сходстве права и морали ничего, кроме ошибочного вывода из того

факта, что право и мораль имеют общий словарь прав и обязанностей, должны были выступать против этого в терминах в равной мере преувеличенных и парадоксальных. «Пророчества о том, что сделают суды в действительности, а не что-либо более претенциозное, — вот что я понимаю под правом».

Третья основная проблема, в течение многих лет побуждавшая задавать вопрос «что есть право?», имеет более общий характер. На первый взгляд может показаться, что положение о том, что правовая система состоит — во всяком случае в общем — из правил, едва ли может быть подвергнуто сомнению или оказаться трудным для понимания. И те, кто нашел ключ к пониманию закона в понятии приказов, подкрепленных угрозами, и те, кто обнаружил его в связи права и нравственности, или справедливости, — сходным образом говорят о праве как содержащем правила, если не состоящем преимущественно из них. Несмотря на это, неудовлетворение, замешательство и неопределенность, касающиеся этого кажущегося непроблематичным понятия, во многом лежат в основании затруднения, связанного с природой права. Что суть правила? Что означает сказать, что они существуют? Действительно ли суды применяют правила или просто притворяются, что делают это? Как только понятие оказалось под сомнением, как это случилось в юриспруденции в этом веке, — сразу же появились большие расхождения во мнениях. Мы их здесь просто обозначим.

Рикер П. **Справедливое / пер с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого; послесл. Э. Шлоссера. М., 2005. https://docviewer.yandex.ru/**

Кто является субъектом права?

Я хочу показать, что вопрос, поставленный в юридической форме: кто является субъектом права? — в конечном итоге не отличается от аналогичного вопроса, поставленного в форме моральной: кто является субъектом, достойным почтения и уважения? (Впоследствии я проведу

различие между двумя последними терминами.) Вопрос же, поставленный в моральной форме, в свою очередь, отсылает к аналогичному вопросу антропологического характера: каковы основополагающие черты самости (self, Selbst, ipse), *способной* почитать и уважать?

Этот регрессивный ход мысли, ведущий от права к морали, а от морали к антропологии, приглашает нас для начала сконцентрироваться на специфичности вопроса *кто?* по сравнению с вопросами *что?* и *почему?* Вопрос *что?* требует описания; вопрос *почему?* — объяснения; что же касается вопроса *кто?*, то он требует идентификации. Как раз на характере этой последней операции, предполагаемой всеми дискуссиями об идентичности, будь то лиц или исторических общностей, я остановлюсь в первой части своей статьи. На самом деле именно рассматривая наиболее основополагающие формы вопроса *кто?* и ответов на этот вопрос, мы приходим к тому, чтобы наделить полным смыслом понятие субъекта <право>*способного*[53]. Тогда во второй части останется пройти в порядке восхождения через опосредования межличностного и институционального характера, обеспечивающие переход от субъекта <право>способного к субъекту полноправному, выражающийся в моральном, юридическом и политическом плане.

Субъект <право>способный

Понятие *способности* будет центральным в моем сообщении. На мой взгляд, оно образует конечный референт морального уважения и признания человека как субъекта права. Если ему можно назначить такую функцию, то именно на основании глубинной связи этого понятия с понятием личной или коллективной идентичности.

Наиболее непосредственный способ обнаружить такую связь — рассмотреть различные утверждения, касающиеся личной или коллективной

[53] Ср. с такими вошедшими в научный лексикон понятиями, как *человек разумный*, *человек играющий* и т. д.

идентичности, как ответы на ряд вопросов, где фигурирует относительное местоимение *кто?* Кто тот, кто говорит? Кто совершил тот или иной поступок? О ком рассказывает эта история? Кто несет ответственность за этот ущерб или вред, причиненный другому?

Вопрос *кто говорит?* — разумеется, наиболее примитивный в той мере, в какой все остальные имеют в виду использование языка. Ответ на этот вопрос может дать только тот, кто способен обозначить самого себя в качестве автора своих высказываний. Анализ этой темы относится к прагматике речи, освещаемой в хорошо известной теории *speech-acts* (речевых актов). Этой прагматике еще необходимо придать рефлексивное продолжение, дабы возвести множество актов высказывания к акту, посредством которого высказывающийся обозначает себя как полюс идентичности или, пользуясь другой гуссерлианской метафорой, очаг излучения неопределенного количества речевых актов.

Мы сделаем еще один шаг в исследовании понятия субъекта способного, вводя — вместе с временным измерением действия и самого языка — нарративный компонент личной или коллективной идентичности. Рассмотрение понятия нарративной идентичности дает удобную возможность отличить идентичность самости от идентичности вещей; эта последняя в конечном счете сводится к стабильности и даже неизменности некоей структуры, иллюстрируемой генетической формулой живого организма; нарративная идентичность в отличие от идентичности вещей допускает изменения; эта изменчивость есть изменчивость персонажей рассказываемых нами историй; последние вовлекаются в интригу в то же время, что и сама история. Это понятие нарративной идентичности в высшей степени важно для поисков идентичности народов и наций; ведь такая идентичность носит такой же драматический и нарративный характер, какой мы очень часто рискуем спутать с идентичностью некоей субстанции или структуры. На уровне истории народов, как и на уровне истории индивидов, случайный характер перипетий способствует глобальному значению

рассказываемой истории, а также истории ее протагонистов. «Признать» это означает избавиться от предрассудка, касающегося идентичности, отстаиваемой народами под влиянием гордости, страха или ненависти.

Последняя стадия наступает здесь при восстановлении понятия *субъекта способного* посредством этических или моральных предикатов, сопрягающихся то с идеей *блага*, то с идеей *обязанности* (в целом я обозначил бы этическую оценку предикатами первого рода, а моральную — предикатами второго рода; но обсуждение этого вопроса здесь не важно). Эти предикаты применяются прежде всего к действиям, о которых мы судим и которые оцениваем как хорошие или дурные, разрешенные или запрещенные; к тому же рефлексивно эти предикаты применяются к самим действователям, каковым мы эти действия вменяем. Здесь понятие субъекта способного достигает своего наивысшего смысла. Мы сами достойны почтения или уважения постольку, поскольку способны оценивать действия других или нас самих как хорошие или дурные, объявлять их разрешенными или запрещенными. Субъект вменения появляется благодаря рефлексивному применению предикатов «хороший» и «обязательный» к самим действователям.

Добавлю два замечания к этим рассуждениям. Прежде всего я хотел бы сказать, что существует связь взаимной импликации между самооценкой и этической оценкой наших действий, имеющих целью «благую жизнь» (в смысле Аристотеля), подобно тому как существует связь между самоуважением и моральной оценкой этих самых действий, подвергаемых испытанию универсализацией максимы действия (в духе Канта). Самооценка и самоуважение вместе образуют этическое и моральное измерение самости в той мере, в какой они характеризуют человека как субъект этико-юридического вменения.

***Ролз Дж.* Теория справедливости. М., 2010.**

http://musa.narod.ru/rawls1.htm.

10. Институты и формальная справедливость

Первичным субъектом принципов социальной справедливости является базисная структура общества, т. е. устройство главных социальных институтов в рамках одной схемы кооперации. Мы видели, что эти принципы должны определять приписывание прав и обязанностей в этих институтах, и они же должны определять подходящее распределение выгод и тягот социальной жизни. Принципы справедливости для институтов не следует путать с принципами, которые применимы к индивидам и их действиям в конкретных обстоятельствах. Каждый вид принципов применим к различным субъектам и должен обсуждаться отдельно.

Под институтом я буду понимать публичную систему правил, которые определяют должность и положение с соответствующими правами и обязанностями, властью и неприкосновенностью, и тому подобное. Эти правила специфицируют определенные формы действий в качестве разрешенных, а другие — в качестве запрещенных, и по ним же наказывают одни действия и защищают другие, когда происходит насилие. В качестве примеров институтов, или более общих социальных практик, мы можем привести игры и ритуалы, суды и парламенты, рынки и системы собственности. Институт можно представить двумя способами: сначала как абстрактный объект, т. е. как возможную форму поведения, выражаемую системой правил, и далее, как реализацию мысли и поведения определенных личностей в определенное время и в определенном месте действия, специфицированных этими правилами. Тут возникает двусмысленность, что считать справедливым или несправедливым — институт реализованный или же институт как абстрактный объект. Самое лучшее — считать справедливым или несправедливым реализованный институт, эффективно и беспристрастно управляемый. Институт как абстрактный объект справедлив

или несправедлив в смысле справедливости или несправедливости любой его реализации.

Институт существует в определенное время и в определенном месте, и действия, им специфицированные, выполняются в соответствии с правом и публичным осознанием того, что необходимо следовать системе правил, определяющих институт. Так, парламентские институты определяются некоторой системой правил (или семейством таких систем, чтобы позволить вариации). Эти правила являются перечнем определенных форм действий, от участия в сессии парламента для голосования по законопроекту до просьбы предоставить слово по порядку ведения. Различные виды общих норм образуют согласованную систему. Парламентский институт существует в определенное время и в определенном месте; люди выполняют подходящие действия, проявляют требуемую активность, с общим осознанием взаимопонимания по поводу необходимости следования правилам, на которые согласились все.

Говоря, что институт, и следовательно, базисная структура общества есть публичная система правил, я имею в виду, что каждый включенный в нее человек знает, что он знал бы, если бы сами правила, а также его участие в определяемой ими деятельности были результатом соглашения. Лицо, принимающее участие в институте, знает, что правила требуют от него и других. Он также знает, что это знают и другие, и что они знают, что он знает, и т. д. На самом деле это условие не всегда выполняется в реальных институтах, хотя оно представляет разумное упрощающее предположение. Принципы справедливости должны прилагаться к социальным устройствам, являющимся в этом смысле публичными. Там, где правила определенной части института известны только тем, кто принадлежит этому институту, существует понимание того, что эти люди могут творить правила для себя лишь в той мере, в какой правила предназначены для достижения общих для всех людей целей и не противоречат их интересам. Публичность правил для институтов гарантирует, что тот, кто участвует в них, знает, каких

ограничений на поведение ожидать друг от друга и какие действия позволяемы. Имеется общее основание для определения взаимных ожиданий. Больше того, во вполне упорядоченном обществе, эффективно регулируемом разделяемой всеми концепцией справедливости, есть также публичное понимание того, что справедливо и что несправедливо. Позднее я предположу, что публичный характер выбранных принципов справедливости должен быть частью знания (§ 23). Это условие естественно для договорной теории.

Необходимо отметить различие между учреждающими (constitutive) институт правилами, в которых устанавливаются различные права и обязанности, и стратегиями и принципами (maxim) в отношении того, как лучше использовать преимущества института для конкретных целей. Рациональные стратегии и принципы обосновываются анализом того, на какого рода позволяемые действия решатся индивиды и группы, приняв во внимание свои интересы и веры, а также догадки о планах других людей. Эти стратегии и принципы сами не являются частью институтов. Скорее они принадлежат теории институтов, например теории парламентарной политики. Обычно теория институтов, как и теория игры, учреждающие правила берет в качестве данных и анализирует способы распределения власти, а также объясняет участникам распределения, как реализовать заложенные в них возможности. В конструировании и реформировании социальных устройств нужно, конечно, проверять схемы и тактики, которые в них позволяются, и формы поведения, которые поощряются. Идеально правила должны быть устроены так, чтобы люди, ведомые своими преобладающими интересами, поступали в русле содействия социально желательным целям. Поведение индивидов, руководимых рациональными планами, должно быть скоординировано, насколько это возможно, с результатами, которые не являются намеренными или даже предвиденными, но тем не менее — наилучшими с точки зрения социальной справедливости. Бентам рассматривал эту координацию как искусственное отождествление

интересов, а Адам Смит — как работу невидимой руки. Цель идеального законодателя заключается в предписывании законов, а моралиста — в побуждении к их реформированию. И все-таки стратегии и тактики, принимаемые индивидами, будучи существенными для оценки институтов, не являются частью публичной системы определяющих институты правил.

Мы также можем провести различие между одиночным правилом (или группой правил), институтом (или же главной его частью) и базисной структурой социальной системы как целым. Причина для этого состоит в том, что одно или несколько правил устройства общества могут быть несправедливыми, чего не скажешь обо всем институте. И наоборот, институт может быть несправедливым, но социальная система в целом может быть справедливой. Существует возможность не только того, что одиночные правила и институты не являются сами по себе достаточно важными, но и того, что в рамках структуры института или социальной системы одна кажущаяся несправедливость компенсируется другой. Целое менее несправедливо, чем могло бы быть, если бы оно содержало лишь одну из несправедливых частей. Далее, вполне возможно вообразить такую ситуацию, что социальная система несправедлива, хотя ни один из ее институтов, взятый отдельно, не является несправедливым: несправедливость есть следствие того, как они скомбинированы в одну систему. Один институт может поощрять и оправдывать как раз те ожидания, которые отрицаются или игнорируются другим институтом. Эти различения достаточно ясны. Они просто отражают тот факт, что в оценке институтов мы можем рассматривать их в широком или узком контекстах.

Отметим, что есть такие институты, по отношению к которым концепция справедливости неприложима в обычном смысле. Скажем, ритуал обычно не считается ни справедливым, ни несправедливым, хотя, без всяких сомнений, можно представить случаи, в которых это неверно: например, ритуальное принесение в жертву перворожденного или военнопленных. Общая теория справедливости должна объяснять, в каких случаях ритуал и

другие практики, вообще-то не рассматриваемые как справедливые и несправедливые, подлежат подобной критике. Предположительно, они должны включать некоторые способы выделения (allocation) личностям определенных прав и ценностей. Я не буду, однако, рассуждать на эту тему. Наше рассмотрение касается лишь базисной структуры общества и его основных институтов, а следовательно, стандартных случаев социальной справедливости.

Теперь давайте предположим, что существует определенная базисная структура. Ее правила удовлетворяют определенной концепции справедливости. Мы можем сами не принимать ее принципов; мы даже можем полагать их одиозными и несправедливыми. Но они являются принципами справедливости в том смысле, что в этой системе им отводится роль справедливости: они обеспечивают приписывание фундаментальных прав и обязанностей, и они определяют разделение преимуществ от социальной кооперации. Давайте также вообразим, что эта концепция справедливости в целом принята в обществе и что институты управляются беспристрастными и последовательными судьями и другими официальными лицами. То есть подобные случаи трактуются подобным образом, существенные подобия и различия идентифицируются по существующим нормам. Правило, определяемое институтом как корректное, выполняется всеми и должным образом интерпретируется властями. Такое беспристрастное и последовательное управление законами и институтами, каковы бы ни были их основные принципы, мы можем назвать формальной справедливостью. Если мы считаем, что справедливость всегда выражает определенный вид равенства, тогда формальная справедливость требует, чтобы законы и институты применялись равно (т. е. одинаковым образом) к представителям классов, определенных ими. Как утверждал Сиджвик, этот вид равенства является следствием самого понятия института или закона, раз они мыслятся в качестве схемы общих правил . Формальная справедливость

есть приверженность принципу, или, как часто говорят, повиновение системе.

Ясно, добавляет Сиджвик, что законы могут выполняться, а институты работать, и в то же время быть несправедливыми. Трактовка подобных случаев подобным образом не является достаточной гарантией реальной справедливости. Всё зависит от принципов, согласно которым построена базисная структура. Нет никакого противоречия в предположении, что рабовладельческое или кастовое общества, или же общество, санкционирующее самые произвольные формы дискриминации, может быть равно и последовательно управляемым, хотя это и маловероятно. Тем не менее формальная справедливость, или справедливость как правильность (regularity), исключает серьезные случаи несправедливости. Если предполагается, что институты разумно справедливы, тогда весьма важно, чтобы власти были беспристрастны, и на них не влияли в рассмотрении конкретных случаев ни личные, ни денежные, ни другие не имеющие отношения к делу обстоятельства. Формальная справедливость в случае институтов законности есть просто аспект правления закона, поддерживающего и гарантирующего допустимые ожидания. Несправедливость — это отсутствие у судей и других властей приверженности надлежащим правилам или интерпретациям при рассмотрении притязаний. Личность несправедлива в той степени, в какой ее характер и наклонности располагают ее к таким действиям. Более того, даже в тех случаях, где законы и институты несправедливы, иногда лучше, если бы они применялись последовательно. В этом случае люди, подчиняющиеся законам, по крайней мере знают, что от них требуется, и могут себя соответственно защитить. В то же самое время еще большая несправедливость проявляется в том, что в отношении непреуспевших творится произвол в тех конкретных случаях, когда правила должны обеспечить им безопасность. С другой стороны, еще лучше было бы в конкретных случаях облегчать положение тех, с кем несправедливо

обходятся, нарушая существующие нормы. Как далеко мы зайдем в оправдании такой тактики, особенно ценой ожиданий, основанных на честности существующих институтов, — один из самых запутанных и сложных вопросов политической справедливости. В общем, всё, что может быть сказано, — это то, что сила требований формальной справедливости, повиновения системе явно зависит от реальной справедливости институтов и возможности их реформ.

Некоторые полагают, что на самом деле реальная (substantive) справедливость и формальная справедливость имеют тенденцию идти рука об руку, следовательно, в высшей степени несправедливые институты никогда не управлялись беспристрастно и последовательно, во всяком случае редко. Тот, кто поддерживает несправедливые устройства и приобретает от этого, кто отрицает с презрением права и свободы других, неохотно допускает сомнения относительно правления закона, которые могут задеть их частные интересы. Неизбежная расплывчатость законов в общем и широкая сфера дозволяемой их интерпретации поощряет произвол в решениях, который может быть уменьшен лишь приверженностью к справедливости. Таким образом, утверждается, что там, где мы находим формальную справедливость, — правление закона и выполнение допустимых ожиданий, — мы наверняка находим и реальную справедливость. Желание следовать правилам беспристрастно и последовательно, трактовать подобные случаи подобным образом и принимать следствия применения публичных норм тесно связано с желанием, или по крайней мере с намерением, признать права и свободы других, разделять справедливо выгоды и тяготы социальной кооперации. Одно желание имеет тенденцию ассоциироваться с другим. Этот взгляд определенно правдоподобен, но я не буду рассматривать его здесь. Потому что он не может быть по настоящему оценен до тех пор, пока мы не будем знать, каковы наиболее разумные принципы реальной справедливости и как люди приходят к ним и живут по ним. Как только мы поймем содержание этих принципов и их обоснование в разуме и человеческих

установках, мы будем в состоянии, может быть, решить, связаны ли друг с другом формальная и реальная справедливость.

11. Два принципа справедливости

Я теперь могу установить предварительный вид двух принципов справедливости, на которые, с моей точки зрения, согласились бы в исходном положении. Первая формулировка принципов будет носить экспериментальный характер. По ходу дела мы рассмотрим несколько формулировок и приблизимся, шаг за шагом, к окончательному их виду, который будет приведен много позднее. Я полагаю, что такая процедура делает изложение весьма естественным.

Первая формулировка двух принципов такова.

Первый принцип: каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других.

Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: (а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и (б) доступ к положениям (positions) и должностям был бы открыт всем.

Есть две неоднозначные фразы в формулировке второго принципа, а именно «преимущества для всех» и «открыт всем». Более точное определение их смысла приведет ко второй формулировке принципа в § 13. Окончательная версия двух принципов дана в § 46. В § 39 будет рассмотрен первый принцип.

Эти принципы применяются главным образом, как я уже говорил, к базисной структуре общества и управляют приписыванием прав и обязанностей, а также регулируют распределение социальных и экономических преимуществ. Их формулировка предполагает, что, для целей теории справедливости, социальная структура может рассматриваться как состоящая из двух частей, к одной из которых применяется первый принцип,

а к другой — второй принцип. Таким образом, мы можем различить аспекты социальной системы, которые определяют и гарантируют равные основные свободы, и аспекты, которые специфицируют и устанавливают социальные и экономические неравенства. Тут существенно отметить, что основные свободы задаются перечнем таких свобод. В нем важное место занимают: политическая свобода (право голосовать на выборах и занимать официальную должность), свобода слова и собраний; свобода совести и свобода мысли; свобода личности, включающая свободу от психологического подавления, физической угрозы и расчленения (целостность человека); право иметь личную собственность и свободу от произвольного ареста и задержания, как то определено правлением закона. Эти свободы должны быть равными согласно первому принципу.

Второй принцип применяется, в первом приближении, к распределению доходов и богатства и к устройству организаций, которые используют различия во власти и ответственности. В то время как распределение доходов и богатства не обязательно должно быть равным, оно должно быть направлено на получение преимуществ всеми, и в то же самое время властные ответственные должности должны быть доступны всем. Второй принцип применяется при открытости должностей и, будучи подвержен этому ограничению, устанавливает социальные и экономические неравенства к выгоде всех.

Эти принципы должны быть упорядочены так, что первый принцип первичен по отношению ко второму. Это упорядочение означает, что не могут быть оправданы нарушения основных свобод, защищенных первым принципом, или же компенсация нарушения большими социальными и экономическими преимуществами. Эти свободы занимают центральное положение в применениях и могут быть ограничены или стать частью компромисса только при конфликте с другими основными свободами. Поскольку эти свободы могут быть ограничены при столкновении друг с другом, ни одна из них не является абсолютной; но, будучи приспособлены

друг к другу, они все подчинены одной и той же системе. Трудно, вероятно даже невозможно, дать полную спецификацию этих свобод независимо от конкретных обстоятельств данного общества — социальных, экономических или технологических. Гипотеза заключается в том, что общая форма такого перечня должна быть изобретена с достаточной точностью, так чтобы поддерживать эту концепцию справедливости. Конечно, свободы, не входящие в перечень, например, право владеть определенными видами собственности (в частности, средствами производства) или свобода договоров, как она понимается доктриной laissez-faire, не являются основными; по этой причине они не защищены первым принципом. Наконец, в отношении второго принципа, распределение богатства и дохода, власти и ответственности должно быть совместимым как с основными свободами, так и с равенством возможностей.

Два принципа весьма специфичны по своему содержанию, и принятие их основывается на определенных предположениях, которые я по ходу дела постараюсь объяснить. Пока же необходимо заметить, что эти принципы являются специальным случаем более общей концепции справедливости, которая может быть выражена следующим образом.

Все социальные ценности — свобода и благоприятные возможности, доходы и богатство, социальные основы самоуважения — всё это должно быть равно распределено, кроме тех случаев, когда неравное распределение любой, или всех, из этих ценностей дает преимущество каждому. Несправедливость тогда есть просто неравенства, которые не дают преимуществ каждому. Конечно, эта концепция чрезвычайно расплывчата и требует интерпретации.

В качестве первого шага сделаем предположение, что базисная структура общества распределяет некоторые первичные блага, т. е. вещи, которые каждый рациональный человек хотел бы иметь. Эти блага являются частью обихода, независимо от того, каков рациональный план жизни человека. Для простоты предположим, что главные первичные блага в

распоряжении общества — это права, свободы, благоприятные возможности, доходы и богатство. (Позднее, в части третьей первичное благо самоуважения займет центральное место.) Они являются социально первичными благами. Другие первичные блага, такие как здоровье и энергия, интеллект и воображение, — естественные блага. Хотя на обладание ими влияет базисная структура, они не находятся прямо под ее контролем. Вообразим тогда гипотетическое исходное устройство, в котором все социально первичные блага равно распределены: каждый имеет одни и те же права и обязанности, и доходы и богатство поделены одинаково. Это положение дел устанавливает точку отсчета, которая позволяет судить об улучшениях. Если определенные неравенства в богатстве и различия во власти сделают ситуацию каждого лучше, чем она была в гипотетической ситуации, тогда эти неравенства согласуются с обшей концепцией.

Вполне возможно, по крайней мере теоретически, что, отказавшись от некоторых фундаментальных свобод, люди достаточно скомпенсируют их социальными и экономическими приобретениями. Общая концепция справедливости не налагает ограничений на то, какого рода неравенства допустимы; она требует только, чтобы при этом положение каждого было улучшено. Нам нет нужды предполагать столь радикальные вещи, как, например, согласие на рабство. Но вообразим такую ситуацию, в которой люди хотели бы отказаться от определенных политических прав, когда экономические доходы значительны. Как раз такого рода обмен и запрещается двумя принципами; будучи упорядоченными, они не позволяют обмена между основными свободами и экономическими и социальными приобретениями, за исключением извинительных обстоятельств (§ 26, 39).

По большей части я займусь не общей концепцией справедливости, а скорее двумя упорядоченными принципами. Преимущество этой процедуры состоит в том, что сначала распознаются приоритеты и делаются попытки найти принципы, которые могли бы им соответствовать. При этом уделяется тщательное внимание условиям, при которых абсолютный вес свободы в

отношении социальных и экономических преимуществ, определенных лексическим порядком двух принципов, был бы разумным. С первого взгляда это ранжирование кажется крайностью и слишком специальным случаем, чтобы представлять серьезный интерес. Но оно имеет гораздо больше оснований, чем это представляется вначале. Во всяком случае, я попытаюсь показать это (§ 82). Далее, различение фундаментальных прав и свобод, экономических и социальных преимуществ означает различие между первичными социальными благами. Последнее различие предполагает важные разделения (division) внутри социальной системы. Конечно, все эти различия и предлагаемое упорядочение будут, в лучшем случае, только приближениями. Наверняка существуют такие обстоятельства, в которых они не срабатывают. Но важно отчетливо наметить основные направления разумной концепции справедливости, и во многих ситуациях, как бы то ни было, два упорядоченных принципа могут достаточно хорошо служить.

Тот факт, что два принципа применяются к институтам, имеет определенные следствия. Прежде всего, все права и основные свободы, к которым относятся эти принципы, определены публичными правилами базисной структуры. Свободны люди или нет — это определяется правами и обязанностями, установленными главными институтами общества. Свобода — это некоторая структура (pattern) социальных форм. Первый принцип просто требует, чтобы определенные виды правил, определяющие основные свободы, применялись равным образом ко всем и чтобы они позволяли наибольшим свободам совмещаться с подобными свободами для всех. Единственная причина для ограничения основных свобод и для уменьшения их сферы состоит в том, что в противном случае они будут противоречить друг другу.

4. Почему возник «суррогат» союза народов?

Предложение Канта рассматривать *союз* народов как суррогат *государства* народов можно рассматривать как его реакцию на трудности скорее понятийного, чем эмпирического порядка. И это именно те проблемы, на примере которых мы можем больше всего научиться в плане исследования процессов конституционализации международного права, фактически продвигающихся вперед, но вновь и вновь подвергающихся опасности. Эти проблемы свидетельствуют о том, что Кант воспринимал тщательно обоснованную им идею развития международного права, ориентированного на государства, до уровня всемирного гражданского права недостаточно абстрактно. Он так тесно связал ее с идеей о всемирной республике, или «государстве народов», что этот концепт можно только скомпрометировать, если говорить об асимметричном распределении власти <в мире> и неуправляемой сложности мирового общества перед лицом больших социальных потрясений и культурных расколов.

Кант, обосновывая свой проект союза народов, преследовал определенную цель: идея государства народов при ближайшем рассмотрении оказывается неустойчивой; «это был бы *союз народов*, который, однако, не должен был бы быть государством народов. Последнее означало бы противоречие, ибо всякое государство содержит в себе отношение *высшего* (законодателя) к *низшему* (повинующемуся, т. е. народу). Многие народы в государстве (так как здесь мы рассматриваем право *народов* по отношению друг к другу, поскольку они образуют отдельные государства и не должны быть слиты в одно государство) образовали бы только один народ, что противоречит предпосылке»[54]. В этом тексте Кант рассматривает «государства» не только как ассоциации равных и свободных граждан (что вытекает из индивидуалистической трактовки права), но и с политико-

[54] *Кант И.* К вечному миру. *Кант И.* К вечному миру // *Кант И.* Спор факультетов. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 7. С. 27.

этических позиций — как национальные государства, т. е. как политические общности «народов» (это слово Кант выделяет курсивом), которые отличаются друг от друга по языку, религии и образу жизни. Теряя суверенитет своих государств, народы могут потерять и национальную независимость, которую они завоевали, следовательно, опасность угрожает и автономии своеобразных коллективных форм жизни народов. Если так прочесть <кантовский текст>, то «противоречие» состоит в том, что граждане всемирной республики должны заплатить за гарантии мира и гражданской свободы ценой потери той субстанциональной свободы, которой они обладают, если принадлежат народу, организованному в национальное государство.

Разумеется, это мнимое противоречие, над которым бились поколения ученых — интерпретаторов Канта[55], можно преодолеть, если исследовать предпосылки, которые положены в основу аргументации. Кант имел перед глазами образец централизованной Французской Республики, без всякой нужды испытывая понятийные затруднения с догмой неделимости государственного суверенитета[56]. Хотя в конституционном государстве, где главенствует принцип разделения властей, «вся власть — от народа», власть разделена уже изначально. Народ не может властвовать непосредственно, он осуществляет свою власть в государстве (как это обозначено в ст. 20, § 2 Конституции) через выборы и голосование, через особые законодательные органы, исполнительную власть и судебное решение. На основе такого «процедурного понятия» народного суверенитета возникают параллельные цепи легитимации, которые срабатывают на уровне государств — членов многоуровневой системы, организованной по федеративному принципу; зачастую это состояние безо всякой на то причины путают с состоянием

[55] См. об этом: *Kant I.* Zum Ewigen Frieden. Berlin, 1995; *Gerhardt V.* I. Kants Entwurf “Zum ewigen Frieden” // a.a.O.; *Brandt R.* Historisch-kritische Beobachtungen zu Kants Friedensschrift // *Merkel R.* und *Wittmann R.* (Hrsg.). Zum Ewigen Frieden. Frankfurt a. M., 1996. S. 12–30; *Budelacci O.* Kants Friedens-programm. Bamberg, 2003.

[56] См.: *Kersting W.* Globale Rechtsordnung oder weltweite Verteilungsgerechtigkeit? // ders. Recht, Gerechtigkeit und demokratische Tugend. Frankfurt a. M., 1997. S. 243–315.

псевдоединства, подчиняющегося власти суверенного народа[57]. Эту концепцию «ущемленного» народного суверенитета Кант мог бы соотнести с моделью США и уяснить для себя, что «народы» независимых государств, которые ограничивают свой суверенитет, расширяя полномочия союзного правительства, не должны терять свою идентичность и культурное своеобразие.

Правда, эта концепция тоже не совсем устраняет сомнение в том, что народы, «обособившиеся» в своей религии или языке, смогут «переплавиться» в <котле> всемирной республики. На заднем плане остается что-то наподобие страха, который испытывает Фуко перед процессом «нормализации», если допустить, будто Кант действительно полагал, что в мировом, т. е. очень сложном, обществе право и закон можно реализовать только с помощью «бездушного деспотизма». В опасении, что и федеративно устроенная мировая республика, как всегда, будет способствовать сглаживанию культурных и общественных различий, коренится принципиальное возражение, что глобальному «государству народов» по функциональным причинам присуща «непреодолимая склонность» вырождаться в «универсальную монархию». Так в конечном счете обозначена альтернатива между мировым господством субъекта, обладающего монополией на власть и правом управлять, и существующей системой множества суверенных государств; эта альтернатива беспокоила Канта, из нее он искал выход, создавая свою замещающую концепцию «союза народов».

5. Дезориентирующие аналогии «естественного состояния»

Это дает повод задуматься о правильности постановки самой альтернативы. Кант приходит к альтернативе всемирной республики, или мирового правительства, путем аналогии, которая подталкивает образование понятий в направлении поспешно конкретизированного определения хорошо

[57] См.: *Oeter St.* Souveranitiit und Demokratie als Problem der Verfassungsentwicklung der Europiiischen Union // Zeitschrift fur auslandisches offentliches Recht und Volker-recht. Jg. 55. H. 3. S. 659–712.

обоснованной идеи всемирного гражданского состояния. Состояние анархии в отношениях между суверенными государствами наводит его на сравнение с «естественным состоянием», хорошо знакомым понятием из истории и теории права, состоянием, предшествующим всем формам социализации индивидов[58]. Общественный договор указывает как на возможный выход из этой мучительной ситуации вечной неуверенности на переход к государственно организованной совместной жизни граждан. Сегодня — вот суть рассуждений Канта — государства должны снова искать аналогичный выход из столь же невыносимого естественного состояния[59]. Как когда-то индивиды, пожертвовав своей естественной свободой, объединились под давлением необходимости в государственно-организованную общность, так и сегодня государства должны, пожертвовав своим суверенитетом, достигнуть состояния «всемирно-гражданской общности, подчиняющейся единому верховному руководству». И как в первом случае решением проблемы стало государство, так и сейчас государство государств — всемирное государство — позволит разрешить новые коллизии.

Однако эта аналогия, даже если мы исследуем ее в контексте теоретико-правовых предпосылок самого Канта, заводит в тупик[60]. В отличие от индивидов, пребывающих в естественном состоянии, граждане естественно конкурирующих между собой государств изначально наслаждаются статусом, гарантирующим им права и свободы (какими бы ограниченными они ни были). Это несовпадение обусловлено тем, что граждане государства неизбежно проходят долгий процесс политического образования. Считая себя обладателями политического блага в форме гарантированных правом свобод, они готовы рискнуть этим благом, если открываются возможности как-то ограничить суверенитет государственной власти, которая и обеспечивает это правовое состояние. Необразованным жителям, пребывающим в грубом естественном состоянии <человеческой

[58] Ср. заключительные страницы «Учения о праве» Канта (S. 478).

[59] См.: *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Кант, Иммануил. Сочинения в шести томах. М., «Мысль», 1966. — (Философ. наследие). Т. 6. — 743 с. - С. 23–25.

[60] Этим суждением я обязан работе П. Клейнгельда *(Kleingeld P.* Kant's Theory of Peace. Ms., 2004).

общности>, нечего терять, кроме страха и ужасов столкновения их естественных, т. е. негарантированных, свобод. Поэтому путь, который должны пройти государства и их граждане при переходе от классического международного права к всемирному гражданскому состоянию, является *не аналогом, а дополнением* того пути, который прошли граждане демократических правовых государств, постоянно подытоживая результаты процесса правового оформления первоначально разнузданно действовавшей государственной власти.

Идея общественного договора — это попытка понятийной реконструкции процессов возникновения государства как организованной формы легитимного господства. Государственно организованное господство предполагает осуществление политической власти на основе применения принудительного права. Речь идет о логике формирования государственного господства из элементов естественно сложившейся, т. е. преимущественно «дополитической», власти приказа, с одной стороны, и структуры регуляции, интегративной силы права, сложившегося метасоциально, — с другой стороны[34]. Только из соединения обоих компонентов и формируется *политическая* власть как источник объединяющих решений. Политическая власть констатируется в формах права. Стабилизируя ожидания от тех или иных действий (и тем самым выполняя свою собственную функцию), право предоставляет в распоряжение власти свою регулятивную структуру. В этом отношении право служит власти в качестве организационного средства. Кроме того, право располагает и ресурсом справедливости, который позволяет легитимировать власть. И если политическая власть во многом зависит от интегративных возможностей права, то право, наоборот, обязано своим принудительным характером власти государственной санкции. Не существует никаких правовых гарантий без возможности обжалования подконтрольных инструментов насилия как резерва обеспечения господства.

В XVII в. возникает модерное «право разума» как форма осмысления государственной системы, которая после окончания религиозных войн нашла

мировоззренчески нейтральные основы легитимации. «Право разума» эпохи модерна критически анализирует понятийные соотношения между правом и властью, чтобы раскрыть разумное и эгалитарное содержание, изначально заложенное в правовой оформленности государства и политической власти. Руссо и Кант расшифровали это скрытое содержание права, которое выполняло для авторитарной государственной власти только политическую и инструментальную функции, с помощью своего инновативного понятия «автономность». Они свели легитимирующую функцию *формы* права, постепенно ставшего исключительно позитивным правом, к нормативному ядру не только семантически понятого понятия «закон», а в конечном счете — к создающим легитимность действиям демократического законодательства[35]. Эта разумно-правовая концепция позволяет увидеть в форме модерного права собственный нормативный смысл, который и давал возможность *рационализировать* политическое господство в среде права, вместо того чтобы придавать этому господству лишь некое *рациональное выражение.* Основным пунктом реконструкции, какой ее осуществляет «право разума», является доказательство того, что в политической власти, на основе ее правовой по форме конституции, закладывается понятийное ядро правового оформления «иррациональной», т. е. беспорядочной, децизионистской, власти государства.

Взаимное проникновение позитивного права и политической власти нацелено не на легальное господство как таковое, а на господство, *организованное* по принципам демократии и правового государства. *Terminus ad quern* (понятие, при каковом… — лат.), характеризующий придание политическому господству правовой формы, — это конституция, которую дает себе сама политическая общность свободных и равных граждан. Любое «государство» является иерархически выстроенной и организованной единицей, способной к деятельности по осуществлению политической власти. «Конституция» же, напротив, нормирует средствами позитивного права горизонтальное обобществление, вовлеченность граждан в социум; она

фиксирует основополагающие права, с которыми взаимно согласны члены самоуправляемой ассоциации свободных и обладающих равными правами граждан. В этом смысле превращение субстанции господства государства в формы и институты республиканского права направлено на телос «конституции».

Процессы конституционализации государственной власти придают законную силу процессам *преобразования исходных соотношений права,* инструментализированного благодаря власти. В соответствии с менталитетом конституционализма «любая власть» есть автономная, т. е. разумно сформулированная, воля гражданского общества, организованного по республиканскому принципу (короче, «власть — от народа»). Таким образом, по логике общественного договора рационализация внутригосударственного господства происходит в рамках государственной власти, конституированной в правовом отношении, но сама эта «субстанциональная» государственная власть еще не обрела правовой формы, и его иррациональное ядро исчезнет только в демократическом процессе полностью учрежденного конституционного государственного строя. Этот контекст основных понятий указывает на то, что переход от международного к всемирному гражданскому праву не может совершаться прямолинейно, как это виделось Канту.

Радбрух Г. **Философия права. М., 2004. С. 49–60. http://fissato.ru/category44/kniga41232.html.**

§ 5. Право и мораль

Приведенное нами определение права позволяет отграничить его исчерпывающим образом от других видов норм. Различие должно быть проведено между правом и «близкородственными» ему видами норм — моралью и обычаями.

Когда, как это часто бывает, сопоставляют право и нравственность, то сравнивают несоизмеримые величины. Право — культурное понятие, нравственность — ценностное. Как идея справедливости в праве, так и идея нравственности в морали, то есть в психологической данности (in der psychologischen Tatsachlichkeit) совести, становится культурной действительностью. Могут сравниваться лишь два ценностных понятия: справедливость и нравственность, или два культурных — право и мораль.

Обычно, чтобы подчеркнуть различие между правом и моралью, используют следующее выражение: «Внешний формализм права, внутренняя содержательность морали» (право — формально, мораль — содержательна). В этой формуле кроются четыре различных значения:

1. Первоначально противопоставление «форма — содержание» соотносят с основой (Substrat), на которой зиждятся право и мораль. И соответственно полагают, что внешние проявления поведения подчиняют правовому регулированию, а внутренние, содержательные — моральному: “Cogitationis poenam nemo patitur” («Мысли не подлежат наказанию»). Это выражение, по-видимому, исходит прежде всего из понимания права как совокупности норм и принципов, призванной регулировать жизнь людей как социальной общности, которая существует лишь там, где индивиды при осуществлении своей деятельности вступают между собой в различные отношения.

Опыт свидетельствует, однако, о большем числе примеров правового воздействия внутреннего поведения как посредством того, что относящееся к внутреннему поведению обусловливает правовое регулирование определенного внешнего поведения (форма вины, добросовестность), так и, при случае, таким образом, что внутреннее поведение само способно вызвать правовые последствия. Например, когда угроза «духовному здоровью» (geistigen Wohl) ребенка может привести к предписанию о воспитании его в детском доме. Таким образом, нельзя сказать, что право опосредствует лишь внешние действия. Моральные оценки, со своей стороны, также не

ограничиваются исключительно внутренним поведением. Наоборот, как раз эта среда «ускользает» от них. Никто не видит заслуги в «святых желаниях», которые никогда не реализуются в делах, или в «благих намерениях, которыми вымощена дорога в ад». И как следствие этого, нельзя усмотреть вины в «порочных желаниях», в «искушении», в «соблазне». С точки зрения морали пассивные влечения сами по себе несущественны. Морально значима только активная воля, которая приходит в противоречие с ними. Воля отличается от влечения лишь своей активностью. Исключительно действием подтверждается ее бытие, и потому с полным основанием сферу приложения морали можно распространить и на человеческую деятельность.

Внешнее поведение не исключает моральной оценки, как и внутреннее — правовой. Нет области внутреннего и внешнего поведения, которая не могла бы подлежать как моральной, так и правовой оценке. Различие предметов регулирования морали и права проявляется прежде всего в различии направленности их интересов: внешнее поведение интересует мораль постольку, поскольку оно подтверждает внутреннее поведение. Внутреннее поведение попадает в сферу действия права лишь в той мере, в какой оно позволяет предположить внешнее поведение.

Если, например, движение за реформу уголовного права (die strafrechthche Reformbewegung) учит видеть в преступном деянии по существу лишь симптомы злонамеренного образа мыслей лица, его совершившего, а в этом мышлении — усматривать истинное основание для наказания, то этот злонамеренный образ мыслей имеет правовое значение, но лишь как возможный источник будущих преступлений.

Если образ мыслей лишь в качестве симптома будущих действий подлежит правовой оценке, то, с другой стороны, действия, если они рассматриваются лишь как симптомы образа мыслей, не регулируются правом. Отношения, выраженные в действиях, значимость которых определяется не по тому, каковы они есть на самом деле, а согласно тому, что они выявляют в душе преступника, должны оцениваться положительно с

точки зрения морали. Так, например, в дружеских отношениях право отступает перед дружбой. В дружбе внешнее поведение вторично и не имеет самостоятельного значения. Значимо лишь то, что подтверждено образом мыслей как доказательство дружбы. По мнению Льва Толстого, все отношения между людьми приобретают значимость лишь в обществе, основанном на взаимной любви, и по этой причине он отрицал правовую и государственную действительность. Эта благороднейшая форма анархизма коренится в нежелании признать даже малую толику собственной ценности бездушного внешнего формализма (Aeusserhchkeit) в прекрасной, но односторонней идее, что во всем внешнем столько ценности, сколько в нем души, и в твердом убеждении бездушия юридической профессии, для которой живые человеческие души не более чем побочный источник правонарушений…

2. Антитеза «внешнее — внутреннее» («форма — содержание») может далее служить инструментом раскрытия сущности целей права и морали. Правовая ценность характеризует действие как хорошее для жизни общества, моральная ценность — просто как хорошее. Правовая ценность — это ценность действия в отношении другого или других. Моральная — просто ценность действия. Схоласты обычно говорили, что мораль — ab agenti (лишает права), а право — ad alteram (управомочивает другое лицо). Поэтому каждому принимающему на себя правовое обязательство всегда противостоит заинтересованное лицо, наделенное правом требования, лицо правомочное. Об исполнении же морального обязательства в отношении такого управомоченного лица речь может идти лишь символически, если обязывающийся несет его в своем сердце, если оно принято им перед Богом и перед собственной совестью, перед всем человеческим в себе, перед всем лучшим, что в нем есть. В правовой сфере можно говорить об «обязанности и долге». Моральный же долг — не обязанность перед кредитором, а просто долг. Даже так называемые (моральные) обязательства в отношении других людей не являются таковыми в том смысле, что эти люди могут потребовать

их исполнения. «Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую, а если кто в споре потребует твое платье, отдай ему также пальто» — эта заповедь не наделяет правом на пощечину и на чужое пальто. Ее цель — показать ничтожность, недействительность прав как с одной, так и с другой стороны. Петражицкий считал, что право обладает «императивно-атрибутивной» природой, а мораль — чисто императивной, и видел в этом их основное различие. И не случайно Лев Толстой, для которого мотивация человеческих отношений носит чисто этический характер спонтанно возникающей и всепоглощающей любви, в своих последних работах оспаривал юридические взгляды Петражицкого.

3. Противопоставление «внешнее — внутреннее» касается, по-видимому, различий в природе правовых и моральных обязательств. Мораль требует, чтобы человек при выполнении своих обязательств руководствовался чувством долга. Право допускает и другие побудительные мотивы. Для морали достаточно, чтобы образ мыслей соответствовал общепринятым нормам. В праве же необходимо следовать предписанному поведению. Согласно Канту мораль требует «нравственности», право — «законности». Различие верное. Неверно только толковать его как различие в способах обязывания.

Выражение «правовой долг» внутренне противоречиво, если под долгом понимают отношение подчинения воли норме, а другое определение понятия вряд ли возможно. Если хотят признать термин «долг» как «правовой долг», то следует отдавать себе отчет в том, что речь должна идти о физической обязанности тела без одновременной обязанности воли, что следует решиться на то, чтобы долгом называть в общем плане отношение основы нормы к норме, какой бы эта основа ни была, об обязанности мысли, опосредованной логической нормой, об эстетическом долге мрамора перед резцом скульптора.

«Нравственность» и «законность» означают соответственно не различие в способах обязывания, а, во-первых, то, что только моральная

норма имеет волевую основу, допускающую возможность свободно принимать решения о своем долге, в то время как природа основы права — поведенческая, исключающая такую возможность (в бихевиористском смысле), и, во-вторых, не что иное, как простое различие в основах, как констатация того факта, что предметом воздействия морали является индивид с его побудительными мотивами; право же, наоборот, регулирует совместную жизнь людей, в которой его действие распространяется на внешнее (и лишь косвенно — на внутреннее) поведение индивидов, но не их побудительные мотивы как таковые.

Понятая таким образом «легальность» не является, однако, характерной особенностью права, но служит общим признаком всех тех ценностей, предметом которых не является индивид и его побудительные мотивы, а также логических и эстетических ценностей. Их необходимо последовательно рассматривать с точки зрения «легальности», чтобы сделать заключение о ценности правового действия, об эстетической ценности художественного произведения или логической ценности научной работы без учета побудительных мотивов их авторов, а также для того, чтобы, с одной стороны, ценности культурных достижений человечества не умалялись по той причине, что большая часть из них — результат людского тщеславия, а с другой — чтобы плохой музыкант не считался хорошим, поскольку он — «хороший человек».

Из сказанного вытекает, что правовые нормы в своем изначальном виде не были императивными, а служили критерием регулирования совместной жизни индивидов в обществе и в соответствии со своей первозданной природой состояли из оценочных, а не предписывающих «норм» (Bestimmungsnormen). Но право не ограничивается лишь оценкой человеческого поведения. Оно направляет и стимулирует действия людей или препятствует им, если они ему противоречат. Поэтому правовые критерии трансформировались в «веления» («императивы», Imperative), то есть в указующие человеческой воле запреты и приказы — «в

предписывающие нормы», в ценностной оценке которых человеческая воля не участвует. Однако различие между нормой и велением требует более детального рассмотрения.

Это различие можно наглядно продемонстрировать на примере какого-либо предписания, в котором благодаря соединению нормы и веления нормативное содержание передается в «императивной» форме. «Исполняй свой долг!» Если в этом предложении отделить смысл от его носителя, содержание сказанного — от его формы, то, с одной стороны, окажется образ бытия, структура сущего, определенного во времени и пространстве и каузально обусловливающего последовательность звуков, раздающихся здесь и сейчас в результате психофизических процессов говорящего и вызывающих иной психофизический процесс в слушающем, а с другой — содержание смысла вне времени, пространства и каузальных связей, моральная необходимость, которая обладает ценностью независимо от места, силы и времени воздействия сказанного. Данное предложение — веление, поскольку оно высказано и оказывает воздействие; оно — норма, поскольку обладает значением и ценностью, оно — веление, поскольку через его посредство осуществляется воля; оно — норма, поскольку в нем заложено долженствование (Sollen). Оба эти смысла содержатся в рассматриваемом предложении, но они не всегда связаны между собой. Норма стремится стать целью; веление — лишь средство достижения этой цели. Норма — возможность (Nichtwirklichkeit), которая стремится к воплощению; веление — действительность, которая стремится оказывать воздействие. Норма стремится быть целью, веление — средством ее достижения. Норма как цель не реализована, пока не исполнена; веление как средство достижения цели выполнено, когда цель достигнута, или в силу его собственной мотивировки, или даже без его вмешательства, благодаря уже существующей мотивировке, действующей в том же направлении. Норма требует нормативного поведения, продиктованного отвечающим норме мотивом. Веление также всегда предписывает поведение, мотивированное его императивами.

Другими словами: норма как цель требует нравственности, веление — законности (легальности). Но даже для этого вторичного императивного образа права как веления (diese sekundaere imperativische Gestalt des Rechts) «легальность» не инструмент обязывания, так как суть веления не в обязывании, а в том, чтобы побуждать, не в действии, а в воздействии.

4. Наконец, внешний формализм права и внутреннюю содержательность морали усматривают в различной ценности их источников: праву предписывают «гетерономию» (т. е. подчинение чьей-либо воли норме, данной извне. — *Ред.*), так как оно подобно чужой воле, действующей извне, обязывает законопослушного индивида. Мораль же «автономна», так как ее законы каждый налагает на себя сам, в соответствии с нравственной природой собственной личности. Но гетерономное обязательство, навязываемое чужой волей, содержит в себе внутреннее противоречие. Чужая воля навязывает Должное (das Mussen), если оно сопровождается принуждением, силой. Но никогда Долженствование, Долг (das Sollen) не является чужой волей и даже не *собственной*, смысл выражения «автономия» становится ясным, лишь когда *под обязывающейся личностью* в «самообязательстве» понимают не чью-то волю — даже если это требование совести — и уж, конечно, не какую-то эмпирико-психологичекую действительность, а нравственную личность, чисто нормативный, идеальный и ирреальный (irreal) образ. Другими словами, под «автономией» понимают самую обязывающую норму (в собственном смысле этого слова): не совесть обязывает, а норма, которая говорит в ней сама за себя. И тут возникает дилемма: понимать право как волю — и тогда следует отказаться от обоснования его императивности, его обязывающей силы, его действия (Geltung) — или рассматривать право как «долженствующее», «обязывающее», «действующее» в смысле «автономии», как требование самой нравственной личности индивида в сфере правового регулирования.

Из сказанного выше уже можно сделать определенный вывод о том, что наряду с различием между правом и моралью между ними должны

существовать также и взаимосвязи. Но, конечно, не в том смысле, что право — «этический минимум» (Г. Еллинек) или «этический максимум» (Т. Шмоллер); «экстенсивный этический минимум» — поскольку лишь на отдельные моральные обязанности распространяют понятие правовой обязанности, «интенсивный этический минимум» — поскольку удовлетворяются внешним исполнением, не затрагивая внутреннего аспекта — образа мыслей. Что же касается «этического максимума», то в этом смысле право вследствие своей принуждающей к осуществлению природы противопоставляется физическому бессилию морали. Обе точки зрения недооценивают возможности конфликта между правом и моралью, проистекающего из властной природы права и убеждающего характера морали. И этот конфликт может представляться в форме отказа от соответствующих убеждений. Кроме того, право и мораль по содержанию своих требований совпадают лишь частично и случайно, связь же между областями применения норм права и морали скорее выражается в том, что мораль, с одной стороны, является целью права и, как следствие этого, с другой стороны — функцией его обязывающего действия.

5. Только мораль может служить обоснованием обязывающей силы права. Выше уже было показано, что из правовых норм как проявления велений воли можно, видимо, вывести «должное» в силу необходимости (ein Miissen), но никогда «долженствование» в смысле морального долга (ein Sollen). О правовых нормах, о долге в правовом смысле, о действии права, о правовых обязанностях речь может идти только тогда, когда веление совести индивида наделено обязывающей силой морали. Первые внешние впечатления, что моральное обоснование действия права сделало бы ее зависимой от истинности права с естественно-правовой точки зрения и от согласия совести отдельного индивида — с анархической точки зрения, могут мгновенно рассеяться при дальнейшем рассмотрении проблемы действия права и морали. Здесь следует показать, что эта точка зрения не сводит на нет достигнутое разделение права и морали по содержанию: право

частично присоединяется к морали, правовая норма становится моральной нормой специфического содержания. «Натурализация» правовой обязанности в «царстве» морали представляется явлением еще малоизученным: такая «натурализация» подобна перелицовке одного и того же материала, имеющего характер двойной ценности. Так, логическая ценность истины может становиться вновь объектом оценки этической и трансформируется в моральное благо, если она переходит на более высокий уровень нравственной добродетели. Таковы все «культурные обязанности», ценности которых, воплощенные в творчестве, такие как истинность в образе науки, красота в образе искусства, становятся задачей морального воздействия. А с точки зрения многих других обязанностей «социальной этики», таких как справедливость или порядочность, честность, позитивное право рассматривается в качестве морального блага. Подобно тому как самостоятельность логических законов научной истины и эстетических законов красоты, рассматриваемых с точки зрения этики ценностей, не ущемляется возвышением их до моральных благ, а, наоборот, считается общепризнанной, так и самостоятельность правовой сферы полностью сохраняется при «аннексии» ее моралью. И Кант вполне прав, когда пишет, что «все обязанности лишь потому обязанности, что они принадлежат этике; но касающееся их законодательство не всегда, поэтому содержится в этике; законодательство многих обязанностей находится за ее пределами». Мораль подчиняется здесь чуждому законодательству, специфической диалектике другой сферы разума, соглашается посредством бланкового акцепта воспринять обязанность, содержание которой установлено совсем в другой области норм. Она включает право и справедливость (правовую) в число своих моральных задач, но уступает компетенцию устанавливать их не относящемуся к сфере морали законодательству.

6. Это санкционирование права моралью возможно лишь потому, что целью права, при всем многообразии его содержания, является все же мораль. Конечно, оно не может способствовать исполнению моральных

обязанностей с помощью правовых санкций, так как моральная норма, которая реализуется только во исполнение собственной воли, ничего не выигрывает, если ее поддерживает веление из другой сферы, хотя и одинакового с ней содержания. Право служит морали не посредством возложения правовых обязанностей, а посредством прав, которые оно гарантирует. Оно обращено к морали не обязанностями, а своими правами. Оно гарантирует индивиду права, чтобы эти права наилучшим образом обеспечивали выполнение индивидом своих моральных обязанностей. В этом случае на ум приходит пример с определением обязанности: «Собственность обязывает. Ее использование должно служить одновременно и общему благу» (ст. 153 Конституции Веймарской республики). Здесь на первом месте стоит этический пафос, который зиждется на субъективном праве, на факте, что мысль «Мое право», равно как и мысль «Моя обязанность» внушается тем возвышенным чувством, которое охватывает душу индивида во всех тех случаях, когда он начинает осознавать себя с благоговейным трепетом, сопричастным всему человечеству. Моральную гордость обычно ассоциируют с победой человека над самим собой, но в субъективном праве — с тем, чего он добивается для других. Влечение, стремление и интерес, всегда, как правило, скованные нормой, здесь, наоборот, ею высвобождаются. Мое право, в принципе, является правом осуществить свой моральный долг. И поэтому мой долг — защищать мое право. В своем праве человек борется за свою обязанность (долг), за свою персональную личность. И не случайно Иеринг называет «борьбу за право» обязанностью «морального самоутверждения». Разумеется, идеальный тип борьбы за право, борьбы, в которой защита личностью своего человеческого достоинства облечена в форму борьбы за общественные интересы, допускает возможность реализации двух диаметрально противоположных крайностей: с одной стороны, речь может идти о бескомпромиссной борьбе за свое человеческое достоинство (идеальную личность) без учета собственных интересов вплоть до самоуничтожения (Михаэль Кольхаас). С другой

стороны, борьба за право может мотивироваться исключительно эгоистическими интересами, лишенными моральной подоплеки, и тогда она низводится до примитивного уровня пустопорожнего спора за собственное преобладание только во имя преобладания, вне зависимости от содержания интересов, вызвавших спор (Шейлок). Право, таким образом, является в той же мере возможностью морали, сколь и аморальности. Право может лишь стимулировать мораль, но не добиваться ее силой, так как моральный поступок по определению лишь акт свободы. Поскольку праву дано лишь стимулировать мораль, оно должно неизбежно также стимулировать и аморальность.

Итак, многообразие отношений между правом и моралью характеризуется напряженностью. Право изначально настолько чуждо морали, настолько отлично от нее и даже, вероятно, противоположно ей, как и любое средство в отношениях между средством и целью, насколько в дальнейшем это не препятствует ему в качестве средства реализации моральной ценности участвовать в придании ценности собственной цели и тем самым, с оговоркой о сохранении собственной самостоятельности, быть вовлеченным в сферу морали.

***Фуллер Л.* Мораль права. М., 2007. http://opendatasummit.ru/upload/iblock/723/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9D%D0%B5%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf**

Правовая мораль и естественное право

Я попытался выявить и сформулировать естественные законы, свойственные особому виду человеческой деятельности, которую охарактеризовал как «предприятие, направленное на подчинение поведения

человека руководству правил». Эти естественные законы не имеют никакого отношения к какому бы то ни было «всеприсутствию, нависающему с небес». Они также не имеют ничего общего со всевозможными суждениями наподобие того, что контрацепция есть нарушение закона Божьего.

Они остаются полностью земными и по происхождению, и по применению. Естественные законы не «высший закон»: если здесь и можно употребить метафору вертикали, то следует назвать их «низшими» законами. Они походят на естественные законы плотницкого дела, или по крайней мере на те законы, которые уважает плотник, желающий, чтобы возводимый им дом остался стоять и служить тем, кто в нем живет.

Эти естественные законы касаются жизненно важной человеческой деятельности, но они явно не охватывают всей нравственной жизни человека. Они ничего не говорят о таких проблемах, как полигамия, изучение Маркса, поклонение Богу, прогрессивный подоходный налог или угнетение женщин. Если возникает вопрос о том, является ли какой-либо из этих или подобных им предметов объектом законодательства, то этот вопрос будет относиться к тому, что я назвал внешней моралью права.

В этом смысле то, что я назвал внутренней моралью права, является процедурной версией естественного права, хотя во избежание недоразумений слову «процедурный» следует придать особый, более широкий смысл, включающий, к примеру, материальное соответствие между официальным действием и принятым законом. Однако термин «процедурный» в целом является вполне подходящим, так как указывает на то, что нас интересуют не материальные цели юридических норм, а способы, посредством которых должна разрабатываться и проводиться в жизнь система норм для управления человеческим поведением, чтобы она при том была действенной и в то же время оставалась такой, какой была задумана.

Найдем ли мы в реальной истории правовой и политической мысли связь между принципами… и доктриной естественного права? Составляют ли эти принципы неотъемлемую часть естественно-правовой традиции? И не

их ли неизменно отклоняли позитивистские мыслители, выступавшие против этой традиции? Простого ответа на эти вопросы не существует.

У позитивистов в этом отношении не прослеживается никаких четких закономерностей. Остин определил закон как приказ верховного политического руководителя. В то же время он настаивал, что «законы в собственном смысле слова» являются всеобщими нормами и что «приказы, относящиеся к определенному событию или конкретной ситуации», законами не являются. Бентам, используя свой красочный лексикон для резкой критики естественного права, постоянно интересовался определенными аспектами того, что я назвал внутренней моралью права. Стремление сделать законы доступными для тех, кто им подчинен, стало у него чуть ли не навязчивой идеей…

…Относительно потребности в общих нормах (в противоположность разрешению споров в зависимости от конкретной ситуации) он *(Фома Аквинский)* развивает поразительно подробное и тщательно разработанное доказательство, включая довод о том, что, поскольку мудрецов всегда не хватает, экономическая практичность подсказывает целесообразность распределить их таланты, направив на разработку общих норм, которые потом могут применять менее мудрые люди.

Если говорить об авторах философских систем, то, я полагаю, не будет большой ошибкой сказать, что, когда они касаются проблем правовой морали, обычно это делается от случая к случаю и между дел. Причина этого лежит на поверхности. Люди, как правило, не видят нужды в том, чтобы объяснять или обосновывать очевидное. Вероятно, любой философ права, оставивший след в истории идей, имел случай заявить, что законы следует публиковать, дабы те, кто им подчиняется, могли знать их содержание. Лишь немногие из них ощущали потребность подробнее развить доводы в пользу этого положения или встроить их в рамки более общей теории. С этой точки зрения прискорбно, что требования правовой морали в большинстве случаев

кажутся столь очевидными.

Эта очевидность помешала заметить многие тонкости и направила исследователей по неверному пути, внушив им, что основательный анализ этого предмета не нужен и даже невозможен. К примеру, когда утверждалось, что закон не должен противоречить сам себе, казалось, что тут и сказать-то больше нечего. Тем не менее, как я попытался показать на некоторых примерах, из всех принципов, составляющих внутреннюю мораль права, применение принципа непротиворечивости может оказаться одним из самых сложных.

Существует одно знаменательное исключение из наблюдения, согласно которому в истории политической и правовой мысли принципы законности рассматривались лишь эпизодически и между дел (как и приличествует самоочевидным вещам). Это исключение находится в литературе, возникшей в Англии XVII столетия, — столетия ремонстраций, свержения монархов, заговоров и гражданских войн, — т. е. эпохи, когда существующие институты подверглись фундаментальному переосмыслению.

Нозик Р. **Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера; ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М., 2008 (серия «Политическая наука»). http://matimatik.anarhist.org/pdf-books/irisen/**

«Государство — ночной сторож» классической либеральной теории, функции которого ограничены защитой всех граждан от насилия, воровства и мошенничества, а также обеспечением исполнения договоров и т. п., на первый взгляд кажется перераспределительным. Можно представить по меньшей мере один промежуточный тип общественного устройства между схемой частных защитных ассоциаций и «государством — ночным сторожем». Поскольку «государство — ночной сторож» часто именуют минимальным государством, мы будем называть этот промежуточный тип

устройства ультраминимальным государством. Ультраминимальное государство обладает монополией на все формы применения силы, за исключением необходимой самообороны, и, таким образом, исключает ответное применение силы (например, ради мести или получения компенсации) со стороны частных лиц (или частных агентств); в то же время оно защищает и обеспечивает права только тех, кто приобретает соответствующие услуги. Люди, которые не покупают у монополии «охранный полис», не получают защиты. Минимальное «государство — ночной сторож» эквивалентно ультраминимальному государству в сочетании с (бесспорно перераспределительной) ваучерной схемой в духе Фридмена, финансируемой за счет налогов. При этой системе всем людям или некоторым из них (например, нуждающимся) дают финансируемые за счет налогов ваучеры, которые могут быть использованы только для покупки охранных полисов у ультраминимального государства.

Поскольку «государство — ночной сторож» представляется перераспределительным в той мере, в какой оно принуждает некоторых людей платить за защиту остальных, его сторонники обязаны объяснить, почему эта перераспределительная функция государства уникальна. Если какое-то перераспределение легитимно, когда речь идет о защите каждого, почему перераспределение не является легитимным в случае других привлекательных и желательных задач? На каком логическом основании услуги по защите выделены как исключительная область, в которой перераспределительная деятельность является оправданной? Из такого логического основания может следовать, что предоставление услуг по защите не является перераспределением. Выражаясь более точно, термин «перераспределительный» относится скорее к типам логических оснований общественного устройства, а не к самому устройству. Мы можем сокращенно назвать общественное устройство перераспределительным, если его главные (или единственно возможные) основания сами по себе являются перераспределительными. (То же самое верно для эпитета

«патерналистский».) В случае неопровержимых доказательств неперераспределительного характера этих оснований необходимо отказаться от ярлыка «перераспределение». Назовем ли мы организацию, берущую деньги у одних и отдающую их другим, перераспределяющей, будет зависеть от того, что мы думаем о том, почему она этим занимается. Возвращение украденных денег и взыскание компенсации за нарушение прав не являются основаниями перераспределительного характера. До сих пор я говорил, что «государство — ночной сторож» кажется перераспределительным, чтобы не исключать возможности, что предоставление некоторыми защиты для других может происходить на неперераспределительных основаниях…

Может показаться, что сторонник ультраминимального государства занимает непоследовательную позицию, даже если он избегает ответа на вопрос о том, что делает защиту единственной сферой, подходящей для перераспределения. Заботясь о защите прав от нарушения, он выдвигает ее в качестве единственной легитимной функции государства и считает, что все остальные функции нелегитимны, потому что сами предполагают нарушение прав. Поскольку он отводит высшую роль защите и нерушимости прав, то как же он может поддерживать ультраминимальное государство, которое, казалось бы, оставляет права некоторых лиц незащищенными или плохо защищенными? Как он может поддерживать такое государство во имя нерушимости прав?

Моральные ограничения и моральные цели

Этот вопрос предполагает, что моральная озабоченность может реализовываться только через моральную цель, конечное состояние, на достижение которого направлена некая деятельность. Действительно, может показаться несомненно истинным, что термины «правильно», «должен», «следует» и т. п. нужно объяснять через то, что является «наибольшим благом», которое содержит все моральные цели или подразумевается в качестве такового. Поэтому часто считается, что основное заблуждение

утилитаризма (который имеет именно такую форму) состоит в слишком узком понимании того, что есть благо. Утилитаризм, говорится при этом, неадекватно учитывает права и их нерушимость; в нем они имеют производный статус. На этом строятся многие контрпримеры, направленные против утилитаризма; например, с точки зрения утилитариста правильно найти козла отпущения и наказать невиновного, чтобы избежать массовых волнений и погромов. Однако возможны теории, которые провозглашают первичность принципа нерушимости прав, но делают это неправильно. Предположим, что в желанное конечное состояние встроено некое условие минимизации совокупного (взвешенного) количества нарушений прав. Тогда мы получим что-то вроде «утилитаризма прав»; в утилитаристской структуре место всеобщего счастья (как релевантного конечного состояния) просто займут нарушения прав (подлежащие минимизации). (Заметьте, что мы не считаем ненарушение наших прав нашим единственным наибольшим благом и даже не считаем его первым в лексикографическом упорядочении критерием, исключающим компромисс, если существует желанное для нас общество, в котором мы предпочли бы жить, несмотря на то, что иногда некоторые наши права там будут нарушаться, вместо того, чтобы отправиться на необитаемый остров, где мы могли бы выжить в одиночку.) Это всё же потребует от нас нарушения чьих-то прав, если это минимизирует совокупное (взвешенное) количество нарушений прав в обществе. Например, нарушение чьих-то прав может повлиять на других так, что они откажутся от своих намерений совершить серьезные противоправные действия, или может лишить их заинтересованности в этом, или отвлечь их внимание и т. п. Разъяренная толпа погромщиков, сжигающая дома и убивающая людей, обязательно нарушит права жителей города. Поэтому кто-то мог бы попытаться оправдать свое решение наказать невиновного в преступлении, вызвавшем ярость толпы, тем, что это помогло бы избежать гораздо бóльших правонарушений и обеспечило бы минимизацию взвешенного количества нарушений прав в обществе.

Вместо того чтобы включать права в конечное состояние, которого мы хотим достичь, можно, наоборот, использовать их в качестве жестких ограничений на выбор действия, как то: не нарушай ограничений *C*. Права других людей определяют ограничения в отношении ваших действий. (Целеориентированный подход при наличии жестких ограничений будет формулироваться следующим образом: среди всех доступных вам действий, не нарушающих ограничений *C*, выбирайте такие, которые обеспечивают максимизацию цели *G*. Здесь ваше целенаправленное поведение будет ограничено правами других. Я не подразумеваю, что корректная моральная позиция включает обязательные цели, к которым обязательно следует стремиться, даже в рамках ограничений.) Этот подход отличается от того, который пытается встроить ограничения непосредственно в цель *G*. Подход на основе жестких ограничений запрещает вам нарушать эти моральные ограничения, когда вы преследуете свои цели, в то время как подход, в рамках которого целью является минимизация нарушений прав, позволяет вам нарушить права (ограничения), чтобы уменьшить общее количество их нарушений в обществе.

Утверждение, что сторонник ультраминимального государства непоследователен, как мы теперь можем видеть, предполагает, что он является одновременно сторонником «утилитаризма прав». Это предполагает, что его цель состоит, например, в минимизации взвешенного количества нарушений прав в обществе, и что он будет преследовать эту цель даже с помощью средств, которые сами нарушают права людей. Но вместо того, чтобы встраивать ненарушение прав в подлежащее реализации целевое состояние (или в добавление к этому), он может объявить его ограничителем действий. Позиция такого сторонника ультраминимального государства будет последовательной в том случае, если его концепция прав утверждает, что когда вас принуждают способствовать благосостоянию другого, то это является нарушением ваших прав, а когда кто-то другой не предоставляет вам очень важных для вас благ, в том числе необходимых для защиты ваших

прав, то его поведение само по себе не нарушает ваших прав, даже несмотря на то, что оно не создает затруднений для других потенциальных нарушителей ваших прав. (Эта концепция будет последовательной, если она не воспринимает монопольный элемент ультраминимального государства как нарушение прав.) Из того, что эта позиция последовательна, разумеется, не следует автоматически то, что она приемлема.

Зачем нужны жесткие ограничения?

Разве не иррационально принимать жесткое ограничение *C* вместо того, чтобы выбрать подход, направленный на минимизацию нарушений *C*? (В последнем случае *C* трактуется как условие, а не как ограничение.) Если ненарушение *C* настолько важно, не должно ли это быть целью? Каким образом забота о ненарушении *C* ведет к отказу нарушить *C* даже тогда, когда таким образом можно предотвратить другие, более масштабные нарушения *C*? Какой смысл делать ненарушение прав ограничителем действий вместо того, чтобы сделать его исключительно целью действий индивида?

Жесткие ограничения, накладываемые на действия, отражают основной кантианский принцип: человек — это цель, а не просто средство; людьми нельзя жертвовать или использовать для достижения каких-нибудь целей без их согласия. Индивид неприкосновенен. Попробуем внести ясность в этот разговор о целях и средствах. Возьмем простой пример средства — инструмент. Кроме моральных жестких ограничений на его использование, ограничивающих то, как можно использовать инструмент по отношению к другим людям, других ограничений нет. Существуют определенные процедуры, позволяющие сохранить инструмент для использования в будущем («не оставляй его под дождем»); существуют более и менее эффективные способы его использования. Но ничто не мешает нам делать с инструментом всё что угодно, чтобы достичь наших целей. А теперь представьте, что на какое-то использование инструмента существует

ограничение *C*, которое можно нарушить только при определенных условиях. Например, вам одолжили инструмент, но с условием, что нарушить *C* можно, только когда выгода от этого нарушения превосходит некоторую определенную величину или когда без этого невозможно достичь некоторой определенной цели. В такой ситуации этот объект является для вас не вполне инструментом, который можно использовать по желанию или прихоти. Тем не менее это инструмент — даже с учетом ограничения. Если мы добавим ограничения, которые нельзя нарушать, то этот объект в некоторых отношениях нельзя будет использовать как инструмент. Можно ли добавить столько ограничений, чтобы объект вообще ни в каких отношениях нельзя было использовать как инструмент?

Можно ли ограничить поведение по отношению к индивиду таким образом, чтобы его можно было использовать только с его согласия? Если у каждого, кто предоставляет нам какое-либо благо, нужно будет спрашивать явное разрешение на каждое использование этого блага, такое условие будет невероятно сковывающим. Даже введение требования, что другой участник обмена не должен возражать против планируемого нами использования этого блага, серьезно сократит двусторонний обмен, не говоря уже о цепочках таких обменов. Достаточно, чтобы другая сторона собиралась выиграть от обмена столько, что она была бы готова его совершить даже при наличии у нее возражений относительно одного или нескольких вариантов использования этого блага. При таких условиях другая сторона не используется в этом отношении исключительно как средство. Однако другая сторона, которая не стала бы иметь дело с вами, зная, как именно вы намерены использовать ее действия или предоставленные ею блага, используется как средство, даже если получает достаточно, чтобы решить (в своем неведении) иметь дело с вами. («Всё это время ты использовал меня», — может сказать тот, кто согласился на взаимодействие только потому, что не знал о целях другого и о том, как его будут использовать.) Можно ли считать, что моральный долг человека — декларировать свои намерения и

цели в тех случаях, когда у него есть основания думать, что другой отказался бы от взаимодействия, если бы знал о них? Использует ли он другого человека, если не декларирует своих намерений? А как трактовать случаи, когда у другого вообще нет выбора, быть ему использованным или нет? Можно ли считать использованием другого такие ситуации, в которых индивид, к примеру, испытал удовольствие от того, что мимо прошел привлекательный человек? Используется ли как средство тот, кто является объектом сексуальных фантазий? Я думаю, что эти и связанные с ними вопросы представляют большой интерес с точки зрения моральной, но не политической философии.

Политическую философию интересуют только некоторые способы, которыми люди не имеют права пользоваться для взаимодействия с другими людьми; в основном имеется в виду физическая агрессия против них. Каждое отдельное жесткое ограничение действий по отношению к другим людям состоит в том, что других нельзя использовать конкретными способами, которые запрещены этим ограничением. Жесткие ограничения выражают неприкосновенность других людей по отношению к определенным способам воздействия. Эти виды неприкосновенности выражены следующим предписанием: «Не используй людей некоторыми определенными способами». С другой стороны, целеориентированный подход (end-state view), включающий представление о том, что человек — это цель, а не просто средство (если эта идея вообще будет включена в него), выражается в ином предписании: «Минимизируй некоторые способы использования людей в качестве средства». Следование этому принципу может привести к использованию кого-либо в качестве средства одним из способов, которые в принципе рекомендуется минимизировать. Если бы Кант придерживался такого взгляда, он сформулировал бы категорический императив следующим образом: «Поступай так, чтобы свести к минимуму использование человечества в качестве средства», а не так, как он его сформулировал: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в

лице всякого другого как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству».

Жесткие ограничения выражают неприкосновенность других индивидов. Но почему человеку нельзя нарушать неприкосновенность других людей ради достижения большего общественного блага? В своем личном поведении каждый из нас иногда предпочитает претерпеть боль или принести жертву ради большей выгоды или во избежание большего ущерба: мы идем к стоматологу, чтобы потом не стало совсем плохо; мы делаем неприятную работу, потому что нам нужен результат; некоторые садятся на диету ради здоровья или красоты; некоторые копят деньги на старость. В каждом случае производятся некие затраты ради большего суммарного блага. Почему бы, аналогичным, образом не считать, что некоторые люди обязаны нести некие издержки, которые принесут пользу другим, ради блага всего общества? Но нет никакого общественного субъекта, обладающего благом, которым он мог бы пожертвовать ради собственного блага. Есть только отдельные люди, разные люди, у каждого из которых собственная жизнь. Когда индивида используют к выгоде других, то это значит, что его используют, а выгоду получают другие. И ничего больше. Происходит только то, что с ним что-то делают ради других. Разговоры о благе всего общества скрывают этот факт. (Намеренно?) Использовать человека таким образом — значит не уважать его и не учитывать того, что он отдельная личность и его жизнь — его собственная, единственная и неповторимая. Так как он сам не получает от своей жертвы превышающего эту жертву блага, то никто не имеет права навязывать ему эту жертву — и меньше всего государство или правительство, которое требует от него лояльности (в отличие от других индивидов, которые этого не требуют) и поэтому обязано быть безупречно нейтральным по отношению к своим гражданам.

Либертарианские ограничения

Я утверждаю, что жесткие ограничения морального характера на то,

что нам можно делать, отражают тот факт, что люди существуют отдельно друг от друга. Они отражают то, что не может иметь место никакого акта нахождения морального баланса между ними; в моральном плане ни одна жизнь не перевешивает другие так, чтобы можно было достичь увеличения суммарного общественного блага. Нет оправданий, позволяющих пожертвовать одним человеком ради других. Эта центральная идея — а именно, что есть разные люди, живущие каждый своей жизнью, и ни одним нельзя пожертвовать для других — не только лежит в основе существования жестких моральных ограничений, но и, по моему мнению, порождает либертарианское ограничение, которое запрещает агрессию против другого.

Чем сильнее давление подхода, основанного на максимизации конечного состояния, тем мощнее должна быть способная противостоять ему фундаментальная идея, лежащая в основе существования жестких ограничений морального характера. Поэтому тем серьезнее следует относиться к тому, что люди обладают независимым существованием и не являются ресурсом для других людей. Основополагающего понятия, достаточно мощного, чтобы поддержать моральные жесткие ограничения в их противостоянии с мощной интуитивной убедительностью идеи максимизации конечного состояния, будет достаточно, чтобы вывести из него либертарианский запрет на агрессию против других. У того, кто отвергает это *конкретное* жесткое ограничение, есть три альтернативы: (1) он должен отвергнуть все жесткие ограничения; (2) он должен дать другое объяснение того, почему вообще существуют жесткие моральные ограничения, а не просто максимизирующая конечное состояние структура, причем объяснение, из которого не выводится либертарианское жесткое ограничение; или (3) он может согласиться с убедительно представленной центральной идеей об отдельности людей и при этом считать, что агрессия против другого человека совместима с этой ключевой идеей. Таким образом, мы имеем многообещающий набросок логического перехода от моральной формы к моральному содержанию: форма морали включает *F* (жесткие

моральные ограничения); лучшее объяснение того, что мораль есть *F*, состоит в *p* (сильное утверждение отдельности каждого человека); а из *p* следует конкретное моральное содержание, а именно либертарианское ограничение. Конкретное моральное содержание, полученное с помощью этого рассуждения, которое исходит из того, что существуют отдельные индивиды, живущие каждый своей собственной жизнью, не будет являться полным либертарианским ограничением. Оно будет запрещать жертвовать одним человеком для блага другого. Нужны будут дальнейшие шаги, чтобы прийти к запрету патерналистской агрессии: угрозы насилия или использования насилия ради блага того человека, против которого это насилие направлено. Для этого нужно сосредоточиться на том факте, что существуют отдельные люди, каждый из которых распоряжается своей собственной жизнью.

2.5. Темы для направлений магистратуры: «Социология», «Политология»

***Аристотель*. Политика // *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 444–445, 454–455, 451, 571–572.**

<Человек являлся гражданином> не в силу того, что он живет в том или ином месте: ведь и метеки и рабы также имеют свое местожительство наряду с гражданами, а равным образом не граждане и те, кто имеет право быть истцом и ответчиком, так как этим правом пользуются и иноземцы на основании заключенных с ними соглашений… Мы же считаем гражданами тех, кто участвует в суде и в народном собрании.

<Гражданином> по преимуществу является тот, кто обладает совокупностью гражданских прав …Гражданин только тот, кто стоит в известном отношении к государственной жизни, кто имеет или может иметь полномочия в деле попечения о государственных делах или единолично, или

вместе с другими.

…Их задача заключается в спасении составляемого ими общения, а общением этим является государственный строй.

…С одной стороны, все по природе своей равны, с другой — и справедливость требует, чтобы в управлении — есть ли управление нечто хорошее или плохое — все принимали участие. …Ведь равенство состоит в том, чтобы неимущие ни в чем не имели большей власти, чем состоятельные, и чтобы верховная власть принадлежала не одним, но всем в равной степени (по количеству). Таким способом, думают они, в государстве осуществляются равенство и свобода.

***Кессиди Ф. Х.* От мифа к логосу: становление греческой философии. 2-е изд. СПб., 2003. С. 23.**

<Гражданин полиса> чувствовал себя не каким-то ничего не значащим придатком в системе целого, но вполне ценной и самозначащей личностью.

***Кессиди Ф. Х.* К проблеме происхождения греческой философии (послесловие) // *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988. С. 193, 196.**

Так, с возникновением полисной формы общественно-политической жизни, складывается новая интеллектуальная и психологическая атмосфера, которая, на наш взгляд, явилась не просто эпифеноменом восходящей греческой демократической политической системы, но одной из ее предпосылок…

Наряду с гласностью проявления общественно-политической жизни отличительной чертой демократических полисов была высокая оценка гражданина полиса как политического существа...

***Локк Дж.* Два трактата о правлении // *Локк Дж.* Сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 337, 349.**

Но хотя люди, когда они вступают в общество, отказываются от равенства, свободы и исполнительной власти, которыми они обладали в естественном состоянии, и передают их в руки общества, с тем чтобы в дальнейшем этим располагала законодательная власть в той мере, в какой этого будет требовать благо общества, всё же это делается каждым лишь с намерением как можно лучше сохранить себя, свою свободу и собственность… Власть общества или созданного людьми *законодательного* органа *никогда не может простираться далее, нежели это необходимо для общего блага;* эта власть обязана охранять собственность каждого…

В конституционном государстве… действующем ради сохранения сообщества, может быть всего *одна верховная власть*, а именно *законодательная,* которой все остальные подчиняются, и должны подчиняться.

***Руссо Ж.-Ж.* Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми // *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 70.**

Неравенство, почти ничтожное в естественном состоянии, усиливается и растет за счет развития наших способностей и успехов человеческого ума и становится, наконец, прочным и узаконенным в результате установления собственности и законов. Отсюда также следует, что неравенство личностей, вводимое только одним положительным правом, вступает в противоречие с

правом естественным всякий раз, когда этот вид неравенства не соединяется в таком же отношении с неравенством физическим.

Маркс К., Энгельс Ф. **Немецкая идеология // Собр. соч. Т. 3. С. 18–19, 30, 37, 69, 72, 76–77. http:avtonom.org/sites/default/files/store/t03_0.pdf.**

Предпосылки, с которых мы начинаем, не произвольны, они — не догмы; это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем.

Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе. Мы здесь не можем, разумеется, углубляться ни в изучение физических свойств самих людей, ни в изучение природных условий — геологических, орогидрографических, климатических и иных отношений, которые они застают. Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они благодаря деятельности людей подвергаются в ходе истории.

Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни — шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самое свою материальную жизнь.

Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни,

зависит прежде всего от свойств самих этих средств, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению. Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени это определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный *образ жизни.* Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды, зависит, следовательно, от материальных условий их производства.

...Мы находим, что человек обладает также и «сознанием». Но и им человек обладает в виде «чистого» сознания не с самого начала. На «духе» с самого начала лежит проклятие — быть «отягощенным" материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми. Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не «относится» ни к чему и вообще не «относится»; для животного его отношение к другим не существует как отношение. Сознание, следовательно, с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Сознание, конечно, есть вначале осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно — осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот; следовательно, это чисто животное осознание

природы (обожествление природы).

Здесь сразу видно, что для меня обожествление природы или это определенное отношение к природе обусловливается формой общества, и наоборот! Здесь, как и повсюду, тождество природы и человека обнаруживается также и в том, что ограниченное отношение друг к другу и их ограниченное отношение к природе, и именно потому, что природа еще почти не видоизменена ходом истории; но с другой стороны, сознание необходимости вступить в сношения с окружающими индивидами является началом осознания того, что человек вообще живет в обществе. Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на той ступени; это чисто стадное сознание заменяет ему инстинкт. Это баранье или племенное сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря росту производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения.

…Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения, которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное, есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде «субстанции» и в виде сущности человека, что они обожествляли и с чем боролись.

…В индивидах, уже не подчиненных более разделению труда, философы видели идеал, которому они дали имя «Человек», и весь изображенный нами процесс развития они представляли в виде процесса развития «Человека» и изображали его движущей силой истории. Таким образом, весь исторический процесс рассматривался как процесс самоотчуждения «Человека»; объясняется это, по существу, тем, что на месте человека позднейшей ступени он всегда представлял прежних индивидов позднейшим сознанием. В результате такого переворачивания, заведомого абстрагирования от действительных условий и стало возможным превратить всю историю в процесс развития сознания.

…Условия, при которых происходит общение индивидов, представляют

собой условия, относящиеся к их индивидуальности, и не являются чем-то внешним для них; это условия, при которых эти определенные, существующие в определенных отношениях индивиды только и могут производить свою материальную жизнь и то, что с ней связано; следовательно, они являются условиями самодеятельности этих индивидов, а создаются они этой самодеятельностью.

…Если это развитие индивидов, происходящее в рамках общих условий существования исторически следующих друг за другом сословий и классов, а также в рамках навязанных им вследствие этого всеобщих представлений — если это развитие рассматривается философски, то легко, разумеется, вообразить себе, что в этих индивидах развивался Род, или Человек, либо что они развивали Человека, т. е. можно вообразить себе нечто такое, что является издевательством над исторической наукой. После этого можно рассматривать различные сословия и классы как спецификации всеобщего движения, как подвиды Рода, как фазы развития Человека.

Это подведение индивидов под определенные классы не может быть уничтожено до сих пор, пока не образовался такой класс, которому не приходится отстаивать против господствующего класса какой-либо особый классовый интерес.

Исходной точкой для индивидов всегда служили они сами, взятые, конечно, в рамках данных исторических условий и отношений, — а не в качестве «чистого» индивида в понимании идеологов. Но в ходе исторического развития, — как раз вследствие того, что при разделении труда общественные отношения неизбежно превращаются в нечто самостоятельное, — появляется различие между жизнью каждого индивида, они подчинены той или другой отрасли труда и связаны с ней условием. (Этого не следует понимать в том случае, будто, например, рантье, капиталист и т. д. перестают быть личностями, а в том смысле, что их личность обусловлена и определена вполне конкретными классовыми отношениями. И данное различие выступает лишь в их противоположности,

а для них самих обнаруживается лишь тогда, когда они обанкротились.) В сословии (а еще более в племени) это еще прикрыто: так, например, дворянин всегда остается дворянином, разночинец — всегда разночинцем, вне зависимости от прочих условий их жизни; это не отделимое от их индивидуальности качество. Отличие индивида как личности от классового индивида, случайный характер, который имеют для индивида его жизненные условия, появляется лишь вместе с появлением того класса, который сам есть продукт буржуазии. Только конкуренция и борьба индивидов друг с другом порождает и развивает этот случайный характер как таковой. Поэтому при господстве буржуазии индивиды представляются более свободными, чем они были прежде, ибо их жизненные условия случайны для них, в действительности же они, конечно, менее свободны, ибо более подчинены вещественной силе. Отличие от сословия особенно ярко обнаруживается в противоположности буржуазии пролетариату.

Вебер М. **Протестантская этика и дух капитализма //** ***Вебер М.*** **Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М., 1990 (Социологич. мысль Запада). С. 79–92. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Veb_PrEt/**

Первым противником, с которым пришлось столкнуться «духу» капитализма и который являл собой определенный стиль жизни, нормативно обусловленный и выступающий в «этическом» обличье, был тип восприятия и поведения, который может быть назван традиционализмом. Однако и здесь мы вынуждены отказаться от попытки дать законченную «дефиницию» этого понятия. Мы попытаемся пояснить нашу мысль (конечно, также лишь предварительно) несколькими примерами, начиная при этом снизу, с рабочих.

Одним из технических приемов, при помощи которых современный

предприниматель стремится повысить интенсивность труда «своих» рабочих и получить максимум производительности, является сдельная оплата труда. Так, например, в сельском хозяйстве наивысшей интенсивности в работе требует уборка урожая, ибо от ее своевременного завершения часто — особенно при неустойчивой погоде — зависит величина прибыли или убытка. Поэтому здесь в определенный период почти повсеместно вводится система сдельной оплаты труда. Поскольку же рост доходов и интенсивности хозяйства, как правило, влечет за собой возрастающую заинтересованность предпринимателя, то он, повышая расценки и предоставляя тем самым рабочим возможность получить необычно высокий заработок за короткий срок, пытается заинтересовать их в увеличении производительности их труда. Однако тут возникают неожиданные затруднения. В ряде случаев повышение расценок влечет за собой не рост, а снижение производительности труда, так как рабочие реагируют на повышение заработной платы уменьшением, а не увеличением дневной выработки. Так, например, жнец, который при плате в 1 марку за морген ежедневно жнет 2.5 моргена, зарабатывая таким образом 2,5 марки в день, после повышения платы на 25 пфеннигов за морген стал жать вместо предполагавшихся 3 моргенов, что дало бы ему теперь 3,75 марки в день, лишь 2 моргена, получая те же 2,5 марки в день, которыми он, по библейскому выражению, «довольствовался». Увеличение заработка привлекало его меньше, чем облегчение работы: он не спрашивал: сколько я смогу заработать за день, увеличив до максимума производительность моего труда; вопрос ставился по-иному: сколько мне надо работать для того, чтобы заработать те же 2,5 марки, которые я получал до сих пор и которые удовлетворяли мои традиционные потребности? Приведенный пример может служить иллюстрацией того строя мышления, который мы именуем «традиционализмом»: человек «по своей природе» не склонен зарабатывать деньги, всё больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни.

Повсюду, где современный капитализм пытался повысить «производительность» труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду, за которым скрывалось необычайно упорное сопротивление; на это сопротивление капитализм продолжает наталкиваться и по сей день, и тем сильнее, чем более отсталыми (с капиталистической точки зрения) являются рабочие, с которыми ему приходится иметь дело. Возвратимся к нашему примеру. Поскольку расчет на «жажду наживы» не оправдался и повышение расценок не дало ожидаемых результатов, естественно, казалось бы, прибегнуть к противоположному средству, а именно принудить рабочих производить больше, чем раньше, путем снижения заработной платы. Этот ход мыслей находил свое подтверждение (а подчас находит его и теперь) в укоренившемся наивном представлении о наличии прямой связи между низкой оплатой труда и высокой прибылью; любое повышение заработной платы ведет якобы к соответствующему уменьшению прибыли. В самом деле, капитализм с момента своего возникновения постоянно возвращался на этот путь, и в течение ряда веков считалось непреложной истиной, что низкая заработная плата «производительна», то есть повышает «производительность» труда, что, как сказал уже Питер де ля Кур (в этом пункте он мыслит совершенно в духе раннего кальвинизма), народ трудится лишь потому, что он беден, и до той поры, пока он беден.

Однако это, казалось бы, столь испытанное средство сохраняет свою эффективность лишь до известного предела. Конечно, не подлежит сомнению, что для развития капитализма необходим некоторый избыток населения, обеспечивающий наличие на рынке дешевой рабочей силы. Однако если многочисленная «резервная армия» при известных обстоятельствах и благоприятствует чисто количественной экспансии капитализма, то она тормозит его качественное развитие, в частности, переход к таким формам производства, которые требуют интенсивного труда. Низкая заработная плата отнюдь не тождественна дешевому труду.

Даже в чисто количественном отношении производительность труда падает во всех тех случаях, когда заработная плата не обеспечивает потребности физического существования, что в конечном итоге приводит к «отсортировке наименее пригодных». Современный силезец убирает в среднем при полном напряжении своих сил лишь немногим больше двух третей того хлеба, который в равный промежуток времени убирает лучше оплачиваемый и лучше питающийся померанец или мекленбуржец; выработка поляка — чем дальше на восток, тем сильнее — отличается от выработки немцев. И в чисто деловом отношении низкая заработная плата не может служить благоприятным фактором капиталистического развития во всех тех случаях, когда существует необходимость в квалифицированном труде, когда речь идет о дорогостоящих, требующих бережного и умелого обращения машинах, вообще о достаточной степени внимания и инициативы. Низкая заработная плата не оправдывает себя и дает обратные результаты во всех этих случаях потому, что здесь совершенно необходимы не только развитое чувство ответственности, но и такой строй мышления, который, хотя бы во время работы, исключал неизменный вопрос, как бы при максимуме удобства и минимуме напряжения сохранить свой обычный заработок, — такой строй мышления, при котором труд становится абсолютной самоцелью, «призванием». Такое отношение к труду не является, однако, свойством человеческой природы. Не может оно возникнуть и как непосредственный результат высокой или низкой оплаты труда; подобная направленность может сложиться лишь в результате длительного процесса воспитания. В настоящее время прочно укоренившемуся капитализму сравнительно легко рекрутировать необходимую ему рабочую силу во всех индустриальных странах мира, а внутри этих стран — во всех отраслях промышленности. В прошлом, однако, это в каждом отдельном случае было чрезвычайно серьезной проблемой. Да и поныне цель не всегда может быть достигнута без поддержки того могущественного союзника, который, как мы увидим дальше, содействовал капитализму и во времена его становления.

Попытаемся и в данном случае пояснить нашу мысль конкретным примером. Черты отсталого традиционализма проявляются в наши дни особенно часто в деятельности работниц, прежде всего незамужних. Почти повсеместно предприниматели, нанимающие работниц, в частности работниц-немок, жалуются на полное отсутствие у них способности и желания отказаться от воспринятых некогда привычных методов, заменить их более целесообразными и практичными, приспособиться к новым формам организации труда, научиться чему-либо, сконцентрировать на чем-нибудь свои мысли или вообще мыслить. Попытки разъяснить им, как сделать работу более легкой и прежде всего более выгодной, встречают полное непонимание, а повышение расценок оказывается бесполезным, поскольку оно наталкивается на силу привычки. Совсем иначе обстоит дело (что немаловажно для нашей постановки проблемы) там, где работницы получили специфически религиозное воспитание, в частности, где они вышли из пиетистских кругов. Часто приходится слышать (это подтверждают и статистические данные), что именно работницы этой категории наиболее восприимчивы к обучению новым техническим методам. Способность к концентрированному мышлению, а также приверженность идее «долга по отношению к труду» чаще всего сочетаются у них со строгой хозяйственностью, ввиду чего они принимают в расчет размер своего заработка с трезвым самообладанием и умеренностью, — всё это необычайно повышает производительность их труда. Здесь мы находим наиболее благоприятную почву для того отношения к труду как к самоцели, как к «призванию», которое необходимо капитализму, наиболее благоприятные для преодоления рутины традиционализма условия, сложившиеся вследствие религиозного воспитания. Уже одно это наблюдение из повседневной практики современного капитализма свидетельствует о том, что вопрос о формах, которые принимала на заре капиталистического развития эта связь между умением людей приспособиться к капиталистическому производству и их религиозной направленностью, безусловно оправдан. Ибо

существование этой связи подтверждается целым рядом фактов. Так, враждебность по отношению к рабочим-методистам в XVIII в. и гонения, которым они подвергались со стороны других рабочих (о чем свидетельствуют постоянные упоминания в источниках об уничтожении инструментов, принадлежавших рабочим-методистам), объясняются отнюдь не только (и не главным образом) их религиозной эксцентричностью (такого рода эксцентричность, и еще значительно большая, не была в Англии редкостью); эти гонения объясняются их специфическим «трудолюбием», как мы сказали бы теперь.

Вернемся, однако, к современности и попытаемся уяснить значение «традиционализма», на этот раз на примере предпринимателей. В своем исследовании проблемы генезиса капитализма Зомбарт указывает на два «лейтмотива» экономической истории — «удовлетворение потребностей» и «прибыль», — которые характеризуют тип хозяйственной системы в зависимости от того, что определяет ее форму и направление ее деятельности, личные ли потребности или не зависящие от них стремление к наживе и возможность извлечения прибыли путем реализации продуктов. То, что Зомбарт определяет как «систему потребительского хозяйства» (Bedarfsdeckungssystem), на первый взгляд совпадает с тем, что мы называем экономическим традиционализмом. Это верно в том случае, если под понятием «потребность» понимать традиционные потребности. В противном случае многие хозяйства, которые по типу своей организации являются «капиталистическими», причем в соответствии с тем определением «капитала», которое Зомбарт сам дает в другом месте своей работы, выпадают из круга «приобретательских» хозяйств и попадают в разряд «хозяйств потребительских». «Традиционалистскими» по своему характеру могут быть и такие хозяйства, из которых частные предприниматели извлекают прибыль посредством оборота капитала (в виде денег или оцененной в деньгах собственности), то есть посредством приобретения средств производства и продажи продуктов, следовательно, хозяйства,

бесспорно представляющие собой «капиталистические предприятия». Подобные хозяйства не только не являются исключением для экономической истории нового времени, они постоянно вновь возникают после неизменно возобновляющихся перерывов, обусловленных всё более мощным вторжением в хозяйственную сферу «капиталистического духа». Капиталистическая форма хозяйства и «дух», в котором оно ведется, находятся в отношении «адекватности», но эта адекватность не тождественна обусловленной «законом» зависимости. И если мы, несмотря на это, условно применяем здесь понятие «дух <современного> капитализма» для определения того строя мышления, для которого характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии (в качестве примера были приведены высказывания Бенджамина Франклина), то мы обосновываем это тем историческим наблюдением, что подобный строй мышления нашел в капиталистическом предприятии свою наиболее адекватную форму, а капиталистическое предприятие, в свою очередь, нашло в нем наиболее адекватную духовную движущую силу.

Однако эта форма и этот дух могут существовать раздельно. Бенджамин Франклин был преисполнен «капиталистического духа» в то время, когда его типография по своему типу ничем не отличалась от любого ремесленного предприятия. Как мы увидим из дальнейшего, носителями этого строя мышления, которое мы определили как «дух капитализма», были на заре нового времени не только и не столько капиталистические предприниматели из кругов торгового патрициата, сколько поднимающиеся средние слои ремесленников. И в XIX в. классическими представителями подобного строя мышления были не благородные джентльмены Ливерпуля и Гамбурга с их унаследованным торговым капиталом, а выскочки Манчестера и Рейнской Вестфалии, родом из весьма скромных семей. Аналогично обстояло дело уже в XVI в.: основателями возникавших тогда промышленных отраслей были преимущественно выходцы из средних слоев. Совершенно очевидно, что такие предприятия, как банки, оптовая экспортная торговля, даже сколько-

нибудь значительная розничная торговля и, наконец, скупка в больших масштабах товаров домашней промышленности возможны лишь в форме предприятий капиталистических. И, тем не менее, эти предприятия могут быть преисполнены строго традиционалистского духа: дела крупных эмиссионных банков вообще нельзя вести иначе; заморская торговля на протяжении целых столетий опиралась на монополии и регламенты строго традиционалистского характера; в розничной торговле (мы имеем в виду не тех неимущих мелких лодырей, которые в наши дни взывают к государственной помощи) процесс революционализации еще и теперь идет полным ходом; этот переворот, который грозит уничтожением старого традиционализма, уже разрушил систему мануфактурного производства, с которым современное надомничество обнаруживает лишь формальное сходство. Для иллюстрации того, как происходит этот процесс и каково его значение, мы вновь (хотя всё это хорошо известно) остановимся на конкретном примере.

До середины прошлого века жизнь скупщика изделий домашней промышленности (во всяком случае, в некоторых отраслях текстильной промышленности континентальной Европы) протекала, по нашим понятиям, довольно спокойно. Ее можно представить себе следующим образом: крестьяне приезжали в город, где жил скупщик, со своими изделиями, которые подчас (если это были ткани) преимущественно или целиком выделывались ими из своего сырья; здесь после тщательной (в ряде случаев официальной) проверки качества изделий они получали установленную оплату. Клиентами скупщика для сбыта товара на дальнее расстояние были посредники, также приезжие, которые обычно приобретали изделия не по образцам, а руководствовались знанием привычных сортов; они брали товар либо со склада, либо же заблаговременно заказывали его; в этом случае скупщик, в свою очередь, заказывал требуемое у крестьян. Поездки с целью посещения клиентов либо вообще не предпринимались, либо предпринимались редко, с большими промежутками; обычно достаточно

было корреспонденции или постепенно внедрявшейся рассылки товаров. Не слишком утомительный рабочий день — около 5–6 рабочих часов, — часто значительно меньше, больше лишь во времена каких-либо торговых кампаний, там, где они вообще имели место; сносный заработок, позволявший вести приличный образ жизни, а в хорошие времена и откладывать небольшие суммы; в целом сравнительно лояльные, основанные на совпадении деловых принципов отношения между конкурентами; частое посещение «клуба»; в зависимости от обстоятельств, кружка пива по вечерам, семейные праздники и в целом размеренная спокойная жизнь.

Если исходить из коммерческих деловых свойств предпринимателей, из наличия капиталовложений и оборота капитала, из объективной стороны экономического процесса или характера бухгалтерской отчетности, то следует признать, что перед нами во всех отношениях «капиталистическая» форма организации. И тем не менее это «традиционалистское» хозяйство, если принять во внимание дух, которым оно проникнуто. В основе подобного хозяйства лежало стремление сохранить традиционный образ жизни, традиционную прибыль, традиционный рабочий день, традиционное ведение дел, традиционные отношения с рабочими и традиционный, по существу, круг клиентов, а также традиционные методы в привлечении покупателей и в сбыте — всё это, как мы полагаем, определяло «этос» предпринимателей данного круга.

В какой-то момент, однако, эта безмятежность внезапно нарушалась, причем часто это отнюдь не сопровождалось принципиальным изменением формы организации — переходом к замкнутому производству или к введению механических станков и т. д. Происходило обычно скорее следующее: какой-нибудь молодой человек из среды скупщиков переселялся из города в деревню, где тщательно подбирал ткачей, значительно усиливал степень их зависимости и контроль над их деятельностью и тем самым превращал их из крестьян в рабочих: одновременно он старался сосредоточить в своих руках весь сбыт посредством установления тесной связи с низовыми

контрагентами, то есть с магазинами розничной торговли, сам вербовал покупателей, ежегодно регулярно посещал их и направлял свои усилия на то, чтобы качество продукции отвечало их потребностям и желаниям, «было бы им по вкусу»; одновременно он проводил в жизнь принцип «низкие цены, высокий оборот». Затем происходило то, что всегда и повсеместно следует за подобным процессом «рационализации»: кто не поднимался, тот опускался. Идиллия рушилась под напором ожесточенной конкуренции, крупные состояния, возникшие в новых условиях, не отдавались в рост, а вкладывались в производство. Прежней уютной, спокойной жизни приходил конец, наступала пора суровой трезвости: те, кто подчинялся законам времени и преуспевал, хотели не потреблять, а приобретать; другие стремились сохранить прежний строй жизни, но вынуждены были ограничить свои потребности. При этом — что самое главное — не приток новых денег совершал, как правило, этот переворот (в ряде известных нам случаев весь процесс революционизирования совершался при помощи нескольких тысяч, взятых взаймы у родственников), но вторжение нового духа, а именно «духа современного капитализма». Вопрос о движущих силах экспансии современного капитализма не сводится к вопросу об источнике используемых капиталистом денежных ресурсов. Это в первую очередь вопрос о развитии капиталистического духа. Там, где он возникает и оказывает свое воздействие, он добывает необходимые ему денежные ресурсы, но не наоборот. Однако утверждение его шло отнюдь не мирным путем. Бездна недоверия, подчас ненависти, прежде всего морального возмущения всегда встречала сторонника новых веяний; часто — нам известен ряд таких случаев — создавались даже настоящие легенды о темных пятнах его прошлого. Вряд ли кто-либо станет отрицать, что лишь необычайная сила характера могла уберечь подобного предпринимателя «нового стиля» от потери самообладания, от морального и экономического краха, что наряду со способностью трезво оценивать ситуацию и с активностью он должен был обладать прежде всего совершенно

определенными, ярко выраженными «этическими» качествами, которые только и могли обеспечить необходимое при введении новых методов доверие клиентов и рабочих; только эти качества могли придать ему должную энергию для преодоления бесчисленных препятствий, и прежде всего подготовить почву для того безграничного роста интенсивности и производительности труда, который необходим в капиталистическом предпринимательстве и несовместим с безмятежным существованием и наслаждением жизнью; эти (этические) качества по самой своей природе относятся к иному типу, чуждому традиционализму прежних времен и адекватным ему свойствам.

Столь же несомненно и то, что этот внешне почти неприметный, но по существу решающий для проникновения нового духа в экономическую жизнь сдвиг совершался, как правило, не отважными и беспринципными спекулянтами или авантюристами, которых мы встречаем на протяжении всей экономической истории, не обладателями «больших денег», а людьми, прошедшими суровую жизненную школу, осмотрительными и решительными одновременно, людьми сдержанными, умеренными и упорными по своей природе, полностью преданными своему делу, со строго буржуазными воззрениями и «принципами». На первый взгляд можно предположить, что эти личные моральные качества не имеют ничего общего с какими-либо этическими максимами и тем более с религиозными воззрениями, что адекватной подобному деловому образу жизни должна быть скорее некая негативная направленность, способность освободиться от власти традиций, то есть нечто близкое либерально-просветительским устремлениям. И это в целом верно для нашего времени, когда связь между жизненным укладом и религиозными убеждениями обычно либо полностью отсутствует, либо носит негативный характер; так, во всяком случае, обстоит дело в Германии. Люди, преисполненные «капиталистического духа», теперь если не враждебны, то совершенно безразличны по отношению к церкви. Благочестивая скука рая не прельщает

столь деятельные натуры, а религия представляется им лишь средством отвлечь людей от трудовой деятельности в этом мире. Если спросить этих людей о «смысле» их безудержной погони за наживой, плодами которой они никогда не пользуются и которая именно при посюсторонней жизненной ориентации должна казаться совершенно бессмысленной, они в некоторых случаях, вероятно, ответили бы (если бы вообще пожелали ответить на этот вопрос), что ими движет «забота о детях и внуках»; вернее же, они просто сказали бы (ибо первая мотивировка не является чем-то специфическим для предпринимателей данного типа, а в равной степени свойственна и «традиционалистски» настроенным деятелям), что само дело с его неустанными требованиями стало для них «необходимым условием существования». Надо сказать, что это действительно единственная правильная мотивировка, выявляющая к тому же всю иррациональность подобного образа жизни с точки зрения личного счастья, образа жизни, при котором человек существует для дела, а не дело для человека. Конечно, известную роль играет и стремление к власти, к почету, которые даются богатством, а там, где устремления всего народа направлены на достижение чисто количественного идеала, как, например, в США, там, разумеется, эта романтика цифр имеет неотразимое очарование для «поэтов» коммерческих кругов. Однако ведущие предприниматели капиталистического мира, достигающие прочного успеха, обычно не руководствуются в своей деятельности подобными соображениями. Что же касается стремления пристать к тихой гавани в виде имения и жалованного дворянства, видеть своих детей студентами университета или офицерами, чье блестящее положение заставляет забыть об их плебейском происхождении, стремления, характерного для выскочек из среды немецких капиталистов, то это лишь продукт эпигонства и упадка. «Идеальный тип» капиталистического предпринимателя, к которому приближаются и отдельные выдающиеся предприниматели Германии, не имеет ничего общего с такого рода чванством ни в его более грубом, ни в его более тонком

выражении. Ему чужды показная роскошь и расточительство, а также упоение властью и внешнее выражение того почета, которым он пользуется в обществе. Его образу жизни свойственна — на историческом значении этого важного для нас явления мы еще остановимся — известная аскетическая направленность, отчетливо проступающая в цитированной выше «проповеди» Франклина. В характере капиталистического предпринимателя часто обнаруживаются известная сдержанность и скромность, значительно более искренние, чем та умеренность, которую столь благоразумно рекомендует Бенджамин Франклин. Самому предпринимателю такого типа богатство «ничего не дает», разве что иррациональное ощущение хорошо «исполненного долга в рамках своего призвания».

Именно это и представляется, однако, человеку докапиталистической эпохи столь непонятным и таинственным, столь грязным и достойным презрения. Что кто-либо может сделать единственной целью своей жизненной деятельности накопление материальных благ, может стремиться к тому, чтобы сойти в могилу обремененным деньгами и имуществом, люди иной эпохи способны были воспринимать лишь как результат извращенных наклонностей, auri sacra fames.

В наше время, при современных политических, частноправовых и коммуникационных институтах, при нынешней хозяйственной структуре и формах производства, «дух капитализма» можно было бы рассматривать как результат приспособления. Хозяйственному строю капитализма необходима эта преданность делу, это служение своему «призванию», сущность которого заключается в добывании денег: это своего рода установка по отношению к внешним благам, столь адекватная данной структуре, столь неотделимая от условий борьбы за экономическое существование, что в настоящее время действительно не может быть и речи о какой-либо обязательной связи между вышеназванным «хрематистическим» образом жизни и каким-либо цельным мировоззрением. Капиталистическое хозяйство не нуждается более в санкции того или иного религиозного учения и видит в любом влиянии

церкви на хозяйственную жизнь (в той мере, в какой оно вообще ощутимо) такую же помеху, как регламентирование экономики со стороны государства. «Мировоззрение» теперь, как правило, определяется интересами торговой или социальной политики. Тот, кто не приспособился к условиям, от которых зависит успех в капиталистическом обществе, терпит крушение или не продвигается по социальной лестнице. Однако все это — явления той эпохи, когда капитализм, одержав победу, отбрасывает ненужную ему больше опору. Подобно тому как он в свое время сумел разрушить старые средневековые формы регламентации хозяйства только в союзе со складывающейся государственной властью, он, быть может (пока мы еще только предполагаем это), использовал и религиозные убеждения. Так ли это было в действительности, и если было, то в какой форме, нам надлежит установить. Ибо едва ли требует доказательства то утверждение, что концепция наживы как самоцели, как «призвания» противоречит нравственным воззрениям целых эпох. Перенесенное в каноническое право положение “Deo placere vix potest”, относящееся к деятельности торговца (в те времена оно, подобно евангельскому тексту о лихоимстве, считалось подлинным), и определение жажды наживы у Фомы Аквинского как turpitudo (сюда включалось и связанное с предпринимательством, то есть этически дозволенное получение прибыли) были уже известной уступкой (по сравнению с радикально «антихрематистическими» взглядами довольно широких слоев населения) со стороны католической доктрины интересам политически столь связанного с церковью финансового капитала итальянских городов.

Однако даже там, где католическая доктрина еще больше видоизменялась, как, например, у Антонина Флорентийского, никогда полностью не исчезало ощущение того, что деятельность, для которой нажива является самоцелью, есть, в сущности, нечто pudendum, нечто такое, с чем можно лишь мириться как с некоей данностью жизненного устройства. Некоторые моралисты того времени, в первую очередь сторонники номинализма, принимали начатки

капиталистического ведения дел как данность и пытались — не без известного противодействия — доказать, что они приемлемы и необходимы (особенно в торговле), что проявляющаяся в капиталистической деятельности industria есть законный, этически безупречный источник прибыли; однако самый «дух» капиталистического приобретательства господствующее учение отвергало как turpitude и, уж во всяком случае, не оправдывало его с этических позиций. «Этические» нормы, подобные тем, которыми руководствовался Бенджамин Франклин, были для этого времени просто немыслимы. Исключение не составляли и взгляды представителей самих капиталистических кругов: пока они сохраняли связь с церковной традицией, они видели в своей деятельности в лучшем случае нечто этически индифферентное, терпимое, но вместе с тем — хотя бы из-за постоянной опасности преступить церковный запрет лихоимства — нечто, ставящее под сомнение спасение души. Источники свидетельствуют о том, что после смерти богатых людей весьма значительные суммы поступали в церковную казну в виде «покаянных денег», а в иных случаях и возвращались прежним должникам в качестве несправедливо взятых с них usura. Дело обстоит иначе — если оставить в стороне еретические или рассматриваемые как сомнительные по своим учениям направления — лишь в патрицианских кругах, которые внутренне были уже свободны от власти традиции. Однако даже скептически настроенные или далекие от церковности люди предпочитали на всякий случай примириться с церковью, пожертвовав в ее казну определенную сумму денег, ввиду полной неизвестности того, что ждет человека после смерти, тем более что (согласно весьма распространенному более мягкому воззрению) для спасения души достаточно было выполнить предписываемые церковью внешние обряды. Именно в этом отчетливо проявляется отношение самих носителей новых веяний к своей деятельности, в которой они усматривают некие черты, выводящие ее за рамки нравственных устоев или даже противоречащие им. Каким же образом эта деятельность, которую в лучшем случае признавали

этически допустимой, могла превратиться в «призвание» в понимании Бенджамина Франклина? И как исторически объяснить тот факт, что деятельность, которая во Флоренции XIV и XV вв., в центре тогдашнего капиталистического развития, на этом рынке денег и капиталов всех великих держав того времени, казалась сомнительной с моральной точки зрения — в лучшем случае ее только терпели, — в провинциальной мелкобуржуазной Пенсильвании XVIII в., стране, где из-за простого недостатка денег постоянно возникала угроза экономического краха и возвращения к натуральному обмену, где не было и следа крупных промышленных предприятий, а банки находились на самой ранней стадии своего развития, считалась смыслом и содержанием высоконравственного жизненного поведения, к которому надлежит всячески стремиться? Усматривать здесь «отражение» в идеологической надстройке «материальных» условий было бы просто нелепо. Какой же круг идей способствовал тому, что деятельность, направленная внешне только на получение прибыли, стала подводиться под категорию «призвания», по отношению к которому индивид ощущает известное обязательство? Ибо именно эта идея служила этической основой и опорой жизненного поведения предпринимателей «нового стиля».

Бжезинский З. **Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы**. **М., 1998. С. 50–54. http://www.lib.ru/politolog/america/bzhezinskij.txt.**

Геополитика и геостратегия

Использование американского глобального главенства должно тонко реагировать на тот факт, что в международных отношениях политическая география остается принципиально важным соображением. Говорят, Наполеон как-то заявил, что знание своей географии есть знание своей

внешней политики. Однако наше понимание значения политической географии должно адаптироваться к новым реалиям власти.

Для большей части истории международных отношений фокусом политических конфликтов являлся территориальный контроль. Причиной большинства кровопролитных войн с момента возникновения национализма было либо удовлетворение своих национальных устремлений, направленных на получение больших территорий, либо чувство национальной утраты в связи с потерей «священной» земли. И не будет преувеличением сказать, что территориальный императив был основным импульсом, управляющим поведением государства-нации. Империи также строились путем тщательно продуманного захвата и удержания жизненно важных географических достояний, таких как Гибралтар, Суэцкий канал или Сингапур, которые служили в качестве ключевых заслонок или замков в системе имперского контроля.

Наиболее экстремальное проявление связи между национализмом и территориальным владением было продемонстрировано нацистской Германией и императорской Японией. Попытка построить «тысячелетний рейх» выходила далеко за рамки задачи по воссоединению всех немецкоговорящих народов под одной политической крышей и фокусировалась также на желании контролировать житницы Украины, равно как и другие славянские земли, чье население должно было предоставлять дешевый рабский труд имперским владениям. Японцы также страдали навязчивой идеей, заключавшейся в том, что прямое территориальное владение Маньчжурией, а позднее важной нефтедобывающей Голландской Ост-Индией было существенно важно для удовлетворения японских устремлений к национальной мощи и глобальному статусу. В аналогичном русле веками толкование российского национального величия отождествлялось с приобретением территорий, и даже в конце XX в. российское настойчивое требование сохранить контроль над таким нерусским народом, как чеченцы, которые живут вокруг жизненно важного

нефтепровода, оправдывалось заявлениями о том, что такой контроль принципиально важен для статуса России как великой державы.

Государства-нации продолжают оставаться основными звеньями мировой системы. Хотя упадок великодержавного национализма и угасание идеологического компонента снизили эмоциональное содержание глобальной политики, в то время как ядерное оружие привнесло серьезные сдерживающие моменты в плане использования силы, конкуренция, основанная на владении территорией, всё еще доминирует в международных отношениях, даже если ее формы в настоящее время и имеют тенденцию к приобретению более цивилизованного вида. В этой конкуренции географическое положение все еще остается отправной точкой для определения внешнеполитических приоритетов государства-нации, а размеры национальной территории по-прежнему сохраняют за собой значение важнейшего критерия статуса и силы.

Однако для большинства государств-наций вопрос территориальных владений позднее стал терять свою значимость. В той мере, в какой территориальные споры остаются важным моментом в формировании внешней политики некоторых государств, они скорее являются не стремлением к укреплению национального статуса путем увеличения территорий, а вопросом обиды в связи с отказом в самоопределении этническим братьям, которые, как они утверждают, лишены права присоединиться к «родине-матери», или проблемой недовольства в связи с так называемым дурным обращением соседа с этническими меньшинствами.

Правящие национальные элиты всё ближе подходят к признанию того, что не территориальный, а другие факторы представляются более принципиальными в определении национального статуса государства или степени международного влияния этого государства. Экономическая доблесть и ее воплощение в технологических инновациях также могут быть ключевым критерием силы. Первейшим примером тому служит Япония. Тем не менее всё еще существует тенденция, при которой географическое

положение определяет непосредственные приоритеты государства: чем больше его военная, экономическая и политическая мощь, тем больше радиус, помимо непосредственных его соседей, жизненных геополитических интересов, влияния и вовлеченности этого государства.

До недавнего времени ведущие аналитики в области геополитики дебатировали о том, имеет ли власть на суше большее значение, чем мощь на море, и какой конкретно регион Евразии представляет собой жизненно важное значение в плане контроля над всем континентом. Харольд Мак-Киндер, один из наиболее выдающихся геополитиков, в начале этого века стал инициатором дискуссии, после которой появилась его концепция евразийской «опорной территории» (которая, как утверждалось, должна была включать всю Сибирь и большую часть Средней Азии), а позднее — концепция «сердца» Центральной и Восточной Европы как жизненно важного плацдарма для обретения доминирования над континентом. Он популяризировал свою концепцию «сердцевины земли» знаменитым афоризмом:

Тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем Земли;

Тот, кто правит Сердцем Земли, владеет Мировым Островом (Евразией);

Тот, кто правит Мировым Островом, владеет миром.

Некоторые ведущие германские политические географы прибегли к геополитике, чтобы обосновать Drang nach Osten (стремление на Восток) своей страны, в частности адаптацию концепции Мак-Киндера Карлом Хаусхофером применительно к германским стратегическим потребностям. Более вульгаризированный отголосок этой концепции можно уловить в подчеркивании Адольфом Гитлером потребности немецкого народа в Lebensraum (жизненном пространстве). Некоторые европейские мыслители первой половины этого века предвидели сдвиг геополитического баланса в восточном направлении, при этом регион Тихого океана, в частности Америка и Япония, должен был превратиться в преемника Европы, вступившей в пору упадка. Чтобы предупредить подобный сдвиг,

французский политический географ Поль Деманжон, как и прочие французские геополитики, еще перед Второй мировой войной выступал за более тесное единство европейских государств.

Сегодня геополитический вопрос более не сводится к тому, какая географическая часть Евразии является отправной точкой для господства над континентом, или к тому, что важнее — власть на суше или на море. Геополитика продвинулась от регионального мышления к глобальному, при этом превосходство над всем Евразийским континентом служит центральной основой для глобального главенства. В настоящее время Соединенные Штаты, неевропейская держава, главенствуют в международном масштабе, при этом их власть непосредственно распространена на три периферических региона Евразийского континента, с позиции которых они и осуществляют свое мощное влияние на государства, занимающие его внутренние районы. Но именно на самом важном театре военных действий земного шара — в Евразии — в какой-то момент может зародиться потенциальное соперничество с Америкой. Таким образом, концентрация внимания на ключевых действующих лицах и правильная оценка театра действий должны явиться отправной точкой для формулирования геостратегии Соединенных Штатов в аспекте перспективного руководства геополитическими интересами США в Евразии.

А поэтому требуются два основных шага:

— первый: выявить динамичные с геостратегической точки зрения евразийские государства, которые обладают силой, способной вызвать потенциально важный сдвиг в международном распределении сил и разгадать центральные внешнеполитические цели их политических элит, а также возможные последствия их стремления добиться реализации поставленных целей; точно указать принципиально важные с географической точки зрения евразийские государства, чье расположение и/или существование имеют эффект катализатора либо для более активных

геостратегических действующих лиц, либо для формирования соответствующих условии в регионе;

— второй: сформулировать конкретную политику США для того, чтобы компенсировать, подключить и/или контролировать вышесказанное в целях сохранения и продвижения жизненных интересов США, а также составить концепцию более всеобъемлющей геостратегии, которая устанавливает взаимосвязь между конкретными политическими курсами США в глобальных масштабах.

Короче говоря, для Соединенных Штатов евразийская геостратегия включает целенаправленное руководство динамичными с геостратегической точки зрения государствами и осторожное обращение с государствами-катализаторами в геополитическом плане, соблюдая два равноценных интереса Америки: в ближайшей перспективе — сохранение своей исключительной глобальной власти, а в далекой перспективе — ее трансформацию во все более институционализирующееся глобальное сотрудничество. Употребляя терминологию более жестоких времен древних империй, три великие обязанности имперской геостратегии заключаются в предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности, сохранении покорности подчиненных и обеспечении их защиты и недопущении объединения варваров.

***Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд., испр. и доп. / ред. В. С. Жекулин. Л., 1989. http://www.studfiles.ru/preview/3844844/page:17/**

На берегах морей и закраинах ледников

Роль моря, в зависимости от характера береговой линии и уровня цивилизации береговых жителей, может быть двоякой. Море — ограничивающий элемент ландшафта, когда оно не освоено и непроходимо. Таков был Атлантический океан для американских индейцев, Индийский

океан — для негров и аборигенов Австралии, и даже Каспий — для печенегов. Зато когда из моря начинают черпать пищу и осваивать навигацию, море превращается в составляющий элемент месторазвития. Так эллины использовали Эгейское море, викинги — Северное, арабы — Красное, а русские поморы — Белое. К XIX в. почти все моря и океаны вошли в состав Ойкумены, но надо учитывать, что это характерно не для всех эпох. На протяжении исторического периода можно зафиксировать два этнокультурных ареала, где море является составной частью месторазвития: циркумполярные культуры на берегах Ледовитого океана и Полинезия, о которой написано так много, что нет необходимости повторяться. Достаточно напомнить, что полинезийская культура вмещала до прихода европейцев разнообразные образования, которые даже на таком изолированном участке суши, как остров Пасхи, боролись между собой, создавая свои культуры, хотя и довольно близкие по характеру.

Менее известна история циркумполярных народов. Некогда цепь сходных культур окружала Ледовитый океан, который являлся их кормильцем. В основном это были охотники на морского зверя и ихтиофаги. Уже в историческое время их территорию разрезали надвое угро-самоеды, позже истребившие западную ее часть. Затем тунгусы уничтожили восточную, за исключением палеоазиатов и народов «омок» на Яве и Индигирке, последний был погублен при вторжении якутов. Движение якутов с юга на север было односторонне и необратимо, так как они плыли на плотах по рекам и вернуться против течения не могли.

Молодым циркумполярным народом были эскимосы, распространившиеся около I в. н. э. из Океании и в X в. отогнавшие индейцев до южной границы Канады, а в XIII в. сбросившие потомков викингов в Гренландии в море. Тут опять-таки сочетание ландшафтов: кормящее море и лесотундра или ледник.

Но не только кормящее море, а даже области, покрытые льдом и потому совершенно бесплодные, могут способствовать возникновению этносов, что имело место в Прибалтике и Скандинавии около 10 тыс. до н. э. Механизм

этого явления прост.

Ледник, для того чтобы расти, должен получать из океана достаточное количество атмосферной влаги — холодного дождя и мокрого снега. Но так как над ледником всегда стоит антициклон, то влажный воздух разбивается о его закраину и там выливается дождь. Для Евразийского континента это западная закраина, откуда идут атлантические циклоны, вплоть до Таймыра. Следовательно, ледник растет к западу, а его восточная часть тает под лучами солнца, ибо там, где нет облачного покрова, инсоляция действует беспрепятственно.

Получается географический парадокс: там, где абсолютная температура выше, — сыро, ветрено, облачно, а потому люди и животные страдают от холода; там же, где температура ниже, — тихо, ясно, сухо, и люди и животные согреваются под прямыми лучами солнца, не обращая внимания на холодный воздух. Ледниковый антициклон всегда больше, чем сам ледник, и покрывает приледниковые районы, превращая их в сухую тундру. Ручьи, стекающие с ледника, образуют пресные озера и ручьи, где селится рыба и водоплавающая птица. Вокруг них вырастают рощи — приют пушного зверя, а в сухой тундре, где снежный покров мал, пасутся стада травоядных. Это рай для первобытного охотника и рыболова.

Именно такие условия сложились в Восточной Европе в конце Померанской стадии последнего оледенения. В тундре, примыкавшей к уходящему леднику, стали появляться редкие леса, окаймляющие реки и озера. Тогда на берегах Немана и Двины сложились древние этносы балтской группы, дожившие до нашего времени в ландшафте, который от потепления стал монотонным. Балтские топонимы и гидронимы хранят печать глубокой древности, как память о времени, когда природная среда вокруг их предков была иной. Не только этносы, но и ландшафты имеют историю.

Влияние характера ландшафта на этногенез

Теперь мы можем сформулировать вывод из проделанного анализа:

монотонный ландшафтный ареал стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный — стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этнических образований.

Но тут возникает вопрос: является ли сочетание ландшафтов причиной этногенеза или только благоприятным условием? Если бы причина возникновений новых народов лежала в географических условиях, то они, как постоянно действующие, вызывали бы народообразование постоянно, а этого нет. Следовательно, этногенез хотя и обуславливается географическими условиями, но происходит по другим причинам, для вскрытия которых приходится обращаться к другим наукам. Эти проблемы будут разобраны в специальных разделах и в конце концов дадут ответ на основной вопрос: как и почему этносы не похожи друг на друга и какое отношение имеет этногенез к прочим явлениям природы?

Один из моих оппонентов оспаривает мой тезис о том, что возникновение новых этносов приурочено к регионам стыка двух и более ландшафтов, а развитие их беспрепятственно протекало в ландшафтах монотонных. Но в этом же абзаце он пишет: «Этногенез не локализовался в *каких-то* (курсив наш — *Л. Г.*) немного особых ландшафтах, а фактически шел во всех областях Ойкумены, хотя в ряде случаев природные условия могли *несколько* (курсив наш — *Л. Г.*) ускорять или задерживать ход этнических процессов». Мой оппонент почему-то не замечает допущенного им противоречия, снимающего его возражения. Ведь появление нового этноса, т. е. новой системной целостности, всегда связано с ломкой старых этносов, относящихся к новому как этнические субстраты. Для осуществления этой работы необходим импульс, который либо даст начало новому этническому процессу, либо затухнет вследствие сопротивления среды, и тут упомянутое «несколько» приобретает решающее значение, что и было нами отмечено, а потом будет объяснено.

До сих пор мы говорили о ландшафтах как феноменах девственной природы, хотя твердо знали, что на Земле нет ландшафта, не испытавшего когда-либо

воздействия человека. Это упрощение мы ввели сознательно, чтобы прояснить проблему, но искусственные, т. е. урбанистические, ландшафты известны с глубокой древности. В Вавилоне было около миллиона жителей, в Риме — свыше полутора миллионов, в Константинополе — миллион с лишком. Эти громадные города можно рассматривать как самостоятельные ландшафтные регионы. И они проявляют себя как таковые: на границах города и деревни всегда возникали субэтносы, чаще эфемерные, иногда стойкие, но всегда с оригинальными, неповторимыми стереотипами поведения, обязательными для их членов.

Существует и другой больной вопрос: не является ли наше время — эра технической цивилизации — особой эпохой, к которой неприложимы закономерности, открытые при изучении истории, а не современности? Этот вопрос уже был поставлен крайне остро и четко: «Осталась ли степь — степью и пустыня — пустыней в ландшафтном понимании этих терминов? Сильнее всего изменена растительность (в степи — земледелием, в пустыне — выпасом, орошаемым земледелием), как следствие этого изменились сток, почвенный покров, процесс эрозии и вся дальнейшая «цепочка» компонентов природных комплексов.

Действительно, антропогенный фактор ландшафтообразования за последние три тысячи лет приобрел и продолжает приобретать важное место в лике земной поверхности.

Сельское хозяйство изменяет флору и фауну, архитектура становится важным элементом рельефа, сжигание угля и нефти влияет на состав атмосферы. С этой точки зрения Париж должен рассматриваться как антропогенный геохор в лесной ландшафтной зоне с ускоренным ритмом развития, ибо современный облик этого микрорайона отличается и от вида средневекового замка парижского графа, и от римской Лютеции. Но ведь и непроточное озеро, мелея, быстро превращается в болото, тогда как окружающий его лес за это же время не меняется. Разница между антропогенными и гидрогенными образованиями, как бы она ни была велика,

в аспекте естествознания не принципиальна. Но на поставленный нами вопрос: почему и как человек преобразил лик Земли? — констатация сходств и различий ответа не дает. Поэтому продолжим «поиск истины», как древние эллины именовали исторические исследования.

***Хаусхофер К.* О геополитике: работы разных лет. М., 2001. С. 21–24. http://grachev62.narod.ru/haushofer/content.htm.**

Глава I

Граница с географической точки зрения

Создание ясных картин границы, выразительного представления о ней, о проистекающем из этого пограничном инстинкте и в конечном счете о неизменно настороженном пограничном сознании — важнейшая цель данной работы. Всех этих предупреждений и предостережений, как правило, не хватает немцам в большей степени, чем любой другой крупной нации на Земле, поддерживающей и создающей границы. Из этого следует, что именно нашему народу, занимающему промежуточное положение во Внутренней Европе, необычайно важно иметь живое представление о границе в контексте картины мира, которая и сама нуждается в четком детальном разграничении, ибо в противном случае она очень легко предается космополитической неопределенности и часто свойственной нам, немцам, аморфности. Прекрасным воспитателем наглядного образа границ, пограничного инстинкта и пограничного сознания, столь нам необходимых, могут быть в противовес этому пограничные ландшафты…

Уже при простом знакомстве, при посещении провинций до сих пор ощущается пробел в изучении характера пограничного рубежа с географической точки зрения как типа ландшафта в сопоставлении с другими типами. Лишь школа Ратцеля — к которой, разумеется, с особой гордостью я отнес себя задолго до войны, когда лично познакомился с ним, — создавала в

этом направлении фундаментальное, но нашла мало последователей…

Животный мир также создает естественные границы. Он закладывает подлинный организм границы роями мухи цеце, саранчи, малярийного комара, колоннами червей, постройками термитов в районах возможного распространения других органических живых существ. Но он проводит ее и стаями зверей, которые служат пищей для крупных хищников в странствиях с островов Адмиралтейства вдоль мексиканского побережья в Антарктику. Животный мир действует, таким образом, в качестве устанавливающего границу, совершая при этом самые дерзкие переходы границ самого большого морского пространства планеты — индо-тихоокеанского.

А теперь бросим взгляд на океан, море, внутренние и прибрежные воды как границу и на отношение побережья к противоположному побережью. Мы обнаруживаем, что и морская граница — вовсе не линия, а переходная зона сильной, пульсирующей жизни, которая и здесь устремляется вовне, к противоположному побережью. Мы знаем, что первый переход этой заимствованной у природы четкой границы, этого предполья, происходил, вероятно, не на первой полосе плоских берегов, а на таких побережьях, где рифы и рифовые выступы видимой на большом расстоянии цепи островов увлекали всё глубже, вызывая искушение переступить границу! Даже такое крупное препятствие, как бушующий прибой у Дуврского утеса, норвежские шхеры или пограничные рубежи мыса Кумари (Индия) и мыса Дондра (Цейлон), не было для этого помехой. И именно в кажущихся особенно наводящими пограничных ландшафтах часто возникали связующие переходы. Таковы ставшие известными места переходов Пешавар, Венская котловина, Шанхайгуань, Пекин и Бамо. Им выпадает роль естественного антропогеографического срединного положения и фильтра, что порой накладывает прямо-таки неприятный отпечаток на их характер как тип ландшафта, придавая ему вместе с тем более высокую жизнеспособность, что мы отмечаем, например, в Берлине, Токио и Харбине (Маньчжурия).

***Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М., 1989. С. 18–19.**

Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества. Явления культуры у различных человеческих обществ, поскольку могут быть исследованы лежащие в их основе общие начала, представляют предмет, удобный для изучения законов человеческой мысли и деятельности. С одной стороны, однообразие, так широко проявляющееся в цивилизации, в значительной мере может быть приписано однообразному действию однообразных причин. С другой стороны, различные ступени культуры могут считаться стадиями постепенного развития, из которых каждая является продуктом прошлого и, в свою очередь, играет известную роль в формировании будущего. Исследованию этих двух великих начал в различных этнографических областях мы и посвящаем настоящее сочинение. Особое внимание уделено при этом сопоставлению цивилизации отсталых народов с цивилизацией передовых народов.

***Уайт Л.* Понятие культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб., 1997. С. 26–43.**

…Таким образом, культура представляет собой класс предметов и явлений, зависящих от способности человека к символизации, который рассматривается в экстрасоматическом контексте. Это определение спасает культурную антропологию от неосязаемых, неуловимых и онтологически не существующих абстракций и снабжает ее реальным, материальным, познаваемым предметом исследования. Ибо оно проводит четкую грань

между поведением и культурой; между наукой о психологии и наукой о культуре.

…Если мы определяем культуру как совокупность предметов и явлений, реально существующих в окружающем нас мире, то неизбежен вопрос: где они располагаются, т. е. каково местоположение культуры? Ответ таков: предметы и явления, составляющие культуру, располагаются во времени и пространстве: 1) в организме человека (идеи, верования, эмоции, отношения); 2) в процессах социального взаимодействия людей; 3) в материальных объектах (топоры, фабрики, глиняные сосуды), находящихся вне организма человека. Каждый элемент культуры имеет два аспекта: субъективный и объективный.

…Наше определение отвечает научным критериям: предмет — представление или верование, действие или вещь — считается элементом культуры, во-первых, если он символизирован, и, во-вторых, когда он рассматривается в экстрасоматическом контексте.

***Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб., С. 5–16.**

…Культура, прежде всего, понятие коллективное. Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в ее развитии, тем не менее по своей природе культура, как и язык, — явление общественное, то есть социальное.

Следовательно, культура есть нечто общее для какого-либо коллектива — группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией. Из этого вытекает, что культура есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются.

…Всякая структура, обслуживающая сферу социального общения, есть язык. Это означает, что она образует определенную систему знаков, употребляемых в соответствии с известными членам данного коллектива

правилами. Знаками же мы называем любое материальное выражение (слова, рисунки, вещи и т. д.), которое имеет значение и, таким образом, может служить средством передачи смысла. Следовательно, культура имеет, во-первых, коммуникационную и, во-вторых, символическую природу.

…Культура всегда подразумевает сохранение предшествующего опыта. Более того, одно из важнейших определений культуры характеризует ее как «негенетическую» память коллектива. Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И потому, когда мы говорим о культуре нашей, современной. мы, может быть сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру — культуру человечества.

Поэтому же культура всегда, с одной стороны, определенное количество унаследованных текстов, а с другой — унаследованных символов. Символы культуры редко возникают в ее синхронном срезе. Как правило, они приходят из глубины веков и, видоизменяя свое значение (но не теряя при этом памяти и о своих предшествующих смыслах), передаются будущим состояниям культуры. Такие простейшие символы, как круг, крест, треугольник, волнистая линия, более сложные: рука, глаз, дом — и еще более сложные (например, обряды) сопровождают человечество на всем протяжении его многотысячелетней культуры.

Следовательно, культура исторична по своей природе. Само ее настоящее всегда существует в отношении к прошлому (реальному или сконструированному в порядке некоей мифологии) и к прогнозам будущего.

Скачков А. С. **Культурная политика ЮНЕСКО в эпоху глобализации. М., 2015. С. 34–37.**

…Большинство государств — членов ЮНЕСКО, среди них и Россия, придерживаются позиции, что в сегодняшнем мире глобализация, несмотря на ее креативный потенциал, представляет серьезную опасность для национальных культур. Это связано с тем, что глобальные процессы, приобщая людей к лучшим мировым достижениям в духовной сфере, одновременно тиражируют продукцию массовой культуры, что ставит под угрозу национальную самобытность и культурное разнообразие в целом.

…В складывающейся ситуации ЮНЕСКО стремится своевременно реагировать на озабоченности мирового сообщества. Начав еще в середине 1980-х гг. активно формировать международную политическую и научную дискуссионную платформу по проблематике культурного плюрализма, ЮНЕСКО продолжает линию на укоренение в планетарном сознании мысли о безальтернативности культурного, этнического и религиозного разнообразия для обеспечения долгосрочного мира и устойчивого развития.

…Содействие культурному разнообразию рассматривается как бессменный приоритет программной деятельности ЮНЕСКО в сфере культуры в последние десятилетия. Краеугольной вехой в этой политике стало принятие в 2001 г. Всеобщей декларации о культурном разнообразии, в которой государства-члены подтвердили свою приверженность плюрализму в культуре как источнику развития. Одновременно был отвергнут ложный тезис о неизбежности конфликта между культурами и цивилизациями.

В последние годы ЮНЕСКО активно работает над созданием Глобального альянса за культурное разнообразие, призванного открыть путь новым формам партнерства между частными и государственными организациями с целью оказания поддержки местной индустрии культуры (музыкантов, издательского дела, народных промыслов, устного творчества и т. п.), преимущественно в развивающихся странах. В рамках альянса планируется развивать новые методики, мероприятия и стратегии, направленные на

сокращение коммерческого дисбаланса в области товаров, относящихся к сфере культуры, в частности, между богатым Севером и бедным Югом.

Во многом именно благодаря ЮНЕСКО культура признана сегодня в ООН в качестве одного из главных компонентов развития человека. Россия наряду с другими членами ООН добивается того, чтобы тема «культура и развитие» нашла отражение в повестке дня в области развития после 2015 г.

Сегодня усилия ЮНЕСКО направлены на привлечение максимального числа сторонников (как среди государств-членов, так и гражданского общества) реализации своего курса на создание в мире атмосферы культурного плюрализма и творческого взаимодействия между всеми культурами. Понятно, что ЮНЕСКО не в состоянии предложить универсальную формулу, применимую для всех.

…Речь идет скорее о методологической, организационной и стимулирующей роли ЮНЕСКО, которую она видит в предоставлении национальным правительствам общеприменимых методик и рекомендаций, способных облегчить переход к более открытому плюралистическому миропорядку, наладить конструктивное взаимодействие между мировыми культурами на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Арнольдов А. И. **Культурная политика: реалии и тенденции. М., 2002. С. 24- 33.**

…Главным богатством страны является ее культурный потенциал, созданный и нынешним, и прошлым поколениями… Мировой опыт наглядно свидетельствует, что только та страна достигает процветания и экономического роста, которая выдвигает в центр своей политики заботу о высоком культурном уровне общества.

…С наступлением нового столетия культура всё более осознается как эпицентр человеческого бытия. Она, словно кислород, насыщает и заполняет

социальное пространство. В связи с этим приобретают особое значение реалистическая культурная политика, продуманная стратегия обогащения духовного климата общества.

Культурная политика представляет собой систему научных принципов и технологий, направленных на организацию духовной жизни. Именно на ней основаны реформы культурных институтов; как фундаментальный социальный феномен она направлена на создание в обществе благотворных условий для позитивной социокультурной активности человека… Цель культурной политики — сделать жизнь людей духовно богатой и многогранной, открыть простор для выявления их способностей, обеспечить реальные возможности для приобщения к творческой ценностям и к активной культурной деятельности, создав возможности жить в здоровом обществе.

…Высокая степень культурной компетентности — эффективное средство воздействия субъектов политики на общественные процессы, на социокультурное развитие.

…Являясь органичной частью социальной политики, культурная политика вырабатывает научно обоснованные концепции культурного движения, соответствующие планы и рекомендации.

…Перед субъектами культурной политики стоит первоочередная стратегическая цель — обеспечивать условия для улучшения качества жизни в обществе с тем, чтобы они стали доступными каждому человеку и гармонизировали социальные отношения. Но сделать это невозможно без привлечения к ее реализации широких слоев населения. Только тогда можно ожидать нового отношения к культуре и активного включения в процесс духовной жизни.

В содержание культурной политики входит весь комплекс вопросов разработки программ культурного строительства, программных технологий социокультурной деятельности, включающих обоснование наиболее приоритетных направлений и механизмов. В связи с этим вполне

естественно, что любая ее модель в любых конкретно-исторических условиях выступает своеобразной системой взаимодействия различных управленческих структур и направлена на установление законодательных и финансовых мер, осуществляя тем самым важную функцию государственной поддержки культуры.

Основными направлениями культурной политики являются: создание в стране единого культурного пространства, интенсификация процесса освоения и использования социокультурного опыта для социальной адаптации людей в окружающей культурной среде, качественное улучшение жизненных условий людей, обеспечивающих интеллектуальное развитие населения. Серьезного внимания требует решение всего комплекса вопросов свободного развития национальных культур. Одно из важных направлений — сохранение огромного пласта народной культуры — носителя национальных традиций, фольклора, уникальной музыки, народных промыслов и ремесел. Особое место занимают проблемы улучшения общего и специального образования, интеллектуального воспитания молодого поколения. Наконец, сюда входит обеспечение необходимых условий для совершенствования международного культурного сотрудничества.

Для того чтобы культурная политика была эффективной и стимулировала активность населения, необходимо не только четко очертить ее цели, но и сделать их социально значимыми, представив на обсуждение общественности. Только на этой основе можно активизировать участие населения.

…Естественно, что культурная политика — это не застывший социальный феномен, установленный на все времена… Отсюда особую значимость приобретает реалистическая стратегия культурной политики, включающая методы и средства, обеспечивающие решение поставленных конкретных задач.

Жидков В. С., Соколов К. В. **Культурная политика России: теория и история. М., 2001. С. 66–73.**

Представленная в самом общем виде и рассматриваемая как с содержательной, так и с функциональной точек зрения культурная жизнь — это совокупность социальных институтов, занятых созданием культурных ценностей, их последующей фиксацией на неких материальных носителях или в навыках людей, отбором, хранением и транслированием культурных ценностей. Соответственно, среди субъектов культурной жизни можно различить тех, кто создает культурные ценности, кто делает их доступными для потребителя (кто их фиксирует и распространяет), кто их пропагандирует и, наконец, кто их потребляет (воспринимает).

…Итак, культурная политика — это специфический вид деятельности (поэтому к ней приложим только функциональный аспект определения культуры) по регулированию культурной жизни, сводящийся к воздействию на личность с целью формирования ее «картины мира», то есть той координатной сетки, через которую человек воспринимает и оценивает окружающую действительность. Таким образом, целью культурной политики является не что иное, как стремление сохранить или изменить картину мира людей таким образом, чтобы это соответствовало интересам субъекта культурной политики.

…Тем самым культурная жизнь предстает как поле борьбы различных субъектов — групп населения (носителей различных субкультур), создателей культурных ценностей, различных общественных институтов, занятых их сохранением и распространением, — и государства. Отсюда вытекает вывод, что культурная политика — это борьба интересов различных субъектов культурной жизни, в которой самую существенную роль играет распределение различных ресурсов — финансовых, материальных, кадровых и информационных. В соответствии с таким представлением о культурной политике наиболее сильным ее субъектом является государство,

располагающее наибольшими ресурсами и возможностями воздействия на культурную жизнь. Это воздействие осуществляется через управление религией, наукой, искусством, через выработку и транслирование государственной идеологии с помощью системы образования и средств массовой коммуникации.

…В зависимости от положения в системе «производство — отбор — сохранение — распространение — восприятие» культурных ценностей можно выделить неких ***субъектов культурной жизни,*** располагающих соответствующими ресурсами, а потому способных оказывать воздействие на различные фазы этого процесса. Главным субъектом среди них является государство, располагающее не только наибольшим объемом ресурсов, но и разнообразными управленческими структурами, способными непосредственно влиять на различные сегменты культурной жизни. Поэтому именно государство наиболее заметно и эффективно влияет на культурную жизнь.

Наряду с государством влиять на культурную жизнь в соответствии со своими интересами и ресурсными возможностями могут и другие субъекты культурной жизни — создатели культурных ценностей, их пропагандисты и использователи в своих политических, национальных, конфессиональных или иных интересах, вплоть до отдельных физических лиц, имеющих в этой сфере свои интересы и располагающих соответствующими ресурсами. Примером последних могут служить меценаты и основатели каких-либо целевых культурных фондов.

Таким образом, культурная политика — это вполне определенное (осознанное или нет) воздействие субъекта культурной жизни на культуру (т. е. на ее определенную сферу) с целью сохранения или изменения национальной картины мира или картины мира некоей субкультуры. Указанное воздействие является результатом соответствующего концептуального представления субъекта культурной жизни о желательном состоянии системы «культура» (или какого-то ее фрагмента), определения

стратегических целей, формулирования (в сложившемся социокультурном контексте) приоритетных целей и на их основе — соответствующих задач (программ), а также использования подобающих методов воздействия на культурную жизнь.

…Средства осуществления культурной политики многообразны. Прежде всего, это социальные институты религии, искусства и науки, занимающиеся созданием новых культурных ценностей, а также отбором их из накопленного культурного богатства для трансляции в социум. Затем это каналы их распространения — социальные институты образования и массовых коммуникаций, образующие комплекс, в значительной мере формирующий национальную картину мира. Таким образом, религия, наука и искусство вместе с каналами их распространения — образованием и массовыми коммуникациями — образуют мощный комплекс, формирующий картину мира в массовом сознании. Культурная политика всегда использовала и ныне использует этот комплекс для достижения своих целей.

…Надо особо подчеркнуть, что искусство занимает в культурной политике одно из центральных мест. Это обусловлено тем, что образы и фрагменты картин мира, которые демонстрирует искусство, усваиваются на уровне обыденного сознания гораздо легче тех, что предоставляет, скажем, научная теория или политическая концепция. Идеи и чувства, выраженные в художественной форме, обладают более мощной силой внушения и «заражения». Такие особенности искусства предоставляют субъекту культурной политики практически не ограниченные возможности для формирования картин мира граждан национального государства.

Беккер Г. С. **Экономический анализ и человеческое поведение (Becker G. S. Economic Analysis and Human Behavior). igiti.hse.ru›data/056/314/1234/1_1_2Beck.pdf.**

Экономика — это умение пользоваться жизнью наилучшим образом.

Дж. Б. Шоу

Хотя своеобразие «экономического» подхода к человеческому поведению едва ли подлежит сомнению, не так-то легко определить, что же именно отличает его от социологического, психологического, антропологического, политического и даже генетического подходов.

Общепризнано, что экономический подход предполагает максимизирующее поведение в более явной форме и в более широком диапазоне, чем другие подходы.

Экономический подход не предполагает, что все участники на каждом рынке непременно обладают полной информацией или совершают сделки, не требующие никаких издержек для их заключения…

Более того, экономический подход не требует, чтобы отдельные агенты непременно осознавали свое стремление к максимизации или чтобы они были в состоянии вербализовать либо как-то иначе внятно объяснить причины устойчивых стереотипов в своем поведении[61]. Таким образом, он совпадает в этом с современной психологией, придающей особое значение подсознанию, и социологией, выделяющей функции явные и латентные.

Я пришел к убеждению, что экономический подход является всеобъемлющим, он применим ко всякому человеческому поведению… он применим к поведению богачей и бедняков, пациентов и врачей, бизнесменов и политиков, учителей и учащихся. Сфера приложения понимаемого таким образом экономического подхода настолько широка, что она покрывает собой предмет экономической науки, если следовать приведенному выше его определению, в котором говорится об ограниченных средствах и конкурирующих целях. Именно такое понимание согласуется с этим широким, не признающим никаких оговорок определением, а также с высказыванием Шоу, вынесенным в эпиграф настоящего очерка…

[61] Этот момент подчеркивается в замечательной статье Милтона Фридмена «Методология позитивной экономической науки» 1953 г.

Экономический подход к человеческому поведению не нов, даже если иметь в виду внерыночный сектор. Адам Смит нередко (хотя и не всегда!) придерживался этого подхода при объяснении политического поведения. Иеремия Бентам не скрывал своего убеждения, что исчисление наслаждений и страданий приложимо ко всякому человеческому поведению. Исчисление наслаждений и страданий, по его словам, применимо ко всему, что мы делаем, что говорим, и не ограничивается одними только денежными соображениями, повторяющимся выбором, малозначащими решениями и т. п. Бентам прилагал свое исчисление к чрезвычайно широкому кругу форм человеческого поведения, так что в одном ряду с рынками товаров и услуг оказывались такие вопросы, как наказание преступников, реформа тюрем, совершенствование законодательства, законы против ростовщичества и деятельность судов.

Маркс и его последователи применяли «экономический», как это было принято у них называть, подход не только к поведению на рынке, но и к политике, браку и другим формам нерыночного поведения. Но для марксиста экономический подход означает, что организация производства играет решающую роль, предопределяя социальную и политическую структуру, и основной упор он делает на материальных благах, целях и процессах, конфликте между рабочими и капиталистами и всеобщем подчинении одного класса другому. То, что называю «экономическим подходом» я, имеет с этой точкой зрения мало общего. Кроме того, марксист, подобно бентамисту, склонен уделять больше внимания тому, что должно быть, и зачастую лишает свой подход всякой предсказательной силы, пытаясь подвести под него все события без исключения.

Не приходится говорить, что экономическому подходу не всегда одинаково успешно удается проникать в сущность различных форм человеческого поведения и объяснять их. Например, пока он не слишком преуспел (как, впрочем, и все остальные подходы) в раскрытии факторов, от которых зависят войны и многие другие политические решения. Я убежден,

однако, что этот мало впечатляющий результат свидетельствует не о неправомерности экономического подхода в данном случае, а главным образом о недостаточности предпринимавшихся до сих пор усилий…

Я не утверждаю, что экономический подход используется всеми экономистами при изучении всех аспектов человеческого поведения или хотя бы большинством экономистов при изучении основной его части. В самом деле многие экономисты не могут устоять перед искушением и прячут свой собственный недостаток понимания за разглагольствованиями об иррациональности поведения, неискоренимом невежестве, глупости, сдвигах ad hoc в системе ценностей и тому подобном, что под видом взвешенной позиции означает просто-напросто признание своего поражения…

Всеобъемлющим является именно экономический подход, хотя некоторые важные понятия и приемы анализа разрабатываются, и будут разрабатываться другими научными дисциплинами. Главный смысл моих рассуждений заключается в том, что человеческое поведение не следует разбивать на какие-то отдельные отсеки, в одном из которых оно носит максимизирующий характер, в другом — нет, в одном мотивируется стабильными предпочтениями, в другом — неустойчивыми, в одном приводит к накоплению оптимального объема информации, в другом — не приводит. Можно скорее полагать, что всё человеческое поведение характеризуется тем, что участники максимизируют полезность при стабильном наборе предпочтений и накапливают оптимальные объемы информации и других ресурсов на множестве разнообразных рынков.

Если мои рассуждения верны, то экономический подход дает целостную схему для понимания человеческого поведения, к выработке которой издавна, но безуспешно стремились и Бентам, и Маркс, и многие другие.

Шабунова А. А., Белехова Г. В. **Экономическое поведение населения:**

теоретические аспекты. М., 2012. http://modernlib.ru/books/a_a_shabunova/ekonomicheskoe_povedenie_naseleniya_teoreticheskie_aspekti/

С 2012 г. Институт социально-экономического развития территорий РАН начинает комплексное исследование экономического поведения населения.

Выявлено несколько противоположных парадигм изучения экономического поведения, по-разному объясняющих и описывающих этот феномен: модель экономического, социологизированного и психологизированного человека.

…Все подходы к изучению категории экономического поведения определенным образом взаимосвязаны между собой благодаря общему компоненту — человеку, который является ядром системы взаимодействий и взаимосвязей разнообразных сфер жизни общества. Поэтому анализ экономического поведения начинается с построения определенной модели человека.

Основные модели человека	
Модель	**Последователи**
«Человек экономический» (homo economicus)	Идеологи классической политической экономии, немецких исторических школ, а также К. Менгер, А. Маршалл, Й. Шумпетер, Ф. Хайек
«Человек социологический» (homo	К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Зомбарт, Г. Зиммель, Т. Парсонс, Н. Смелзер, Р. Сведберг, А. Этциони

sociologicus)	
«Человек психологический» (homo psychologicus)	Создатели и последователи психоаналитической традиции З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Э. Фромм, К. Хорни, Г. Салливан; идеологи и разработчики бихевиористского направления Э. Торндайк, Д. Уотсон, У. Хантер, Б. Скиннер; представители гуманистической школы психологии Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс; специалисты социотехнической школы К. Левин, Р. Батлер/

Рассматриваемые модели построены от противного: экономическая — сверхрациональна, социологическая и психологическая — сверхиррациональны; экономический человек не подвержен воздействию других людей, а социализированный и психологизированный человек всегда является частью группы и соотносит свое поведение с другими ее членами; экономический человек обладает устойчивым набором потребностей, предпочтений и соответствующих вариантов поведения для максимизации полезности, а социализированный и психологизированный человек изменяет модели своего поведения в зависимости от социально-экономической ситуации, традиций и общественных норм, психофизиологических характеристик.

Каждая из моделей, используемых для исследования экономического поведения, решает определенный круг задач в рамках своей науки, поскольку фиксирует те свойства поведения, которые представляют интерес для данной отрасли знания, и абстрагируется от остальных признаков.

Рассмотренные модели не являются полярными или противоречащими, а, наоборот, дополняют друг друга.

Большинство исследователей экономического поведения в качестве основных предпосылок экономического поведения выделяют экономическое

сознание, экономическое мышление, экономические интересы, социальные стереотипы и экономическую культуру.

Важной предпосылкой экономического поведения выступает экономическая культура, под которой следует понимать совокупность социальных ценностей и норм, являющихся регуляторами экономического поведения; выполняющих роль социальной памяти экономического развития; способствующих или мешающих трансляции, отбору и обновлению ценностей, норм и потребностей, функционирующих в сфере экономики и ориентирующих ее субъектов на те или иные формы экономической активности.

В тесной связи с экономической культурой находится национальный менталитет. Менталитет отражает глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное, совокупность готовностей, установок и предрасположений индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. Менталитет формируется в зависимости от традиций, культуры, социальных структур, среды обитания и сам, в свою очередь, их формирует, выступая как порождающее сознание. Формируясь исторически, менталитет определяет национальную модель экономического и социального поведения — культуру потребления, производства и соответствующие мотивации.

В основе формирования российского менталитета лежало христианство, порожденное западной цивилизацией и наложенное на дух Востока. В результате сформировался особенный менталитет, для которого характерно мировосприятие типа «и то, и это», резко контрастирующее с западным менталитетом (мировосприятие типа «или — или»). Это свойство русского менталитета свидетельствует об особенностях экономического поведения русской личности. Так, русскому человеку свойственна глубина внутренней жизни, частичное передоверение личной свободы коллективу, большая степень внеэкономических составляющих хозяйственного успеха.

Экономическая культура, взаимодействуя с менталитетом нации, формирует экономическое мышление индивидов. В результате определяются стратегии индивидуального и группового экономического поведения и происходит собственно экономическое действие.

Экономическое поведение человека в России отличается от экономического поведения представителей западной культуры. Рационализм экономического поведения западного варианта предполагает стремление к получению выгоды не в результате случайного акта, а в результате постоянного сопоставления дохода и издержек, что выступает нормой поведения. В России экономическое поведение часто имеет иррациональный характер из-за сильного влияния факторов субъективного характера. Поэтому при моделировании экономического поведения человека в России необходимо учитывать в несколько большей степени субъективную рациональность.

Соколова Г.Н. **Экономическое поведение. Минск, 2003 (Социология: Энциклопедия).**

Экономическое поведение — поведение, связанное с перебором экономических альтернатив с целью рационального выбора, т. е. выбора, в котором минимизируются издержки и максимизируется чистая выгода. Предпосылками выступают экономическое сознание, экономическое мышление, экономические интересы, социальные стереотипы. При этом каждый феномен по-своему формирует тот или иной тип экономического поведения. Так, например, техника экономического мышления — это некая предпосылка, которой человек руководствуется в своем поведении. Исходя из баланса рациональности и эмоциональности своего мышления, индивиды предпринимают лишь те действия, которые принесут им наибольшую чистую пользу (т. е. пользу за вычетом возможных затрат, связанных с этими

действиями). В общении между собой, особенно по поводу распределения и потребления ограниченных экономических ресурсов, субъекты преследуют свои экономические интересы, удовлетворяют свои насущные потребности. Это вторая предпосылка их экономического поведения, позволяющая во многом его предсказывать. Действуя в собственных интересах, люди создают возможность выбора для других, и общественная координация формируется как процесс непрерывного приспособления к изменениям в чистой выгоде, возникающим в ходе их взаимодействия. Существует несколько моделей экономического поведения индивидов, содержащих механизмы общественной координации.

Первая модель, основанная на методологии английского экономиста и философа А. Смита, строится на признании компенсаторной роли заработной платы в качестве основы экономического поведения субъекта. Функционирование модели детерминируется пятью главными условиями, которые «компенсируют малый денежный заработок в одних занятиях и уравновешивают большой заработок в других: 1) приятность или неприятность самих занятий; 2) легкость и дешевизна или трудность и дороговизна обучения им; 3) постоянство или непостоянство занятий; 4) большее или меньшее доверие, оказываемое тем лицам, которые занимаются ими; 5) вероятность или невероятность успеха в них». Эти условия определяют баланс действительных или воображаемых выгод и издержек, на которых основывается рациональный выбор индивида. Альтернативные варианты, выбираемые в каждом из пяти условий зарабатывания денег исходя из склонностей и предпочтений людей, определяют их экономическое поведения.

Анализ экономического поведения индивида в контексте методологии А. Смита показывает, что в отечественной экономике в процессе становления рыночных отношений явно доминируют два базовых типа экономического поведения. индивидов: дорыночный и рыночный.

Дорыночный тип поведения характеризуется формулой

«гарантированный доход ценой минимума трудовых затрат», или «минимум дохода при минимуме трудовых затрат».

Рыночный тип поведения характеризуется формулой «максимум дохода ценой максимума трудовых затрат».

Псевдорыночный тип экономического поведения характеризуется формулой «максимум дохода ценой минимума трудовых затрат».

Вторая модель, основанная на методологии американского экономиста П. Хейне, исходит из того, что экономический образ мышления имеет четыре взаимосвязанные особенности: люди выбирают; только индивиды выбирают; индивиды выбирают рационально; все общественные отношения можно трактовать как рыночные отношения. Названные условия создают определенный баланс действительных или воображаемых выгод и издержек, на которых основывается рациональный выбор индивида. Делая этот выбор, индивид предпринимает действие, которое принесет ему в соответствии с его ожиданиями наибольшую чистую пользу. При этом чем серьезнее экономические обоснования выбора, тем больше вероятность того, что он будет рациональным.

Необходимыми свойствами — ограничениями экономической теории П. Хейне являются, во-первых, признание безусловной рациональности человека; во-вторых, абсолютизация рационального выбора; в-третьих, акцентирование внимания на возможности осуществления выбора единичным индивидом. Осуществляя рациональные выборы, основанные на ожидании чистой выгоды, индивиды предпринимают определенные действия, прогнозируемые другими людьми. Когда пропорция между ожидаемой выгодой и ожидаемыми затратами на какое-либо действие увеличивается, то люди совершают его чаще, если уменьшается — реже. Тот факт, что почти каждый предпочитает большее количество денег меньшему, неимоверно облегчает весь процесс; деньги здесь подобны смазочному материалу, крайне важному для механизма общественного сотрудничества. Умеренные изменения денежных затрат и денежных выгод в тех или иных

случаях могут побудить большое число людей изменить свое поведение таким образом, что оно окажется лучше согласованным с действиями других людей, осуществляемыми в то же самое время. В этом и заключается главный механизм сотрудничества между членами общества, позволяющий им обеспечивать удовлетворение своих потребностей, используя доступные для этого средства.

Ограниченность объяснительных возможностей экономической теории П. Хейне преодолевается в ходе создания социологизированной модели экономического поведения. Последняя включает в себя: во-первых, действия, детерминированные коллективным выбором; во-вторых, иррациональные выборы индивидов, которые часто имеют место в жизни и связаны с присутствием в структуре человеческой психики компонентов бессознательного; в-третьих, действия, детерминированные экономическими интересами и социальными стереотипами. Согласно этой модели выбор индивидов в реальной ситуации определяется: состоянием баланса рационального и эмоционального в экономическом мышлении; подвижностью равновесия нормативного и индивидуального в социальном стереотипе; наконец, более глубинными причинами (часто не зависящими от них) — их экономическими интересами. Преследуя свои экономические интересы, люди приспосабливаются к поведению друг друга, соблюдая принятые правила игры, адаптируются к меняющейся ситуации, стремясь получить максимальную чистую выгоду (за вычетом издержек) в результате своих выборов.

Анализ экономического поведения индивидов в контексте методологии П. Хейне позволяет создать типологию экономического поведения индивидов исходя, например, из оценки различными группами безработных того, что значила для них прежняя профессия как ценность. В ходе анализа выявлены, на этом основании, стратегии прагматического, профессионального и безразличного поведения лиц, потерявших работу. Стратегия прагматического поведения формируется на основе целевой

установки… достичь материального благополучия и сделать карьеру.

Стратегия профессионального поведения исходит из установки получить интересную работу в будущем.

Стратегия безразличного поведения исходит из того, что нужно просто получить образование.

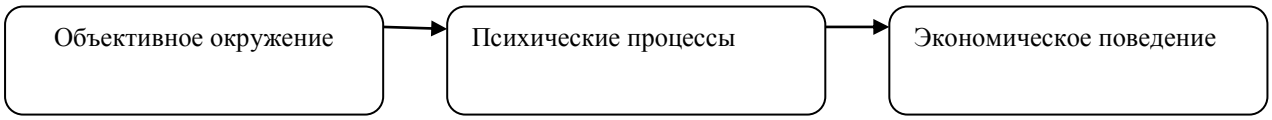
Каждая из рассмотренных моделей содержит необходимое количество системных компонентов, взаимодействие которых создает устойчивую структуру типов экономического поведения индивидов. Действие каждой модели экономического поведения подчинено определенному социальному механизму регулирования экономических отношений, что открывает возможности научного управления ими, повышает надежность прогностических оценок и создает предпосылки для прогрессивного изменения практики.

Психология: учебник для экономических вузов / под общ. ред. В. Н. Дружинина. СПб., 2000. С. 488-490.

Часть VI. Экономическая психология

Детерминанты экономического поведения

Дж. Катона, по общему мнению являющийся родоначальником научного подхода к исследованию, предложил базовую экономико-психологическую парадигму, которая дает представления о факторах, влияющих на экономическое поведение.

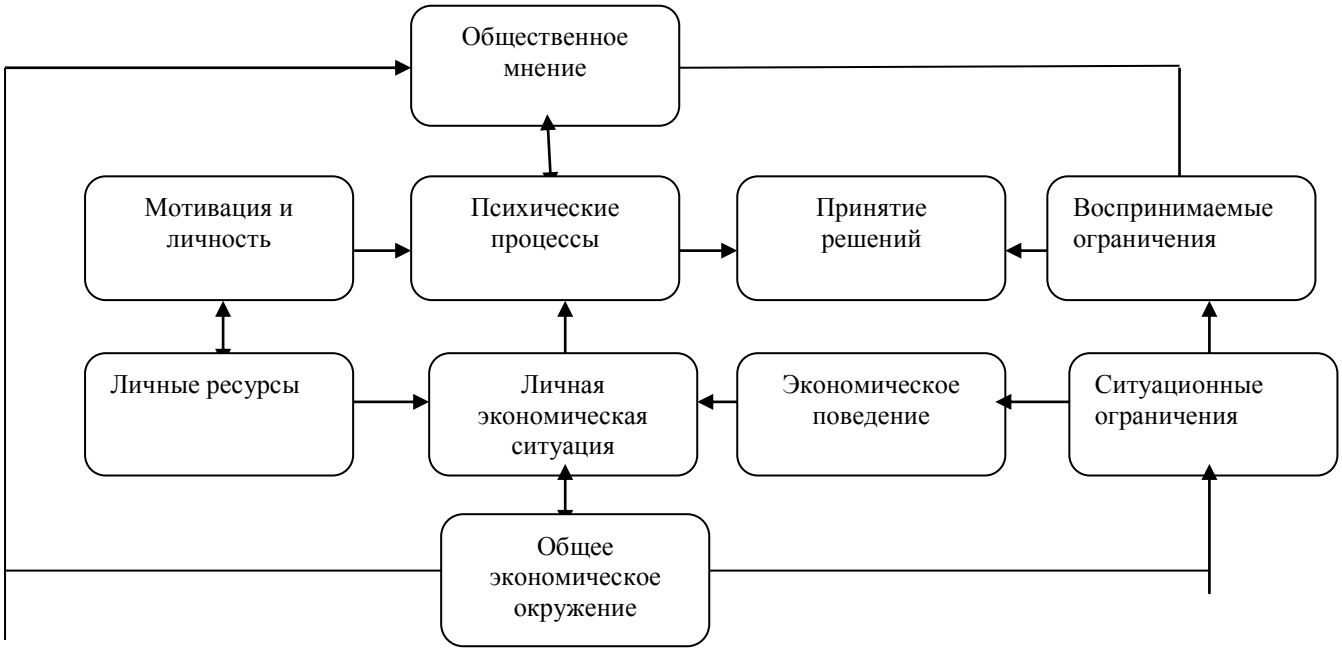


Базовая модель экономического поведения Дж.Катоны (1964)

Эта парадигма предполагает, что объективное окружение (доход, имущество, особенности и возможности работы, социоэкономический

статус) влияет на психические процессы и субъективное экономическое благополучие членов общества, а установки и ожидания относительно личной ситуации и экономики в целом влияют на экономическое поведение, т. е. на потребительский спрос и накопление. Эта модель использовалась Дж. Катоной для предсказания потребительского спроса на основе результатов опросов относительно дохода и экономических установок людей.

На основе этой модели Х. Антонидес (1991) предложил структурную парадигму, в которой объективные и субъективные факторы и процессы, влияющие на экономическое поведение, разведены.



Структура экономического поведения в объективном и субъективном плане по Х. Антонидесу (1991)

Объективные факторы и процессы этой модели представляют собой то, чем обычно занимается экономическая наука. Они могут непосредственно наблюдаться, независимо измеряться и подвергаться статистическому анализу.

Субъективные факторы и процессы можно выявлять и измерять как непосредственно, не используя опросы, тесты, интервью, отчеты человека о том или ином жизненном опыте, физиологическое обследование и т. п., так и

косвенно, делая выводы на основе поведения людей, используя методы эксперимента, наблюдения.

Ситуационные ограничения (общие экономические — бюджет, местоположение, нехватка времени и т. д.) влияют на экономическое поведение. Например, исследования спроса на товары и услуги в зависимости от уровня цен и дохода. Экономическое поведение воздействует на личную экономическую ситуацию. В частности, оплачиваемая работа приносит определенный доход, а покупаемые товары повышают личное благосостояние. Личная экономическая ситуация многих людей создает общее экономическое окружение, а последнее влияет на личную экономическую ситуацию. Например, налоговая система по-разному воздействует на экономическую ситуацию каждого человека. Общее экономическое окружение влияет на ситуационные ограничения. В частности, процентные ставки могут воздействовать на пределы залога для индивида, налагаемые банком.

Личные ресурсы включают всю историю жизни человека, его образование, семейное положение, возраст, пол и т. д.

Социодемографические факторы играют важную роль в маркетинговых исследованиях поведения потребителей. Они напрямую влияют на личную экономическую ситуацию.

В качестве субъективных представлены психологические факторы, влияющие на принятие экономических решений. Данный элемент является нейтральным, напрямую определяющим экономическое поведение. На этом этапе вся доступная информация сводится в целое, сравниваются и оцениваются альтернативные варианты поведения и их последствия, возможные выгоды и затраты.

Мотивы и личность формируются и развиваются с раннего детства, возможно в сочетании с наследственными факторами, поэтому данный элемент включает в себя биологическую, социальную, когнитивную мотивацию, рассматриваемую как расхождение между реальным и желаемым

состоянием. Личностные и мотивационные факторы воздействуют на психические процессы.

Общественное мнение включает в себя формирующиеся взгляды относительно социальных, политических, экономических и культурных аспектов жизни, например обычаи, этические нормы, общепринятые правила поведения, имидж фирм и отдельных людей. Для формирования общественного мнения используются средства массовой информации, процессы коммуникации, исследовательские организации.

На уровне психических процессов общественные взгляды и требования сравниваются с индивидуальными установками, мотивами и целями. Связь между этими двумя элементами модели двусторонняя. Сюда можно отнести процессы социального сравнения, восприятия других людей и групп, межличностного и межгруппового взаимодействия.

В экономической психологии большое внимание уделяется таким психическим процессам:

— процессы восприятия и переработки информации, получаемой извне и сравниваемой со своими представлениями и опытом;

— формирование и изменение установок, оценочных сведений относительно различных объектов, людей, идей;

— ожидания как оценки и неопределенное знание о будущих событиях и возможном их развитии;

— когнитивные представления;

— влияние эмоций на восприятие и оценку информации и на поведение в целом;

— процессы научения;

— процессы атрибуции (приписывания) причин тех или иных событий.

Воспринимаемые ограничения — это то, что на субъективном уровне сдерживает, сковывает, ограничивает человека, принимающего решение, например физические и психологические затраты и усилия. Психические процессы и воспринимаемые ограничения оказывают влияние на принятие

решения.

Субъективные и объективные факторы связаны между собой посредством восприятия и интерпретации окружающего мира и реализации решений в действии. Личная экономическая ситуация оказывает воздействие на психические процессы, а принятые решения — на экономическое поведение. С одной стороны, социоэкономическая среда (личные ресурсы) влияет на личность и мотивацию человека, с другой — мотивы и личность определяют выбор места учебы и работы (социоэкономическую среду).